

А. Г. СМЕРНОВА

**МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ
ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ
В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Ярославль
2016

УДК 327.88
ББК Ю95+Ф4(0)
С50

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *Е. Б. Шестопал*
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
кафедра социологии и психологии политики);
д-р полит. наук, проф. *Ю. А. Головин*
(Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
кафедра социально-политических теорий)

Смирнова, Анна Геннадьевна.

С 50 **Механизмы конструирования политическими лидерами
внешней угрозы в межгосударственных отношениях** : монография /
А. Г. Смирнова ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль :
ЯрГУ, 2016. – 420 с.

ISBN 978-5-8397-1071-9

В книге представлены результаты исследования, направленного на изучение механизмов конструирования политическими лидерами внешней угрозы в межгосударственных отношениях. Автор ищет ответ на вопрос: почему государства по-разному оценивают одни и те же угрозы? В качестве теоретической основы исследования взята за основу конструктивистский подход. Доказано, что угроза представляет собой конструкт, который возникает в результате интерпретации политическим лидером международной ситуации. В созданной интерпретации содержатся образы тех государств, которые связаны отношениями угрозы. При этом в качестве пред-конструкций выступают правила и нормы, образы и представления, устойчивые паттерны взаимодействия и сложившаяся система неравенства, определяющие позицию государства в международной системе. Конструирование угрозы осуществляется посредством механизмов социального сравнения, рефлексии, эмпатии и каузальной атрибуции. В рамках эмпирического исследования изучается процесс конструирования угрозы распространения ядерного оружия на примере ядерной программы Ирана.

Монография предназначена для специалистов в области политологии, политической психологии, социологии международных отношений.

УДК 327.88
ББК Ю95+Ф4(0)

ISBN 978-5-8397-1071-9

© Смирнова А. Г., 2016
© ЯрГУ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. УГРОЗА И ЕЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К КОНСТРУИРОВАНИЮ	19
1.1. Определение понятия угрозы	19
1.2. Особенности онтологического и эпистемологического статуса угрозы	33
1.3. Основные направления изучения восприятия угрозы	47
1.3.1. Непсихологические теории восприятия угрозы ...	48
1.3.2. Психологические объяснения восприятия угрозы ...	63
1.4. Угроза как конструкт	93
1.5. Конструирование угрозы в сфере внешней политики	105
Глава 2. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ КАК ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА	112
2.1. Проблема образа государства в сфере внешней политики ..	114
2.2. Психологическая структура образа государства	124
2.3. Содержание образа государства	137
2.4. Особенности структуры образа государства в ситуации внешней угрозы	143
2.5. Особенности содержания образа государства в ситуации внешней угрозы	159
Глава 3. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРАЦИИ	173
3.1. Определение социальной структуры в конструктивистских теориях	173
3.2. Социальная обусловленность познания	184
3.3. Социальная обусловленность конструирования образа государства на национальном уровне	204
3.4. Социальная обусловленность конструирования образа государства на международном уровне	226
3.5. Структуризация социального пространства угрозы	240
3.6. Механизмы конструирования угрозы	256

Глава 4. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГРОЗЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА)	274
4.1. Угроза распространения ядерного оружия как объект исследования	274
4.2. Программа эмпирического исследования	278
4.3. Особенности конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия в 2003–2006 годах	288
4.3.1. Идеальное, интеракционное, нормативное и стратификационное измерения конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия	288
4.3.2. Механизмы конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия	303
4.4. Особенности конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия в 2003–2006 годы	315
4.4.1. Идеальное, интеракционное, нормативное и стратификационное измерения конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия	315
4.4.2. Механизмы конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия	330
4.5. Особенности конструирования президентами России и США «иранской угрозы» в 2013–2014 годах	336
4.5.1. Особенности конструирования иранской угрозы Президентом России В. В. Путиным в 2013–2014 годах	336
4.5.2. Особенности конструирования иранской угрозы Президентом США Б. Обамой в 2013–2014 годах	350
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 370
 ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	 376

ВВЕДЕНИЕ

В книге рассматриваются механизмы конструирования политическими лидерами внешней угрозы безопасности. Предпринимается попытка понять, каким образом политики приходят к выводу о том, что конкретные события или действия других государств, их коалиций, международных институтов представляют угрозу или, наоборот, не сопряжены с опасностью.

Наиболее резонансные события XXI в., ставшие предметом внешней политики ряда влиятельных государств (например, иракский кризис 2002–2003 гг., северокорейская и иранская ядерная программы, ливийский и сирийский кризисы, украинский кризис), подтверждают существование различий в восприятии угроз. Подобные различия затруднили поиск эффективной стратегии их разрешения. Так, иранская ядерная проблема, к разрешению которой спустя десятилетие (14 июля 2015 г.) смогли прийти Иран и «шестерка» международных посредников (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия, Китай), выявила существование у ведущих государств разных точек зрения относительно угрозы распространения ядерного оружия.

Приведенный пример интересен тем, что, с одной стороны, ядерные технологии давно «стигматизированы» как обычными людьми, так и политиками, выступающими против их бесконтрольного распространения, особенно в военных целях. Как следствие, прилагательное «ядерный» зачастую по умолчанию воспринимается как «угрожающий». С другой стороны, политики и представители экспертного сообщества на практике в ходе оценки этой категории угроз расходятся во мнениях по поводу как источника опасности, так и вероятности нанесения ущерба. История распространения ядерного оружия позволяет сделать вывод, что действия политиков в отношении стран, стремящихся в «ядерный клуб», зависели и от того, какое государство принимало решение приобрести ядерное оружие. США и другие представители мирового сообщества добились отказа от ядерного оружия или программ по его созданию от ЮАР, Бразилии, Аргентины, Южной Кореи, Тайваня, Ливии, Ирака, республик бывшего СССР. При этом признаваемый факт наличия

у Израиля ядерного оружия не становился предметом обсуждения или решительных действий. Если обладание ядерным оружием одними странами считается неопасным (Индия), то другими – угрожающим и недопустимым (Пакистан, Иран, Северная Корея).

Сказанное означает, что события или действия акторов сами по себе не создают угрозу, поскольку они от природы не угрожающие, а становятся угрожающими, будучи *обозначенными* в качестве таковых.

В связи с этим возникают вопросы: как происходит такой процесс и какие механизмы лежат в его основе?

Поставленная проблема не нова и имеет длительную и весьма плодотворную историю разработки в разных отраслях науки, и прежде всего в политологии. Многие ученые внесли значительный вклад в понимание сущности угрозы, а также механизмов ее восприятия как отражения действительности под влиянием личностных, социально-психологических, социальных, нормативных, политических и других факторов¹.

Однако на рубеже XX–XXI в. проблема восприятия угрозы получила «второе рождение», которое обусловлено переосмыслением понятия безопасности в условиях сложившегося «общества риска».

Основная особенность угроз в «обществе риска» состоит в том, что они имеют *структурный* характер, т. е. представляют собой «побочный эффект» тех мер, которые ранее были направлены на обеспечение безопасности. Иначе говоря, современное общество само продуцирует источники опасности, становится проблемой для самого себя². В этом проявляется также *рефлексивный* характер угроз.

Отмеченные особенности позволяют обозначить еще некоторые черты, свойственные угрозам в «обществе риска».

Первая особенность состоит в том, что изменилось восприятие источников опасностей, которое обусловило переход от их

¹ Boulding K. E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53, N 2. P. 424–434; Singer J. D. Threat-Perception and Armament-Tension Dilemma // Conflict Resolution. 1958. N 2. P. 90–105; Pruitt D. G. Threat Perception, Trust and Responsiveness in International Behavior: Technical report, N 11 / Office of Naval Research. Washington (DC), 1964; Cohen R. Threat Perception in International Crisis.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 22.

традиционного «узкого» определения, предполагающего анализ геостратегических угроз национальной безопасности государства, к *расширительной интерпретации*³. Она предполагает включение в перечень объектов безопасности не только государство, общество и личность, но и широкий круг источников опасностей в технологической, информационной, экономической, экологической, социальной и культурной областях⁴.

Вторая особенность заключается в том, что угрозы понимаются в качестве *рисков*, т. е. характеризуются неопределенностью последствий и оптимальных стратегий обеспечения безопасности. Неопределенность, в частности, обусловлена тем, что возникли *новые опасности*, с которыми человечество не встречалось ранее или разрушительное воздействие которых пока еще не доказано, а в ряде случаев – не осознано. В качестве примера может выступать причинение вреда здоровью продуктами, которые содержат генетически модифицированные организмы. Кроме того, традиционные угрозы приобретают *новые черты*. К подобной категории угроз относится возникновение разновидности вирусов уже известных заболеваний (атипичная пневмония, свиной грипп).

Изменениям подвергается и *приоритетность угроз*. В частности, такие источники опасности, как терроризм, деятельность транснациональных криминальных группировок, эпидемии заболеваний, могут быть охарактеризованы как более вероятные в современном мире, нежели угроза ядерной войны, которая выступила базовым элементом концепции безопасности в период «холодной войны»⁵. «Знаковыми» в XXI в. стали угрозы, обусловленные совершенствованием компьютерных технологий и повышением роли информации в жизни человека, дефицитом природных

³ Global Threat Perception: Elite Survey results from Canada, China, the European Union, France, Germany, Italy, Japan, Russia, the United Kingdom and the United States: Garnet Working Paper / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. 2007. 18 July. P. 10, 19.

⁴ Переосмысляя современность: Материалы международной конференции (II) // ПОЛИС: политические исследования. 2003. № 3. С. 14–32; XXI век – вызовы и угрозы / под ред. В. А. Владимирова. М., 2005.

⁵ *Krahmann E.* From State to Non-State Actors: the Emergence of Security Governance // *New Threats and New Actors in International Security* / ed. by E. Krahmann. New York, 2005. P. 3–22.

ресурсов, в частности нефти, угрозы в экономической сфере, которые приобрели глобальный характер.

Трансформировались также и ключевые компоненты угрозы. По мнению некоторых исследователей, угрозы в современном мире характеризуются «десубъективацией»⁶. Иначе говоря, зачастую отсутствует явный субъект, от которого исходит намерение причинить вред, либо субъекта невозможно определить, как, например, в случае идентификации источника кибер-угроз. Отмеченная особенность связана с трудностями по локализации источника опасности в пределах какого-либо государства или региона либо с действием на международной арене негосударственных акторов и невозможностью применить в отношении них нормы и правила, традиционные для межгосударственного взаимодействия. Международный терроризм представляет пример десубъективации угрозы. Зачастую не всегда точно известно, кто принимал решение о совершении терактов и кто несет за них ответственность.

Угрозы в «обществе риска» характеризуются также *утратой или слабой выраженностью компонента намерения*. Она проявляется по-разному. С одной стороны, стихийные бедствия, экологические катастрофы, вспышки заболеваний вряд ли можно расценить как чье-то намерение причинить вред. Перечисленные источники опасности корректнее было бы определить в качестве структурных угроз, порождаемых средой. С другой стороны, даже если возможно определить, от кого исходит намерение причинить вред, его редко формулируют открыто. Более того, существуют такие угрозы, как, например, возможность применения оружия массового уничтожения, которые необходимо своевременно распознать и предотвратить, пока намерение причинить вред еще не сформировано.

Перечисленные особенности обуславливают поддержание высокого уровня *неопределенности*, в условиях которой осуществляется познание угроз безопасности. Е. Крэхман акцентирует значимость неопределенности в познании угроз. Она определяет их как «известные риски»⁷.

⁶ Переосмысляя современность... С. 17.

⁷ *Krahmann E.* Beck and Beyond: Selling Security in the World Risk Society // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. P. 9.

Неопределенность угроз приводит к тому, что практически любая ситуация в области безопасности становится объектом множественных трактовок, которые сами по себе чреватые новыми рисками. В частности, У. Бек отмечает, что реальность рисков определяется их дискуссионной природой: «они становятся реальными благодаря противоречивым суждениям различных групп и общностей»⁸.

Отмеченное свойство угроз в «обществе риска» способствует их *политизации*. Сущность политики не только связана с организацией практик по конкуренции и согласованию политических курсов, но и предполагает «организацию политических дискурсов»⁹. Применительно к проблеме угрозы политизация находит отражение в том, что разные агенты могут принимать участие в *выработке дефиниций опасностей*. При этом в таком процессе наиболее влиятельными оказываются те, кто владеет информацией (СМИ, представители экспертного сообщества) и, следовательно, властью. Например, Д. Биго обсуждает проблему возвращения экспертов, советников по безопасности на позиции, которые позволяли бы им управлять внешними угрозами и обрести символическую власть¹⁰.

Возможности использования рисков и угроз безопасности в качестве стратегии управления обществом раскрываются в концепции «правительности» (governmentality)¹¹ М. Фуко. В основе этого конструкта сочетаются идеи управления и умонастроения. В частности, автор ссылается на возникновение специфической стратегии управления, суть которой состоит в том, чтобы не только отдавать приказания и добиваться их выполнения, но и учитывать способность подчиненных к самоуправлению¹². В результате пра-

⁸ Бек У. Инсценировка глобальных рисков // Union Magazine. 2009. N 1. P. 24.

⁹ XXI век: Перекресток мировой политики / отв. ред. М. А. Неймарк. М., 2014. С. 5.

¹⁰ Биго Д. Проблема безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы / под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 266–306.

¹¹ Донзю Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире // ЛОГОС. 2008. № 2 (65). С. 3–4.

¹² O'Malley P. Governmentality and Risk // Social Theories of Risk and Uncertainty / ed. by J. O. Zinn. Malden (MA), 2008. P. 52–75; Foucault M. Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago, 1991. P. 87–104.

вительственные структуры должны стремиться к балансу двух процессов управления – внешнего и самоуправления, т. е. совместить внутреннюю логику развития событий и свои усилия направить это развитие в нужное русло.

В свою очередь, акцент на мыслительной деятельности предполагает анализ познавательных процессов, сопряженных с принятием управленческих решений: как понимается суть проблемы? как воспринимаются группы людей, которые заинтересованы в ее разрешении? какие способы решения возможны? какой исход ситуации рассматривается как желательный? Иначе говоря, управление предполагает конструирование определенной проблемы и путей по ее разрешению. М. Фуко подчеркивает, что репрезентации проблемы представляют мир как управляемый. Другими словами, проблемы конструируются так, чтобы сделать их объектами практических решений. Как следствие, репрезентации предполагают выработку технологий по разрешению проблем.

Возможности использования рисков и угроз безопасности в качестве стратегии управления особенно ярко отражены в понятии «секьюритизация»¹³. Появление такого термина связано с работами представителей Копенгагенской школы, которые полагают, что любая проблема общественного развития может быть определена либо как неполитизированная, т. е. не предполагающая участие государства в ее разрешении и не вызывающая широкого обсуждения, либо как политизированная. Политизация проблемы означает, что она становится частью публичной политики, требует правительственных решений, выделения ресурсов на ее разрешение. Секьюритизация представляет собой такую форму политизации проблемы, когда последняя начинает рассматриваться как угроза существованию, для устранения которой требуется применение чрезвычайных мер, выходящих за пределы установленных политических процедур¹⁴. При этом важно отметить, что отмеченный феномен возникает не только в условиях реальной угрозы, но и в тех случаях, когда проблема лишь представлена в качестве таковой.

¹³ Buzan B., Weaver O., Wilde J., de. Security: a New Framework for Analysis. London, 1998. P. 23–36.

¹⁴ Ibid. P. 23–24.

Процесс секьюритизации может быть зафиксирован посредством анализа дискурса. Проблема приобретает статус угрозы безопасности в контексте применения субъектом особого речевого высказывания, в котором признается наличие опасности, а также выражается настоятельное требование уделить пристальное внимание факту ее существования. В нем также должен содержаться запрос на использование экстраординарных, нестандартных средств, позволяющих обеспечить безопасность. Процесс считается завершенным, когда категоризация события как содержащего угрозу и призыв принять соответствующие меры по ее нейтрализации получают поддержку населения, представителей политической и научной элиты, средств массовой информации.

Значимость рассматриваемого феномена заключается в признании того факта, что угрозы безопасности представлены субъекту в интерпретациях, конструируемых посредством языка. Как подчеркивает Х. Мюллер, «мы можем описывать и анализировать только дискурс, не имея надежды обнаружить за словами реальные вещи»¹⁵. Сделанный вывод вносит вклад в изучение механизмов восприятия угрозы. Кроме того, он позволяет утверждать, что секьюритизация проблемы может служить средством манипулирования общественным мнением или политическими оппонентами с целью получить определенные преимущества в сложившейся ситуации. Перевод проблемы пьянства в ранг угрозы национальной безопасности может стать основанием для выделения значительного количества средств на борьбу с ней.

Процесс репрезентации политических, экономических и социокультурных проблем как угроз безопасности неразрывно связан с *конструированием образа жертвы*¹⁶. В качестве таковой выступают отдельные индивиды, группы и даже государства, которые пострадали в результате действий противоборствующих сторон.

¹⁵ Muller H. Security Cooperation // Handbook of International Relations / Ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. A. Simmons. London; New Delhi, 2002. P. 382.

¹⁶ См.: Козырев Г. И. Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 63–73; Московиси С., Перес Х. Социальные меньшинства в роли жертвы: социально-психологический анализ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: РЖ / РАН. 2008. № 3. С. 107–116.

При этом факт их страдания должен обрести социальную значимость и для участников конфликта, и для самой широкой общечеловеческой ответственности. Секьюритизация проблемы и конструирование образа жертвы, например, приобретают значение в ходе принятия решения о вмешательстве в конфликт, протекающий на территории другой страны. Как известно, в современном мире количество проводимых миротворческих операций меньше, чем существующих конфликтов. Такое обстоятельство служит подтверждением ключевой роли, которая принадлежит политическим акторам в принятии решения относительно того, какой конфликт станет частью дискурса безопасности и войдет в число приоритетных направлений внешней политики. Как и при секьюритизации, конструирование образа жертвы возможно только тогда, когда представленная репрезентация проблемы получит поддержку внутри страны и среди международной общественности и будет соответствующим образом освещена средствами массовой информации.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что формулировка угроз безопасности выступает в качестве важной стратегии управления социальными и политическими процессами в «обществе риска» в условиях свойственной ему высокой степени неопределенности. Иначе говоря, определяя приоритетные угрозы и способы противодействия им, политики, эксперты, СМИ пытаются управлять процессами, которые свойственны природе подобного общества.

Вместе с тем рассмотрение процессов управления последствиями угроз в условиях «общества риска» приводит к постановке проблемы факторов, которые лежат в основе конструирования проблем в области безопасности.

Любая угроза (связана ли она с возможностью утраты части территории государства, потерей армии, экологической катастрофой, увеличением количества мигрантов или девальвацией национальной валюты) приведет в конечном итоге к постановке вопроса о том, сможет ли социальная общность в сложившихся условиях продолжать рассматривать себя в качестве «мы». При этом неизбежной окажется и апелляция к государству, которое, как ожидается, должно способствовать сохранению идентичности. Таким образом, *идентичность социальных общностей* – это отправная точка по-

знания собственной безопасности, определения сфер уязвимости и возможных источников угроз. Сказанное означает, что разные общности характеризуются своими особыми сферами уязвимости и перечнем угроз в зависимости от того, «как сконструированы их идентичности»¹⁷. Теоретическим основанием для формулировки подобной гипотезы выступает представление об участниках международных отношений как *этноцентричных субъектах*.

Феномен этноцентризма отражает склонность представителей этнической группы воспринимать и оценивать происходящее сквозь призму традиционных ценностей и норм собственной группы. Как правило, об этноцентризме идет речь при наличии двух основных аспектов: 1) признании своей группы в качестве эталонной, референтной для оценки других этносов и 2) восприятии других групп худшими. Таким образом, с точки зрения этой теории образ мира строится с позиций субъекта, который формирует положительной образ себя и тех, кого он относит к ин-группе. В результате основой для понимания действий других акторов и их оценки выступает представление субъекта о самом себе, его идентичность.

Перечисленные особенности угроз в «обществе риска» позволяют сделать вывод, что их возникновение связано с конкуренцией социальных общностей, обладающих разным уровнем материального и символического капитала, за производство значений в области безопасности. При этом такой процесс представляет неотъемлемую часть управленческой стратегии в «обществе риска». Как следствие, в нем наблюдаются процессы *конструирования* угрозы. Они связаны с осмыслением фактов объективной действительности о намерениях и возможностях причинения вреда, уязвимости и размерах причиненного ущерба с точки зрения системы значений, соответствующих социальной и политической структуре общества. Важно подчеркнуть, что, поскольку эти процессы подразумевают обсуждение экономических, политических и социальных последствий угроз, конкуренция за формулировки основных источников опасности сопряжена с борьбой за власть в сферах

¹⁷ Buzan B., Weaver O., Wilde J., de. Security: a New Framework for Analysis. P. 124.

внутренней политики и международных отношений¹⁸. Осмысление таких процессов и лежащих в их основе механизмов представляет актуальную проблему.

Понимание угроз, возникающих в результате конструирования реальности, основывается на утверждении, что они представлены одновременно в сферах объективных физических событий, субъективных переживаний, социальной и политической реальности.

Физический «базис» угроз составляют показатели возможностей причинить вред, уязвимости субъектов перед опасностями и величины ущерба. *Субъективная составляющая* угрозы отражена в когнитивных, эмоциональных и поведенческих последствиях переживания опасностей членами общества. *Социальная составляющая* угрозы представлена совокупностью феноменов и процессов на микро-, мезо- и макроуровнях. На микроуровне она рассматривается сквозь призму процессов социального взаимодействия и коммуникации субъекта, формулирующего намерение причинить вред, и субъекта, в отношении которого оно направлено. На мезоуровне угрозы анализируются с точки зрения различий в восприятии опасностей представителями социальных общностей¹⁹, а также существования социального неравенства в распределении рисков и угроз. На макроуровне осуществляется проблематизация угроз в условиях «общества риска». *Политическая составляющая* отражена в продуцировании и применении акторами дискурсов безопасности в борьбе за власть.

Обозначенные нами составляющие угрозы дают основание определить ее как «выводное» знание, социальный конструкт, возникающий в результате антиципации социальными субъектами неблагоприятного развития событий и управления ими в условиях реальности конкретного общества, его социальной и политической структуры на микро-, мезо- и макроуровнях. В связи с этим акту-

¹⁸ Бек У. Общество риска... С. 26–27.

¹⁹ См., напр., проекты: Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. М., 2008; Задорин И. В., Шубина Л. В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет // Полития. 2006. № 3. С. 29–38; Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран G8 (Международное агентство «Евразийский монитор») – URL : <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-123.html>

альность исследований угрозы состоит в необходимости разработать интегративный подход к изучению феномена угрозы с учетом его основных составляющих. Существенный научный потенциал для решения поставленной задачи связан с применением конструктивистского подхода.

Вместе с тем его использование для изучения конструирования угрозы как многоаспектного феномена связано с трудностями, которые обусловлены тем, что сами процессы конструирования реальности требуют дальнейшего осмысления. В частности, конструирование реальности объединяет две группы процессов. Первая связана с восприятием и типизацией социальных фактов. Вторая предполагает превращение субъективных значений и действий в более или менее устойчивые формы поведения, социального взаимодействия посредством институционализации типичных действий. В результате создается объективированный социальный мир, который интериоризируется индивидами в ходе социализации. Отмеченные процессы взаимосвязаны и обозначают этапы конструирования социальной реальности. Однако, как подчеркивает Ф. Коркюф, «на протяжении длительного времени оба процесса рассматривались изолированно»²⁰. Поставленная проблема актуальна также для изучения угрозы и связана с необходимостью разработки *интегративной концепции*, которая позволила бы установить взаимосвязи психологических (в первую очередь когнитивных), социальных и политических процессов конструирования внешней угрозы.

Востребованность такой концепции особенно высока в сфере анализа процессов познания внешних угроз в межгосударственных отношениях. В традиционных исследованиях, рассматривающих сущность познания угрозы как восприятие, основное внимание направлено на изучение факторов, действующих преимущественно на индивидуальном уровне. К их числу относятся мотивы субъекта, его эмоциональные состояния, прошлый опыт, познавательные способности, убеждения и другие. Как следствие, ошибки восприятия и различия в оценках угрозы берут начало в индивидуально-личностных особенностях субъектов познания.

²⁰ Коркюф Ф. Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2002. С. 113.

Однако при изучении внешней угрозы в межгосударственных отношениях целесообразно обратиться к концепции трех уровней анализа К. Уолтца²¹, согласно которой международные процессы могут быть изучены на индивидуальном, государственном и системном уровнях. В результате политический лидер, выступающий от имени страны на международной арене, помимо переменных индивидуально-личностного уровня, испытывает воздействие факторов, действующих на национальном и системном уровнях.

Исследования познания угрозы на перечисленных уровнях анализа немногочисленны. Например, восприятие угрозы и допущенные при этом ошибки связываются с характеристиками внутривнутриполитической ситуации в стране, уровнем интеграции политических элит и общества в целом²². Изучается влияние общественного мнения на эффективность реализации угрозы во внешней политике²³. Описаны ошибки восприятия, обусловленные особенностями процесса переработки информации в организациях²⁴. Однако, несмотря на то что проведенные исследования раскрыли значимость внутривнутриполитических факторов в реализации внешней политики государств, они не позволяют составить целостное представление о механизмах восприятия угрозы в межгосударственных отношениях.

Интеграция знаний о механизмах познания угрозы на уровне индивида и переменных системного уровня анализа происходит еще менее успешно. Отмечается, что в теории баланса сил, особенно в теории баланса угроз, имплицитно присутствует процесс их оценки²⁵. При этом его содержание определено особенностями системы международных отношений. Вместе с тем перечисленные теории трактуют государства как «равноценные единицы»

²¹ *Waltz K. N. Theory of International Politics. New York, 1979.*

²² *Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton (NJ), 2006.*

²³ *Blechman B. M., Wittes T. C. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114, N 1. P. 1–30.*

²⁴ *Аллисон Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис // Теория международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 271–295; Киселев И. Ю. Политическая коммуникация на рубеже столетий. М.; Ярославль, 2002.*

²⁵ *Walt S. M. The Origins of Alliances. Itaca (NY); London, 1994.*

в системе международных отношений и тем самым нивелируют их отличия, и значит, не позволяют объяснить механизмы появления различий в оценках угрозы. Более успешные примеры интеграции индивидуальных и системных переменных представлены в работах Р. Коэна²⁶ и Р. Джервиса²⁷, которые связывают воспринятую угрозу с нарушением государствами установленных норм. Однако и в этом случае выявленные механизмы не дифференцируют субъектов с точки зрения результата восприятия угрозы и не объясняют причины возникновения различий в оценках опасности.

По нашему мнению, подобным потенциалом обладает *интегративный подход*, который позволяет рассмотреть познание угрозы на трех уровнях анализа и связать содержание когнитивных, эмоциональных и мотивационных процессов, протекающих на индивидуальном уровне в ситуации внешней угрозы, с действием нормативных, интеракционных, стратификационных и идеальных характеристик социальной и политической структуры на национальном и международном уровнях анализа. При этом концептом, позволяющим интегрировать разные уровни анализа, служит понятие *образа государства*, разработанное в контексте *теории образа*²⁸. Она устанавливает связь между образами государств, которые существуют в сознании политического лидера, и их политическим поведением²⁹.

Политический лидер, выступающий от имени государства, познает не просто «угрозу». Он формирует представление об оппоненте как имеющем намерения и возможности причинить вред,

²⁶ *Cohen R.* Threat Perception in International Crisis.

²⁷ *Jervis R.* Perceiving and Coping with Threat. P. 13–33.

²⁸ Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопап. М., 2012; *Herrmann R.* Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003. P. 285–314; *Herrmann R. K.* Perceptions and Image Theory in International Relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed.* / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 334–363; *Cottam R.* Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study. Pittsburgh (PA), 1977; *Cottam M. L., Cottam R. W.* Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States. Boulder; London, 2001.

²⁹ *Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T.* Introduction to Political Psychology. Mahwah; New Jersey; London, 2004. P. 44.

а «свое» государство воспринимает в качестве объекта этих намерений, либо им конструируются образы, которые отражают ситуацию отсутствия угрозы. В свою очередь, содержание образов было бы ошибочно считать результатом познавательной деятельности политического лидера. Образ государства в ситуации внешней угрозы отражает также и значимые аспекты национальной и международной системы: положение государства в международной иерархии (стратификационное измерение), приемлемые паттерны построения отношений (интеракционное измерение), приверженность тем или иным нормам (нормативное измерение), стремление следовать определенной системе ценностей и значений (идеальное измерение). В ситуации внешней угрозы перечисленные измерения национальной и международной политической системы, отраженные в образах взаимодействующих государств, становятся своеобразной матрицей, позволяющей осмыслить существующие опасности.

Рассмотрим этот процесс и лежащие в его основе механизмы в главах 1–4 монографии.

ГЛАВА 1

УГРОЗА И ЕЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К КОНСТРУИРОВАНИЮ

1.1. Определение понятия угрозы

Разработку концепции конструирования угрозы, которая становится предметом внешней политики, необходимо предварить рассмотрением сущности угрозы как объекта познания.

Согласно «Толковому словарю русского языка» слово «угроза» обладает двумя значениями: 1) предполагает *запугивание, обещание* причинить кому-либо *вред, зло*; 2) означает *возможную опасность*¹. Содержание понятия «угроза» в английском языке в целом повторяет русскоязычный вариант. И все же толковые словари английского языка позволяют обнаружить важные оттенки значения. Например, кроме трактовки угрозы в качестве намерения предпринять какое-либо враждебное действие, дается пояснение, что подобная декларация намерения сопряжена с причинением *боли, вреда, ущерба* или другого *наказания* в качестве *расплаты, воздаяния* за что-то совершенное или несовершенное². «Толковый словарь современного английского языка» А. С. Хорнби дополняет определение угрозы, уточняя, что намерение о наказании возникает в том случае, если *субъект ведет себя не так, как от него ожидают*³. Кроме того, угроза определяется как *угнетение, принуждение, причинение страданий*, в том числе *физических, бедственное, стесненное положение*⁴. Угроза также обозначает *модель построения отношений*

¹ Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 825.

² The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Vol. 2: N–Z / ed. by L. Brown. Oxford, 1993. P. 3290.

³ Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка (для СССР). Т. 2: M–Z. М., 1982. С. 396.

⁴ The New Shorter Oxford English Dictionary... Vol. 2. P. 3290.

в социуме, согласно которой намерение причинить вред позволяет субъекту достигать поставленных целей без развязывания открытой конфронтации.

Обобщая сказанное выше, можно выделить *характеристики угрозы*. **Первая** характеристика связана с тем, что она представляет собой *намерение*, т. е. действие еще не совершено и не обязательно будет совершено. **Вторая** характеристика состоит в том, что содержание намерения подразумевает причинение *вреда* непосредственно субъекту, а также другим субъектам или объектам материального мира, которые важны для него. Иначе говоря, угроза подразумевает только *потери*, причинение ущерба. Вместе с тем у субъекта остается возможность выбрать между уровнем потерь. Эта возможность определяется **третьей** характеристикой угрозы. Намерение причинить вред формулируется как *условие*: если субъект ведет себя так, как от него требуется, то намерение не будет реализовано. Таким образом, **четвертая** характеристика угрозы заключается в том, что в ее основе лежит *возможность наказания за нежелательное поведение*. Эта характеристика означает, что поведение, нежелательное для субъекта угрозы, может оказаться выгодным для объекта угрозы. Поэтому **пятая** характеристика угрозы состоит в том, что выдвигаемые условия призваны оказать *давление*, поставить субъекта в *стесненные обстоятельства*. Для этого субъект, формулирующий намерение причинить вред, должен располагать соответствующими *возможностями*, в качестве которых могут выступать военная сила, финансово-экономические и интеллектуальные ресурсы, человеческий капитал. В качестве средства оказания влияния рассматриваются авторитет субъекта, а также его репутация. Возможности составляют **шестую** характеристику угрозы. Ее значимость заключается в том, что она необходима для обеспечения достоверности намерения причинить вред.

Перечисленные характеристики определяют сущность угрозы как *инструмента влияния*: сформулированное намерение причинить вред позволяет субъекту достигать своих целей и управлять поведением других, при этом *не включаться в конфронтацию*. Кроме того, названные характеристики дают основания для трактовки угрозы как *разновидности субъект-субъектных отношений*. При этом в качестве субъектов могут выступать индивиды, а также малые и большие группы.

Таким образом, можно сформулировать *определение угрозы* как разновидности отношений, посредством построения которых субъект способен достигать своих целей и управлять поведением другого субъекта без применения силы. В качестве инструмента построения подобных отношений выступает намерение причинить вред другому субъекту при условии невыполнения последним поставленных требований.

Отмеченные особенности угрозы отражены и в определениях, представленных в научных работах. Например, М. Ф. Гацко, опираясь на категорию «военно-политические отношения», которая понимается как отношения между субъектами политики (как внутри государства, так и на международной арене), относящиеся к области создания, развития и использования (реального или планируемого) военной силы, дает следующее определение военной угрозы: военная угроза – «готовность одного из субъектов политики причинить ущерб жизненно важным интересам другого субъекта политики с использованием сил и средств вооруженного насилия для разрешения сложившихся между ними противоречий и получения односторонних преимуществ»⁵.

Определение угрозы требует дальнейшего уточнения с учетом значений понятий «опасность» и «риск». Для этого обратимся к трактовке угрозы как «возможной опасности».

Как отмечалось ранее, угроза представляет собой лишь намерение причинить вред, которое с равной долей вероятности может быть как приведено в исполнение, так и не реализовано. Принимая во внимание это обстоятельство, субъект, в отношении которого направлена угроза, может выполнить предъявляемые ему требования и избежать наказания или попытаться не следовать им в расчете на то, что намерение причинить вред не будет реализовано. Иными словами, поведение субъекта, в отношении которого направлена угроза, сопряжено *с риском*.

Неопределенность и риск характеризуют также и поведение субъекта, от которого исходит намерение причинить вред. Угрожая, субъект тем самым стремится избежать открытой конфронтации

⁵ Гацко М. Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношение в системе военной безопасности России // Военная мысль. 2006. № 4. С. 13.

с применением насилия. Поэтому исполнение обещанного наказания чаще всего выступает наименее приемлемым исходом развития ситуации, то есть субъект, выдвигая условия и формулируя намерение о причинении вреда, идет на риск, связанный с возможностью реализации этих намерений.

Таким образом, поведение субъектов в ситуации угрозы неразрывно связано с возможностью потерь, причинения ущерба. Вместе с тем основной мотив, который руководит их поведением и провоцирует идти на риск, заключается в стремлении *избежать потерь* или их минимизировать. Решение этой задачи осуществляется субъектом в условиях *неопределенности*. Она возникает по причине того, что действия субъекта, от которого исходит намерение причинить вред, не находясь в прямой зависимости от реакции оппонента на предъявленные ему требования. Иначе говоря, отказ от выполнения предписанных требований не всегда повлечет за собой обещанные санкции, поскольку они сопряжены с потерями для субъекта, от которого исходит угроза. Однако, если угроза не будет реализована, подобное поведение также может обернуться потерями. Как отмечает К. Боулдинг, отказ от реализации намерения причинить вред повлечет за собой восприятие угрозы как недостоверной, и в будущем будет затруднительно использовать ее вновь⁶. В подобной ситуации решения и действия субъекта, в отношении которого направлена угроза, неизбежно будут сопряжены с риском. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что риск в данном случае выступает как *атрибут* поведения субъектов в ситуации угрозы. По этой причине склонность к риску рассматривается как *характеристика личности*, которая связана с «диспозициональными <...> личностными предпосылками эффективно или охотно действовать в ситуации неопределенности»⁷.

В то же время о феномене риска можно говорить как о результате восприятия субъектами ситуации, характеризующейся определенными особенностями. В науке сложились разные представления относительно проблемы объективности, реальности риска. Так,

⁶ Boulding K. E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53, N 2. P. 424–434.

⁷ Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособие для вузов. М., 2003. С. 167.

сторонники *натуралистической парадигмы* в изучении риска определяют его как произведение объективной величины последствий на объективную вероятность их появления⁸. В свою очередь, сторонники *психометрической парадигмы* уделяют внимание восприятию риска⁹. Исследования, проведенные в русле *интерпретативной парадигмы*, еще более усиливают субъективную природу риска, рассматривая его сквозь призму индивидуальной системы значений. Как следствие, основная задача исследователей заключалась в том, чтобы определить, представляется ли ситуация рискованной для конкретного индивида, и понять, почему это происходит¹⁰. Ученые, придерживающиеся основных положений *функционалистской парадигмы*, в частности культурологической теории, полагают, что для понимания рисков важно проанализировать восприятие индивидами окружающего мира. И все же, в отличие от психометрической и интерпретативной парадигм, ее сторонники подчеркивают, что индивиды придают значение окружающей действительности не произвольным образом, а в контексте существующей социальной реальности, социальных институтов. В связи с этим многочисленные исследования позволили зафиксировать различия в восприятии риска представителями разных социальных групп¹¹.

Примером *структуралистского подхода* к пониманию риска служит концепция общества риска¹². Немецкий социолог У. Бек подчеркивает, что «общество риска есть общество, чреватое катастрофами»¹³. При этом в качестве основного источника опасностей выступают «проблемы, которые являются следствием технико-экономического прогресса»¹⁴. Иначе говоря, угрозы представляют

⁸ *Гаврилов К. А.* Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 41.

⁹ *Slovic P.* The Perception of Risk. London; Sterling, 2000; *Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S.* Facts versus Fear: Understanding Perceived Risk // Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge, 1982. P. 463–492.

¹⁰ *Гаврилов К. А.* Социологический подход к анализу риска. С. 47.

¹¹ Обзор исследований см.: *Breakwell G. M.* The Psychology of Risk. Cambridge, 2007. С. 63–72.

¹² *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 22.

собой своего рода «побочный эффект» тех мер, которые ранее были направлены на обеспечение безопасности и благополучия индивида, общества и государства. Таким образом, риски необходимо рассматривать в контексте внешней по отношению к отдельному индивиду материальной и социальной реальности. У. Бек определяет риски как «продукт исторический, отражение человеческих поступков и допущений, выражение высокоразвитых производительных сил»¹⁵. В то же время ученый подчеркивает, что риск «представляет собой механизм восприятия и познания, в соответствии с которым общество мобилизуется в условиях неизвестности, неустойчивости и затруднений, возникающих в ими же порожденном будущем»¹⁶. И хотя риск нельзя рассматривать как порожденный индивидуальным сознанием, он также не выступает категорией, поддающейся объективному измерению, а зависит от восприятия человека и его оценок. В частности, У. Бек отмечает, что «реальность риска определяется его дискуссионной природой <...> они становятся реальными благодаря противоречивым суждениям различных групп и общностей»¹⁷. Таким образом, риск возникает в результате того, что одно и то же ожидаемое событие будет по-разному оценено с точки зрения возможных последствий и вероятности их наступления.

Значимость коммуникационных процессов в возникновении рисков отмечена и в *концепции социального усиления и социальной репрезентации риска*¹⁸. Ее сторонники полагают, что риски оказывают влияние посредством не только физического воздействия, но и информационного. Акт коммуникации предполагает, что риски транслируются посредством различных сигналов (образов, символов и знаков), которые, взаимодействуя с различными психологическими, социальными, институциональными или культурными процессами, приводят к усилению или ослаблению воспринятого риска и его управляемости. Такая концепция претендует на статус

¹⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 278.

¹⁶ Бек У. Инсценировка глобальных рисков // Union Magazine. 2009. № 1. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Kasperson R. E. The Social Amplification of Risk: Progress in Developing an Integrative Framework of analysis // Social Theories of Risk / ed. by S. Krimsky, D. Golding. Westport (CT), 1992. P. 153–178; Social Amplification of Risk / ed. by N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge, 2003.

интегративной основы анализа риска, позволяющей учесть как материальные компоненты риска, представляющие собой часть объективной действительности (воздействие на экологию, отсутствие вакцины против новой разновидности вируса гриппа, износ оборудования, дефицит питьевой воды), так и те его составляющие, возникновение которых обусловлено познавательной активностью индивидов, производящих оценку рисков на основе индивидуальной системы значений или социально разделяемых знаний.

Анализ определений, представленных в различных областях знания, позволяет сделать вывод, что риск устанавливает *отношения между выигрышами и потерями* в сложившейся ситуации. Например, Р. МакДермотт формулирует следующее определение: «Само по себе понятие риска связано со страхом утратить то, что представляет ценность, или достижением желаемой цели <...> результаты могут наступить или нет и оказывать деструктивное или благоприятное воздействие»¹⁹. Е. Роса определяет риск в качестве ситуации или события, которые характеризуются тем, что какой-либо ценности человека брошен вызов и результат оказывается неопределенным²⁰.

Приведенные определения позволяют обозначить два смысловых значения понятия «риск». Первое предполагает, что риск связан с вероятностью наступления *неблагоприятных* для субъекта последствий в будущем. Подобное значение этого термина наиболее распространено и в толковых словарях. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова определяют риск как «возможность опасности, неудачи»²¹. В английском языке термин «риск» имеет схожее значение – «возможность столкнуться с опасностью, потерей, ущербом»²², «другими неблагоприятными последствиями».

¹⁹ *McDermott R.* Risk-taking in International Politics: Prospect Theory in postwar American foreign policy. Diss. Stanford. 1991. P. 5.

²⁰ *Rosa E. A.* The Logical Structure of Social Amplification of Risk Framework (SARF): Metatheoretical Foundations and Policy Implications // *The Social Amplification of Risk* / ed by N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge, 2003. P. 56.

²¹ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 679.

²² *Хорнби А. С.* Толковый словарь современного английского языка (для СССР). Т. 2: М–Z. С. 229.

поприятными обстоятельствами»²³. В то же время о риске речь идет и в том случае, если субъект стремится избежать негативного результата в сложившихся обстоятельствах и получить *выигрыш*. В этом – второе значение понятия «риск». Рисковать – «действовать наудачу в надежде на счастливый исход»²⁴, «отважиться, воспользоваться случаем»²⁵. Таким образом, с точки зрения последствий развития событий риск связан как с возможными потерями, так и благоприятными последствиями. При этом в качестве потерь могут быть расценены и неудачи в достижении желаемой цели, а шанс избежать опасности воспринимается как выигрыш.

Исход развития событий позволяет провести *различия между угрозой и риском*. Угроза всегда предполагает потери для субъекта. Если он не выполнит предъявляемые ему требования, то в его отношении будут применены обещанные санкции. Выполнение требований будет означать совершение действий, которые изначально были нежелательны для субъекта и связывались с потерями. В результате выбор в условиях угрозы направлен на то, чтобы найти вариант поведения, который принесет менее тяжелые последствия. В свою очередь, в ситуации риска остается возможность не только избежать потерь, но и получить выигрыш.

Ситуация риска характеризуется также и тем, что субъект действует в условиях *неопределенности*. Как подчеркивает Е. Роза, «невозможно говорить о риске в отсутствие понятия неопределенности»²⁶. Неопределенность, в свою очередь, связана с тем, что риск включает как нежелательные, так и желательные последствия, характеризующиеся той или иной вероятностью наступления. Приведенное понимание риска используется в работах, имеющих практическую направленность. Например, в разных изданиях, подготовленных Центром исследования проблем безопасности (Цюрих), используются следующие определения. Риск в сфере обеспечения защиты информации жизненно важной инфраструктуры – это

²³ The New Shorter Oxford English Dictionary... Vol. 2. P. 2609.

²⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. С. 679.

²⁵ Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка (для СССР). Т. 2: М–Z. С. 229; The New Shorter Oxford English Dictionary... Vol. 2. P. 2609.

²⁶ Rosa E. A. The Logical Structure... P. 56.

«функция вероятности того, что конкретный источник угрозы выявляет существование потенциальной уязвимости в конкретной области и приводит к неблагоприятным последствиям»²⁷. Б. Хабеггер определяет риск как результат потенциальной опасности и вероятности того, что неопределенное будущее событие обретет реальность²⁸. При этом важно отметить, что категоризация ситуации как неопределенной исключает те результаты, которые обязательно наступят или никогда не произойдут. Как подчеркивает Е. Роза, «мир, в котором все вероятности равны нулю или единице, не принадлежит области риска»²⁹.

Таким образом, приведенные примеры позволяют рассмотреть неопределенность в качестве базовой характеристики риска и провести его различия с угрозами. Как было показано ранее, угрозы сопряжены с поддержанием неопределенности относительно возможных действий участников взаимодействия. Захочет ли субъект, от которого исходит намерение причинить вред, реализовать его в действительности? Как будет вести себя субъект, в отношении которого направлена угроза? Отвечая на поставленные вопросы, участники тем самым оценивают угрозы как реальные, завышенные, заниженные, мнимые или неосознанные³⁰. Вместе с тем, в отличие от рисков, угрозы нацелены на то, чтобы изменить поведение субъекта в желаемом направлении, поэтому требования и возможные санкции формулируются достаточно точно. Так, основная задача субъекта, от которого исходит угроза, состоит в том, чтобы сделать ее в высокой степени достоверной, не допускающей разных толкований, т. е. несущей минимальный уровень неопределенности.

Завершая рассмотрение соотношения понятий «риск» и «угроза», можно сделать вывод, что в качестве оснований для категоризации поведения субъектов или событий как несущих угрозу или создающих риск выступают: *ожидаемый исход* и *уровень неопределенности* условий, в которых вынужден действовать субъект.

²⁷ *Dunn M., Wigert I.* The International CIIP Handbook 2004: An Inventory and Analysis of Protection Policies in Fourteen Countries. Vol. 2. Zürich, 2004. С. 250.

²⁸ *Habegger B.* Risk Analysis and Management in a Dynamic Risk Landscape // International Handbook on Risk Analysis and Management. Professional Experiences / ed. By B. Habegger. Zurich, 2008. P. 15.

²⁹ *Rosa E. A.* The Logical Structure... P. 59.

³⁰ Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. М., 2002. С. 121–123.

Различия *угроз* и *опасностей* на первый взгляд менее очевидны. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова трактует опасность как «возможность, угрозу чего-нибудь очень плохого, какого-нибудь несчастья»³¹, а прилагательное «опасный» – как «способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье»³². В английском языке опасность означает подверженность возможности причинения вреда, травмам, повреждениям или даже потере жизни³³. Еще одно значение заключается в том, что опасность рассматривается как затруднение, помеха (созданная кем-то или возникшая), нерасположение, нерушимость, непоколебимость³⁴.

Приведенные значения понятия «опасность» позволяют выявить следующие особенности этого явления по сравнению с угрозой. Так же как и угроза, опасность сопряжена с *негативными последствиями* – потерями, ущербом, причинением вреда здоровью и т. д. Однако имеются три существенных различия, которые связаны с условиями возникновения этих последствий.

Во-первых, опасность в отличие от угрозы носит *непреднамеренный* характер. Несмотря на то что источником опасности может выступать человек, его действия не несут характера умышленного причинения вреда. В качестве примера можно назвать экологические проблемы, возникшие вследствие нерационального природопользования, или действия пилота, которые привели к катастрофе. Во-вторых, опасность *безусловна*, т. е. причинение вреда не зависит от невыполнения неких предварительных требований субъекта. В-третьих, опасность *безадресна*, т. е. ее объект явно не определен³⁵. В свою очередь, угроза возникает из взаимодействия конкретных

³¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. С. 453.

³² Там же.

³³ Хорнби А. С. Толковый словарь современного английского языка (для СССР). Т. 2: М–Z. С. 217; The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by L. Brown. Vol. 1: A–M. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 591.

³⁴ The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by L. Brown. Vol. 1: A–M. P. 591.

³⁵ Гацко М. Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность»... С. 11.

субъектов, носит персонифицированный и преднамеренный характер, а одним из «движущих механизмов» взаимодействия выступают требования изменить поведение.

Названные особенности опасности дают основания предположить, что она представляет собой своего рода «фоновое состояние», которое впоследствии может быть осмыслено субъектом с точки зрения угроз и рисков. М. Гацко определяет опасность как заключающую в себе «потенциальную угрозу причинения ущерба тем или иным интересам, для реализации которых необходимо создание соответствующих условий (накопление возможностей и формирование намерений)»³⁶. По мнению ученого, опасности соответствуют уровню гипотетических или мнимых угроз³⁷. Можно предположить, что создание возможности причинить вред без формирования соответствующего намерения будет расценено в качестве рисков в области безопасности, а оформление намерения наряду с имеющимися возможностями станет основанием для категоризации поведения и события в качестве угрозы.

Опасности, риски и угрозы отличаются также по уровню характеризующей их неопределенности. Опасности наименее структурированы: субъект не может точно сформулировать, в чем заключается опасность и откуда она исходит, то есть объективно неопределенность высока, но на субъективном уровне ситуация может восприниматься как достаточно понятная. Вероятно, отрицательные последствия когда-то возникнут, но сейчас для них нет очевидных оснований.

Наиболее высоким уровнем неопределенности отличается риск. Как было показано ранее, он обусловлен возможностью как положительного, так и отрицательного развития событий для субъекта. При этом вероятность наступления подобных исходов также точно не определена. Неопределенность еще более усиливается в силу того, что у субъекта, от которого зависит характер последствий, появляются возможности причинить вред, однако он не демонстрирует пока соответствующие намерения. Можно предположить, что субъективно ситуация переживается актором наиболее

³⁶ Гацко М. Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность»... С. 11

³⁷ Там же.

тяжело, поскольку он получает из окружающей среды разнонаправленные сигналы. С одной стороны, он понимает, что у его оппонента есть инструмент, при помощи которого ему может быть причинен вред; с другой – признает, что оппонент не демонстрирует враждебных намерений. В подобных обстоятельствах с целью снизить уровень неопределенности субъект может приписать ему подобные намерения и тем самым перевести ситуацию в ранг угрозы. Хотя угроза и сопряжена с самым высоким по сравнению с опасностями и рисками уровнем потерь, она отличается большей структурированностью ситуации, а значит, и определенностью.

Таким образом, сопоставление понятий «угроза», «риск» и «опасность» позволяет привести следующие *категориальные характеристики угрозы*.

Во-первых, к ним относится результат развития ситуации, а именно соотношение ожидаемых субъектом выигрышей и потерь. Угрозы в отличие от рисков предполагают исключительно *негативные последствия* для субъекта. По этой характеристике угрозы сближаются с опасностями, которые также связаны с ожиданием потерь. Однако, учитывая, что опасности, как правило, плохо структурированы, потери предстают перед субъектом как либо гипотетические, либо мнимые. И в этом случае можно ожидать, что уровень негативных последствий будет воспринят субъектом как менее значимый по сравнению с угрозами.

Во-вторых, угрозы в отличие от рисков и опасностей характеризуются достаточно высокой структурированностью и, следовательно, *определенностью*.

В-третьих, угрозы *интенциональны*, содержат компонент намерения. Риски и опасности носят непреднамеренный характер. В связи с этим угрозы возникают только в отношениях индивидуальных и (или) коллективных субъектов. В свою очередь, риски и опасности исходят и из внешней среды и далеко не всегда напрямую связаны с деятельностью человека.

Проблема определения понятия угрозы приобретает другой ракурс, если рассмотреть ее с точки зрения существования угроз разного вида.

Самая общая классификация предполагает дифференциацию *угроз, исходящих от человека* (произведенные угрозы), и *угроз*

из внешней среды (естественные угрозы, «структурные угрозы»³⁸). Основная проблема, которая возникает в связи с выделением подобных видов угроз, заключается в том, что термином «угроза» обозначаются разные по своей природе явления действительности.

Ключевое отличие угроз, исходящих из внешней среды, состоит в том, что их наступление подчас *невозможно предотвратить*, и зачастую единственным доступным для человека средством противодействия «естественным» угрозам по-прежнему остается *управление последствиями*. Например, своевременное оповещение населения о возможности землетрясения позволит сократить количество пострадавших, уменьшить масштабы причиненного ущерба. Таким образом, познание естественных угроз сопряжено с оценкой *возможности*, нежели вероятности их наступления. Отмеченная ключевая черта естественных угроз связана с другими особенностями. Угрозы, исходящие из внешней среды, носят *непреднамеренный* и *безусловный* характер. Обзор характеристик естественных угроз позволяет сделать вывод о том, что они полностью идентичны качествам *опасностей*.

Угрозы, исходящие от человека, также не однородны по своим характеристикам. В частности, они могут быть классифицированы на *преднамеренные* и *непреднамеренные*. Классический пример преднамеренной угрозы – это ультиматум, когда субъект открыто формулирует намерение причинить вред другому субъекту в том случае, если тот не выполнит предъявленные требования. В этом случае присутствуют все основные характеристики, свойственные угрозам.

Гораздо большую теоретическую и практическую значимость представляют непреднамеренные угрозы, которые могут быть направлены непосредственно против человека (авиакатастрофа по вине пилота или диспетчера) или влиять на его безопасность косвенно, например посредством загрязнения окружающей среды. Одна из ключевых проблем, возникающих в связи с изучением непреднамеренных угроз, предполагает поиск ответа на вопрос: может ли отсутствие намерения причинить вред выступать в качестве достаточного основания для того, чтобы его действия перестали расцениваться в качестве угрожающих? На первый взгляд ответ на него неоднозначный.

³⁸ Milburn T. W., Watman K. H. On the Nature of Threat: A Social Psychological Analysis. New York, 1981. P. 12.

По мнению Т. Шеллинга, традициям военного планирования соответствует стремление уделять внимание *возможностям, потенциалу* противника, нежели его намерениям³⁹. В качестве примера можно привести аргументы С. Лаврова, поддерживающие опасения политиков относительно перспектив размещения американских систем ПРО в Европе. В частности, министр иностранных дел России, комментируя возможность размещения элементов системы противоракетной обороны США в европейских странах и высказанное американским политическим руководством замечание, что эти действия не направлены против России, подчеркнул: «Нас заверяют, что и это не против России. Но еще Бисмарк говорил, что в военном деле важны не намерения, а потенциалы»⁴⁰.

В то же время в основе действий субъекта, в том числе связанных с реализацией угрозы, лежат три фактора: желание, убеждение и намерение⁴¹. При этом желание определяет *ожидаемый исход* предпринятых действий, убеждение – наиболее эффективный, с точки зрения субъекта, *способ* получить желаемое, а намерение формирует *сознательную готовность действовать* с целью достичь желаемого указанным способом. В соответствии с приведенной триадой факторов угроза представляет собой сформированное у субъекта намерение получить желаемый результат посредством выдвигания условий и готовности причинить вред другому субъекту. Причем этот способ действия воспринимается как приемлемый и эффективный в сложившихся обстоятельствах. Изменения предпочитаемого способа действия произойдут либо в силу появления новых желаний, либо – трансформации существующих убеждений. Таким образом, *намерение как готовность действовать посредством выдвигания условий и причинения вреда* представляет собой неотъемлемую характеристику угрозы.

Рассмотрение намерения в качестве ключевой характеристики угрозы позволяет сделать вывод, что непреднамеренное причинение вреда, строго говоря, не может быть отнесено к категории угроз.

³⁹ Schelling T. C. Arms and Influence. New Haven; London, 1966. P. 35.

⁴⁰ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на «Мюрдалевских чтениях», Женева, 12 февраля 2008 года. URL: http://www.norway.mid.ru/news_fp/news_fp_68_rus.html

⁴¹ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 125–126.

Речь может идти, скорее, о несчастных случаях, халатности, последствиях производственной деятельности, причиняющих ущерб. Вместе с тем сформулированное ранее определение угрозы в качестве разновидности *субъект-субъектных отношений* позволяет взглянуть на примеры непреднамеренного причинения вреда с другой стороны.

Даже если субъект, действия которого стали причиной жертв или нанесенного ущерба, не имел подобных намерений, его действия могут быть *восприняты* как угрожающие. Более того, субъекту подчас *приписываются* соответствующие намерения. Фактически угроза рассматривается как результат когнитивной оценки событий субъектом. В результате подобный подход позволяет трактовать непреднамеренное причинение вреда в качестве угроз.

Существование подобных различающихся подходов к определению угрозы обуславливает постановку других более общих вопросов: может ли угроза рассматриваться в качестве объективной характеристики действительности или угроза, скорее, должна пониматься как результат познавательной деятельности субъекта? Ответы на поставленные вопросы сопряжены с определением *онтологического и эпистемологического статуса угрозы*.

1.2. Особенности онтологического и эпистемологического статуса угрозы

Определение онтологического статуса угрозы определяется ограниченностью трактовки угрозы как субстанции, элемента объективной действительности. Анализ определений угрозы позволяет трактовать ее как *выводное знание*. Это означает, что в реальности субъект сталкивается не с угрозой как таковой, а с действиями других акторов, которые могут причинить вред жизни или здоровью людей, поставить под сомнение важные для него ценности и убеждения. Если речь идет о государстве, то могут возникать опасности для его территориальной целостности, национальных интересов, разрушения ключевых ценностей и институтов. В качестве источников угроз выступают: создание новых типов вооружений, попытки приобрести ядерное оружие, приход к власти недру-

жественных режимов и многое другое. При этом субъект приходит к выводу о существовании угрозы на основе познания фактов реальности, то есть в реальности присутствует факт, например, увеличения численности армии сопредельного государства, а не «угроза» как таковая. Таким образом, изложенное позволяет определить угрозу, с одной стороны, как *результат познавательной активности* субъекта, с другой – как *реальную ситуацию*, которая складывается вследствие поведения актора, формулирующего намерение причинить вред другому субъекту.

Сама по себе угроза может обретать реальность в том случае, если намерение *причинить вред* формулируется открыто, т. е. имеет место «явная угроза»⁴². В подобных случаях намерение фиксируется в документах, представлено публично перед большой аудиторией, передано посредством СМИ. Иначе говоря, имеют место *вербальные сигналы*⁴³ о намерениях оппонента. В результате субъект, в отношении которого направлены угрозы, *знает* о возможности причинения вреда, и вероятность того, что намерения будут поняты им неправильно, существенно снижается.

Однако намерение причинить вред не всегда выражается открыто. Подчас оно лишь подразумевается, как в случае «*скрытых угроз*»⁴⁴. О существовании намерений причинить вред могут свидетельствовать «*невербальные сигналы*»⁴⁵, такие как отзыв послов, приведение вооруженных сил в состояние боевой готовности или их сосредоточение у государственной границы, проведение военных учений. В подобных случаях субъект вынужден ориентироваться на непрямые показатели угрозы и на основе переработки полученной информации сформулировать *суждение о наличии или отсутствии намерения причинить вред*.

Определение сущности процесса познания угрозы как построения суждения обуславливает постановку двух вопросов: на какие объективные показатели может опереться субъект при конструиро-

⁴² Milburn T. W., Watman K. H. On the Nature of Threat... P. 12.

⁴³ Stein J. G. Threat Perception in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed. / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 364.

⁴⁴ Milburn T. W., Watman K. H. On the Nature of Threat: A Social Psychological Analysis. NY: Praeger, 1981. P. 12.

⁴⁵ Stein J. G. Threat Perception in International Relations. P. 365.

вании суждения о наличии угрозы и насколько точно субъект способен отразить, познать эти объективные показатели и сформулировать корректное суждение о наличии или отсутствии угрозы?

В числе показателей угрозы, представляющих собой часть объективной действительности, наряду с намерениями могут быть названы: 1) те *потери, ущерб*, которые понесет субъект в случае реализации угрозы; 2) *субъекты*, включенные во взаимодействие; 3) *уязвимость* и 4) *потенциал*. Например, президентская комиссия по защите основной инфраструктуры (США) рассматривает в качестве угрозы внешние или внутренние организации, субъекты, которые обладают возможностями использовать *уязвимость* системы, а также вынашивают злостные намерения ослабить оборону или экономическую безопасность⁴⁶. Т. Дейбель приводит определение угрозы, которого придерживаются военные. Дня них угроза – это «возможность, если не вероятность физического нападения»⁴⁷. В свою очередь, возможность нападения связана как с намерениями, так и возможностями причинить вред.

Намерение причинить вред, как было показано ранее, представляет собой ключевой компонент угрозы, определяет ее природу. Вместе с тем познание намерений, даже в случае явной угрозы, сопряжено с рядом трудностей и осуществляется в условиях неопределенности, которая обуславливает постановку проблемы *достоверности* угрозы. Как отмечает Т. Шеллинг, «некоторые угрозы характеризуются изначальной достоверностью, в то время как другие могут быть достоверными, но не достигать результата или, не будучи достоверными, позволяют оказывать влияние на субъекта»⁴⁸.

Достоверность отражает убежденность субъекта в том, что ему будет причинен ущерб в случае невыполнения им требований другого субъекта, от которого исходит угроза. Как подчеркивает Дж. Гови, в том случае если субъекты ведут себя *рационально* и обладают *полной информацией*, достоверность угрозы будет полностью определяться намерениями и возможностями того из них, от которого

⁴⁶ Приведено по: *Dunn M., Wigert I. The International CIIP Handbook. 2004. Vol. 2. P. 270.*

⁴⁷ *Deibel T. L. Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft. Cambridge, 2007. P. 142.*

⁴⁸ *Schelling T. C. Arms and Influence. New Haven; London, 1966. P. 36.*

исходит намерение причинить вред⁴⁹. В подобной ситуации его действия могут быть точно просчитаны, поскольку достоверность угрозы равна либо нулю, либо единице. Однако если взаимодействие субъектов осуществляется в условиях *дефицита информации*, или субъект, от которого исходят угрозы, ведет себя *нерационально*, тогда вероятность реализации намерения причинить вред будет варьировать в пределах от нуля до единицы⁵⁰. Можно ожидать, что в подобных обстоятельствах оценка достоверности угрозы будет во многом зависеть от *субъекта*, который осуществляет познание.

Существует ряд *индикаторов намерений* субъекта причинить вред, которые находят отражение в объективной действительности и способствуют повышению достоверности угрозы.

Во-первых, как отмечают некоторые ученые, угроза применения военной силы оказывалась более достоверной, когда имели место случаи реализации тем или иным государством намерения причинить вред вследствие неподчинения выдвигаемым требованиям⁵¹. Прецеденты иногда также оказывают и негативное воздействие на уровень достоверности угрозы. Поражение государства, особенно от более слабого противника, может уменьшить субъективную достоверность угрозы в будущем.

Факты, подтверждающие достоверность намерений субъекта реализовать угрозы, способствуют формированию у него соответствующей *репутации*. Рассматривая влияние прошлого опыта на оценку намерений субъекта причинить вред, исследователи приходят к разным выводам относительно значимости этого фактора. Например, Д. Пресс на основе анализа действий государств в период Кубинского кризиса 1962 г., а также ситуации в Европе в 1938–1939 гг., предшествующей началу Второй мировой войны, приходит к выводу, что акторы склонны оценивать поведение противника на основе национальных интересов и сложившегося в настоящий момент баланса сил, нежели посредством обращения к опыту вза-

⁴⁹ Hovi J. Games, Threats and Treaties: Understanding Commitments in International Relations. London, 1998. P. 15.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ См., напр.: Blechman B. M., Wittes T. C. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114, N 1. P. 1–30.

имодействия в прошлом⁵². В свою очередь, А. Сартори доказывает, что репутация оказывает влияние на оценку достоверности угроз. В частности, она утверждает, что репутация государства, которое следует взятым на себя обязательствам, представляет собой важное качество в процессе коммуникации угрозы. Исследовательница доказывает, что, «когда государство уличено во лжи, оно приобретает соответствующую репутацию»⁵³. Со временем это губительно сказывается на его способности убеждать партнеров по взаимодействию.

Таким образом, приведенные мнения свидетельствуют о противоречивом воздействии фактора репутации на определение достоверности угрозы. По нашему мнению, в подобном противоречии и заключается механизм воздействия прошлого опыта. Если он, по мнению субъекта, содержит важную информацию, то будет учтен. Однако подчас история отношений между странами содержит примеры не только сдержанных обещаний, но и расхождения заявлений и поступков. В результате, прошлый опыт сам может служить источником ошибок.

Во-вторых, повышению достоверности угрозы способствует поддержка намерений причинить вред общественным мнением и авторитетными институтами власти. В частности, если общественность поддерживает действия своего правительства, предполагающего начать военные действия против того или иного государства, тем самым соглашаясь на возможные жертвы среди своих солдат, финансовые затраты, то в этом случае можно ожидать, что угроза будет приведена в исполнение. Б. М. Блечман и Т. К. Уитс, проанализировав случаи использования США угрозы применения военной силы или ее ограниченного использования в период президентства Дж. Г. У. Буша и Б. Клинтона в отношении Панамы (1989–1990 гг.), Ирака (1990–1996 гг.), Сомали (1992–1995 гг.), Македонии (1992–1999 гг.), Боснии (1992–1999 гг.), Гаити (1994–1996 гг.), Северной Кореи (1994–1996 гг.), Тайваня (1996 гг.), пришли к выводу, что поддержку внутри страны получили три успешные военные кампании. В свою очередь, отсутствие подобной поддержки

⁵² *Press D. G. Calculating Credibility. How Leaders Assess Military Threat. Ithaca (NY), 2005. P. 148.*

⁵³ *Sartori A. E. Deterrence by Diplomacy. Princeton, 2005. P. 13*

решений применить силу в отношении Сомали, Гаити и Боснии придало уверенности этим государствам и поощрило их отстаивать свой курс действий, не подчиняться выдвигаемым требованиям⁵⁴.

В-третьих, повышению достоверности угрозы способствует поддержка намерений причинить вред со стороны других акторов. Значимость этого фактора подтверждается тем, что после окончания «холодной войны» США при проведении военных операций стремятся заручиться поддержкой союзников.

Отмеченные индикаторы отличаются двойственной природой: с одной стороны, они – элементы объективной действительности, с другой – способствуют повышению достоверности угрозы, только будучи воспринятыми субъектом, в отношении которого направлено намерение причинить вред. Например, важен не сам факт поддержки союзниками требований изменить поведение, выдвигаемых конкретным государством, а то, что поддержка союзников будет расценена субъектом, в отношении которого направлена угроза, в качестве индикатора серьезности намерений.

Таким образом, процесс познания намерений может принимать характер как отражения объективной действительности, так и конструирования реальности. Подобный процесс, например, может иметь место в тех случаях, когда субъект пытается *предвосхитить* формирование враждебных намерений в свой адрес. Информация, служащая основанием для предвосхищения, приобретает субъектом в процессе накопления опыта в различных ситуациях и хранится в долговременной памяти в виде эталонов восприятия: стереотипов, прототипов, когнитивных схем. Иногда основанием для конструирования намерений выступает просто политическая конъюнктура. В подобном случае характеристиками угрозы наделяются ситуации или действия субъекта, которые изначально не представляют объективной опасности. В качестве примера могут служить планы США по развертыванию элементов системы противоракетной обороны (ПРО) в Чехии и Польше. На протяжении нескольких лет администрация Дж. У. Буша обосновывала этот шаг угрозой, исходящей от Ирана. Президент Б. Обама спустя несколько месяцев после прихода к власти, в сентябре 2009 г., объявил

⁵⁴ *Blechman B. M., Wittes T. C. Defining Moment... P. 1–30.*

об отказе от подобных планов⁵⁵, аргументируя это тем, что иранская угроза оказалась менее серьезной, чем считалось ранее. Незначительный временной период, а также отсутствие видимого прогресса в переговорах с иранской стороной могут свидетельствовать о том, что опасность, которую представляла ядерная программа Ирана, была изначально преднамеренно завышена.

Причиной ошибок в процессе оценки угроз служит стремление субъекта сделать вывод о намерениях актора причинить вред, исходя из его *возможностей*. Если страна резко увеличивает военные расходы, принимает решение о развитии собственной ядерной программы, проводит испытания оружия, то можно предположить, что она вынашивает враждебные намерения.

В результате исследователи все чаще используют понятие «воспринятое могущество» и указывают на ошибки, которые возникают в процессе оценки потенциала вероятного противника. Так, А. Фридберг подчеркивает, что обладатель бóльшего количества единиц военной техники рассматривается как более сильный. Другая ошибка возникает по причине использования абсолютных значений при оценке военного потенциала, в то время как эти показатели относительные⁵⁶. Наконец, еще одна ошибка оценки военного потенциала возникает по причине того, что актерам трудно увидеть ситуацию с позиций других участников международных отношений. Например, Дж. Г. Стайн отмечает, что лидерам государств зачастую трудно представить, как их воспринимают другие⁵⁷. В результате политик, от которого исходит намерение причинить вред, недостаточно полно осознает то, как адресат воспринимает его сообщение, содержащее угрозу, поэтому угроза может оказаться неэффективной. В свою очередь, субъект, на которого направлена угроза, интерпретирует ее с точки зрения собственной системы значений, не всегда правильно понимая смысл сообщения. Как следствие,

⁵⁵ Б. Обама объявил об отказе от ППО в Восточной Европе. Русская служба BBC. 17 сентября 2009 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/09/090917_us_missile_defence_plan.shtml

⁵⁶ *Friedberg A.* The Assessment of Military Power // *International Security*. 1987/88. Vol. 12, N 3. P. 192–194.

⁵⁷ *Stein J. G.* The Misperception of Threat // *International Conflict and Conflict Management. Readings in World Politics* / ed. by R. O. Matthews, A. G. Rubinoff, J. G. Stein. Scarborough, 1989. P. 32.

появляются ошибки восприятия и угроза может оказаться завышенной или заниженной, а иногда и трактоваться как мнимая, то есть, несмотря на то что показатели потенциала, могущества государства носят объективный характер, они оказывают влияние на оценку угрозы, будучи воспринятыми субъектом, в отношении которого направлено намерение причинить вред.

Познание причиненного вреда, ущерба, а также уязвимости перед угрозой характеризуется, пожалуй, наименьшей субъективностью. Разработаны методики оценки причиненного ущерба, которые предполагают применение количественных критериев⁵⁸. Однако осуществление подобных подсчетов и измерений также не свободно от влияния характеристик воспринимающего субъекта, культуры, экономических и политических факторов. Например, Л. Кларк, рассматривая операционализацию понятия «наихудший сценарий развития событий», делает вывод, что это понятие весьма гибкое, изменчивое⁵⁹. Причина заключается в том, что в процессе оценки причиненного вреда субъект применяет инструментарий, который предполагает не просто количественное измерение ущерба, но и придание субъективно-личностного смысла фактам и цифрам. В результате статус «наихудшего сценария развития событий» может быть присвоен как, например, пожару, в котором пострадало максимальное для подобных инцидентов количество людей, так и происшествию, жертвами которого стали дети, пусть даже их количество оказывается относительно небольшим.

Познание уязвимости перед угрозой также строится, во-первых, на основе фактов объективной действительности. Уязвимость связана со слабой защищенностью, подверженностью влиянию опасностей и угроз. Например, город на берегу океана уязвим перед опасностью разрушительных цунами. Объективный характер уязвимости придает тот факт, что она может быть измерена, зафиксирована при помощи таких показателей, как географическая локализация, нахождение в сейсмической зоне, незащищенность

⁵⁸ См., напр.: *Durch W. J. Searching for National Security: Threat and Response in the Age of Vulnerability / The Henry L. Stimson Center: Report № 30. 1999. May; Dunn M., Wigert I. The International CIIP Handbook 2004. Vol. 2.*

⁵⁹ *Clarke L. Worst Cases: Terror and Catastrophe in the Popular Imagination. Chicago; London, 2006.*

компьютера антивирусной программой и т. д. Во-вторых, оценка уязвимости может находиться под влиянием социальных, культурных и политических факторов. Подтверждением подобному выводу может служить феномен стигматизации применительно к источникам опасности. Так, Дж. Касперсон и его коллеги определяют стигму как своего рода «знак», которым отмечается человек, место или технология. В качестве подобного «знака» выступает та или иная характеристика, по причине которой человек или объекты рассматриваются как отклоняющиеся от нормы, нежелательные, несущие вред⁶⁰. В качестве примера стигматизации могут служить ядерные технологии. В частности, П. Словик, Б. Фишхофф и С. Лихтенштейн, анализируя эмпирические результаты, приходят к выводу, что участники исследований оценивают риск серьезной аварии на ядерном реакторе как весьма высокий. Они полагают, что подобная авария вероятна при их жизни и в ее результате могут пострадать тысячи и даже миллионы людей. При этом ученые подчеркивают, что ожидания обычных людей контрастируют с мнением экспертов, их заверениями о гарантиях безопасности⁶¹. Таким образом, феномен стигматизации демонстрирует, что оценка субъектом своей уязвимости перед угрозами не только определяется объективными характеристиками действительности, но и находится под влиянием социальных и психологических факторов. В качестве одного из них может выступать создание субъектом истории (рассказа), в которой представлена *интерпретация* отмеченных опасностей, а также приписана ответственность за их возникновение.

Отдельного рассмотрения заслуживают интересы субъекта, в отношении которого направлено намерение причинить вред. Особый статус этой переменной обусловлен прежде всего тем, что интересы определяют существование угрозы. Как подчеркивает генерал армии, президент Академии военных наук М. Гареев, «все разговоры о том, существует угроза для России или нет, зависит

⁶⁰ Kasperson R. E., Jhaveri N., Kasperson J. X. Stigma and Social Amplification of Risk: Toward a Framework of Analysis // Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology / ed. by J. Flynn, P. Slovic, H. Kunreuther. London, 2001. P. 18.

⁶¹ Словик П., Фишхофф Б., Лихтенштейн С. Факты против страха: понимание воспринимаемого риска // Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков, 2005. С. 558.

от той политики, которую вы проводите. Если вы имеете свои национальные интересы и будете их отстаивать, то они могут вступить в противоречие с национальными интересами других государств, могут возникнуть угрозы. Если у вас нет национальных интересов, никто вам угрожать не будет»⁶². Однако в контексте обсуждаемой проблемы соотносительности угроз с характеристиками объективной действительности интересы представляют собой наиболее «субъективный» компонент угрозы. Тот факт, что существование понятых определенным образом национальных интересов не может быть валидизировано посредством указания на какой-либо объективный критерий, обуславливает, по мнению некоторых исследователей, бесполезность и даже опасность такого концепта⁶³. Иначе говоря, определение того или иного действия как соответствующего интересам государства подчас выступает в качестве самодостаточного оправдания шагам политического лидера, предпринятым в сфере внешней политики. Как следствие, возникает опасение, что формулировка «соответствие национальным интересам» служит ширмой, маскирующей личные интересы политика.

Вместе с тем понимание интересов как эгоистических устремлений, предполагающих максимизацию полезности в той или иной области, создает возможности для их объективации. Подобная утилитаристская трактовка интересов позволяет заключить, что в основе определения приоритетов лежит стремление индивида поступать так, как он хочет. При этом другие акторы рассматриваются как способствующие или препятствующие достижению целей. В своих желаниях они ограничены социальными регуляторами. Сказанное означает, что «желания, которые у нас есть, формируются в значительной степени обществом, в котором мы растем»⁶⁴. Например, государство, подписавшее Договор о нераспространении ядерного оружия, не будет рассматривать приобретения собственного ядерного оружия как отвечающее своим национальным интересам. Если подобный интерес будет сформирован и государство начнет предпринимать шаги по его реализации, представители мирового сооб-

⁶² Приведено по: Элитология / под общ. ред. И. Ю. Киселева. Ярославль, 2006. С. 88.

⁶³ *Deibel T. L. Foreign Affairs Strategy...* P. 134.

⁶⁴ *Connolly W. E. The Terms of Political Discourse.* Oxford, 1983. P. 53.

щества предпримут необходимые меры, которые должны привести желания нарушителя в соответствие с социальными ожиданиями. Когда решение такой задачи становится невозможно, нарушитель норм утрачивает свой статус в обществе. В сфере международных отношений примером подобных санкций со стороны мирового сообщества служат «государства-изгои».

Итак, интересы могут рассматриваться как результат процесса *социализации*. Базовые нормы, регулирующие взаимоотношения акторов, получают статус закона, оформляются в виде договоров и становятся основой *международных режимов*. Государства, организуя взаимодействие в социальном пространстве существующего режима, проходят социализацию, усваивая соответствующий опыт и формируя интересы, которые позволяли бы им сотрудничать друг с другом и воспроизводить установленный режим. Как следствие, национальные интересы государств соотносимы с социальным порядком, который получил институционализацию в виде *документов* и *бюрократических структур*, регулирующих отношения в тех или иных областях. При этом важно отметить, что интересы было бы неверно рассматривать в качестве результата воздействия установленных норм. Они, скорее, соответствуют друг другу, и онтологическое первенство не принадлежит ни одному из феноменов.

Вместе с тем этот подход к определению национальных интересов не позволяет объяснить различия целей государств на международной арене. Стремление обеспечить существование сложившегося режима обуславливает, по меньшей мере, сближение национальных интересов государств. Однако практика мировой политики демонстрирует не просто различия, но и конфликты интересов. Объяснить подобные различия можно, обратившись к *национальному* уровню анализа⁶⁵.

Осуществляя оценку угроз, политическое руководство страны должно исходить не из своих личных приоритетов, а интересов общества и государства. Подобный уровень формулировки интересов достигается в случае их поддержки со стороны политической элиты и общественности. При этом определенным образом сфор-

⁶⁵ Уолц К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Теория международных отношений / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганков. М., 2002. С. 93–110.

мулированные национальные интересы получают соответствующую институционализацию, обретут легитимность и тем самым станут реальностью для субъекта, который будет руководствоваться ими как данностью, в том числе и в процессе оценки угрозы. В свою очередь, консенсус всех слоев общества будет обеспечен в результате осознания основных составляющих *идентичности страны*⁶⁶. Это обстоятельство определяет национально-специфическое наполнение интересов.

Обобщая приведенные механизмы формулировки национальных интересов, можно сделать вывод, что они представляет собой результат сознательного, основанного на рефлексии прошлого опыта и планов на будущее, выбора между альтернативными политическими стратегиями с учетом представлений об идентичности страны, а также правил и норм, лежащих в основе взаимодействия на международной арене.

Однако подчас такой выбор представляется очевидным и обусловлен *природой государства как участника международных отношений*. Например, Б. Бузан подчеркивает, что государство характеризуется физическим базисом (территория, населенная определенным количеством людей), институциональной структурой и идеей государства, которая находит свое воплощение в цели, ради достижения которой существует это государство, и которая определяет особенности политического режима, специфику отношений между обществом и властью, формулировку основных направлений внешней политики⁶⁷. Как следствие, содержание ключевых интересов будет связано с предотвращением угроз, ставящих под сомнение целостность территории, жизнь и здоровье жителей, функционирование государственных институтов, а также ключевых ценностей нации, ее культуры и истории. Например, разработанный российскими исследователями индекс внешних и внутренних угроз включает следующие переменные: проблемы со снабжением населения питьевой водой, присутствие на территории страны нелегальных

⁶⁶ Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Politics. Moscow, 1955 and 1999; 2002. P. 16; Klotz A., Lynch C. Strategies for Research in Constructivist International Relations. Armonk, New York, 2007. P. 89.

⁶⁷ Buzan B. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Boulder (Colorado), 1991. P. 65.

сепаратистских и антиправительственных движений, попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов, проблемы недоедания или голода, размещение территории страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий, эпидемии ВИЧ/СПИД, несбалансированный экспорт, наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств, хроническое отрицательное сальдо текущего платежного баланса, наличие в стране легальных сепаратистских движений, наличие угрозы терроризма, избыточная миграция, зависимость от экспорта энергоносителей, сокращение численности населения⁶⁸. Перечисленные переменные указывают прежде всего на значимость физического базиса и институциональной структуры для безопасного существования государства. Вместе с тем некоторые из них (территориальные претензии, избыточная миграция) определяют также и важность поддержания сложившейся национально-государственной идентичности.

Таким образом, содержание интересов предопределено географическими и геополитическими факторами, сложившейся торгово-экономической и экологической ситуацией и другими характеристиками объективной действительности. Однако, только будучи воспринятыми и осмысленными представителями политической элиты и широкой общественности, они обретают реальность в виде национальных интересов, которые фиксируются в документах (Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики и др.) и служат обоснованием внешней политики страны. Сказанное позволяет сделать вывод, что национальные интересы обретают реальность только в результате познания субъектами фактов объективной действительности.

Подводя итог рассмотрению интересов, намерений, потенциала, уязвимости и причиненного ущерба в качестве показателей угрозы, можно сделать следующие выводы об *онтологическом статусе угрозы*.

Во-первых, хотя существование угрозы связано с особенностями интересов, намерений, потенциала и уязвимости субъектов, она не может быть сведена ни к одному из них. Например, несмотря

⁶⁸ Опыт классификации стран / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Е. Ю. Мелешкина, М. Г. Миронюк, Ю. А. Полунин, И. Н. Тимофеев // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 18.

на то что, как было показано ранее, для субъекта угроза подчас сопряжена с существованием у другого актора возможностей для причинения вреда, наличие оружия или увеличение военных расходов само по себе не является угрозой. Для ее появления необходимо формирование у субъекта намерения использовать имеющиеся возможности для достижения своих целей, наличие уязвимости в системе обороны у актора, в отношении которого направлено намерение, а также существование у него интересов, реализация которых может быть затруднена в результате действий угрожающего субъекта. Таким образом, угроза представляет *системное качество* – свойство, которого нет ни у одного элемента системы, ни у их суммы, но которое характеризует систему в целом. Иначе говоря, угроза обозначает особый тип отношений между субъектами, каждый из которых характеризуется существованием определенных интересов и намерений, ресурсов для их реализации, а также уязвимостью в тех или иных сферах.

Во-вторых, каждый из компонентов системы (интересы, намерения, возможности и уязвимость) обладает определенными проявлениями в реальности. Например, возможность субъекта причинить вред связана с промышленным и военным потенциалом, уровнем технологического развития, человеческих и других ресурсов. Показатели угрозы приобретают значение, только будучи *воспринятыми* субъектом, в отношении которого направлена угроза. Как справедливо подчеркивают М. Коттам и ее коллеги, «оружие само по себе агностично»⁶⁹. Этот тезис разделяет и К. Боулдинг, отмечая неспецифицированный характер военного потенциала⁷⁰. Иначе говоря, военный потенциал одного государства – это общая угроза, направленная одновременно против ряда стран. Он приобретает *реальность* в качестве индикатора угрозы в процессе построения *суждения* субъектом, осуществляющим познание угрозы. В результате государство начинает воспринимать угрозу как направленную исключительно против него.

Таким образом, она характеризуется *онтологическим реализмом* следующих компонентов угрозы: возможностей причинить вред,

⁶⁹ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. Mahwah; New Jersey; London, 2004. P. 259.

⁷⁰ Boulding K. E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53, N 2. P. 432.

уязвимости субъекта, в отношении которого направлена угроза, и ожидаемого ущерба. Вместе с тем угроза как предмет для интерпретаций субъекта отличается *эпистемологической лабильностью*, которая находит отражение в существовании множества интерпретаций угрозы.

Сделанные выводы означают, что угрозы «не говорят сами за себя». Существование угрозы становится следствием восприятия реальности. В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть этот процесс.

1.3. Основные направления изучения восприятия угрозы

Восприятие предоставляет собой психический процесс упорядочивания сенсорного опыта в имеющие смысл паттерны, которые могут быть определены при помощи конкретных понятий. Восприятие отличается *предметностью*, т. е. чувственные данные, получаемые субъектом через ощущения, относятся к определенному предмету. В связи с этим образ объекта предопределен его характеристиками. Вместе с тем, как справедливо отмечает С. Д. Смирнов, «даже самый элементарный познавательный акт, завершающийся построением субъективного образа, начинается по инициативе субъекта, т. е. имеет в качестве первого звена процесс, детерминированный внутренней самообусловленностью субъекта»⁷¹. Следовательно, образ объекта формируется под влиянием характеристик воспринимающего.

Для исследований процесса восприятия угрозы сказанное означает, что объяснения существования опасности, с одной стороны, следует искать в характеристиках познаваемого объекта, т. е. собственно угрозы, а с другой – связывать их с влиянием субъективных факторов.

Первая группа переменных рассматривается в контексте *непсихологических* трактовок восприятия угрозы. Их появление объясняется тем, что проблема угрозы долгое время рассматривалась исключительно во взаимосвязи с межгосударственными кон-

⁷¹ Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985. С. 164.

фликтами, войнами, формированием военно-политических союзов, т. е. существование угрозы связывалось с показателями *могущества*. Как следствие, восприятие угрозы становится частью процесса выработки государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, которая отличается *рациональностью* и предполагает существование *реальной угрозы* как компонента объективной действительности. В качестве факторов восприятия угрозы рассматриваются: баланс сил, дилеммы безопасности и статуса, институциональные интересы, политическая культура и нарушение норм.

Вторая группа переменных анализируется в русле *психологических* объяснений восприятия угрозы. Существование угрозы непосредственно сопряжено с процессом познания фактов реальности субъектами, которые перерабатывают информацию, руководствуясь потребностью сконструировать относительно простую и согласованную картину реальности, используя эвристики и подчиняя осмысление фактов эмоциям и потребностям.

Рассмотрим существующие подходы к восприятию угрозы.

1.3.1. Непсихологические теории восприятия угрозы

Особенности восприятия угрозы под воздействием *баланса сил* обусловлены тем, что рациональные политические субъекты корректно оценивают угрозы, если обладают полной информацией о возможностях оппонента причинить вред, а также – собственном потенциале. В подобной ситуации стороны способны определить последствия возможной конфронтации и спланировать свои действия. При этом им важно понять, как распределяется могущество между взаимодействующими государствами. В целом, согласно теории неореализма, в разностатусных парах влияние распространяется от сильного государства к слабому⁷². Однако собрать исчерпывающие сведения затруднительно, особенно принимая во внимание тот факт, что оппоненты стремятся скрыть, исказить, создать ложное представление о своих намерениях и имеющихся ресурсах. В подобных условиях возможна ошибочная оценка угрозы и, как следствие, эскалация напряженности.

⁷² Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge, 2007. P. 183.

В связи с этим восприятие угрозы становится частью процесса ее *коммуникации*. Основная задача коммуникатора состоит в том, чтобы направить реципиенту вызывающий доверие сигнал о своих намерениях. В исследованиях М. Шеллинга, Б. М. Блэчмана и Т. Кофман Уитс, Дж. Хови рассматривается множество условий, позволяющих повысить эффективность угрозы за счет обеспечения ее достоверности⁷³. Некоторые из условий характеризуют субъекта угрозы. В частности, достоверность угрозы напрямую зависит от репутации того политика, который высказывает намерение причинить вред⁷⁴, другие – саму угрозу. Например, Дж. Хови называет следующие характеристики достоверной угрозы. Она должна быть: 1) *релевантной* в том смысле, что может повлиять на изменение поведения объекта угрозы; 2) *ощутимой*, значимой для оппонента; 3) *понятной*, т. е. содержать недвусмысленные требования; 4) *завершенной*, т. е. демонстрирующей готовность «идти до конца»⁷⁵. Повышению достоверности угрозы способствует и социальный контекст: наличие прецедентов исполнения намерений причинить вред, поддержка угрожающей коммуникации другими странами, общественным мнением.

Таким образом, с точки зрения приведенных рационалистических представлений восприятие угрозы обусловлено содержанием действий коммуникатора, нежели познанием реципиента, роль которого в восприятии угрозы рассматривалась как минимальная.

Прозвучавший тезис поставил под сомнение Р. Джервис, который полагает, что сигналы, содержащие угрозу, оказываются действительными, только будучи воспринятыми субъектами. В частности, ученый описал два вида информативного поведения: сигналы и индексы⁷⁶. Значение первых определено явным или имплицитным

⁷³ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007; Blechman B. M., Wittes T. C. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly. 1999. Vol. 114, N 1. P. 1–30; Hovi J. Games, Threats and Treaties...

⁷⁴ Press D. G. Calculating Credibility...; Sartori A. E. Deterrence by Diplomacy.

⁷⁵ Hovi J. Games, Threats and Treaties... P. 13–15.

⁷⁶ Jervis R. Signaling and Perception: Drawing Inferences and Projecting Images // Political Psychology / ed. by K. R. Monroe. Mahwah; London, 2002. P. 300. Ученый дифференцирует «сигналы», обозначающие любое поведение, которое коммуникатор или реципиент расценивают как содержащее информацию, и собственно «Сигналы», обозначаемые с заглавной буквы «С».

соглашением. Например, отзыв послов с высокой долей вероятности сигнализирует об ухудшении отношений между странами. Как подчеркнул Д. А. Медведев, комментируя отзыв посла России на Украине, такой шаг означает, что «есть реальная угроза нашим интересам, жизни и здоровью наших граждан»⁷⁷. В свою очередь, индексы обозначают вербальное и невербальное поведение, которое, по мнению реципиента, неразрывно связано с характеристиками субъекта, позволяющими предвидеть его поведение в будущем. Фактически индексы отражают сконструированные реципиентом образы коммуникатора. Р. Джервис так же, как и рационалисты, использует понятие «ошибки восприятия». Однако их появление он связывает с искажениями, допущенными реципиентом в процессе восприятия намерений и возможностей причинить вред. В частности, Р. Джервис отмечает возникновение двух типов ошибок восприятия: мотивированных и немотивированных⁷⁸.

Значимость баланса сил в качестве фактора восприятия угрозы находит отражение в двух видах дилемм, с которыми сталкиваются оба субъекта, взаимодействующие в условиях существующего намерения причинить вред, – дилеммах *статусов* и *безопасности*. Их возникновение связано с неопределенностью, которая характеризует ситуацию, затрагивающую интересы обеспечения безопасности.

В частности, дилемма статусов отражает неопределенность позиций государств, взаимодействующих в ситуации угрозы. Например, В. Волфорс доказывает, что «чем больше государства удовлетворены распределением сил, тем меньше вероятность возникновения конкуренции статусов»⁷⁹. Дж. Г. Стейн уточняет, что важен не просто баланс сил, но ожидания государств друг о друге. В частности, она подчеркивает, что государства удовлетворены своим статусом, когда располагают полной информацией об убеждениях друг друга⁸⁰. Однако в ситуации неопределенности у лидеров

⁷⁷ Медведев: Отзыв посла РФ из Киева означает, что нам непонятна ситуация в Украине, есть угроза нашим интересам, жизни и здоровью граждан РФ. URL: <http://interfax.com.ua/news/political/192409.html>

⁷⁸ Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // Psychology and Deterrence / ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. Baltimore; London, 1985. P. 13–33.

⁷⁹ Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, N 1. P. 30.

⁸⁰ Stein J. G. Threat Perception in International Relations. P. 367.

могут сложиться представления, что позиции их государств брошен вызов, даже если в реальности это не так. Как следствие, политики предпринимают действия, направленные на сохранение статуса, который, с их точки зрения, поставлен под сомнение оппонентом. Он, в свою очередь, также окажется в ситуации воспринятой угрозы статусу, что вызовет соответствующую реакцию. В результате возникает «спираль» взаимной угрозы.

Стремление государств к более высокой статусной позиции отражено в ключевых национальных интересах, которые реализуются во внешнеполитической деятельности. Например, Т. Дейбель отмечает, что государства заинтересованы не только обеспечивать более выгодное для себя положение в той или иной сфере, но и формировать под себя окружение посредством проецирования ценностей нации и ее моральных принципов за рубеж⁸¹.

Обеспечение статусной позиции предполагает сравнение в терминах «лидерство-отставание»⁸². При этом подобное сравнение может затрагивать как позиции двух государств, так и динамику статуса одного из них, а именно изменение в положительную сторону уровня могущества и статуса субъекта, от которого исходит угроза, по отношению к имеющимся показателям, или усиление его позиций по сравнению с уровнем могущества и статусом субъекта, который воспринимает угрозу.

В качестве примера можно привести оценки угрозы, исходящей от Китая. Зачастую эксперты говорят о нем как о растущей державе, которая способна бросить вызов интересам США, поскольку меняется баланс сил не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире в целом. Например, А. Фридберг, анализируя позицию реалистов относительно перспектив отношений между Китаем и США, отмечает ее выраженный пессимизм и подчеркивает, что он основывается на оценках растущего экономического и военного потенциала, расширения внешнеполитических целей и усиления дилеммы безопасности⁸³. Фактически в этом случае важны не столько

⁸¹ *Deibel T. L. Foreign Affairs Strategy... P. 126–127.*

⁸² *Shannon V. P. Interpreting Interventions: Identity, Images and the Perception of Normative Behavior: Diss. Ohio, 2001. P. 51.*

⁸³ *Friedberg A. L. The Future of US-China Relations: is Conflict Inevitable? // International Security. 2005. Vol. 30, N 2. P. 7–45.*

абсолютные показатели могущества Китая, сколько относительные, динамические характеристики.

Значимость статуса государства в системе международных отношений в качестве фактора восприятия угрозы обусловлена тем, что, как справедливо отмечает М. Шубик, конкуренция за статусную позицию всегда развивается по принципу игры с нулевой суммой⁸⁴. Иначе говоря, если одно государство укрепляет свою позицию, другие – ее ослабляют. В таких обстоятельствах субъекты стремятся не только поддерживать свою уникальность и исключительность, но и продемонстрировать свое превосходство перед другими, обеспечивая себе положительную самооценку⁸⁵. Для этого они *сравнивают* свои характеристики и достижения с аналогичными показателями других субъектов. Отрицательный результат сравнения обуславливает восприятие угрозы со стороны тех акторов, которые ставят под сомнение возможность обеспечить высокий социальный статус и *положительную самооценку*. Сравнение, наряду со стремлением поддерживать положительный образ собственного государства, позволяет решить и более прагматические задачи, связанные с возможностью *оказывать влияние* на другие страны. Если статусные позиции государства поставлены под сомнение, то утрачивается и важная составляющая его могущества. В связи с этим отрицательные результаты сравнения образов государств ассоциируются с существованием угрозы.

Восприятие угрозы «встроено» также в контекст *дилеммы безопасности*. Ее возникновение связано с неопределенностью, двойственностью действий оборонительного характера. Иначе говоря, меры, которые субъект предпринимает с целью обеспечения собственной безопасности, могут быть восприняты оппонентом как имеющие наступательный характер, что вынуждает его усиливать оборону. Этот шаг, в свою очередь, расценивается как враждебный первым оппонентом. Тем самым стремление защитить государство от внешних угроз невольно запускает *спираль враждебности* между странами.

⁸⁴ Shubik M. Games of Status // Behavioral Science. 1971. N 16. P. 117–129.

⁸⁵ Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, N 4. P. 68.

Спираль враждебности описал М. Дойч⁸⁶. Основанием становится анархия, которая характеризует систему международных отношений, а также конкурентная направленность действий государств. Кроме того, спираль враждебности поддерживается внутренними конфликтами, которые происходят во взаимодействующих государствах и находят отражение во внешнем конфликте; когнитивной ригидностью оппонентов; ошибками восприятия и некорректными суждениями; неосознаваемыми взглядами; самосбывающимися пророчествами; эскалацией насилия по принципу порочного круга; ориентацией на игру, уводящую конфликт от вопросов, которые могут завершиться реальными выигрышами или потерями, к абстрактным разногласиям по поводу образов власти.

Дилемма безопасности также представляет собой и результат особенностей переработки информации. Как подчеркивает Дж. Г. Стейн, дилемма безопасности начинается с взаимных ошибок восприятия⁸⁷. Их возникновение связано не столько с некачественной переработкой информации, сколько с изначальной неопределенностью, двусмысленностью намерений и действий, связанных с обеспечением безопасности. В частности, затруднительно дифференцировать вооружения и технологии наступательного и оборонительного характера. Зачастую единственным критерием становится то, «по какую сторону от оружейного дула вы находитесь»⁸⁸. В связи с этим показательны аргументы российских политиков, высказывающих опасения по поводу развертывания элементов американской ПРО в Европе, расширения НАТО на восток. Фактически государства, вынужденные в условиях международной анархии опираться на принцип «помоги себе сам», преувеличивают угрозы, которые могут представлять усилия оппонента в области обеспечения своей безопасности. В то же время они допускают «ошибки рефлексии», полагая, что его собственные меры оборонного характера адекватно воспринимаются оппонентами, как не представляющие угрозы для их безопасности.

⁸⁶ *Deutsch M.* The malignant (spiral) process of hostile interaction // *Psychology and the prevention of nuclear war* / ed. by R. K. White. New York, 1986. P. 131.

⁸⁷ *Stein J. G.* Threat Perception in International Relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed.* / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 366.

⁸⁸ *Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T.* Introduction to Political Psychology. Mahwah; New Jersey; London, 2004. P. 259.

Наряду с объяснениями процесса восприятия угрозы, акцентирующими значимость материальных факторов, которые находят отражение в балансе сил, сложившемся на международной арене, не менее убедительные трактовки основываются на признании роли идеальных факторов, прежде всего сложившихся *норм* и *правил международного взаимодействия*.

Взаимосвязь нормативного измерения межгосударственных отношений и уровня воспринятой угрозы обоснована теоретически и подтверждена эмпирически в исследованиях Р. Джервиса⁸⁹, Р. Коэна⁹⁰. Нарушение правил и норм, в том числе и в сфере межгосударственных отношений, расценивается как угроза. В представленном контексте восприятие угрозы связано с предвосхищением возможных потерь в будущем, возникновение которых обусловлено нарушением норм и правил, регламентирующих взаимодействие государств.

При этом важно отметить, что рассмотренный ранее фактор мощества не противоречит нормативной модели восприятия угрозы. В частности, можно предположить, что угрозу представляет государство, которое использует свою силу вне формата установленных правил. Например, С. Сейган убежден, что распространение ядерного оружия происходит в изменившихся условиях, что порождает новые угрозы по сравнению с периодом «холодной войны». Они обусловлены снижением надежности мер контроля над ядерным оружием, повышением вероятности того, что ядерное оружие или материалы могут попасть в руки террористов⁹¹. Другие эксперты также разделяют подобную озабоченность. Воспринятая угроза, связанная с расширением круга государств, обладающих ядерным оружием и стремящихся приобрести его, основана в том числе и на опасении нарушения «ядерного табу»⁹². Хотя отсутствуют между-

⁸⁹ *Jervis R. Perceiving and Coping with Threat. P. 13–33.*

⁹⁰ *Cohen R. Threat Perception in International Crisis // Political Science Quarterly. 1978. Vol. 93, N 1. P. 93–107; Cohen R. Threat Perception in International Crisis. Madison, 1979. 231 p.*

⁹¹ *Sagan S. Nuclear Instability in South Asia // The Use of Force. Military Power and International Politics / ed. by R. J. Art, K. N. Waltz. Lanham, 2004. P. 370–381.*

⁹² *Tannenwald N. The Nuclear Taboo: the United States and Normative Basis of Nuclear Non-Use // International Organization. 1999. Vol. 53, N 3. P. 433–468; Tannenwald N. The Nuclear Taboo. The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945. Cambridge, 2007.*

народные соглашения, запрещающие применение ядерного оружия, и государства, обладающие им, как правило, определяют перечень условий, при наступлении которых оно может быть использовано, существуют глобальные культурные нормы, препятствующие реализации этих намерений на практике. Возникает опасение, что расширение круга игроков в ядерной сфере за счет стран, разделяющих другие ценности, образцы культуры, разрушит незыблемость запрета. С. Сейган полагает, что система институционализированных мер могла бы снизить появившиеся риски⁹³.

Таким образом, если нарушаются установленные нормы, регламентирующие применение силы, даже незначительный потенциал способен стать разрушительным и восприниматься как угрожающий. Опасность, которую, по мнению некоторых участников мирового сообщества, представляет политика так называемых государств-изгоев, может служить примером подобной взаимосвязи норм и могущества в процессе восприятия угрозы.

Еще одно непсихологическое объяснение процесса восприятия угрозы связано с признанием значимости *культуры безопасности*⁹⁴. Предложенное объяснение обозначает не только переход от материальных к идеальным факторам восприятия угрозы, но и смещение акцента с системного к национальному уровню анализа.

В современной науке сложились следующие определения культуры безопасности. Некоторые из них предложены российскими учеными. Социолог В. Кузнецов определяет ее как «процесс сохранения и развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека, семьи и общества; социальных институтов и сетей; обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей с защищенностью их от неприемлемых рисков, угроз, опасностей и вызовов»⁹⁵. Несмотря на имеющиеся спорные моменты, в приведенном определении необходимо отметить ряд важных аспектов. Во-первых, культура безопасности определяется через процессы.

⁹³ Sagan S. Nuclear Instability in South Asia. P. 380.

⁹⁴ Кузнецов В. Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе: социологический аспект: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002; National Security Cultures: Patterns of Global Governance / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. London; New York, 2010. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P. J. Katzenstein. New York, 1996.

⁹⁵ Кузнецов В. Социология безопасности. М., 2003. С. 330.

Тем самым подчеркивается динамичный характер культуры в условиях стремительно изменяющегося пространства безопасности и появления новых вызовов и угроз. Во-вторых, носителями культуры безопасности, а также субъектами, принимающими участие в ее формировании, выступают не только политическая элита, но и отдельные граждане и институты, в том числе международные организации. Например, концепция культуры мира, которая представляет собой одну из возможных трактовок содержания культуры безопасности, предложена ООН⁹⁶.

Определения, представленные в зарубежных источниках, позволяют раскрыть компоненты культуры безопасности. Например, Дж. Э. Кирчнер описывает четыре составляющие: образ внешнего мира, национальную идентичность, инструментальные и интеракционные предпочтения⁹⁷. При этом образ внешнего мира раскрывается через представления политической элиты об основных угрозах. Национальная идентичность конструируется посредством описания отношений государства с другими участниками международного взаимодействия. Кроме того, культура безопасности находит отражение в предпочитаемых инструментах противодействия угрозам и паттернах построения отношений в области безопасности. Таким образом, культура безопасности выступает источником системы значений, позволяющих участникам международных отношений создавать интерпретации угроз безопасности с точки зрения национальной идентичности субъектов восприятия.

Например, национальные концепции безопасности имеют выраженную географическую специфику. В обзоре, представляющем появление новых трактовок понятия безопасности, Э. Тикнер отмечает, что основная угроза в странах «Юга» – военные конфликты. Их отличительная характеристика состоит в том, что они редко бывают межгосударственными. Более того, как подчеркивает исследовательница, существует предположение, что термин «государство»

⁹⁶ Декларация и Программа действий в области культуры мира: принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

⁹⁷ *Kirchner E. J. Regional and Global Security: Changing Threats and International Responses // Global Security Governance: Competing Perceptions of Security in the 21st Century / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. London; New York, 2007. P. 17.*

в его западном понимании не может быть применен к «Югу»⁹⁸. Тем самым ученые, если не опровергли, то, по меньшей мере, поставили под сомнение «государствоцентричную» модель национальной безопасности, характеризующую преимущественно отношения государств «Севера». В научных трудах по проблеме безопасности «Юга» были выделены и новые источники угроз, а именно: нестабильность, представляющая опасность ценностям и идентичности, проблемы, связанные с обеспечением продовольствием, качественной медицинской помощью, и другие опасности.

Национальные интерпретации безопасности позволяют сделать вывод, что восприятие угрозы не начинается с «чистого листа», а осуществляется с опорой на достаточно стабильные, обусловленные культурой представления об источниках опасности и наиболее эффективных способах противодействия им. Сложившиеся представления находят отражение и в функционировании институтов и тем самым стабилизируются, а также сопротивляются изменениям. Например, введенные меры безопасности при досмотре в аэропортах фиксируют факт существования угрозы терроризма.

Рассмотрение процесса восприятия угрозы сквозь призму особенностей культуры безопасности предполагает, что субъекты, разделяющие ее основные характеристики, оценивают угрозы одинаково. Однако результаты исследований подтверждают существование различий в восприятии угрозы в зависимости от того, представители какой организации осуществляют ее оценку. Таким образом, самостоятельное направление исследований представлено работами, определяющими восприятие угрозы как функцию *структурных атрибутов политической системы*.

Влияние политической структуры может быть рассмотрено в рамках трех направлений: 1) анализ значимости общей конфигурации политических институтов в демократических и авторитарных режимах в качестве фактора процессов в области безопасности; 2) зависимость восприятия угрозы от уровня консолидации в обществе, наличия или отсутствия согласия относительно проблем безопасности; 3) положение субъекта восприятия угрозы в политической структуре.

⁹⁸ Тикнер Э. Переосмысливая проблемы безопасности // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 191.

Значимость типа политического режима как фактора восприятия угрозы обусловлена тем, что в современном публичном политическом дискурсе зачастую устанавливается почти прямая связь между типом политического режима и уровнем воспринятой угрозы. В частности, для лидеров некоторых государств понятия «демократия» и «безопасность» звучат как синонимы. Например, Стратегия национальной безопасности США (2010 г.) содержит прямое указание на существование положительной связи двух конструктов: «США поддерживают распространение демократии и прав человека за рубежом, поскольку правительство, которое уважает эти ценности – более справедливое, мирное и легитимное <...> Политическая система, которая защищает всеобщие права – более стабильная, успешная и безопасная»⁹⁹. При этом основу для подобной убежденности создает теория демократического мира, согласно которой «демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию и разрешают имеющиеся противоречия исключительно мирным путем»¹⁰⁰.

Однако практика показывает, что государства, вставшие на путь демократических преобразований, используют насилие как инструмент реализации политических целей. Так, Э. Мансфилд и Дж. Снайдер пришли к выводу, что страны, выбравшие путь демократизации, на 60 % чаще включаются в военные конфликты, чем те государства, которые совершили переход к авторитаризму или не прошли через изменения политического режима¹⁰¹. Консолидированные демократии также оказывают влияние на другие страны посредством угроз. Т. С. Сечсер, проанализировав 210 примеров использования угрозы в период 1918–2001 гг., приходит к выводу, что в 36,4 % случаев она исходила от демократических государств, при этом в 20 % из них была направлена против других демократий. Авторитарные государства и анократии угрожали оппонентам в 36 и 27,6 % случаев соответственно¹⁰².

⁹⁹ National Security Strategy. 2010. May. P. 37. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

¹⁰⁰ Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. № 3(9). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm>

¹⁰¹ Mansfield E., Snyder J. Democratization and the Danger of War // International Security. 1995. Vol. 20, N 1. P. 13.

¹⁰² Sechser T. S. Militarized Compellent Threats, 1918–2001 // Conflict Management and Peace Science. 2011. Vol. 28, N 4. P. 388.

Представленные результаты не позволяют сделать вывод об однозначном влиянии типа политического режима на восприятие угрозы. В связи с этим можно предположить, что большее значение имеет не сам по себе тип политического режима, а то, какие политические ценности разделяют взаимодействующие государства. Иначе говоря, восприятие угрозы связано с расхождением ценностей и принципов построения политических институтов. В свою очередь, сходство по этому признаку снижает уровень ожидаемой опасности. Результаты теоретических и эмпирических исследований подтверждают сделанное предположение. Например, С. Уолт, используя понятие идеологической солидарности, доказывает, что сходство политических режимов двух стран снижает уровень воспринятой угрозы¹⁰³.

Влияние институциональной структуры на восприятие угрозы проявляется и в том, насколько она *интегрирована, консолидирована*. Влияние такой переменной рассматривает Р. Швеллер¹⁰⁴. Ученый исходит из предположения, что государства реагируют на стимулы, поступающие из среды международных отношений, с учетом особенностей внутривнутриполитической ситуации в стране. При этом ключевое значение придается наличию консенсуса в политических кругах и обществе в целом относительно приоритетов в области национальной безопасности. Поэтому государства по-разному реагируют на одинаковые стимулы, поступающие из внешней среды, в том числе и на сигналы о существовании угрозы. Р. Швеллер также полагает, что процесс восприятия угрозы может приводить к появлению **двух типов ошибок**.

Ошибки первого типа обусловлены отсутствием четко выстроенных приоритетов в области национальной безопасности, что, в свою очередь, вызвано отсутствием консенсуса в обществе и политических кругах. *Ошибки второго типа* – это ошибки оценки рисков. Если общество дезинтегрировано, режим – слаб и уязвим, а элита демонстрирует высокую степень разногласия по ключевым вопросам обеспечения национальной безопасности, то увеличиваются риски и затраты на осуществление поведения по противодей-

¹⁰³ Walt S. M. The Origins of Alliances. Itaca (NY); London, 1994. P. 33–35.

¹⁰⁴ Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton (NJ), 2006.

ствию угрозам и политическое руководство в этом случае может предпочесть вообще не реагировать на них. Иначе говоря, риск, связанный с отсутствием реакции на угрозу, воспринимается как менее серьезный, нежели отрицательные последствия, обусловленные проведением мероприятий по ее предотвращению.

Приведенные типы ошибок создают основания для описания факторов, оказывающих влияние на познание угрозы и характеризующих структуру политической системы общества. Первый обозначает наличие или отсутствие *согласия элиты* о сущности и уровне угрозы, политических затратах и рисках, а также о наиболее эффективных способах обеспечения безопасности. Второй описывает уровень *консолидации / фрагментации элиты* по идеологическим, культурным и религиозным параметрам, региональным, партийно-фракционным и классовым интересам. Если общество и государство сталкиваются одновременно с разными угрозами, фрагментированная элита расходится в определении приоритетных источников опасности. Более того, элиты под влиянием узких, местнических политических или идеологических интересов могут выражать несогласие с действиями правящей элиты в области безопасности, завышая значимость одних угроз и занижая важность других. Третий фактор описывает уровень *интеграции / фрагментации в обществе*. Теоретическим основанием, позволяющим раскрыть значимость этого фактора в процессе познания угрозы, выступает теория Л. Козера о влиянии конфликта на формирование и поддержание идентичности группы¹⁰⁵. В частности, ученый полагает, что внешний конфликт выполняет подобную функцию, если угроза рассматривается в качестве таковой всей группой, а не отдельными ее членами. Кроме того, должен существовать минимальный уровень согласия относительно того, что группа испытывает трудности в поддержании своей целостности, которая рассматривается как имеющая ценность. Как следствие, высокий уровень социальной и политической интеграции способствует тому, что угрозы будут распознаны. И наоборот, фрагментированное общество может не распознать и «пропустить» угрозы или выбрать для обеспечения безопасности неэффективные методы.

Наконец, четвертый фактор – уровень *уязвимости политического режима* или *правительства*. Слабые режимы или нестабильные

¹⁰⁵ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 55.

правительства характеризуются низким уровнем легитимности и авторитета, что приводит к реализации неэффективной государственной политики. Более того, для укрепления своего положения слабые режимы вынуждены использовать принуждение или сотрудничать с оппозицией. Подобная политика может приводить к значимым последствиям в области обеспечения безопасности. В частности, уязвимые, нелегитимные режимы редко создают и мобилизуют народные армии, поскольку опасаются, что оружие может быть направлено против них, а не против внешней угрозы. Более того, нелегитимному правительству будет труднее убедить массы в существовании угроз национальной безопасности и необходимости бороться против них¹⁰⁶.

Согласно исследованию Р. Швеллера, восприятие угрозы напрямую связано с особенностями политической системы общества. Дифференциация представителей политической элиты, разобщенность населения в вопросах безопасности, недоверие правительству влияют на определение приоритетных угроз, а также на признание самого факта наличия или отсутствия опасности. Например, существование структурной напряженности в обществе может служить основанием для переоценки, завышения внешних угроз, которые рассматриваются правительством в качестве инструмента снижения социальной напряженности в обществе перед лицом общей опасности. Борьба элит, в свою очередь, подчас служит основанием, чтобы занижать, «не замечать» угрозы до определенного момента, в надежде впоследствии обвинить политических оппонентов в неэффективной политике, которая привела к возникновению опасностей.

Влияние структурных факторов находит отражение и в том, что принадлежность субъекта познания к той или иной организации обуславливает различия в восприятии одних и тех же угроз¹⁰⁷. Исходный тезис, на котором базируется этот подход, предложен Г. Аллисоном, который полагает, что субъектом политических решений и, значит, субъектом восприятия угрозы выступает не мо-

¹⁰⁶ Schweller R. L. Unanswered Threats... P. 11–12.

¹⁰⁷ См., напр.: Аллисон Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис // Теория международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 271–295; Sechser T. S. Are Solders Less War-Prone than Statesman? // Journal of Conflict Resolution. 2004. Vol. 48, N 5. P. 746–774; Suchman M. C., Eyre D. P. Military Procurement as Rational Myth: Notes on the Social Construction of Weapons Proliferation // Sociological Forum. 1992. Vol. 7, N 1. P. 137–161.

политное государство или правительство, а «совокупность слабо связанных между собой организаций, возглавляемых государственными лидерами»¹⁰⁸. При этом ученый констатирует существование узковедомственной направленности восприятия проблем и их приоритетности, а также склонность применять стандартные методы и программы для их разрешения.

Более того, речь подчас идет о существовании корыстных интересов, которые могут оказывать влияние на восприятие угрозы путем искажения реалистичных оценок с целью получения выигрышей. Механизм подобного влияния раскрывает С. Сейган. С точки зрения организационной модели принятия политических решений угрозы безопасности представляют собой предмет для обсуждения, интерпретации, т. е. «не говорят сами за себя». Как следствие, реакция на сам факт их существования может быть разной. В связи с этим конструирование того или иного понимания угрозы позволяет субъектам реализовать корыстные интересы¹⁰⁹. Например, ученый отмечает, что в развитии программ по созданию ядерного оружия заинтересованы военные, ученые и специалисты в сфере атомной энергии, а также политики, которые представляют интересы избирателей, выступающих в поддержку создания или развития подобных вооружений¹¹⁰. Можно предположить, что представители этих групп будут склонны к завышению угроз, для устранения которых необходимо ядерное оружие.

Организационная модель позволяет также объяснить ошибки восприятия угрозы. Среди особенностей организаций, в которых принимаются политические решения, Г. Аллисон называет их ограниченную гибкость¹¹¹. В связи с этим новые угрозы могут быть «пропущены» по причине того, что организации не способны оперативно реагировать на изменяющуюся реальность. Кроме того, по мнению исследователя, «организации – грубый инструмент. Маловероятен успех проектов, требующих высокой степени точных и скоордини-

¹⁰⁸ Аллисон Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис. С. 278–279.

¹⁰⁹ Sagan S. D. Why do states build nuclear weapons? Three models in search of a bomb // *International Security*. 1996. Vol. 21, N 3. P. 65.

¹¹⁰ Ibid. P. 63–64.

¹¹¹ Аллисон Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис. С. 284.

рованных действий разных организаций»¹¹². Существует мнение, что теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке стали следствием неспособности организаций, отвечающих за обеспечение безопасности, оперативно передавать информацию руководству, а также трудностей в обмене информацией между ведомствами.

Завершая краткий обзор непсихологических объяснений восприятия угрозы, необходимо отметить, что этот процесс рассматривается под влиянием переменных, которые действуют на международном и национальном уровнях анализа. Как следствие, в приведенных объяснениях не учитывается активность субъектов познания в переработке информации, отражающей ситуацию внутри страны и на международной арене. Психологические объяснения призваны компенсировать это упущение.

1.3.2. Психологические объяснения восприятия угрозы

Развитие психологического подхода к изучению восприятия угрозы обусловлено пониманием угрозы в качестве результата познавательной деятельности субъекта, нежели элемента объективной реальности. В частности, основой для описания новых механизмов восприятия угрозы стало признание того факта, что возможности и намерения причинить вред, которые в теории реализма рассматривались в качестве категорий объективной действительности, представляют собой субъективные суждения. Например, Д. Пруитт отказывается от рассмотрения угрозы в качестве характеристики объективной реальности и определяет ее как разновидность образов, которых придерживаются индивиды¹¹³. При этом ученый определяет содержание процесса восприятия угрозы как построение «умозаключений»¹¹⁴, которые основываются как на доказательствах, так и характеристиках субъекта. К категории доказательств относятся: возможности субъекта угрозы причинить вред, его действия, заявления, а также соотношение выгод и потерь, полученных субъектом в результате

¹¹² Аллисон Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис. С. 285.

¹¹³ Pruitt D. G. Threat Perception, Trust and Responsiveness in International Behavior: Technical report N 11. Office of Naval Research. Washington (DC.), 1964. P. 5, 15.

¹¹⁴ Ibid. P. 17–18.

предпринятых действий. Среди характеристик субъекта, которые оказывают влияние на восприятие угрозы, могут быть названы мотивы, эмоции, установки, прошлый опыт. Ученый доказывает, что яркие, акцентированные характеристики субъекта познания оказывают более существенное влияние на процесс построения умозаключения. Кроме того, их значимость возрастает в ситуации неопределенности, когда отсутствуют надежные доказательства существования угрозы.

Таким образом, Д. Пруитт продемонстрировал, что в процессе восприятия угрозы, с одной стороны, наблюдается взаимовлияние характеристик наблюдаемой ситуации и субъекта, который осуществляет ее познание; с другой – мотивы, установки, прошлый опыт субъекта оказывают гораздо большее влияние в процессе построения умозаключений о существовании угрозы, так как могут исказить даже убедительные доказательства.

Изучение искажений, возникающих в процессе восприятия угрозы, представлено в работах Р. Джервиса. Он сформулировал *три механизма восприятия угрозы*: атрибуцию, мотивированные и немотивированные ошибки восприятия¹¹⁵.

Действие механизма *атрибуции* проявляется в том, что, оценивая действия других государств, политик рассматривает своих оппонентов как рациональных акторов, обладающих определенными приоритетными целями. Поэтому вывод о существовании угрозы последует в том случае, когда действия других государств будут восприняты как несоответствующие целям или выигрыши от предпринимаемых действий будут расцениваться как непропорциональные затратам.

Возникновение *немотивированных ошибок восприятия* связано с естественными ограниченными возможностями человека по сбору и переработке информации, а также существованием не подвергающихся эмпирической проверке предубеждений по поводу устройства мира и способов взаимодействия с ним. Механизм возникновения немотивированных ошибок связан с влиянием убеждений, на основе которых осмысливается новая информация, а также использованием эвристик репрезентативности и доступности.

Мотивированные ошибки восприятия могут быть допущены под влиянием эмоций и неосознаваемых потребностей субъекта, перерабатывающего информацию.

¹¹⁵ Jervis R. Perceiving and Coping with Threat. P. 13–33.

Таким образом, в исследованиях процесса восприятия угрозы в политической психологии основной акцент сделан на изучении когнитивных, аффективных и мотивационных характеристик субъекта познания. Рассмотрим их подробнее.

Использование терминов «восприятие» и «умозаключение» предполагает, что для категоризации события как угрожающего особое значение имеет обработка полученной информации, т. е. *когнитивные процессы*.

В политической психологии актуальность исследования когнитивных процессов обусловлена признанием того факта, что субъекты принятия политических решений обладают ограниченными возможностями переработки информации. В связи с этим они используют когнитивные стратегии, позволяющие упростить комплексность, сложность ситуаций в области безопасности. Сказанное справедливо в отношении не только обычных граждан, но и специалистов, экспертов, оценивающих угрозы. Исследования деятельности сотрудников спецслужб подтверждают этот тезис. Например, Р. Хойер делает вывод, что большая часть неудач разведки обусловлена ошибками в процессе *анализа*, а не во время сбора информации. Важные факты не принимались в расчет, неправильно интерпретировались, поскольку плохо соответствовали имеющимся моделям мира, на основе которых они осмысливались¹¹⁶.

Таким образом, для понимания психологических механизмов восприятия угрозы необходимо раскрыть содержание когнитивных стратегий, позволяющих *упростить* процесс переработки информации.

Основное допущение, которое разделяют сторонники этого исследовательского направления, состоит в том, что субъект обладает ограниченными возможностями по переработке информации. Иначе говоря, он не располагает ни способностями, ни склонностью к последовательным, логическим подсчетам, которые предписывает, например, модель рационального выбора. В связи с этим довольно распространенным стало использование термина «когнитивный

¹¹⁶ Heuer R. J., Jr. Psychology of Intelligence Analysis. Center for Study of Intelligence, the Central Intelligence Agency, 1999. P. 65. URL: <http://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/psychology-of-intelligence-analysis/PsychofIntelNew.pdf>

скряга»¹¹⁷. Однако, по мнению Р. Ло, этот термин, что называется, «вводит в заблуждение», поскольку указывает на сознательное ограничение в использование когнитивных ресурсов там, где можно было бы говорить о простой неточности¹¹⁸. Взамен предлагается использовать термин «ограниченная рациональность».

Политический психолог Р. Джервис раскрывает содержание потребности в простоте и согласованности в процессе переработки информации, используя образное сравнение: «Так же как подвыпивший человек ищет свои ключи не там, где он их потерял, но под фонарем, где ярче свет, так и люди часто находят неадекватную информацию, используют вводящие в заблуждение критерии и методы подсчета, чья главная добродетель – легкость»¹¹⁹. Простота, легкость таких стратегий имеет специфическую природу. В ряде случаев возможность справиться с проблемой быстро, с наименьшими затратами представляет собой характеристику эффективного решения, которое выступает результатом тщательного сбора информации и анализа данных. Однако Р. Джервис подчеркивает, что зачастую субъект стремится найти ясность и согласованность там, где их нет, и применяет простые правила решения к изначально сложным ситуациям.

По нашему мнению, понятие ограниченной рациональности не способно заменить метафоры «когнитивный скряга» и «поиск пьяного», поскольку каждое по-своему отражает логику двух разных подходов к анализу принятия решений. Понятие «ограниченной рациональности» продолжает следовать логике рациональности и максимизации полезности, в то время как основная цель «когнитивного скряги» – минимизировать интеллектуальные ресурсы при принятии решений. В соответствии с разными целями в каждом случае по-своему строится и познавательная активность субъектов. Если «ограниченная рациональность» проистекает из непрактичной траты времени и усилий субъектом, совершающим выбор, то ошибочные

¹¹⁷ Taylor S. E. *The Inference of Cognitive and Social Psychology // Cognition, Social Behavior and the Environment* / ed. by J. Harvey. Hillsdale (N.J.), 1981. P. 189–121.

¹¹⁸ Lau R. R. *Models of Decision-Making // Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003. P. 29.

¹¹⁹ Jervis R. *Drankard's Search // Explorations in Political Psychology* / ed. by Sh. Iyengar, W. J. McGuire. Durham; London, 1993. P. 338.

решения, принятые «когнитивным скрягой», обусловлены применением когнитивных техник, которые позволяют субъекту удовлетворить потребность в простоте и согласованности.

Среди них прежде всего необходимо назвать использование эвристик. Эвристики представляют собой простые и весьма приближительные правила или стратегии решения мыслительной задачи. В одних случаях эти правила позволяют реализовать поставленную цель – упростить процедуру совершения выбора и принять оптимальное решение. Их наиболее вероятное использование связано с наличием таких условий, как отсутствие времени для обдумывания ситуации; «информационная перегрузка», когда субъект располагает слишком большим количеством разной информации, которую сложно осмыслить; дефицит информации, необходимой для принятия решений. Применение эвристик возможно также, когда речь идет о малозначимых вопросах, на которые, по мнению субъекта, не стоит тратить много времени и усилий. Кроме того, как отмечает Э. Аронсон, подчас соответствующая эвристика сама приходит в голову при возникновении проблемы¹²⁰. Перечисленные условия характеризуют ситуацию принятия политических решений в целом и внешнеполитических в частности. Таким образом, выявление эвристик, используемых субъектом, представляет собой важный элемент анализа решения и понимания того, почему он сделал выбор в пользу именно этой альтернативы. Однако применение эвристик способно привести и к ошибочным суждениям.

Среди наиболее часто встречающихся можно назвать *эвристики доступности, репрезентативности и психологической привязки (якоря)*¹²¹.

Эвристика доступности – интуитивный процесс, при котором суждение выносится на основе частоты, повторяемости события и легкости ассоциаций, вызываемых им в воображении, памяти. Например, в силу особенностей представления информации в СМИ, любые случаи насильственной смерти «всплывают» в памяти быстрее, чем самоубийства. В результате субъект может оценивать частоту насильственных смертей как более высокую, хотя объективно количество самоубийств может быть выше.

¹²⁰ Аронсон Э. Общественное животное. М., 1998. С. 157.

¹²¹ Stein J. G. Threat Perception in International Relations. P. 374.

Эвристика репрезентативности предполагает отнесение объекта к конкретной категории на основе внешнего сходства. В качестве примера выступают исторические аналогии, когда военные операции США в Косово, Ираке рассматриваются с позиций участия страны в более ранних конфликтах – во Вьетнаме, на Корейском полуострове.

В соответствии с эвристикой психологической привязки (якоря) людям свойственно подгонять значения, ценности к уже известным показателям, которые выступают в качестве «психологических якорей». Подобная эвристика применяется и в ходе анализа ситуации в области безопасности. Как только субъект сконструировал оценку угрозы, она становится критерием для последующих оценок, т. е. «якорем». В связи с этим восприятие угрозы приобретает устойчивость и сопротивляется изменениям. Как отмечает Дж. Г. Стейн, возникновение подобных «якорей» встречается во многих случаях неэффективной работы разведки. Это подтверждается известными историческими примерами. И. В. Сталин игнорировал информацию об ожидаемом нападении Германии на Советский Союз, поскольку она не согласовывалась с его убежденностью в том, что А. Гитлер продолжит войну на западном направлении. В 1973 г. израильские политики, хотя и были убеждены в том, что Египет попытается снова захватить Синайский полуостров, все же оценивали угрозу как низкую. Они полагали, что А. Садат не начнет военной операции, пока египетские ВВС не смогут атаковать далеко за передовыми линиями Израиля. Они систематически игнорировали сигналы о намерениях Египта, которые не согласовывались с оценками угрозы, привязанными к психологическому якорю, пока не получили информацию о готовящемся нападении от агента, который имел сведения о решениях на высшем уровне египетского руководства¹²².

В целом использование эвристик предполагает, что субъект в процессе переработке информации опирается на уже имеющиеся у него знания¹²³. В связи с этим возникает вопрос о том, как

¹²² Stein J. G. Calculation, miscalculation, and conventional deterrence, II: the view from Jerusalem // *Psychology and Deterrence* / ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. Baltimore (MD), 1985. P. 60–88.

¹²³ См.: *Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision Making*. Stanfrod, 1990. P. 52–53.

он воспринимает новую информацию, которая способна поставить под сомнение существующие убеждения.

В когнитивной психологии собраны эмпирические данные, указывающие на то, что человек склонен *поддерживать согласованность* в сложившейся картине мира и испытывает дискомфорт при возникновении противоречивой информации¹²⁴. В случае появления фактов, которые вступают в диссонанс с имеющимися знаниями, человек должен адаптироваться к ним, используя одну из стратегий. Например, Я. Верцбергер описывает три типа адаптации: 1) неэффективная; 2) позитивная; 3) отсутствие адаптации. *Неэффективная* адаптация предполагает, что рассогласование между реальностью и ее восприятием со временем увеличивается, т. е. субъект не усваивает новую информацию, не корректирует имеющуюся картину мира и продолжает придерживаться уже сложившихся убеждений. *Позитивная* адаптация находит отражение в том, что со временем рассогласование между имеющимися убеждениями и новыми фактами устраняется. *Отсутствие* адаптации указывает на то, что рассогласование между информационными блоками не преодолевается¹²⁵.

Случаи отсутствия адаптации или ее неэффективного варианта вызывают интерес, поскольку воздействие противоречивой информации зачастую приводит к усилению существующих убеждений. Например, Ф. Тетлок подчеркивает, что политики и эксперты склонны отстаивать прогнозы, которые не сбылись¹²⁶. При этом ученый описывает семь основных стратегий защиты системы убеждений. Авторы прогнозов могут выражать сомнения по поводу того, были ли соблюдены условия, требуемые для составления прогноза; ссылаться на неожиданные шоковые события (предполагая, что такие события в принципе невозможно было предвидеть); констатировать, что прогноз был «почти верным»; оправдывать прогноз тем, что он опередил время («время покажет, что я был прав»); декларировать, что международная политика безнадежно неопределенная и, следовательно, непредсказуемая; заявлять, что они допустили

¹²⁴ См., напр.: *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.

¹²⁵ *Vertzberger Y.* The World in Their Minds... 1990. P. 47.

¹²⁶ *Tetlock P. E.* Expert Political Judgment: How good is it? How can we know? Princeton (NJ), 2005.

«правильные ошибки» и не отказываются от своих прогнозов; утверждать, что невероятные вещи иногда случаются¹²⁷. Ф. Тетлок также установил, что чем больше эксперт уверен в своих прогнозах или оценках угрозы, тем более он склонен использовать защитные когнитивные стратегии¹²⁸.

Изменение убеждений протекает медленно и характеризуется фрагментарностью, неравномерностью. Необходимость адаптации осознается в условиях «принуждения реальностью», когда рассогласование имеющейся и новой информации больше невозможно игнорировать. В подобной ситуации первыми изменяются менее значимые убеждения, которые не составляют основу мировоззрения. Базовые убеждения трансформируются только в том случае, если иначе уже невозможно отреагировать на новые факты реальности. Подобные условия складываются, если информация появляется одномоментно и в большом объеме.

Политические психологи подчеркивают ограниченную рациональность субъектов принятия политических решений, а также фиксируют склонность политиков *воспринимать своих оппонентов как рациональных акторов*. Р. Джервис подчеркивает, что, объясняя причины действий других, субъект рассматривает их в качестве рациональных¹²⁹. При этом он опирается на допущение о том, что выигрыши, которые получает актер от своих действий, должны превышать или по меньшей мере быть равными ожидаемым затратам и рискам. В результате допущение о рациональности действий оппонента означает, что вывод о существовании угрозы будет сделан в том случае, если его реакция на ситуации воспринимается как нерациональная, т. е. излишне затратная и рискованная. Например, нарушение государством норм вызовет санкции со стороны отдельных стран или международных организаций, т. е. должно рассматриваться как нерациональное. Однако, если государство все же идет на нарушение, это означает, что ожидаемые выигрыши превышают потери, связанные с негативной реакцией мирового сообщества. Как следствие, субъект делает вывод, что намерения оппонента,

¹²⁷ Tetlock P. E. Expert Political Judgment: How good is it? How can we know? Princeton (NJ), 2005. P. 129.

¹²⁸ Ibid. P. 137.

¹²⁹ Jervis R. Perceiving and Coping with Threat. P. 15.

лежащие в основе нарушения норм, сопряжены с угрозой. Фактически, по мнению Р. Джервиса, субъект должен обращать внимание на поведение акторов, которое сопряжено с затратами¹³⁰.

Каким образом соотносятся между собой положение об ограниченной рациональности субъекта познания и представление о рациональности оппонента? Они не противоречат друг другу. Более того, восприятие других акторов как рациональных позволяет субъекту принятия решений экономить когнитивные ресурсы в процессе переработки информации о действиях оппонента, в том числе и в ситуации угрозы.

В то время как субъект воспринимает процесс принятия решений в других странах как централизованный и рациональный, внутренние процессы анализируются с учетом множества разнообразных факторов и конкурирующих интересов¹³¹. Иначе говоря, конструируется упрощенный образ оппонента. Действительно, рассмотрение оппонента как рационального субъекта предполагает, что его решения подчиняются принципу *нормативной оптимальности*¹³², т. е. принимаются в соответствии с правилами и аксиомами, позволяющими выбрать альтернативу, максимизирующую полезность. Следовательно, решения характеризуются более высокой определенностью, предсказуемостью, упрощают субъекту восприятия задачу по интерпретации действий оппонента.

Фактически за категоризацией оппонента в качестве рационального субъекта лежит стремление воспринимать происходящее в русле определенности. На практике эта стратегия переработки информации проявляет себя в том, что человек отказывается рассматривать факторы, усложняющие ситуацию, позволяющие интерпретировать ее по-разному. Например, Р. Джервис отмечает, что в период «холодной войны» американская разведка обращала мало внимания на возможность дезинформации со стороны СССР и суждения аналитиков, которые поднимали эту проблему, не принимались всерьез¹³³. Почему

¹³⁰ Jervis R. Signaling and Perception... P. 301.

¹³¹ Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976. P. 319–329.

¹³² Современная психология / под ред. В. Н. Дружинина. М., 1999. С. 372–373.

¹³³ Jervis R. Drankard's Search. P. 341.

это происходило? Вероятно, потому, что оценить истинные возможности и намерения Советского Союза было достаточно трудно, а постоянно ставить под сомнение достоверность всей имеющейся информации сделало бы работу невозможной, поскольку все силы уходили бы на проверку истинности получаемых сведений. Иначе говоря, конструирование образа оппонента как рационального субъекта, действия которого соответствуют его намерениям, позволяет упростить процесс переработки информации в ситуации угрозы.

Значимость когнитивных факторов восприятия угрозы может быть раскрыта не только посредством обращения к общим закономерностям переработки информации, но и с помощью описания индивидуальных особенностей познавательных процессов субъектов.

Определение сути процесса восприятия угрозы как построения суждения обуславливает постановку проблемы «качества суждения», а также поиска факторов, его определяющих. Рассматривая пропущенные угрозы как результат ошибок, допускаемых субъектами принятия решений, и принимая во внимание то, что в основе процесса восприятия угрозы лежит построение суждений, появление ошибок можно расценивать как результат *некачественных суждений*. Умение оценивать ситуацию внутри страны и на международной арене представляет собой одно из так называемых профессионально важных качеств политика. В связи с этим Г. Киссинджер отмечал, что политический лидер должен пройти экзамен на умение «распознавать реальную расстановку сил и использовать эти знания для достижения своих целей»¹³⁴. Однако, как показывает практика, не каждому политику под силу выдержать подобный экзамен. Что представляет собой процесс построения суждения? Какие факторы определяют его качество?

Американский политический психолог С. А. Реншон использует понятие «рамка суждения», которое обозначает основную концептуальную структуру, в контексте которой лидер анализирует проблему¹³⁵. При этом ученый полагает, что подобные рамки суждений могут быть либо уместными, соответствующими ситуации, либо

¹³⁴ Приведено по: *Friedberg A. The Assessment of Military Power*. P. 190.

¹³⁵ *Renshon S. A. Psychological Sources of Good Judgment in Political Leaders // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / ed. by S. A. Renshon and D. W. Larson. New York, 2003. P. 27.*

не подходящими для ее понимания. Первые позволяют корректно, хотя и необязательно полно, понять ситуацию; вторые приводят к искаженной интерпретации, за которой следуют ошибочные решения.

Зависимость качества суждения от выбранного способа репрезентации проблемы определяется следующим образом. Любая ситуация содержит ряд характеристик. Например, оценка угрозы произведенных государством испытаний ядерного оружия может осуществляться с позиций проблемы распространения оружия массового уничтожения или с точки зрения радиоактивного загрязнения определенной территории. Каждый из способов репрезентации проблемы оправдан, однако первый позволит точнее сформулировать ее суть и оценить уровень опасности. Вместе с тем, если угрозу воспринимает представитель экологической организации, второй способ репрезентации проблемы окажется для него наиболее информативным. Таким образом, чем точнее выбран фрейм, при помощи которого представлена проблема, тем качественнее будет суждение, сделанное субъектом.

Качество суждений определяется не только содержанием ситуации, но и когнитивными способностями субъекта. С. А. Реншон выделяет *три группы способностей*, определяющих качество суждений: *анализ, рефлексия и исполнение*. Формулировку качественных суждений обеспечивает наличие у политика аналитических способностей, т. е. умения понять суть проблемы, найти возможные пути ее решения и методы, при помощи которых эти решения могут быть реализованы. Рефлексия предполагает способность рассматривать и оценивать аналитическую информацию с точки зрения различных перспектив, в том числе и с позиций субъектов, заинтересованных в результате решения. Подобная работа с информацией осуществляется под влиянием ценностей и идей политика и других акторов, а также с учетом краткосрочных и долгосрочных стратегических целей и интересов. Наконец, политик должен уметь приводить в жизнь результаты суждения. Основное внимание уделяется средствам реализации решений: адекватны ли они; предпочитает ли лидер просто ограничиться заявлениями, угрозами или предпримет реальные действия¹³⁶.

¹³⁶ *Renshon S. A. Psychological Sources of Good Judgment in Political Leaders // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / ed. by S. A. Renshon and D. W. Larson. New York, 2003. P. 31.*

В числе личностных особенностей субъекта, которые могут оказывать влияние на восприятие угрозы, необходимо отметить *интегративную сложность* и *операциональный код* политических лидеров.

Интегративная сложность представляет собой *когнитивный стиль* переработки информации. От других стилей он отличается тем, что 1) не устойчив и зависит от ряда факторов (интрапсихических, средовых, социальных, политических); 2) уровень сложности может быть описан как черта (концептуальная сложность) и как структура, форма (интегративная сложность). Как следствие, отмеченный когнитивный стиль характеризует уровень дифференциации и интеграции перерабатываемой информации. Дифференциация предполагает осознание существования различных аспектов, характеристик стимула, аспектов ситуации. В свою очередь, интеграция отражает восприятие связей между разными аспектами, характеристиками стимула¹³⁷.

Как проявляется когнитивный стиль в ситуации угрозы? Как считают П. Зютфельд, К. Гуттери и Ф. Тетлок, в кризисных ситуациях, которые характеризуются «провалом» дипломатических усилий и ожиданием войны, интегративная сложность существенно снижается. Высокая сложность проявляется в ситуациях, которые предполагают несиловые методы урегулирования проблемы¹³⁸. Важно подчеркнуть, что показатели интегративной сложности изменяются вместе с развитием ситуации. Снижение этого показателя служит индикатором начала конфронтации. Однако кризис может разрешиться мирно, если политические лидеры продемонстрируют высокую интегративную сложность.

Установленную зависимость подтверждают и другие исследования, которые не оперируют понятием интегративной сложности. Например, в ситуации трудноразрешимых конфликтов стороны конструируют положительный образ своей группы и негативный образ оппонента¹³⁹. Подобные образы отражают существование упрощенной

¹³⁷ Suedfeld P., Guttieri K., Tetlock P. Assessing Integrative Complexity at Distance: Archival Analyses of Thinking and Decision-Making // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. by J. Post. Ann Arbor, 2005. P. 246–247.

¹³⁸ Ibid. P. 255.

¹³⁹ Staub E., Bar-Tal D. Genocide, Mass Killing and Intractable Conflict: Roots, Evolution, Prevention, and Reconciliation // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. New York, 2003. P. 726.

картины мира, которая подчинена логике черно-белого мышления. Иначе говоря, стороны не способны сконструировать дифференцированное, многоаспектное видение ситуации конфликта.

Таким образом, восприятие угрозы сопровождается снижением интегративной сложности. При этом само по себе существование намерений и возможностей причинить вред не ведет к упрощенному видению ситуации, т. е. угроза не может рассматриваться в качестве причины интегративной простоты. Однако если ситуация угрозы уже сложилась и сконструированы образы взаимодействующих государств в качестве оппонентов, то можно ожидать, что когнитивный стиль субъектов-участников ситуации будет характеризоваться меньшей сложностью.

Исследование *операционального кода* политического лидера также позволяет описать ряд особенностей восприятия угрозы. Операциональный код представляет собой систему убеждений лидеров о природе политического мира (философские убеждения), а также оптимальной стратегии и тактике взаимодействия с ним (инструментальные убеждения)¹⁴⁰. В работах А. Джорджа и О. Холсти операциональный код рассматривается с точки зрения теории когнитивного соответствия, согласно которой убеждения лидера о политическом мире внутренне согласованы друг с другом. Кроме того, решения и поведение политика не противоречат его убеждениям¹⁴¹.

Согласно этой концепции восприятие угрозы никогда не начинается с «чистого листа», а опирается на существующую у субъекта систему убеждений о политическом мире, прежде всего о его конфликтной или кооперативной природе. В связи с этим можно ожидать, что политический лидер, рассматривающий пространство политических отношений сквозь призму конфликта, более пред-

¹⁴⁰ *Leites N.* A Study of Bolshevism: Operational Code of Politburo. New York, 1953; *George A. L.* The “Operational Code”: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making // American Foreign Policy. Theoretical Essays / ed. by G. J. Ikenberry. Glenview (Ill.); Boston, 1989. P. 483–506; *Schafer M.* Issues in Assessing Psychological Characteristics at Distance: an Introduction to Symposium // Political Psychology, 2000. Vol. 21, N 3. P. 511–527; *Walker S. G., Schafer M., Young M. D.* Profiling Operational Codes of Political Leaders // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. by J. Post. Ann Arbor, 2005. P. 215–245.

¹⁴¹ *Walker S. G., Schafer M., Young M. D.* Profiling Operational Codes of Political Leaders. P. 217.

расположен к восприятию угрозы, поскольку она расценивается им в качестве естественной составляющей межгосударственных отношений. Если использовать терминологию Дж. Брунера, то можно сказать, что у таких политиков категория угрозы характеризуется высокой «доступностью»¹⁴². Ученый подчеркивает, что «индивид, готовый к восприятию объекта, способный обойтись минимальными входными раздражителями, в состоянии пользоваться своей познавательной готовностью не только для восприятия того, что находится перед ним, но и для предвидения того, что с большой степенью вероятности может перед ним оказаться»¹⁴³. Можно предположить, что субъект с конфликтной картиной мира «настроен» на получение сигналов о том, что его интересам брошен вызов, что другие акторы препятствуют ему в достижении целей, что велика роль случая, и он не в состоянии контролировать происходящее. Иначе говоря, такой субъект антиципирует возможные угрозы. Такое обстоятельство служит источником ошибок восприятия, связанных с поиском мнимых источников опасностей или завышением реальных.

Современные исследования операционального кода указывают на изменчивость убеждений под влиянием разных факторов¹⁴⁴. В частности, философские убеждения о политическом мире подвержены изменениям с течением времени и в зависимости от того, какой вопрос обсуждается. В свою очередь, инструментальные убеждения характеризуются большим постоянством. Отмеченные особенности убеждений приводят к трудностям в поддержании согласованности двух структурных блоков операционального кода. Можно предположить, что подобное рассогласование обусловлено тем, что современные политики обладают ограниченными возможностями применять насилие в качестве тактического и особенно стратегического инструмента достижения целей. Как правило, даже находясь в состоянии конфронтации, политические лидеры декларируют приверженность

¹⁴² Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 24.

¹⁴³ Там же. С. 25.

¹⁴⁴ Гиззатов Э. К. Сравнительный анализ влияния кризисов на личность Дж. Буша-мл. и В. В. Путина // Политическая психология, культура и коммуникация / отв. ред. Е. Б. Шестопап. М., 2008. С. 133–148; Шафер М., Крихлой С. Операциональный код Билла Клинтона // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е. Б. Шестопап. М., 2007. С. 343–357.

ценностям мира и сотрудничества. Иначе говоря, инструментальные убеждения выполняют задачу по управлению впечатлениями. На это указывают результаты эмпирических исследований, отражающих достоверные различия в значениях индексов операционального кода, которые рассчитаны на основе подготовленных и спонтанных высказываний. Например, Б. Дилл сделал вывод, что Р. Рейган более оппозиционен в спонтанных высказываниях, чем в подготовленных выступлениях. При этом содержание философских убеждений значимо не различается. Сравнение спонтанных и подготовленных высказываний Дж. Буша позволило установить различия по обеим категориям убеждений¹⁴⁵. Таким образом, система убеждений сохраняет целостность и непротиворечивость.

В целом операциональный код как система убеждений политика выступает не только как пред-конструкция, позволяющая осмысливать ситуацию в области безопасности, но и причина политического поведения¹⁴⁶. Следовательно, система убеждений позволяет объяснять особенности восприятия угрозы и выбор конкретных паттернов поведения по противодействию ей. При этом она упрощает процесс переработки информации, предлагая «готовые ответы» на вызовы в области безопасности, с которыми сталкиваются политические лидеры. Но в отличие, например, от эвристик, переработка информации на основе убеждений осуществляется одновременно в двух направлениях. **Первое.** Факты осмысливаются с точки зрения знаний, которые уже находятся в памяти субъекта, получены из прошлого опыта и отражены в философских и инструментальных убеждениях. **Второе.** Учитывая, что убеждения характеризуются изменчивостью, можно предположить, что имеет значение и та информация, которую субъект непосредственно воспринимает в текущей ситуации.

Концепция операционального кода позволяет установить еще одну важную закономерность восприятия угрозы. Информация перерабатывается не только посредством когнитивных механизмов, но и под влиянием *мотивов* субъекта. Иначе говоря,

¹⁴⁵ Dille B. The Prepared and Spontaneous Remarks of presidents Reagan and Bush: a Validity Comparison for At-a-Distance Measurements // Political Psychology. 2000. Vol. 21, N 3. P. 573–585.

¹⁴⁶ Walker S. G., Schafer M., Young M. D. Profiling Operational Codes of Political Leaders. P. 222.

восприятие угрозы представляет собой познавательный процесс, в котором его когнитивные аспекты неразрывно связаны с мотивационными, эмоциональными, личностными характеристиками субъекта. Теоретические определения понятия угрозы и результаты эмпирических исследований позволяют сделать вывод о значимости *эмоций*.

Оценка почти любого события начинается с его позиционирования в пределах оценочного критерия «хороший – плохой». Действительно, в число универсальных факторов, определяющих коннотативное значение, т. е. субъективно-значимые для индивида стороны предмета, входят оценка, сила и активность¹⁴⁷. При этом важно подчеркнуть, что осознание коннотативного значения представляет собой начальный этап генезиса смысла при восприятии объекта¹⁴⁸. Дж. Г. Стейн представляет обзор исследований, в которых обосновывается идея о том, что с эмоциональной оценки ситуации начинается процесс переработки информации, так как она возникает быстро, автоматически, генерируется на уровне бессознательного и играет доминирующую роль в восприятии действительности и поведении субъекта¹⁴⁹.

Значимость эмоций в процессе познания раскрывается в русле теорий двойной переработки информации. Эмоции задействованы на имплицитном уровне переработки, который характеризуется быстрым, автоматическим, нерелексивным отражением действительности. В свою очередь, эксплицитному уровню переработки свойственна осознанность, контролируемость, ограниченность с точки зрения использования ресурсов внимания и памяти¹⁵⁰. Фактически информация перерабатывается посредством двух механизмов, имеющих разную природу. Первый опирается на интуицию и создание ассоциаций, второй – на мышление и правила. По мнению Д. Канемана,

¹⁴⁷ Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов. М., 2008. С. 95.

¹⁴⁸ Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. С. 160.

¹⁴⁹ Stein J. G. Threat Perception in International Relations. P. 378–379.

¹⁵⁰ См., напр.: MacDonald K. Effortfull Control, Explicit Processing, and the Regulation of Human Evolved Predispositions // Psychological Review. 2008. Vol. 115. P. 1012–1031.

существенная доля переработки информации приходится именно на ту систему, которая опирается на эмоции, «побеждая» рациональную и управляемую правилами переработку¹⁵¹.

Процесс переработки информации о политических событиях также рассматривается с точки зрения взаимодействия эмоциональных и когнитивных процессов.

Американский политический психолог Р. Коттам сформулировал теорию, которая рассматривает взаимосвязь когнитивных и аффективных факторов в формировании суждений и принятии решений¹⁵². Он опирался на идею автора теории когнитивного соответствия Ф. Хайдера о том, что субъекты стремятся к совпадению, непротиворечивости между чувствами, которые они переживают по отношению к объекту познания, и атрибутами, которые приписывают ему в когнитивных репрезентациях. Например, когда субъект испытывает симпатию по отношению к партнеру по взаимодействию, он одновременно стремится найти основания для подобных чувств в его поведении, решениях, присущих ему характеристиках, оцениваемых рационально. С. Эпштейн делает вывод о влиянии эмоций на процесс принятия решений. В частности, исследователь подчеркивает, что чем более эмоционально насыщенной выступает ситуация, тем более мышление подвержено влиянию опыта, в том числе эмоций и чувств субъекта¹⁵³. И. Джанис и С. Фишбах конкретизируют характер влияния эмоций на процесс переработки информации, утверждая, что высокий уровень эмоционального напряжения может привести к дезорганизации когнитивных процессов. Однако если при этом оказано эмоциональное воздействие низкой интенсивности, то оно позволяет изменить отношение к объекту, повысив эффективность убеждающей коммуникации¹⁵⁴.

Отмеченные закономерности находят отражение в процессе восприятия угрозы. Например, С. Эпштейн доказывает: чем более субъект воспринимает себя в ситуации угрозы, тем выше

¹⁵¹ Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York, 2011. P. 13, 20–24.

¹⁵² Cottam R. *Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study*. Pittsburgh (PA), 1977.

¹⁵³ Epstein S. *Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious* // *American Psychologist*. 1994. Vol. 49, N 8. P. 709–724.

¹⁵⁴ Janis I. L., Feshbach S. *Effects of Fear-arousing Communications* // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1953. N 48. P. 78–92.

вероятность того, что его политический выбор совершается на эмоциональной, нежели рациональной основе. С. Гордон и А. Ариан, ссылаясь на результаты проведенных эмпирических исследований, делают вывод, что, если уровень угрозы и, следовательно, переживаемых эмоций был высоким, когнитивные переменные оказывали гораздо меньшее влияние, нежели аффективные переменные. Однако, когда угроза низкая, влияние оказывали обе переменные¹⁵⁵. И. Джанис и С. Фишбах подчеркивают, что низкий уровень угрожающей коммуникации способствует изменению поведения в необходимом коммуникатору направлении. В свою очередь, высокий уровень угрозы приводит к возникновению состояния высокого эмоционального напряжения, продуцируя ухудшение когнитивных процессов, агрессию и отказ от взаимодействия¹⁵⁶.

В приведенных исследованиях показана значимость влияния угрозы, которая фактически приравнена к сильному эмоциональному воздействию, на процесс переработки информации о событиях в политической сфере. Вместе с тем не раскрыты механизмы, лежащие в основе восприятия угрозы как таковой. Принимая во внимание тот факт, что угроза сопряжена с сильными эмоциональными переживаниями, рассмотрим закономерности и механизмы, лежащие в основе влияния аффективных факторов на восприятие угрозы.

Начнем с наиболее очевидных из них, связанных с влиянием эмоции *страха*.

Исследование коннотативного значения понятий «угроза» и ряда близких по смыслу понятий и их сочетаний («риск», «опасность», «реальная угроза», «завышенная угроза», «мнимая угроза», «заниженная угроза») посредством метода семантического дифференциала позволило установить, что семантическое пространство для перечисленных конструкторов образуют четыре фактора: «оценка / возможность справиться с угрозой» (22 % дисперсии), «сила-активность» (16 % дисперсии), «определенность» (13 % дисперсии), «предсказуемость» (9,81 % дисперсии). В пространстве, образованном перечисленными факторами, угроза локализуется как сулящая потери; создающая препятствия; изменчивая; скорее, как организо-

¹⁵⁵ Gordon C., Arian A. Threat and Decision-Making // The Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45, N 2. P. 212.

¹⁵⁶ Janis I. L., Feshbach S. Effects of Fear-arousing Communications. P. 78–92.

ванная и управляемая, однако непредсказуемая¹⁵⁷. В свою очередь, анализ когнитивных, аффективных и деятельностных символов, выявленных с помощью транссимволического метода, позволил установить, что среди когнитивных символов, «называющих» угрозу, чаще всего респонденты упоминают существительные, описывающие негативные эмоциональные переживания, такие как страх, ужас, боль (27,42 %). Среди аффективных символов, представленных прилагательными, которые отражают свойства и качества угрозы, вторыми по частоте также приведены описания негативных эмоциональных реакций (22,4 %). Деятельностные символы, представленные глаголами, описывают угрозу прежде всего как пугающую и вселяющую страх (32 %).

Таким образом, представленные результаты позволяют сделать вывод, что субъективный смысл угрозы связан с ее эмоциональной оценкой. При этом ключевой эмоцией выступает страх, который может рассматриваться в качестве одной из основных категориальных характеристик угрозы. Можно даже предположить, что страх становится основанием для восприятия угрозы. Иначе говоря, не угроза «пугает», а страх позволяет определить ситуацию как угрожающую.

Теории, разработанные в психологии и других науках, позволяют аргументировать сделанное предположение. В нейрпсихологии страх объясняется особенностями психики человека, которая сформировалась в ходе эволюции под воздействием сильных, действующих на подсознание стимулов. При этом страх выполняет функцию адаптации, сигнализируя о возникновении опасности, повышая бдительность, усиливая концентрацию внимания и тем самым подготавливая к наступлению неблагоприятных для индивида событий. Как подчеркивает Дж. Г. Стайн, «страх длится дольше, чем угроза, и становится выученным ответом, который со временем запечатлевается в памяти»¹⁵⁸. Иначе говоря, страх – выученная эмоциональная реакция на опасные события, которая сначала следует за ними, а потом, будучи сформированной, уже предшествует их распознаванию на когнитивном уровне.

¹⁵⁷ Смирнова А. Г. Угрозы в «обществе риска»: определение, познание, противодействие // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 94–103.

¹⁵⁸ Stein J. G. Threat Perception in International Relations. P. 381.

Схожую точку зрения разделяет Р. Мандел, подчеркивая, что эмоции страха и ненависти питают «перцептивную бдительность»¹⁵⁹ в сфере международных отношений. Она обусловлена тем, что в условиях анархии, характеризующей международную систему, лидеры государств испытывают страхи, связанные с возможностью возникновения угроз безопасности, и в связи с этим вынуждены уделять повышенное внимание решениям и действиям других государств. Подобная «эмоциональная доминанта» становится основанием для возникновения ошибок восприятия, находящих отражение в завышении угроз и придании реалистичности мнимым источникам опасности. Важно отметить, что, как правило, государственные деятели дают рациональное объяснение «сверхбдительности», связывая ее с необходимостью предотвратить угрозы прежде, чем они станут реальными. Например, министр обороны США Д. Рамсфельд, занимавший этот пост в 2001–2006 гг., комментируя необходимость предотвратить распространение ядерного оружия, отмечал: «Последняя вещь, которую мы хотели бы получить, это дымящееся ружье. Ружье дымит после того, как был произведен выстрел <...> После того как оружие применено, становится слишком поздно»¹⁶⁰. Фактически в этом случае министр обороны пытался антиципировать угрозу, т. е. предвидеть последствия действий субъекта, имеющего возможности и намерения причинить вред, до их осуществления. Однако антиципация предполагает не просто отражение действительности. Основанием для предвосхищения результата действия выступает способность субъекта моделировать события на основе прошлого опыта, который находит отражение в «выученной» эмоции страха. Таким образом, значимость аффективной составляющей восприятия угрозы в сфере международных отношений преуменьшать нельзя.

Теория когнитивного соответствия, примененная Р. Коттамом для объяснения восприятия политических событий, также позволяет

¹⁵⁹ *Mandel R.* Recognizing Foreign Threat. Paper Prepared for Presentation at the Annual National Meeting of the International Studies Association Chicago (Ill.), February 28–March 3. 2007. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/8/0/1/6/pages180167/p180167-1.php

¹⁶⁰ Приведено по: *Ellis J. D., Kiefer G. D.* Combating Proliferation: Strategic Intelligence and Security Policy. Baltimore; London, 2007. P. 22.

раскрыть связи переживаемого страха и восприятия угрозы. Если субъект оценивает действия другого государства в качестве источника угрозы, он стремится согласовать испытываемые чувства характеристиками, свойственными оппоненту. Баланс в этом случае означает, что среди характеристик оппонента будут названы такие черты, которые позволят субъекту действовать по предотвращению угрозы, не испытывая морального дискомфорта. Представитель психодинамического подхода к анализу международных отношений В. Волкан подчеркивает отмеченную особенность конструирования образа врага. Он доказывает, что врагу приписываются черты, дегуманизирующие его образ: «Группа акцентирует “человеческий” характер своей сплоченности в отличие от враждебной группы “не-людей” <...> Эта потребность устраняет чувство вины по поводу потерь среди врагов, поскольку “они” – “не люди”»¹⁶¹.

Еще одна содержательная характеристика образа врага, соответствующая его эмоциональной составляющей, призвана смягчить дискомфорт, который возникает в связи с тем, что субъект не всегда способен противостоять опасности.

Как подчеркивает Дж. Г. Грэй, образ врага наполнен страхом как никакой другой, поскольку никто не ожидает от оппонента просчитываемых действий. Он рассматривается как способный на вероломство, безрассудство и жестокость. Созданный образ врага снимает необходимость проводить рациональную оценку возможностей противника причинить вред¹⁶². Фактически, по мнению Дж. Г. Грея, образ врага имеет преимущественно иррациональный характер.

Однако в основе подобной иррациональности лежит стремление субъектов контролировать и упорядочить окружающую среду с целью минимизировать опасность. Оно реализуется посредством соотнесения переживаемых эмоций и тех характеристик, которые приписываются оппоненту. Например, В. В. Знаков и Е. М. Турок, изучая образ террориста в массовом сознании, пришли к выводу, что «общим контекстом, “семантическим фоном” понимания рос-

¹⁶¹ Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 39.

¹⁶² Gray J. G. *The Warriors: Reflections on Men in Battle*. New York, 1959. P. 148–149.

сийскими испытуемыми террористической угрозы являются стереотипные и не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически не уравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит»¹⁶³. Ученые отмечают, что сложившийся образ не соответствует действительности. Однако, поскольку подавляющее большинство респондентов (99 %) ¹⁶⁴ воспроизводит его, можно предположить, что он выполняет важные функции, а именно когнитивный компонент образа призван, во-первых, обосновать страх, который сопровождает переживание террористической угрозы, и, во-вторых, контролировать ситуацию в области безопасности.

Исследования образа врага, проведенные в контексте психодинамического подхода, позволяют сделать вывод о значимости эмоции страха в восприятии угрозы. При этом в отличие от предыдущих подходов, рассматривающих влияние аффективного фактора во взаимосвязи с когнитивными процессами, психодинамический подход позволяет продемонстрировать значимость собственно переживаемых эмоций, которые «запускают» процесс восприятия угрозы. В частности, он строится на основе предположения о том, что субъекты, которые не способны осознанно справиться с тревогой и враждебностью, проецируют негативные эмоции на социально приемлемые источники враждебности и страха, например врагов нации. При этом важно подчеркнуть, что испытываемые эмоции необязательно вызваны действиями оппонента, а могут быть связаны с событиями в жизни субъекта, не всегда имеющими отношение к политике и международным отношениям, например с ухудшением экономической ситуации, неопределенностью будущего и другие¹⁶⁵. Перечисленные ситуации объединяет то, что субъект недоволен самим собой и имеет заниженную самооценку. С подобными негативными эмоциями субъект справляется посредством поиска причины их появления

¹⁶³ Знаков В. В., Турок Е. М. Понимание и переживание террористической угрозы // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 1. С. 65.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Обзор эмпирических исследований см.: Silverstein B. Enemy Images: The Psychology of US. Attitudes and Cognitions Regarding the Soviet Union // American Psychologist. 1989. Vol. 44, N 6. P. 903–913.

во внешнем мире, т. е. подыскивает «подходящий объект для экстернализации»¹⁶⁶ эмоций.

В. Д. Волкан раскрывает содержание этого процесса, отмечая, что изначально в качестве таковых выступают неодушевленные объекты, такие как национальные блюда, цвета флага или достопримечательности. При этом перечисленные объекты имеют одинаковое эмоциональное значение для всех взрослых членов группы, и дети также делают в них «эмоциональные инвестиции». Иначе говоря, представители одной группы испытывают одинаковые – положительные – эмоции к одним и тем же объектам, в связи с чем они становятся основой этнической, культурной, национальной идентичности. Наряду с неодушевленными объектами для проецирования положительных эмоций и формирования идентичности, члены группы используют для экстернализации негативных эмоций своих оппонентов – «другие» группы. В результате процесс экстернализации создает основу для построения межгрупповых отношений на основе враждебности.

Таким образом, механизм экстернализации эмоций служит индикатором существования у субъектов потребности иметь не только союзников, но и врагов¹⁶⁷. Последние выполняют важную психологическую функцию, позволяя справиться с низкой самооценкой, отрицательными эмоциями и сохранить целостность личности. При этом субъекты образуют отношения «симбиоза с противником»¹⁶⁸, когда самоопределение одного невозможно без противопоставления другому. Как полагает Г. Ф. Стейн, подобные отношения связывали СССР и США¹⁶⁹.

Психодинамический подход к изучению международных отношений позволил рассмотреть функционирование эмоциональных факторов не только на уровне индивидуальных, но и коллективных субъектов. Необходимость анализа эмоций на коллективном уровне

¹⁶⁶ *Volkan V. An Overview of Psychological Concepts // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. Lexington; Toronto, 1991. P. 33–35.*

¹⁶⁷ *Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика... С. 40.*

¹⁶⁸ *Stein H. F. The Indispensable Enemy and American-Soviet Relations // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1. P. 71.*

¹⁶⁹ *Ibid. P. 71–89.*

обусловлена тем, что, хотя политическая психология предполагает проведение исследований преимущественно на индивидуальном уровне¹⁷⁰, политические лидеры, принимающие решения в сфере безопасности, ориентируются также и на общественные настроения. Кроме того, восприятие угрозы отражает не только страх и тревогу, испытываемые отдельными индивидами, но и эмоции, циркулирующие в массах.

Как массовые настроения сопряжены с восприятием угрозы?

Представители психодинамического подхода обратили внимание на то, что испытываемые эмоции, в том числе имеющие отношение к восприятию угрозы, неразрывно связаны с идентификацией с ин-группой и стремлением противопоставить себя аут-группе. Теория межгрупповых эмоций также строится на основе предположения о том, что эмоции переживаются индивидами, когда они идентифицируют себя с группой, рассматривают ее как часть своего «Я»¹⁷¹. В частности, сторонники этой теории утверждают, что, во-первых, эмоции на коллективном уровне зависят от степени идентификации индивидов с группой. Чем выше идентификация, тем ярче переживаются и выражаются эмоции на коллективном уровне. Во-вторых, они социально разделены среди членов группы. В частности, индивиды, рассматривающие себя в качестве представителей одной группы, переживают схожие эмоции. Например, как подчеркивают Э. Р. Смит, Ч. Р. Сейджер и Д. М. Маки, отчеты индивидов, воспринимающих себя американцами, об испытываемых эмоциях приближаются к прототипичному профилю эмоций, свойственному американцам¹⁷². При этом наиболее явное сходство наблюдается у индивидов с наиболее выраженной групповой идентификацией. В-третьих, эмоции, переживаемые на групповом уровне, вносят вклад в мотивирование и регулирование внутри- и межгрупповых аттитюдов и поведения. Например, в исследовании, которое провели Д. М. Маки, Т. Девос и Е. Р. Смит, показано, что испытываемое

¹⁷⁰ *Erisen E.* An Introduction to Political Psychology for International Relations Scholars // PERCEPTIONS. 2012. Vol. XVII, N 3. P. 9–28.

¹⁷¹ *Smith E. R., Seger C. R., Mackie D. M.* Can Emotions be Truly Group Level? Evidence Regarding Four Conceptual Criteria // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93, N 3. P. 431–446.

¹⁷² *Ibid.* P. 433.

членами группы чувство гнева мотивирует желание противостоять и атаковать представителей оппозиционной группы¹⁷³.

Описанная теория устанавливает связь между эмоциональными процессами и социальной идентичностью. При этом эмоции, которые переживаются на уровне группы, призваны защитить идентичность и сохранить ее положительную окрашенность. Сказанное справедливо в отношении прежде всего *положительных эмоций*, таких как счастье, гордость. Такую точку зрения разделяют и представители других теорий. Например, центральный тезис теории социальной идентичности состоит в том, что у группы «существует потребность создавать положительно оцениваемые отличия от других групп»¹⁷⁴. В русле психодинамического подхода постулируется значимость так называемой избранной общей славы¹⁷⁵, в основе которой лежит историческое событие, связанное с триумфом над врагом. Оно способствует поддержанию группового самоуважения и служит стержнем национальной идентичности.

Негативные эмоции, в свою очередь, также образуют связи с идентичностью группы. Однако они не однозначны. С одной стороны, страх, гнев, ненависть способны сплотить представителей группы¹⁷⁶. Например, в исследовании, проведенном Д. М. Маки и ее коллегами, установлено, что после терактов 11 сентября 2001 г. в США идентификация с американцами как ин-группой обнаруживает положительную корреляцию с переживаемыми эмоциями страха и гнева в связи с возможностью новых терактов на территории США¹⁷⁷. В. Волкан также обращает внимание на значимость «избранной общей

¹⁷³ Mackie D. M., Devos T., Smith E. R. Intergroup emotions: Explaining offensive action tendencies in an intergroup context // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 79, N 4. P. 602–616.

¹⁷⁴ Баранова Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности // *Психология самосознания* / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара, 2000. С. 608.

¹⁷⁵ Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 42.

¹⁷⁶ Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М., 2008. С. 39.

¹⁷⁷ Mackie D. M., Silver L. A., Smith E. R. Intergroup emotions: Emotion as an intergroup phenomenon // *The social life of emotions* / ed. by L. Z. Tiedens, C. W. Leach. Cambridge (England), 2004. P. 227–245.

травмы» в определении идентичности группы. Она определяется в качестве психологической ситуации, при которой «некое событие заставляет большую группу людей почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы, испытать унижение от обиды или причиненного вреда»¹⁷⁸. При этом событие и связанные с ним негативно окрашенные чувства боли и позора становятся основой идентичности группы, передаются от поколения к поколению «в качестве маркера ее этнической идентичности»¹⁷⁹. С другой стороны, высокий уровень идентификации с группой служит основанием для переоценки ситуации с целью избежать переживания негативных эмоций, например чувства вины. М. Дж. А. Уол и Н. Р. Браскомб делают вывод, что ситуация угрозы вызывает в группе эмоциональную реакцию, которая позволяет оправдать вред, причиненный ею другой группе¹⁸⁰.

Как описанная взаимосвязь идентичности и эмоций, переживаемых на групповом уровне, влияет на восприятие угрозы? Во-первых, можно предположить, что невозможность поддерживать положительную идентичность расценивается как угроза «онтологической безопасности»¹⁸¹. Во-вторых, стремление избежать негативных эмоций оказывает влияние на интерпретацию межгрупповых отношений и может стать причиной искажений в восприятии угрозы. В-третьих, содержание эмоций, переживаемых на групповом уровне, определяет направленность действий в ситуации угрозы.

Например, *раскаяние* и *чувство вины* возникают в ответ на угрозы, которые имели место в прошлом. Как следствие, субъект стремится переосмыслить прошлое, переложить ответственность за конфронтацию на оппонента.

Страх приводит к росту стремлений либо использовать в ситуации угрозы ответные действия и причинить вред оппоненту, либо отступить. Значимость страха как эмоции, продуцирующей агрессию в ходе межэтнических конфликтов, подчеркивает Д. Л. Горовиц.

¹⁷⁸ Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // *Общественные науки и современность*. С. 41.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Wohl M. J. A., Branscomb N. R. Group Threat, Collective Angst, and Ingroup Forgiveness for War in Iraq // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, N 2. P. 194.

¹⁸¹ Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12, N 3. P. 341.

Он ссылается на исследование Р. Бейтса и его коллег, которые полагают, что этнификация политики – результат массового страха относительно того, что оппонент может первым нанести удар. При этом подобный страх подкрепляется амбициозными политическими лидерами, которые убеждают своих последователей в том, что существует высокая вероятность агрессии со стороны другой группы¹⁸². Поэтому группа, охваченная эмоцией страха, использует агрессию для упреждения угрозы. В то же время, как подчеркивает М. Ю. Урнов со ссылкой на Л. Берковица, страх может быть спутником гнева, однако «его мотивационная составляющая – это <...> установка на бегство, которая, по мере нарастания, может подавлять интенсивность гнева, направленного на источник негативных переживаний»¹⁸³.

В свою очередь, эмоция *тревоги* ориентирована на будущее. Как подчеркивает М. Ю. Урнов, тревога предполагает «ситуацию неопределенности в отношении масштабов угрозы / неблагоприятных обстоятельств»¹⁸⁴. Как следствие, тревога связана с антиципацией угрозы и предполагает восприятие ситуации либо в соответствии со стратегией «защитного уклонения», отказа признавать существование проблемы, либо демонстрации «сверхбдительности». В первом случае угрозы игнорируются, занижаются, во втором – преувеличиваются.

Завершая обзор психологических подходов к восприятию угрозы, необходимо отметить ряд особенностей представленных объяснений.

Во-первых, в отличие от непсихологических подходов, рассматривающих восприятие угрозы как детерминированное переменными, характеризующими объект восприятия и контекст, в котором он представлен, в психологических подходах сделан акцент на исследовании субъекта восприятия. При этом субъективные основания восприятия угрозы связаны с особенностями когнитивных, аффективных и мотивационных характеристик познающего субъекта. Важно подчеркнуть, что, несмотря на определение угрозы как выводного знания, возникающего в результате познания реальности, современные исследования не ограничиваются

¹⁸² Horowitz D. L. The Deadly Ethnic Riot. Berkeley; Los Angeles, 2001. P. 548.

¹⁸³ Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. С. 102.

¹⁸⁴ Там же. С. 104.

анализом когнитивных факторов восприятия угрозы и все чаще ссылаются на влияние эмоций и потребностно-мотивационной сферы субъекта познания.

Во-вторых, представленный обзор позволяет сделать вывод, что знания, эмоции и мотивы выступают не как отдельные переменные, а как факторы, тесно взаимодействующие и оказывающие совместное влияние на восприятие угрозы. В частности, высокий уровень воспринятой угрозы создает основание для политических решений и действий, предпринимаемых под значительным влиянием эмоций. В то же время низкая угроза оставляет пространство как для эмоций, так и рациональных суждений. Сделанный вывод подтверждается теориями принятия политических решений. Так, в теории перспективы Д. Канемана и А. Тверски подчеркивается значимость ожидаемых потерь при выборе альтернативы в ситуации решения¹⁸⁵. Психологическая значимость потерь более высокая, чем выигрышей. Подобная асимметрия в чувствах лежит в основе усилий политиков, принимающих решения, избежать потерь и тем самым справиться с негативными эмоциями. Как подчеркивает Д. Г. Стейн, эмоциональная значимость потерь лежит в основе самой опасной динамики эскалации конфликта, поскольку трудно контролировать решения лидера, который воспринимает себя в ситуации потерь и склонен к риску в своих решениях и действиях¹⁸⁶. В свою очередь, аналитический подход к рассмотрению процесса принятия решений постулирует другую мотивацию, лежащую в основе совершения выбора. Она предполагает максимизацию выигрышей¹⁸⁷. Ориентация на получение выигрышей снижает эмоциональный фон, сопровождающий ситуацию принятия решений, и, как следствие, создает возможности для рациональной оценки.

В-третьих, психологические теории позволяют описать закономерности восприятия угрозы, которые обусловлены особенностями психологии человека, например, потребностью упростить процесс переработки информации, субъективной значимостью потерь или склонностью начинать процесс переработки информации

¹⁸⁵ *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // *Econometrica*. 1979. N 47. P. 263–291.

¹⁸⁶ *Stein J. G.* Threat Perception in International Relations. P. 384

¹⁸⁷ *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений. М., 1998. С. 109.

с ее эмоциональной оценки. В то же время они создают основания и для выделения индивидуальных различий в восприятии угрозы. Тем самым психологические теории позволяют, с одной стороны, описать общие закономерности, которым подчиняется конкретный процесс, и объяснить сходство восприятия угрозы разными субъектами. С другой стороны, они наглядно демонстрируют лабильность процесса восприятия угрозы и, следовательно, объясняют различия в оценках угрозы, демонстрируемых разными субъектами.

Все перечисленные особенности психологических объяснений восприятия угрозы не только создают возможности для более полного понимания процессов в области безопасности, но и обладают рядом *ограничений*, не позволяющих в полной мере раскрыть механизмы, лежащие в основе восприятия угрозы в сфере внешней политики.

Политико-психологические теории исследуют восприятие угрозы преимущественно на индивидуальном уровне. Но этот процесс в политической сфере развивается и на уровне коллективных субъектов. В эмпирических исследованиях изучаются угрозы в межгосударственных и межнациональных отношениях. Однако когнитивные и эмоциональные процессы на уровне коллективных субъектов в политической психологии остаются недостаточно изученными.

Это обстоятельство несколько снижает ценность выявленных психологических закономерностей при решении такого вопроса: как объяснить особенности восприятия угрозы в сферах внешней политики и международных отношений? Поставленный вопрос периодически возникает в работах по проблеме развития психологического подхода к изучению процессов в перечисленных сферах. Например, его задают Дж. Голдгейер и Ф. Тетлок. Они достаточно осторожно определяют роль психологии в объяснении международных политических процессов: «при каких обстоятельствах, каким образом и до какой степени различные направления теоретического анализа на международном уровне – структурный реализм, институционализм, конструктивизм – инкорпорируют различные категории психологической теории?»¹⁸⁸ Отвечая на вопрос, Дж. Голдгейер и Ф. Тетлок делают вывод, что психологические объяснения

¹⁸⁸ Goldgeier J., Tetlock Ph. Psychological Approaches // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 462.

«работают» наилучшим образом, когда целостно интегрируются в макро-организационный, социальный, экономический и системный подходы к анализу международных отношений. При этом ученые обращают внимание, что «психологические объяснения заполняют логические “пробелы” в существующих теоретических объяснениях»¹⁸⁹. Представленная точка зрения фактически указывает на необходимость интеграции психологических и непсихологических объяснений восприятия угрозы. Например, важно было не просто изучать когнитивные процессы, а анализировать их с учетом организационного и культурного контекста, в котором находятся взаимодействующие субъекты. Когда психологические факторы рассматриваются отдельно, они, как правило, не позволяют объяснить процесс восприятия угрозы.

В частности, политико-психологические исследования так и не смогли ответить на вопрос: почему угроза была воспринята (или не воспринята) субъектом? На это обстоятельство, в частности, указывает Р. Коэн¹⁹⁰. Трудности, возникающие в связи с поиском ответа на поставленный вопрос, по нашему мнению, связаны с тем, что в качестве зависимой и независимой переменных выступают два пересекающихся пласта субъективной реальности. Искажения при построении суждений о возможностях и намерениях государства объясняются ошибками, допущенными по причине ограниченных когнитивных ресурсов актора, воздействия существующих представлений о природе политического мира, переживаемых эмоций или неосознаваемых мотивов. Фактически приведенное объяснение исключает из рассмотрения характеристики угрозы как объект познания. В свою очередь, непсихологические объяснения уделяют внимание параметрам угрозы, в частности возможностям оппонента причинить вред и уязвимости субъекта познания, интересам, против которых направлены опасности. Их критика связана с тем, что они не учитывают роли субъекта познания в конструировании суждений о существовании угрозы.

В связи с этим остаются открытыми вопросы: почему угроза была воспринята и какие механизмы лежат в основе процесса?

¹⁸⁹ Goldgeier J., Tetlock Ph. Psychological Approaches // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 476–477.

¹⁹⁰ Cohen R. Threat Perception in International Crisis. Madison, 1979. P. 7.

Для поиска ответа требуется интегративный подход к изучению процесса восприятия угрозы с учетом его основных составляющих.

По нашему мнению, научный потенциал для решения задачи связан с пониманием угрозы как конструкта.

1.4. Угроза как конструкт

Определение угрозы как отношений между субъектами (см. п. 1.1) позволяет уточнить природу рассматриваемого феномена и процесса его познания.

В частности, субъект воспринимает не просто «угрозу», а намерения и возможности другого субъекта причинить вред. При этом понятие «субъект» скрывает за собой конкретное государство или негосударственного актора. В свою очередь, восприятие угрозы также осуществляет не абстрактный «субъект», а политический лидер или группа, выступающие от имени государства на международной арене и принимающие внешнеполитические решения. Иначе говоря, угроза становится результирующей отношений между определенными странами.

Сказанное определяет содержание процесса восприятия угрозы. Он может быть рассмотрен как процесс социального познания, объектом которого выступают намерения и возможности государств причинить вред, т. е. социальные объекты. Его специфика состоит также в социальной разделенности и социальном происхождении познания¹⁹¹. Содержание процесса социального познания угрозы может быть конкретизировано с учетом тезиса о «выводном» характере знания об угрозе¹⁹². Политический лидер формулирует суждение о существовании угрозы на основе осмысления намерений и возможностей оппонента причинить вред, а также собственной уязвимости. При этом познавательный процесс, во-первых, встроен в контекст отношений между взаимодействующими субъектами, запускается и поддерживается социальным взаимодействием, коммуникацией. Во-вторых, он опирается на систему значений, которая

¹⁹¹ Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. С. 51.

¹⁹² Тезис сформулирован и аргументирован в разделе 1.2: Особенности онтологического и эпистемологического статуса угрозы.

сложилась в той социальной системе, членом которой выступает субъект познания. В-третьих, ключевое значение в развитии познавательного процесса приобретают представления взаимодействующих субъектов о самих себе и оппонентах.

Таким образом, субъект не столько отражает, сколько конструирует ситуацию взаимодействия с оппонентом, создает ее репрезентацию в сознании, нежели воспринимает ее в традиционном понимании этого термина. Подобная трактовка познания угрозы возможна с позиций *неклассической теории познания*, которая исходит из признания соотнесенности субъекта и объекта познания. В контексте такой трактовки угроза представляет собой *конструкт*.

Для обоснования этого положения необходимо рассмотреть сущность процесса конструирования реальности.

Один из подходов к определению содержания этого процесса представлен в *теории личностных конструктов* Дж. Келли. Согласно ей человек познает мир с помощью системы шаблонов – конструктов, «которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир»¹⁹³. При этом важно подчеркнуть, что разные индивиды способны добиться сходства в понимании социальной реальности, если опираются на общее истолкование опыта¹⁹⁴. Однако подобное состояние достигается случайно. В отличие от тех подходов, которые подчеркивают значимость общности социального контекста, подобные радикальные индивидуалистические теории не считают, что совпадающие ожидания возникают вследствие общности воспитания и общности жизни. Скорее, речь идет о сходстве восприятия взаимных ожиданий¹⁹⁵.

Личностные конструкты играют значимую роль в процессе познания. Они должны позволить субъекту корректно *предвидеть* ход развития событий. Познание реальности фактически представляет собой процесс «проверки гипотез», основанием для выдвижения и проверки которых становятся созданные личностью конструкты. Если конструкт не выдерживает проверки и не позволяет предвидеть развитие событий, он подлежит корректировке.

¹⁹³ Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб., 2000. С. 18.

¹⁹⁴ Там же. С. 119.

¹⁹⁵ Там же. С. 123.

Как следствие, политические лидеры по-разному оценивают поведение других акторов с точки зрения угроз или открывающихся возможностей, поскольку опираются на отличающиеся конструкты. Вместе с тем эта теория не позволяет сформулировать удовлетворительное объяснение механизмов выработки разделяемого видения угроз.

Теория личностных конструктов предполагает достижение общего видения мира участниками социального взаимодействия. Во-первых, индивиды могут интерпретировать одинаково одну и ту же ситуацию в силу существования у них сходных конструктов. Дж. Келли подчеркивает: «Психические процессы одного человека сходны с психическими процессами другого человека в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой»¹⁹⁶. Во-вторых, социальное взаимодействие индивидов возможно даже в том случае, если они воспринимают мир по-разному, но в то же время стремятся понять, как другие интерпретирует действительность. Причем этот процесс сопровождается *реинтерпретацией*: индивид стремится переложить образ мира другого субъекта на свою систему конструктов.

Однако достижение консенсуса в первом случае представляется *случайным результатом*. Конструкты могут совпасть, а могут остаться различными. Во втором случае речь идет о ситуации, когда индивид в целом способен понять точку зрения другого актора, но при этом его собственная система конструктов окажется нерушимой или будет претерпевать незначительные трансформации, то есть возникнет ситуация, когда субъект понимает мнение другого, однако не пытается изменить свое мнение. Более того, неминуемое изменение личностных конструктов воспринимается как угроза¹⁹⁷. Сказанное позволяет предположить, что выработка общего представления о национальных интересах, сферах уязвимости и угрозах практически неразрешима.

Подобные ограничения теории личностных конструктов, по нашему мнению, способна преодолеть *теория социального конструктивизма*.

¹⁹⁶ Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб., 2000. С. 119.

¹⁹⁷ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997. С. 468.

Основное положение этой теории заключается в том, что взаимодействие индивидов осуществляется в пределах различных социальных групп – этнических, гендерных, профессиональных и других. Отмеченные социальные образования в ходе своей деятельности создают, поддерживают и изменяют среду существования посредством системы *значений*, разделяемых представлений о мироустройстве. При этом если индивиды не придерживаются доминирующей в обществе системы значений, социальные структуры начинают изменяться в направлении соответствия новой системе значений. Иначе говоря, в социально конструируемом мире существование устойчивых паттернов, причинно-следственных связей и даже самих государств зависит от системы значений и практик, которые ее составляют.

Таким образом, так же как и Дж. Келли, социальные конструктивисты исходят из того, что реальность существует, только будучи отраженной, осознанной субъектом. Однако если когнитивный психолог предполагает познание действительности посредством системы конструктов, которые могут быть свойственны только этой личности, то конструктивисты подчеркивают, что значения представляют собой нечто большее, чем убеждения отдельных индивидов. Во-первых, они *интерсубъективны*, т. е. разделяются членами той или иной социальной общности. Во-вторых, значения получают *институционализацию* и находят выражения в практиках и идентичности. Эти особенности значений отмечает Дж. Легро: «Идеи имеют не столько ментальную, сколько символическую и организационную природу; они являются не только частью человеческих умов, но также составляют часть коллективной памяти, правительственных процедур, системы образования и искусства управления государством»¹⁹⁸.

Однако, обсуждая проблему соотношения коллективного и индивидуального, агентов и структуры, сторонники этого теоретического направления не отдают «онтологического первенства»¹⁹⁹ ни одному из элементов. Они характеризуют отношения между ними как «*взаимопорождение частей и целого*»²⁰⁰, агентов и структуры.

¹⁹⁸ Legro J. Rethinking the World: Great Powers Strategies and International Order. Ithaca (NY), 2005. P. 6.

¹⁹⁹ Klotz A., Lynch C. Strategies for Research... P. 3.

²⁰⁰ Коркюф Ф. Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2002. С. 22.

Иначе говоря, институты соответствуют системе значений, которую усваивают отдельные индивиды. При этом важно отметить, что у членов общества формируется идентичность, которая согласуется со сложившимися институтами и системой значений. Идентичность субъекта, в свою очередь, приобретает стабильность и воспроизводится в рамках соответствующих институтов в результате процесса социализации. Следовательно, в отличие от теории личностных конструктов, социальный конструктивизм пытается преодолеть оппозицию коллективного и индивидуального и тем самым позволяет не сводить этот процесс ни к детерминирующему влиянию существующей социальной структуры, ни к произвольным решениям отдельных индивидов. Как было показано ранее, в теории Дж. Келли конструкты представляют собой порождение личности и даже в процессе социального взаимодействия индивиды стремятся не столько выработать разделяемое видение мира, сколько «переложить» чужую точку зрения на язык своих конструктов. В свою очередь, сторонник конструктивистского подхода к анализу внешней политики А. Вендт доказывает, что институты предстают перед акторами и как социальный факт, и как следствие разделяемых ими значений²⁰¹. В связи с этим социальная структура всегда соотнесена с «объективными» характеристиками действительности, ее невозможно просто «придумать». Скорее, можно говорить о взаимопорождении значений и характеристик институциональной среды, в контексте которой взаимодействуют индивиды.

Разделяя точку зрения о том, что не все в реальности обусловлено идеями и что действия акторов соотносимы с характеристиками действительности, конструктивисты пытаются преодолеть *противопоставление идеального и материального*. В связи с этим, как подчеркивает И. Хард, сторонники теории социального конструктивизма не заменили «явный материализм» выраженным субъективизмом²⁰². Они придерживаются той точки зрения, что влияние характеристик объективной действительности зависит от взаимных договоренностей и ожиданий, от распределения знаний, которые лежат в основе представлений акторов о себе и других. Ученый

²⁰¹ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. N 46. P. 399.

²⁰² Hurd I. Constructivism // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 301.

полагает, что «именно коллективные значения составляют структуры, организующие наши действия»²⁰³.

Тезис о взаимном учреждении агентов и структуры ведет к отрицанию существования объективных фактов, которые не зависели бы от когнитивных конструкций, придающих им значение. Реальность в ее нынешнем виде существует до тех пор, пока она поддерживается индивидами. В то же время, как отмечалось ранее, подобная трактовка тезиса о взаимном учреждении агентов и структур не означает, что «последнее слово» в познании реальности остается за индивидом. Сложившаяся система разделяемых индивидами значений становится основой социального порядка, институтов, которые существуют, по меньшей мере, для членов данного общества. В результате правила и система значений, которые проистекают из институциональной практики, приобретают причинную и нормативную силу, поскольку индивиды руководствуются ими в своем поведении.

Подобная соотнесенность типичных паттернов поведения и социального знания отражена в понятии «*социальные практики*». Распространенный в этой культуре способ реагирования на ситуации имеет смысл в контексте существующей системы значений, взглядов на мир. В свою очередь, последние также находят подтверждение, обретают достоверность в силу того, что служат основанием для повторяющихся образцов поведения.

Конструирование социальной реальности осуществляется посредством двух видов процессов. Первые носят социальный характер и предполагают *экстернализацию, объективацию и институционализацию*. Вторые, в числе которых *типизация и интернализация*, содержат значимый когнитивный компонент. Перечисленные процессы описаны в фундаментальном труде П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания»²⁰⁴. Ученые видят истоки социального порядка, который поддерживается устойчивыми легитимными институтами, в совершении индивидами привычных действий в повторяющихся ситуациях. Они подчеркивают: «...институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного

²⁰³ *Wendt A. Anarchy is What States Make of It... P. 397.*

²⁰⁴ *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.*

рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия»²⁰⁵. Сказанное означает, что после получения типизированными действиями статуса институтов, они приобретают характер предписаний, определяющих, как надлежит вести себя в тех или иных ситуациях, а также – кто должен действовать. Таким образом, институты в силу самого факта их существования контролируют поведение членов общества, «устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений»²⁰⁶.

Наряду с поведением своего рода типизации подвергается и восприятие реальности, ее интерпретация, осуществляемая посредством категорий, называющих действительность. В познавательном плане типизация позволяет экономить когнитивные ресурсы и не осмысливать каждый раз заново похожие ситуации. Кроме того, значения, которые содержат привычные действия, включаются в качестве рутинных в общий запас знаний, считаются само собой разумеющимися в сходных обстоятельствах. В результате значения действий становятся понятными не только индивиду, который совершает их в конкретный момент, но и другим людям. Это обстоятельство служит основой для коммуникации и совершения совместной деятельности.

Подобное взаимовлияние институтов и отдельных индивидов, которые и создают эти институты, взаимодействуя друг с другом, осуществляется в ходе «непрерывного диалектического процесса»²⁰⁷, включающего этапы экстернализации, объективации и интернализации²⁰⁸. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что субъект постоянно осмысливает окружающий мир и проецирует свое понимание

²⁰⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности... М., 1995. С. 92.

²⁰⁶ Там же. С. 93.

²⁰⁷ Там же. С. 102.

²⁰⁸ Там же. С. 209.

происходящего на социальную реальность, экстернализируя тем самым собственное истолкование действительности. В ходе объективации «экстернализированный продукт человеческой деятельности приобретает характер объективности»²⁰⁹, т. е. воспринимается уже как данность, которая не носит отпечатка конкретного человека (автора) и не может быть с легкостью изменена. При помощи институционализации создается объективированный социальный мир, который, в свою очередь, усваивается, интернализуется в процессе социализации. П. Бергер и Т. Лукман придают высокую значимость процессу интернализации, поскольку она служит основой для понимания других людей, а также мира как социальной реальности.

Циклический характер этого процесса указывает на то, что характеристики индивидов и их действия было бы неверно рассматривать как формирующиеся под влиянием структуры. Члены общества способны сами трансформировать ее посредством освоения новых нормативных, культурных, экономических, социальных и политических практик, которые приводят к изменению знания, считавшегося «общепринятым», а также способов действия.

Основные тезисы конструктивистской теории необходимо дополнить еще одним, имеющим ключевое значение для понимания процесса конструирования угрозы в сфере внешней политики. В нем утверждается значимость *идентичности* субъекта.

Рассмотренный выше тезис о взаимном учреждении агента и структуры предполагает, что субъекты, действующие в русле сложившейся социальной структуры, осмысливают самих себя и партнеров по взаимодействию, т. е. обретают идентичность. Она понимается в качестве «социальных взаимоотношений, которые изменяются во времени и в зависимости от социального контекста»²¹⁰. В работах А. Вендта идентичность государства определяется как относительно стабильные, основанные на ролях ожидания актора о самом себе. Формирование идентичности происходит в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений. По его мнению, идентичности как самостоятельные сущности не могут определяться изолированно от социального контекста – они внутренне взаимос-

²⁰⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности... М., 1995. С. 111.

²¹⁰ Klotz A., Lynch C. Strategies for Research... P. 65.

вязаны. В результате идентичности должны трактоваться в качестве набора *значений*, которые субъект приписывает себе, рассматривая поступки других акторов²¹¹. Таким образом, познание государством самого себя непосредственно связано с познанием других участников международных отношений. При этом важно подчеркнуть, что поскольку идентичности определяются в качестве социальных взаимоотношений, то их нельзя считать раз и навсегда заданными. Они производятся и воспроизводятся в определенном временном, пространственном и социальном контексте в ходе интеракции конкретных субъектов. Как следствие, в конструктивистском подходе изучаются процессы, посредством которых устанавливаются взаимосвязи социального контекста, предпринимаемых действий и идентичности субъекта, а также то, как она, в свою очередь будучи сформированной, находит отражение во взаимодействии с другими субъектами.

Рассматривая понятие идентичности в конструктивистском подходе, необходимо отметить, что, несмотря на ее динамичный характер, пребывание в процессе становления, производства и воспроизводства, она все же получает институционализацию и становится частью того социального контекста, в котором действуют субъекты²¹². Иначе говоря, участники взаимодействия могут демонстрировать разные варианты самоопределения, которые, однако, уже предусмотрены сложившейся социальной структурой. При этом стремление построить самоопределение вне установленных социальных рамок может наблюдаться как временное явление. Например, А. Вендт описывает два идеальных вида идентичности, которые могут рассматриваться как полюса своеобразного континуума, отражающего паттерны самовосприятия субъекта. Идентичность может быть *коллективной*, когда государства относятся друг к другу с уважением, а решения принимаются на условиях компромисса. Такой тип идентичности подразумевает выражение эмпатии и солидарности по отношению к другим участникам международного взаимодействия. Идентичность может быть *эгоистической*, когда «другие» рассматриваются в качестве объектов манипуляции с целью реализации государством собственных интересов.

²¹¹ *Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. N 88. P. 386.*

²¹² *Klotz A., Lynch C. Strategies for Research... P. 84.*

Однако принцип взаимного учреждения агентов и структуры позволяет А. Вендту утверждать, что эгоистическая идентичность может играть важную роль только на ранних этапах формирования политического режима. Со временем она неизбежно преобразуется в кооперативную, поскольку агенты подчиняются требованиям социальной структуры, которая служит основой для международного взаимодействия²¹³. При этом можно предположить, что прилагательное «кооперативный» обозначает не только отношения, построенные на основе дружественных отношений, взаимовыгодного сотрудничества. Оно описывает международное взаимодействие, которое воспроизводит тот социальный формат, который сложился на международной арене. Кооперативная идентичность свойственна субъектам, которые установили между собой не только социальные, но и общественные отношения. Они развиваются между субъектами, занимающими определенные статусные позиции и исполняющими социальные роли. Кроме того, они придерживаются определенных ценностей, обладают особыми мотивами и интересами в контексте определенной структуры, обеспечивающей устойчивость отношений, их институционализацию, воспроизводство²¹⁴. Важно подчеркнуть, что государство, идентичность которого имеет кооперативный характер, определяет свои роли, статусные позиции, ценности так, чтобы обеспечить воспроизводство социальной структуры. Аспекты самовосприятия, которые не позволяют решить эту задачу, должны остаться «для внутреннего использования» на национальном уровне, если государство стремится остаться частью социального пространства межгосударственных отношений. Подобные «некооперативные» игроки подвергаются международному воздействию посредством санкций, изоляции, становятся «изгоями». Основная «претензия» к ним связана именно с их стремлением поставить под сомнение сложившийся мировой порядок. Страны проходят процесс социализации, направленный на интернализацию норм международного взаимодействия и формирование соответствующей идентичности²¹⁵.

²¹³ *Wendt A. Collective Identity Formation...* P. 386.

²¹⁴ Отношения общественные // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2227.html>

²¹⁵ *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Социализация России в «Группе восьми»: процесс и результат // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 58–66;*

Значимость идентичности определяется тем, что она создает основу для формулировки *интересов*. Как подчеркивает А. П. Цыганков, «прежде чем нация сможет определить, каким образом эффективно защищать свои интересы посредством доступных материальных и дипломатических средств, она должна определить, что представляют собой эти интересы в структуре международного общества»²¹⁶. Как формируются национальные интересы?

Конструктивист А. Вендт рассматривает возникновение национальных интересов с позиций когнитивного подхода. Не отрицая влияния *базовых потребностей* в безопасности, принадлежности, достижениях, ученый справедливо отмечает, что они важны для любого государства. Следовательно, они не способны объяснить возникновение специфических национальных интересов у государства. Когнитивный подход направляет наше внимание на *схемы* или *репрезентации*, посредством которых государства определяют свои интересы²¹⁷. Например, государства, конструирующие представления о себе как о стране, удовлетворенной своим положением на международной арене, и рассматривающие правила, регламентирующие международные отношения, как легитимные, формулируют национальные интересы, направленные на сохранение существующего мирового порядка. В связи с этим А. Вендт подчеркивает, что подобные представления отражают определенную идентичность государства, которая мотивирует его на выбор той или иной стратегии построения отношений с другими акторами²¹⁸.

Представленные положения конструктивистской теории позволяют раскрыть содержание познавательных процессов, которые ведут к конструированию суждения о существовании угрозы.

Угроза – конструкт, который возникает в контексте отношений между государствами в области безопасности. Процесс конструи-

International Institutions and Socialization in Europe / ed. by J. T. Chekel. Cambridge, 2007; *Flockhart T.* ‘Masters and Novices’: Socialization and Social Learning through the NATO Parliamentary Assembly // International Relations. 2004. Vol. 18, N 3. P. 361–380; *Harrison E.* State Socialization, International Norm Dynamics and the Liberal Peace // International Politics. 2004. N 41. P. 521–542.

²¹⁶ Цыганков А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М., 2008. С. 32.

²¹⁷ *Wendt A.* Social Theory of International Politics. P. 112.

²¹⁸ *Ibid.* P. 124.

рования угрозы предполагает определение идентичности участников установленных отношений. При этом, принимая во внимание динамичный характер этого процесса, термин «идентичность» может быть заменен понятием «образ государства», который отражает представления субъекта познания о характеристиках взаимодействующих государств. Учитывая утверждение конструктивистов о том, что определение государством своей идентичности в сложившейся ситуации связано с осмыслением также и характеристик оппонента, восприятие угрозы предполагает формирование образов «своего» и «другого» государства, которые имеют комплементарный характер, т. е. характеристики одного взаимосвязаны с качествами другого.

Конструирование образов государств осуществляется под воздействием когнитивных, аффективных и мотивационных факторов, которые отражают психологические характеристики субъектов познания. Можно предположить, что перечисленные факторы характеризуют как их индивидуально-личностные особенности, так и качества, обусловленные их идентичностью. В частности, как отмечалось ранее, идентичность служит основой для определения национальных интересов, которые позволяют осмыслить взаимодействие государств с точки зрения поставленных целей и предпочтений. Она определяет также и содержание когнитивных процессов, в частности особенностей мышления субъектов, обусловленных принадлежностью к той или иной социальной общности²¹⁹. Эмоции, переживаемые субъектами в ситуации угрозы, зависят от самовосприятия субъектов²²⁰.

Учитывая, что с точки зрения конструктивистской теории идентичность получает институционализацию, конструирование угрозы осуществляется в контексте основных измерений социальной структуры, которые выступают в качестве пред-конструкций в процессе познания угрозы.

Таким образом, конструирование угрозы происходит на трех уровнях. Несмотря на то что собственно познавательный процесс

²¹⁹ Zerubavel E. *Social Mindscales: an Introduction to Cognitive Sociology*. Cambridge; London, 1999. 164 p.

²²⁰ Corneille O., Yzerbyt V. Y., Rogier A. Threat and the Group Attribution Error: When Threat Elicits Judgments of Extremity and Homogeneity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27, N 4. P. 437–446.

осуществляется субъектом на индивидуальном уровне, он разворачивается также во взаимодействии с оппонентом и, кроме того, соотносен с основными измерениями социальной структуры, в контексте которой действуют субъекты. Иначе говоря, угроза как социальный конструкт – это не только следствие познания действительности конкретным субъектом, но и результат воздействия коллективных представлений, которые находят отражение в сложившихся институтах и практиках в конкретном обществе в определенный момент времени.

Приведенное содержание процесса конструирования угрозы требует дальнейшей разработки применительно к сфере внешней политики.

1.5. Конструирование угрозы в сфере внешней политики

Несмотря на то что в центре внимания работы лежит познание угрозы, суть которого определена как конструирование реальности, этот процесс нельзя рассматривать только как когнитивный. Строго говоря, конструирование реальности объединяет две группы процессов: одна связана с восприятием и типизацией социальных фактов, другая предполагает превращение субъективных значений и действий в более или менее устойчивые формы поведения, социального взаимодействия посредством институционализации типичных действий. В результате создается объективированный социальный мир, который интериоризируется индивидами в ходе социализации. Отмеченные процессы взаимосвязаны и обозначают этапы конструирования реальности. Очевидно, что отказ от рассмотрения одной из групп процессов не способствует пониманию содержания процесса конструирования реальности. Как справедливо отмечают Д. Л. Морган и М. Л. Швабе, «ограничивая свое внимание исключительно проблемами мышления индивида, исследования социального познания стали поразительно асоциальными»²²¹.

²²¹ *Morgan D. L., Schwalbe M. L. Mind and Self in Society: Linking Social Structure and Social Cognition // Social Psychology Quarterly. 1990. Vol. 53, Issue 2. Special Issue: Social Structure and Individual. P. 149.*

В связи с этим в первой главе конструирование угрозы рассматривается преимущественно с точки зрения анализа *когнитивных процессов*, протекающих в социально-политическом контексте, который не только в значительной мере определяет их содержание, но и сам возникает в результате познавательной деятельности субъекта.

Определение познания угрозы как ее конструирования позволяет предположить, что этот процесс подчиняется закономерностям социального познания. Но процессы социального познания в сфере внешней политики имеют свою специфику, которая не может не отражаться на их структуре, содержании и механизмах. Ключевая особенность связана с характеристиками субъекта познания, которые обусловлены спецификой внешнеполитической сферы.

Внешняя политика формируется и развивается в сложных внутривнутриполитической и международной средах и, следовательно, требует анализа на разных уровнях и с учетом множества разнообразных факторов²²². В связи с этим комплексное изучение внешнеполитического поведения предполагает исследование динамики международной системы, внутренних характеристик государства и политического лидерства. Подобный многоуровневый и многофакторный характер внешнеполитических процессов не может не отразиться на содержании познания в этой сфере.

Познание в сфере внешней политики, в том числе и угрозы, осуществляет политический лидер, т. е. *индивид*. Так, политолог Ф. Закария утверждает, что именно государственный деятель, а не государство – основной участник международных отношений²²³. Анализ процесса переработки информации индивидом позволяет приблизиться к пониманию того, как в его сознании формировалась репрезентация ситуации как угрожающей и как она повлияла на совершение выбора. Однако психологические факторы, рассмотренные на индивидуальном уровне анализа, все же не отражают в полной мере основные «движущие силы», которые лежат в основе этого процесса. Угрозу познает не просто «человек», а государственный деятель. Например, Й. Галтунг в связи с этим подчеркивает: «Любой

²²² Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. New York; Oxford, 2003. P. 8–9.

²²³ Zakaria F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. Princeton (NJ.), 1998. 216 p.

министр иностранных дел не просто характеризуется личными качествами и положением в среде коллег, он является визитной карточкой государства»²²⁴. При этом исследователь отмечает, что в процессе взаимодействия индивидов, представляющих государства, они предстают как избранники народа, как обладатели формальных позиций, как индивиды, наделенные неформальными статусами. Кроме того, каждый из них может быть описан посредством идиосинкразических личностных категорий, к числу которых можно отнести и особенности познавательных процессов государственных деятелей. Однако, по мнению Й. Галтунга, они должны трактоваться как остаточные²²⁵. Остаточный характер личностных характеристик политических лидеров обусловлен именно тем, что они выступают перед нами как носители формальных статусных позиций, закрепленных доверием народа и государства, интересы которых они представляют. В связи с этим можно ожидать, что репрезентация решаемых политических проблем осуществляется под воздействием не только психологических особенностей личности политика, но и других факторов, отражающих позиции лидеров как государственных деятелей.

Сказанное актуально и для анализа процесса познания в сфере внешней политики. Политический психолог Дж. С. Леви подчеркивает: «Психологические переменные, которые относятся к индивидуальному уровню анализа, не позволяют объяснить внешнюю политику, которая представляет собой результат действия факторов на национальном уровне»²²⁶. В связи с этим исследователи, рассматривающие функционирование внешнеполитической сферы, обращают внимание на необходимость наряду с личностными чертами рассматривать и другие факторы. Например, Дж. Розенау полагает, что внешняя политика государства должна изучаться с учетом факторов, действующих на следующих уровнях анализа: индивидуальном, ролевом, правительственном, социетальном и внешнем (средовом)²²⁷.

²²⁴ Галтунг Й. Теории малых групп и теория международных отношений (исследование проблемы соответствия) // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 137.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Levy J. S. Political Psychology and Foreign Policy // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003. P. 254.

²²⁷ Rosenau J. N. The Scientific Study of Foreign Policy. New York, 1980. Ch. 6. P. 115–169.

Рольевые переменные связаны с воздействием, которое оказывают на политика те должностные обязанности, которые он исполняет. Влияние отмеченной категории факторов связано с тем, что индивиды исполняют разные роли, каждая из которых ассоциируется с рядом требований и ожиданий, возлагаемых на субъекта другими участниками политического пространства. При этом, по мнению Дж. Розенау, значимость рольевых переменных возрастает в демократических государствах, в которых действия индивидуальных политических субъектов ограничено влиянием бюрократии и функционированием организаций. Например, по мнению ученого, на внешнеполитическое поведение политиков США рольевые факторы оказывают наиболее существенное влияние по сравнению с другими переменными.

Так называемые правительственные факторы находят отражение в процедурах принятия внешнеполитических решений. Принимается ли решение индивидом самостоятельно или в этот процесс вовлечены разные правительственные структуры? Наделены ли все участники процесса принятия решений равными или отличающимися возможностями и влиянием? Как отдельные структуры могут ограничить варианты выбора или способствовать появлению разных вариантов решения?

Группу социетальных факторов образуют политическая культура, экономические условия, а также общественное мнение, СМИ, группы давления. США, объясняет Дж. Розенау, будучи большим, открытым, демократическим государством с развитой экономической системой в своей внешней политике испытывают значительно большее влияние социетальных факторов, чем маленькое, закрытое и менее экономически развитое государство, в котором политический процесс характеризуется большей зависимостью от лидера.

Внешние средовые переменные включают факторы, не связанные с «человеческим фактором», или любые действия, происходящие за рубежом, которые могут повлиять на выбор, совершаемый субъектом (гонка вооружений, рост численности населения, глобальные экономические проблемы и т. д.). К этой же категории переменных можно отнести баланс сил на международной арене, сложившиеся правила и нормы, систему международных институтов.

Например, политический психолог Я. Верцбергер описывает ряд воздействий среды, налагающий структурные ограничения на поведение государства на международной арене: 1) географические параметры; 2) ограничения со стороны самой организации и структуры международной системы; 3) система вознаграждений и наказаний международного общества в отношении того или иного поведения международных акторов; 4) система ценностей, убеждений, норм и притязаний, которая может выступать в качестве ограничителя поведения; 5) достигнутые договоренности; 6) внутривнутриполитическая ситуация, а также 7) существующие возможности политического роста, развития самой международной системы²²⁸.

Как перечисленные факторы, действующие на индивидуальном, национальном и системном уровнях, влияют на процессы социального познания в сфере внешней политики? Очевидно, что исследование познавательных процессов не должно ограничиваться выяснением того, как все перечисленные группы переменных способствуют формированию определенной репрезентации проблемы в сознании. Представленный в этой главе обзор непсихологических теорий восприятия угрозы отражает тот факт, что воздействие некоторых этих переменных уже осмыслено. Важно разработать теоретическую концепцию, которая позволяет: 1) раскрыть взаимовлияние социальной структуры и познавательных процессов в сфере внешней политики; 2) понять, как структуры отражены в системе репрезентаций отдельных субъектов; 3) описать, как она поддерживается (или трансформируется) в результате познавательной деятельности членов общества; 4) осмыслить, как когнитивные репрезентации структуры влияют на формирование социальных и политических процессов. При этом важно не только обозначить взаимосвязи познавательных процессов и структурных факторов, но и выявить конкретные когнитивные механизмы, обеспечивающие подобные взаимосвязи, а также изучить их эмпирически.

Конструирование угрозы также осуществляется: 1) на индивидуальном уровне; 2) в контексте отношений между субъектами; 3) под влиянием структурных факторов на национальном уровне; 4) на уровне международной системы.

²²⁸ Vertzberger Y. Y. I. The World in Their Minds...

1. На индивидуальном уровне угроза находит воплощение в виде образа государства – источника опасности, формируемого политическим лидером под влиянием когнитивных, аффективных, мотивационных факторов, действующих на уровне сознания и бессознательного. Иначе говоря, на этом уровне угроза как представление об оппоненте может рассматриваться как составляющая субъективной картины мира индивида – политического лидера.

2. На уровне отношений между субъектами угроза представлена парой соответствующих образов государств, взаимодействие между которыми определено либо открыто выражаемым, либо субъективно приписываемым намерением причинить вред. В этом случае конструирование угрозы подчинено механизмам социально-го познания в политическом контексте.

3. Анализ угрозы в контексте структурных факторов направлен на выявление особенностей образов взаимодействующих государств, соответствующих нормативному, стратификационному, интеракционному и идеальному измерениям социальной структуры на национальном уровне. В этом случае конструирование угрозы предполагает ее социальную структуриацию. Иначе говоря, субъект познания стремится придать смысл взаимоотношениям между государствами в ситуации угрозы на основе пред-конструкций, содержание которых отражено в правилах и нормах; привычных паттернах реагирования на ситуацию опасности; распределении материального, социального и культурного капитала среди членов общества; ментальных моделях угроз.

4. То же происходит и на международном уровне. Пред-конструкциями становятся правила и нормы, составляющие основу международных режимов; наличие ресурсов, которыми обладают государства, занимающие различные позиции в международной иерархии; принципы построения отношений между конкретными странами в двусторонних отношениях; сложившиеся системы значений.

Иначе говоря, угрозы помещаются в матрицу социальной структуры общества и получают интерпретацию с точки зрения основных ее измерений. В качестве угроз при этом рассматриваются события и действия, которые разрушают сложившиеся основы общества и подчас ставят под сомнение его существование. Если пред-конструкции по тем или иным причинам не могут быть при-

менены для осмысления внешней угрозы, как в ситуации с появлением новых угроз, процесс структуризации связан с превращением субъективных определений новых источников опасности в устойчивые формы поведения и взаимодействия на основе ролей, предписанных определенными институтами. Например, инициативы политического руководства России в области изменения военной организации государства могут рассматриваться в контексте производства структур, призванных закрепить новые значения и смыслы в области безопасности, в том числе и представления о новых актуальных угрозах²²⁹.

Важно подчеркнуть, что выделение отдельных уровней достаточно условно и необходимо в аналитических исследовательских целях. Раскроем их содержание и установим взаимосвязи между ними.

²²⁹ Владимир Путин провел в Кремле заседание Совета Безопасности, посвященное вопросам совершенствования военной организации России на период до 2020 года. 5 июля 2013. URL: <http://kremlin.ru/news/18529>

ГЛАВА 2

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ КАК ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

Необходимость изучения конструирования угрозы сквозь призму формирования образа государства обусловлена спецификой условий взаимодействия субъектов в ситуации угрозы в целом и особенностями познания угрозы в сфере внешней политики в частности.

Согласно определению, данному в главе 1 (п. 1.1), угроза представляет собой отношения между субъектами, когда один из них выражает намерение и готовность причинить вред другому при условии невыполнения им предъявляемых требований. Иначе говоря, по мнению Д. Пруитта, складывается определенная социальная ситуация¹. Как следствие, можно предположить, что познание угрозы предполагает *определение сути этой социальной ситуации*. Д. Пруитт полагает, что содержание этого процесса связано с формированием образов индивидов, включающих представления об их возможностях, намерениях и чертах, причем образы формируются в соответствии с целями субъекта познания, а также разделяемыми им правилами поведения.

В сфере внешней политики предметом решений и действий политических лидеров становится *внешняя угроза*, которая исходит от государств или негосударственных акторов. Как следствие, можно утверждать, что она лежит в основе *международной ситуации*, определение которой связано с формированием системы образов, отражающих видение субъектом других наций, и того, насколько они соответствуют целям и моделям поведения, которые субъект рассматривает как подходящие для своей нации².

¹ Pruitt D. G. Threat Perception, Trust and Responsiveness in International Behavior: Technical report, N 11 / Office of Naval Research. Washington (DC), 1964. P. 3.

² Ibid.

Исходя из приведенного определения, конструирование угрозы предполагает выработку *интерпретаций* отношений между государствами, содержащих *образы двух государств*. Иначе говоря, внешняя угроза осмысливается не только посредством создания образа страны, которая демонстрирует намерения и возможности причинить вред, но и образа государства, от имени которого выступает политический лидер, познающий угрозу. Можно предположить, что содержание второго образа определяется оценками уязвимости перед появившейся угрозой, а также выработкой приемлемых способов реагирования на нее. При этом важно отметить две особенности создаваемых образов.

Во-первых, образы взаимодействующих государств формируются не изолированно, а в «привязке» друг к другу и носят взаимодополняющий характер, раскрывая содержание сложившейся ситуации, которая становится предметом внешней политики. Субъект познания делает вывод, что X – враг, потому что Y – жертва, или A – представляет угрозу, поскольку B – уязвим. Следовательно, созданные образы поддерживают и подтверждают друг друга.

Во-вторых, согласно определению международной ситуации, она включает не только представления об участниках взаимодействия, но и оценки их поведения, в формировании которых образ государства субъекта познания выступает в качестве своеобразной «референтной точки», то есть конструирование угрозы связано не просто с созданием пары комплементарных образов. Формирование образа «другого» привязано к осмыслению образа «своего» государства.

Отмеченные особенности получили эмпирическое подтверждение. Например, М. Коттам провела исследование с участием политических лидеров США. Субъектов принятия политических решений просили назвать основные категории, в соответствии с которыми они воспринимают действия государств на международной арене. М. Коттам обнаружила, что субъекты принятия внешнеполитических решений используют такие понятия, как «союзник», «враг», «государство, зависимое от врага», «государство, зависимое от США» и «нейтральное государство»³. Результаты исследования могут быть проинтерпретированы с точки зрения значимости образа «своего»

³ Cottam M. Foreign Policy Decision-making: The Influence of Cognition. Boulder, 1986. P. 61–109.

государства в формировании представлений о «другой» стране. Все приведенные категории – реляционные по своему содержанию, т. е. отражают позицию того или иного государства по отношению к США. Союзник – это союзник США, враг – угроза для США, нейтральное государство – государство, не оказывающее влияния на политику США. Даже такая категория, как «государство, зависимое от врага», не утрачивает своей «привязки» к самокатегоризации США. У США есть оппонент, который строит свою внешнюю политику со ссылкой на враждебное американским интересам государство.

Можно предположить, что подобное видение мира свойственно США как великой державе и соответствует особой статусной позиции этого государства в международной системе. Однако, по нашему мнению, тенденция рассматривать «свое» государство в качестве референтной точки свойственна самым разным странами независимо от их положения в международной иерархии. Конструктивистская теория позволяет объяснить подобное видение мира тем, что в основе внешнеполитических решений и действий лежат национальные интересы, обусловленные пониманием идентичности государства, образа национального «Я»⁴.

Сказанное позволяет сделать вывод, что для понимания процесса конструирования внешней угрозы необходимо раскрыть механизмы формирования образа государства. Однако прежде всего важно определить содержание понятия «образ государства» в сфере внешней политики, раскрыть его структуру и содержание, а также факторы формирования.

2.1. Проблема образа государства в сфере внешней политики

Проблема образа государства сохраняет актуальность на протяжении нескольких десятилетий. Сформулированная К. Боулдингом идея о том, что «субъекты, решения которых определяют политику наций, реагируют не на объективные факты, характеризу-

⁴ Цыганков А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М., 2008. С. 35.

ющие ситуацию <...> а на образы этой ситуации»⁵, определила одно из ключевых направлений политико-психологических исследований, связанное с изучением восприятия в политическом контексте и образов, которые формируются в результате этого процесса. Объектом внимания ученых стали образы политиков и партий, ветвей власти и государственных институтов⁶.

В психологических исследованиях внешней политики изучаются образы государств⁷. При этом можно обозначить четыре основных направления исследований. *Первое* раскрывает природу взаимного восприятия и образа государства как результата этого процесса⁸. *Второе* связано с изучением образов государств, сфор-

⁵ Boulding K. National Images and International Systems // The Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol 3, N 2. P. 120.

⁶ Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2012.

⁷ Herrmann R. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003. P. 285–314; Herrmann R. Perceptions and Image Theory in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed. / eds. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 334–363.

⁸ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 19–33; Киселев И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2003; Шестопал Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций, лидеров / под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2008. С. 8–24; Boulding K. National Images and International Systems // Journal of Conflict Resolution. 1959. N 3. P. 120–131; Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // Journal of Social Issues. 1961. N 17 (3). P. 45–56; Cottam R. Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study. Pittsburgh (PA), 1977; Cottam M., Dietz-Uhler B., Masters E., Preston T. Introduction to Political Psychology. Mahwah; New Jersey; London, 2004; Cottam M. L., Cottam R. W. Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States. Boulder; London, 2001; Herrmann R. K. Perceptions and Image Theory in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed. / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 334–363; Herrmann R. K., Fischerkeller M. P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research After the Cold War // International Organization. 1995. Vol. 49, N 3. P. 415–450; Shestopal H. Political Perception: Psychological Mechanisms and Political Implications in Russia // Politics, Culture and Socialization. 2012. N 1–2. P. 115–130.

мированных в *групповом* и *массовом сознании*⁹. Особая область исследований – изучение образов, сконструированных представителями *политической элиты*¹⁰, а также средствами массовой информации¹¹.

В *третьем* направлении изучения образа государства внимание уделяется проблеме самовосприятия государства, т. е. конструирования им собственного образа. При этом решаются проблемы

⁹ *Бокова Н. Б.* Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011; *Евгеньева Т. В., Титов В. В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 4. С. 122–134; *Габдрахманова Л. А.* Особенности восприятия республики Татарстан в России и за рубежом (на материалах исследования респондентов 18–35 лет): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011; *Козырев Г. И.* «Враг и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 31–39; *Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика* / под ред. В. А. Колосова. М., 2003; *Крымчанинова М. В.* Образы России, США, Китая в сознании россиян // *Образы государств, наций и лидеров* / под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2008. С. 178–188; *Семененко И. С.* Образ и имидж в дискурсе национальной идентичности // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 5. С. 7–18; *Семененко И.* Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 1. С. 78–88; *Шестопал Е. Б.* Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования. С. 8–24.

¹⁰ См., напр.: *Габдрахманова Л. А.* Образ России в сознании рядовых граждан и элиты Татарстана // *Тезисы международной научной конференции «Актуальные проблемы политического восприятия России»*. М., 2009. С. 126–127; *Виноградова Н. С.* Некоторые теоретические подходы к анализу образа России в зарубежных СМИ // *Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменение в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»*, Москва, 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 86.

¹¹ *Белоконова А. С.* Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.): дис. ... канд. социол. наук. М., 2004; *Геополитическая картина мира в средствах массовой информации* / В. А. Колосов, О. И. Бородулина, О. И. Вендина [и др.] // *Полис. Политические исследования*. 2003. № 3. С. 33–49; *Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 4. С. 107–121.

самосознания государства¹², структуры образа¹³, его носителей¹⁴. В эмпирических исследованиях представлены результаты изучения образов отдельных государств, в том числе отражающие динамику их характеристик¹⁵. Кроме того, образ государства рассматривается как фактор процессов в сфере внутренней и внешней политики¹⁶.

Четвертое направление исследований поднимает проблему *имиджа государства* как «коммуникационной модели в мировом информационном пространстве», с помощью которой «страна ведет

¹² *Faizullaev A.* Diplomacy and Self // *Diplomacy and Statecraft*. 2006. N 3. P. 497–522; *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

¹³ *Киселев И. Ю.* Формирование образа государства и процесс социального познания // *Вопросы философии*. 2003. № 5. С. 3–13; *Role Quest in the Post-Cold War Era: Foreign Policies in Transition* / ed. by Ph. G. Le Prestre. Montreal; Kingston; London; Buffalo, 1997.

¹⁴ *Blaney D.* Equal Sovereignty and an African Statehood: Tragic Elements in the African Agenda in World Affairs // *Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations* / ed. by M. Cottam, Chih-yu Shih. New York, 1992. P. 211–226; *Faizullaev A.* Individual Experiencing of States // *Review of International Studies*. 2007. N 33. P. 531–554; *Herrmann R. K., Fisherkeller M. P.* Beyond the Enemy Image and Spiral Model... P. 415–450.

¹⁵ *Киселев И. Ю.* Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», Москва, 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 205; *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006; *Евгеньев В. А.* Образы США и СССР в Концепции моровой политики Збигнева Бжезинского // *Полис. Политические исследования*. 2003. № 1. С. 79–87; *Kiselev I. Yu., Smirnova A.* About Socialization of Russia in the “Big Eight”: Russia’s Self-perception // *Politics, Culture & Socialization*. 2011. Vol. 2, N 1. P. 29–38.

¹⁶ *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 4. С. 116–125; *Смирнова А. Г.* Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 5. С. 34–44; *Smirnova A. G.* The Image of a State As an Instrument for Comprehending a Threat in International Relations (Iran’s nuclear program used as an example) // *Social Sciences: A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 40, N 2. P. 79–90; *Smirnova A. G.* About Socialization of Russia in the “Big Eight”: Russia’s Self-perception // *Politics, Culture & Socialization*. 2011. Vol. 2, N 1. P. 29–38; *Smirnova A. G.* Representation as a Factor of Propensity for Cooperation in International Relations // *Psicología Política*. 2006. N 33. P. 43–61.

диалог с другими странами и народами»¹⁷, а также реализует влияние в межгосударственных отношениях¹⁸.

Однако, несмотря на большое количество работ и тот факт, что теория образа государства востребована в практической политике, процессы политического познания в сфере внешней политики, результатом которого выступает и образ государства, изучены недостаточно. Коллектив ученых под руководством Е. Б. Шестопал разработал теоретико-методологические основания изучения образа страны, в том числе его основные структурные компоненты¹⁹. Однако в этом случае речь идет об образе в сознании граждан. Можно предположить, что даже при наличии общих характеристик образ государства, конструируемый политическим руководством в сфере внешней политики, имеет специфику, без понимания которой не удастся применить теорию образа для решения прикладных внешнеполитических проблем, в том числе связанных с конструированием внешней угрозы.

Ключевая особенность политического познания, сопровождающего принятие решений и выработку внешнеполитической стратегии, заключается в том, что оно осуществляется на уровне коллективных субъектов, в первую очередь государств. Однако отмеченная разновидность познавательных процессов остается наименее исследованной в психологии в целом и политической психологии в частности. Несмотря на то что изучение внешней политики составляет важный раздел политической психологии²⁰, эта отрасль психологии

¹⁷ *Василенко И. А.* Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта // *Власть*. 2013. № 7. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 24–28; *Василенко И. А.* Роль культурной политики в процессе формирования и продвижения позитивного имиджа России // *Власть*. 2014. № 6. С. 40–43; *Василенко И. А.* Образ России в информационном обществе: новые грани виртуального диалога культур // *Государственная служба*. 2008. Т. 4. С. 87–99; *Галузов Э.* Имидж против имиджа. М., 2005; *Имидж России: концепция национального и территориального брендинга* / под ред. И. А. Василенко. М., 2014; *Образ России: дефицит «мягкой силы»* / *З. Г. Медоева, И. А. Василенко, Е. М. Мальшева* [и др.] // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4. С. 88–99.

¹⁹ *Психология политического восприятия в современной России* / под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2012. С. 73–80.

²⁰ *Goldgeier J., Tetlock Ph.* Psychological Approaches // *The Oxford Handbook of International Relations* / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 462–480; *Levy J. S.* Political Psychology and Foreign Policy // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003.

предполагает проведение исследований на индивидуальном уровне. Как следствие, социально-политическое познание с участием коллективных субъектов не попадает в ее предметное поле. Тем не менее результаты политико-психологических исследований создают фундамент для разработки проблемы структуры образа государства в сфере внешней политики и раскрытия механизмов его формирования и функционирования.

Наиболее дискуссионным представляется вопрос о *субъекте познания*.

Познавательные процессы встроены в межгосударственные отношения, и, следовательно, в качестве субъекта познания выступает именно государство. Подобное положение вещей отражают используемые политиками утверждения о том, что «Германия выступила против санкций», «Россия свой выбор сделала». Можно ли рассматривать подобные фразы лишь как фигуры речи? Принимая во внимание, что «выбирать», «выступить против» и тем более «воспринимать» могут индивид или группа, а не государство, представляющее собой систему институтов, ответ на поставленный вопрос должен быть положительным. В связи с этим высказывается мнение, что в качестве субъекта познания, формирующего образ государства, выступают индивиды, которые осуществляют деятельность в сфере государственной власти. В частности, такую позицию разделяют, например, Р. Херрманн и М. Фишеркеллер²¹, М. Г. Херманн и Ч. Ф. Херманн²². Они полагают, что действия государств представляют собой комбинацию сложных внутривнутриполитических процессов, которые зависят от структуры принятия решений, деятельности советников, стратегии по созданию коалиции, личностных характеристик лидеров. Однако прогнозирование поведения с учетом влияния всех перечисленных переменных представляется практически невозможным. Поэтому исследователи предлагают сконцентрировать внимание на самой влиятельной политической фигуре в государстве – субъекте принятия

P. 253–284; *Erisen E.* An Introduction to Political Psychology for International Relations Scholars // PERCEPTIONS. 2012. Vol. XVII, N 3. P. 9–28.

²¹ *Herrmann R. K., Fischerkeller M. P.* Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War // International Organization. 1995. Vol. 49, N 3. P. 415–450.

²² *Herman M., Herman R.* Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Research // International Studies Quarterly. 1989. Vol. 33, N 4. P. 361–387.

решений, который определяет стратегию внешней политики и формирует образы. Наибольшие шансы занять такую статусно-ролевую позицию получает глава государства²³. В русле представленного подхода к определению субъекта решений и действий в сфере внешней политики познавательные процессы рассматриваются как протекающие на уровне «индивид – группа», а образы государства формируются политическим лидером.

Вместе с тем существует и другой подход, который не допускает редуцирования сущности государства к его отдельным составляющим. Например, А. Вендт в своем труде «Социальная теория международной политики» доказывает, что государство не может быть сведено лишь к деятельности правительства²⁴. Это утверждение обосновывается тем, что социальные системы, в том числе и государства, структурируются на микро- и макроуровне. Микроуровень представляет собой желания и убеждения отдельных индивидов. Если бы государство рассматривалось только на этом уровне, его функционирование могло бы быть сведено к деятельности правительства. Однако обычно мы представляем себе государство как непрерывно существующее во времени, несмотря на смену политических деятелей. Отчасти это объясняется стабильностью территории, существованием национальных символов, истории, этнической и религиозной идентичности. Относительным постоянством характеризуются ценности и национальные интересы. Кроме того, члены общества действуют в контексте общей системы значений, которые они усваивают в процессе социализации. В связи с этим государство в каждый исторический момент воспринимается как выходящее за пределы актуальной ситуации, связанной с решениями и деятельностью конкретных политиков. Более того, как подчеркивает А. Вендт, сам факт существования государства наполняет смыслом деятельность субъектов²⁵. Они принимают решения, руководствуясь не индивидуальными, а национальными интересами, стремятся обеспечить существование государства, неприкосновенность его территории и незыблемость институтов. Таким образом,

²³ *Yeliv S. A. Explaining Foreign Policy: US Decision-Making and the Persian Gulf War.* Baltimor; London, 2004. P. 86.

²⁴ *Wendt A. Social Theory of International Politics.*

²⁵ *Ibid.* P. 217.

государство обладает собственной коллективной субъектностью. В связи с этим и познавательные процессы должны рассматриваться как протекающие на межгрупповом уровне.

Приведенные подходы по-разному решают проблему субъекта познания в сфере внешней политики. Однако они не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Противоречие может быть снято посредством феномена «индивидуальное переживание государства», представленного в работе А. Файзуллаева²⁶. Ученый определяет его как прямое наблюдение государства со стороны индивида, знание о нем. Эмоции, которые он испытывает, взаимодействуя с государственными институтами, также могут рассматриваться как переживание государства²⁷. Таким образом, в научных целях можно анализировать деятельность «государства» как такового на уровне абстрактного понятия. Однако в реальности оно переживается в контексте индивидуального опыта, становится частью личностного пространства субъекта, насыщается образами. В связи с этим можно сделать вывод, что восприятие, познание в сфере внешней политики осуществляют индивиды, которые переживают государство, конструируя его образы. Оно обретает реальность не только в виде территории, институтов, но и образов, создаваемых индивидами, которые воспринимают события внутри страны и на международной арене, испытывают соответствующие эмоции в связи с участием в них государства, частью которого они выступают.

Отмеченные особенности субъекта позволяют определить еще ряд специфических характеристик процесса познания в сфере внешней политики, находящих отражение в образах государств.

Во-первых, образ государства формируется в контексте практической политики и связан с процессом принятия решений и выработкой стратегии взаимодействия с другими странами. Как подчеркивает С. Д. Смирнов, «любой образ – элемент образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности»²⁸. Иначе говоря, несмотря

²⁶ Faizullaev A. Individual Experiencing of States // Review of International Studies. 2007. N 33. P. 531–554.

²⁷ Ibid. P. 532.

²⁸ Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985. С. 144.

на то что субъекты способны сконструировать образ страны «в целом», концепция индивидуального переживания государства позволяет предположить, что образ отражает конкретный опыт деятельности субъекта в интересах страны в тех или иных ситуациях международного взаимодействия. Отмеченная особенность имеет ряд следствий. **Первое:** в структуре образа существуют устойчивые характеристики, образующие его «ядро», и изменчивые, позволяющие субъекту оперативно отражать специфику ситуации, в которую вовлечено государство. **Второе:** образ не просто отражает переживание субъектом участия страны в различных ситуациях на международной арене. Созданный образ государства становится «призмой», сквозь которую осмысливается ситуация, конструируются варианты решения проблемы. Иначе говоря, образ позволяет субъекту ответить на вопросы: в чем смысл ситуации? кто я в этой ситуации? кто мои союзники и оппоненты? в чем интересы государства? Образ государства создается так, чтобы ответить на них. Содержание этого образа и интерпретация ситуации фактически соответствуют друг другу.

Во-вторых, в процессе формирования образа «другого» государства значимую роль выполняет образ страны, от имени которой выступает политик, то есть восприятие действий и решений другого государства осмысливается политиком с точки зрения их значения для собственной страны. С одной стороны, отмеченная особенность познания обусловлена объективными характеристиками внешнеполитической сферы. Этноцентризм в суждениях политических лидеров выступает логическим следствием значимости суверенитета и национальных интересов в качестве обоснования внешнеполитической стратегии. С другой стороны, она объясняется и спецификой социально-когнитивных процессов как таковых, в частности стремлением поддерживать когнитивное соответствие, баланс в системе знаний о мире. И если дисбаланс все же возникает, субъект стремится изменить это состояние в направлении максимизации внутреннего соответствия его когнитивной системы. Он добивается этого в том числе и посредством конструируемых образов своего и других государств, причем можно предположить, что баланс поддерживается прежде всего за счет корректирования образа «другого» государства в интересах поддержания сложившегося самовосприятия и положительной самооценки субъекта.

В-третьих, формируемые образы государств соответствуют системе национальных интересов. Как подчеркивалось ранее, конструктивистская теория внешней политики строится на основе утверждения о том, что *интересы должны выводиться из идентичности* в том смысле, что идентичность субъекта включает в себя его интересы. Эту идею разделяет Н. Капловиц, полагая, что национальные интересы представляют собой компонент образа «Я» государства²⁹. Интересы, определяемые идентичностью, в действительности задают «национальную» направленность мышления субъектов, обуславливая восприятие решений лидера как решений государства. Например, М. МакГиннис полагает, что «любой индивид, занимающий ответственный пост в сфере принятия внешнеполитических решений, проходит процесс социализации посредством получения образования и политического отбора, что позволяет реализовывать общие цели. Индивиды могут отличаться друг от друга восприятием национальных интересов, но ожидания, связанные с исполнением ролей, поддерживают чувство общности интересов»³⁰. Очевидно, что подходы к решению внешнеполитических проблем политическими лидерами стандартизируются самим фактом исполнения ролей в пределах установленных должностей. Можно предположить, что исполняемые роли подчас оказывают более выраженное влияние на восприятие проблемы в сфере внешней политики, чем ее видение в контексте индивидуально-личностного смысла, придаваемого конкретным субъектом.

Приоритеты в области национальных интересов находят отражение не только в образе собственного, но и «других» государств. Например, В. В. Путин, рассматривая последствия попыток стран Запада изолировать Россию, отмечает: «То, что Россию пытаются закрыть, изолировать, – это же факт <...> Но как будут с таким изгоем решать глобальные проблемы – непонятно, и сами, видимо,

²⁹ *Kaplowitz N. National Self-Images, Perception of Enemies, and Conflict Strategies: Psychopolitical Dimensions of International Relations // Political Psychology. 1990. Vol. 11, N 1. P. 52.*

³⁰ *McGinnis M. Rational Choice and Foreign Policy Change: The Arms and Alignments of Regional Powers // Foreign Policy Restructuring: How Governments Respond to Global Change / ed. by J. A. Rosati, J. D. Hagan, M. W. Sampson III. Columbia, 1994. P. 69.*

понимают, что это невозможно»³¹. Иначе говоря, по мнению президента, заинтересованность западных партнеров в участии России в урегулировании актуальных международных проблем неизбежно приведет к корректировке образа нашей страны, который был сконструирован ими под влиянием событий на Украине. Интерпретация интересов других участников мировой политики осуществляется со ссылкой на понимание статуса и роли России, т. е. на ее образ.

Особенности субъектов познания в сфере внешней политики, в качестве которых рассматриваются политические лидеры, выступающие от имени государства и разделяющие его идентичность, находят отражение в структуре и содержании образа государства. Рассмотрим их.

2.2. Психологическая структура образа государства

Анализ структуры и содержания образа государства позволяет ответить на вопрос: что субъекты принятия внешнеполитических решений знают о государстве, т. е. какие его характеристики (например, уровень экономического развития, геополитическое положение, политический режим и т. д.) находят отражение в созданном образе?

Ответить на него однозначно затруднительно, поскольку, когда речь идет об «образе государства», познавательная активность может быть направлена субъектом на самого себя и завершаться формированием образа «своего» государства. Кроме того, создаются также образы «других» государств. Самостоятельная задача связана с управлением впечатлениями и конструированием *имиджа страны*. Можно предположить, что в каждом из трех случаев образам свойственны особенности структуры и содержания. В частности, в отличие от конструирования образа «другого» государства, процесс формирования *образа «Я»* характеризуется совпадением объекта и субъекта познания. Чем отличается знание субъекта о самом себе? Обобщение результатов исследований разных авторов позволяет выделить ряд особенностей. *Во-первых*, знание о себе характеризуется *более высокой доступностью*, легко припоминается.

³¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/news/46860>

Во-вторых, оно отличается более высокой сложностью, чем знание о других. Стоит отметить, что подчас знания субъекта о самом себе характеризуются однонаправленностью. Например, Р. Зиллер и его коллеги дифференцирует политических лидеров с высокой и низкой сложностью Я-концепции³². Однако в целом представления субъекта о самом себе более разнообразны. *В-третьих*, знание о себе хранится в вербальной, нежели визуальной форме³³. *В-четвертых*, образ «Я» характеризуется более выраженной эмоциональной окрашенностью, причем он конструируется так, чтобы обеспечить субъекту положительную самооценку. В свою очередь, образ «другого» ассоциируется с широким спектром эмоций.

Образу государства, который формируется с целью самопрезентации на международной арене, также свойственны особенности структуры. Имидж определяется как «целенаправленно формируемый и пропагандируемый образ кандидата, партии, общественного или политического движения»³⁴. Приведенное определение позволяет отметить, *во-первых*, значимость эмоционального компонента в структуре имиджа. Имидж, как подчеркивает Г. Почепцов, – это «взгляд другого, восприятие меня другим»³⁵. В связи с этим усилия по конструированию имиджа направлены на управление впечатлениями, а именно содействие *положительному* восприятию объекта. Отмеченная задача решается и государствами. В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации редакции 2000, 2008 и 2013 гг. подчеркивается необходимость решения задачи по созданию положительного образа России за рубежом³⁶. *Во-вторых*, когнитивный компонент имиджа государства обладает спецификой. В частности, можно предположить, что образ как результат

³² Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behaviour // A psychological examination of political leaders / ed. by M. Hermann, T. Milburn. New York, 1977. P. 176–204.

³³ Lord C. G. Schemas and Images as Memory Aids: Two Models of Processing Social Information // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. N 38. P. 257–269.

³⁴ Политическая имиджелогия / под ред. А. А. Деркача [и др.] М., 2006. С. 21.

³⁵ Почепцов Г. Имидж: от фараонов до президентов. Киев, 1997. С. 14.

³⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

самовосприятия и имидж как следствие самопрезентации отражают разные характеристики объекта. В то время как первые предназначены для внутренней аудитории, вторые призваны отразить отношения государства с другими участниками международных отношений. *В-третьих*, в структуре имиджа государства значимы как визуальный, так и вербальный компоненты.

Приведенное сравнение наглядно демонстрирует, что образы имеют отличающуюся структуру и содержательное наполнение в зависимости от познаваемого объекта и целей субъекта. Вместе с тем анализ существующих теорий образа государства позволяет описать его базовую психологическую структуру, хотя и в этом случае исследователи сталкиваются с разнообразием понятий, применяемых для раскрытия сущности образа государства. Наряду с «образом», используются такие конструкты, как «стереотип», «схема». Например, в теории образа в политической психологии образ государства представляет собой когнитивную категорию, такую, например, как «союзник» или «враг». При этом образ функционирует как стереотип³⁷. В свою очередь, стереотип рассматривается как разновидность когнитивной схемы, которая понимается в качестве «когнитивной структуры, которая отражает знания о концепте или стимуле, включая его атрибуты и отношения между ними»³⁸.

Представленные определения позволяют сделать вывод, что в рамках теории образа, которая широко применяется для осмысления актуальных политических процессов³⁹, образ рассматривается преимущественно как *когнитивное* образование, а образ государства – как *стереотип*, который отражает систему убеждений о государстве, позволяющую без существенных когнитивных затрат получить информацию о партнере по взаимодействию. Как и любой стереотип, образ государства конструируется на основе относительно небольшого количества оцениваемых параметров,

³⁷ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology.

³⁸ Fiske S., Taylor S. E. Social Cognition. New York, 1991. P. 8.

³⁹ См., напр.: Bilali R. Assessing the Internal Validity of Image Theory in the Context of Turkey-U.S. Relations // Political Psychology. 2010. Vol. 31, N 2. P. 275–303; Eicher V., Pratto F., Wilhelm P. Value Differentiation Between Enemies and Allies: Value Projection in National Images // Political Psychology. 2013. Vol. 34, N 1. P. 127–144.

характеризуется устойчивостью и может содержать не всегда корректную информацию.

Однако подобное определение становится объектом критики, по меньшей мере, по двум позициям. Прежде всего подвергается сомнению возможность ставить «знак равенства» между образом и стереотипом. На это обстоятельство указывают Е. Егорова-Гантман и К. Плешаков, когда подчеркивают, что «если в образе превалирует знание над эмоциональной оценкой, над отношением, то в стереотипе – наоборот»⁴⁰. Стереотипы в гораздо большей степени мотивируют внешнеполитическое поведение и подталкивают к действиям в ситуации дефицита информации, неопределенности. При этом, по мнению ученых, можно говорить о двух уровнях внешнеполитического сознания и поведения – более сложном, когда субъект международных отношений «оперирует образами и установками, и более примитивном, где основным фактором выступают стереотипы»⁴¹.

Вместе с тем различия между представленными понятиями вполне преодолимы. Можно предположить, что они обозначают разные этапы функционирования образа государства. При этом превращение образа как целостного отражения объекта (в нашем случае – государства) в когнитивную схему, которая содержит знания о государстве и его атрибутах, осуществляется в результате научения в межгосударственных отношениях. В результате образ-схема, стереотип государства позволяет организовать восприятие реальности по принципу «распознавания паттерна» и даже «подгонки под шаблон»⁴². Иначе говоря, «когда построен эталон, возможно осуществление опознавательного (репродуктивного) действия»⁴³. Например, наличие сопоставимого уровня могущества и культуры, а также разделяемых ценностей обуславливает категоризацию другого государства как союзника, а превосходящий по силе актор на фоне сопоставимого культурного уровня и отличающихся цен-

⁴⁰ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. 1988. № 12. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴² Bermudez J. L. *Philosophy of Psychology: A Contemporary Introduction*. New York, 2005. P. 222.

⁴³ *Познавательные процессы: ощущения, восприятие* / под ред. А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова, В. П. Зинченко. М., 1982. С. 65.

ностей будет автоматически воспринят как враг. В свою очередь, на начальных этапах образ государства возникает в результате работы по «созданию паттерна» – определению таких атрибутов государства и связей между ними, которые позволят субъекту осуществлять практическую политическую деятельность. Специфика когнитивных задач, решаемых субъектом на разных этапах формирования образа государства, обуславливает и появление различий в его структуре.

Дискуссия о природе образа и его психологической структуре позволяет определить еще один аспект критики теории образа в политической психологии. Образ государства вряд ли можно рассматривать только как когнитивное образование. Более сложная структура образа отражена в исследованиях, определяющих его как *аттитюд, социальную установку* по отношению к объекту. Подобная трактовка представлена, например, в работе Р. Фишера, который считает, что образ включает не только когнитивные характеристики объекта или группы, но и эмоциональную составляющую (объект нравится или не нравится), а также и поведенческий компонент, который содержит наиболее уместные способы реагирования на воспринятый объект⁴⁴. Субъект, конструируя образ государства, не просто определяет его характеристики и связи между ними, но и выражает свое отношение к нему, а также демонстрирует готовность к определенной модели поведения.

К. Боулдинг, с исследований которого началось широкое применение понятия «образ государства» в сфере внешней политики и международных отношений, также предлагает многокомпонентную структуру образа государства. Ученый подчеркивает, что «образ должен рассматриваться как целостная когнитивная, аффективная и оценочная структура поведения субъекта или его видение самого себя и окружения»⁴⁵. При этом в исследовании К. Боулдинга заложена идея о целостности образа, позволяющая рассматривать его как гештальт⁴⁶. Она получила развитие

⁴⁴ Fisher R. J. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution. New York, 1990. P. 151

⁴⁵ Boulding K. National Images... P. 120–121.

⁴⁶ Herrmann R. K. Perceptions and Image Theory... P. 339–343.

в работах Р. Коттама⁴⁷, К. Дж. Холсти⁴⁸ и ряда других исследователей. Они полагают, что, обладая знаниями о дружелюбности или враждебности оппонента, воспринятом уровне могущества (К. Боулдинг) или культурном статусе (Р. Коттам), можно предвидеть эмоциональную реакцию и поведенческие предпочтения, которые возникнут у носителя образа.

Теория образа в политической психологии, как подчеркивалось ранее, основана на понимании образа как когнитивной схемы, позволяющей субъектам не только интерпретировать новую информацию, но и осуществлять поиск дополнительных фактов. Кроме того, она создает основания для поддержания непротиворечивости собранных данных. Субъекты склонны уделять внимание тем фактам, которые соответствуют схеме, и игнорировать или искажать те, которые противоречат ей. В подобной интерпретации речь также идет о целостности образа государства, однако она имеет другую природу. В частности, Я. Верцбергер отмечает, что потребность субъекта в поддержании целостности, непротиворечивости, согласованности видения мира реализуется на трех уровнях⁴⁹. Во-первых, в контексте существующей социальной установки *между знанием об объекте и отношением к нему*. Значимость непротиворечивости между когнитивным и аффективным компонентами акцентирована и в *теории баланса Ф. Хайдера*⁵⁰. Во-вторых, субъект добивается *согласованности между разными социальными установками*. В-третьих, поддерживается баланс в когнитивной системе в целом – *между attitudes, убеждениями и ценностями*. К ним можно добавить описанный в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера *баланс между знаниями и поведением*⁵¹. Согласно приведенным уровням, целостность образа как гештальта достигается на первом из них в сложившейся установке по отношению к государству. В свою очередь, образ как схема предполагает поддержание согласованности в когнитивной системе субъекта.

⁴⁷ Cottam R. Foreign Policy Motivation...

⁴⁸ Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. 1970. N 14. P. 233–309.

⁴⁹ Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision Making. Stanfrod, 1990. P. 137.

⁵⁰ Heider F. The Psychology of Interpersonal relations. New York, 1958. P. 180.

⁵¹ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999. 318 с.

Теория образа развивается в направлении *анализа связей между знаниями о государстве и переживаемыми эмоциями, а также стратегиями поведения*. В частности, М. Коттам и Р. Коттам доказывают, что определенные *эмоции* тесно связаны с конкретными образами государств⁵². Например, образ врага ассоциируется с гневом, фрустрацией, завистью, ревностью, страхом, недоверием и, возможно, с вынужденным уважением. В свою очередь, конструирование образа варвара сопровождается недоверием, гневом и страхом. Чувство превосходства и желание «преподать урок», «наказать» – эмоциональные реакции, связанные с образом государства-изгоя⁵³. Р. Херрманн и М. П. Фишеркеллер разработали стратегические сценарии, которые ассоциируются со стереотипными образами государств. Иначе говоря, созданные образы оппонента определяют выбор *стратегии взаимодействия с ним*. Например, образ врага ассоциируется с реализацией стратегии сдерживания, образ союзника – с институциональной кооперацией, колонии – с интервенцией⁵⁴. М. Коттам и ее коллеги предлагают свое видение связей между образами и стратегиями взаимодействия с оппонентом. Так, государство-«колонию» необходимо контролировать, направлять и использовать в своих интересах. В отношениях с государством-«варваром» – наращивать могущество и искать союзников⁵⁵. Важно подчеркнуть, что эмоции и стратегии поведения взаимосвязаны с содержательными – когнитивными – характеристиками образов.

Подводя итог рассмотрения психологической структуры *образа государства, понимаемого как гештальт и как когнитивная схема*, можно сделать вывод, что оба подхода тяготеют к традиционной триаде – знанию, эмоции и поведению. Однако при первом подходе образ предстает в целостной, неразрывной связи всех трех компонентов и представляет собой идеальную модель, которая служит референтной точкой, относительно которой осуществляется

⁵² Cottam M. L., Cottam R. W. Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States. Boulder; London, 2001. 305 p.

⁵³ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. P. 52–56.

⁵⁴ Herrmann R. K., Fischerkeller M. P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model... P. 415–450.

⁵⁵ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. P. 52.

восприятие реальных объектов. При этом, как подчеркивает Р. К. Херрманн, индивидуальное восприятие субъектов в пределах представленных моделей может отличаться⁵⁶.

В свою очередь, образ-схема предполагает, что эмоции и поведение выводятся из когнитивных характеристик, нежели составляют интегративную часть представлений о партнере по взаимодействию. При этом связи образов и испытываемых эмоций в сфере внешней политики и международных отношений остаются мало изученными. Как следствие, Р. Билали делает вывод о необходимости интеграции эмоций в теорию образа с целью повышения ее внутренней валидности⁵⁷.

Однако и трехкомпонентная структура образа государства, по мнению, некоторых исследователей, не может рассматриваться как исчерпывающая и требует включения дополнительных составляющих. Так, специалист в области политического восприятия Е. Б. Шестопал полагает, что политический образ наряду со стандартными компонентами (когнитивным, аффективным и поведенческим) включает *рациональный (осознаваемый)* и бессознательный компоненты. Кроме того, в его структуру входят *визуальная* и *вербальная* составляющие. При этом созданный образ приобретает индивидуально-личностный смысл в базовых характеристиках, лежащих в основе *коннотативного значения* (оценка, сила, активность)⁵⁸. Значимость последнего компонента раскрыта нами в главе 1 на примере восприятия угрозы. В связи с этим рассмотрим содержание рационального и бессознательного, а также вербального и визуального компонентов.

В политической психологии теория образа применяется для анализа внешней политики и межгосударственных отношений, которые по умолчанию выступают результатом рациональных решений. Примечательно, что в работах по политической психологии в разделах, раскрывающих ключевые термины, понятие «бессознательное» не упоминается⁵⁹. Однако в сфере внешней политики

⁵⁶ Herrmann R. K. Perceptions and Image Theory... P. 342.

⁵⁷ Bilali R. Assessing the Internal Validity of Image... P. 275–303.

⁵⁸ Психология политического восприятия в современной России...

⁵⁹ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology; Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003; The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed. / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013.

осмысление происходящих событий индивидом – политическим лидером – отражается в процессах принятия решений на уровне больших групп (наций, государств). Как следствие, они неизбежно затрагивают проблему формирования образа «Я» индивида, в том числе и политического лидера, в непосредственном взаимодействии с обретением этнической, национальной идентичности, когда «Я» превращается в «мы». Отмеченный процесс сопровождается определением аут-группы («они») и необязательно полностью осознается. В частности, как подчеркивает В. Волкан, в этом противостоянии обозначается *неосознаваемая потребность иметь не только друзей, но и врагов*⁶⁰, которая лежит в основе развития межгрупповых отношений, в том числе и войн, подчиняющихся как рациональному планированию, так и неосознаваемым импульсам. «Люди изначально закладывают в свою жизнь фактор конфликта. Происходит все это, как правило, на уровне бессознательного, так что они не сознают глубинных мотивов своих реакций и поступков», – делает вывод ученый⁶¹.

Принимая во внимание сказанное, не удивительно, что примеры исследований бессознательного компонента образа государства связаны преимущественно с ситуацией конфликта, враждебности. В частности, бессознательное позволяет объяснить существование «заклятых» врагов, для которых поддержание конфликта, пусть и в «латентной форме», служит основанием для определения собственной идентичности. Г. Ф. Стейн в связи с этим подчеркивает: «Противники связаны перманентным танцем. Они становятся культурной парой, поскольку самоопределение одного невозможно без ссылки на другого»⁶². В качестве примера подобных отношений ученый приводит противостояние СССР и США в период «холодной войны». Однако и современный этап двусторонних отношений

⁶⁰ Volkan V. An Overview of Psychological Concepts // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. Lexington; Toronto, 1991. P. 31.

⁶¹ Волкан В., Оболонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 40.

⁶² Stein H. F. The Indispensable Enemy and American-Soviet Relations // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. Lexington; Toronto, 1991. P. 71–89.

может быть проанализирован в контексте концепции «симбиоза с противником», предложенной Г. Ф. Стейном⁶³.

Например, согласно результатам Фонда Общественное Мнение, в 2004 г. 25 % опрошенных называли США в качестве врага России⁶⁴. В 2008 г. 52 % опрошенных полагали, что «холодная война» продолжается до сих пор. Одна из причин подобной ситуации – «напряженные отношения между Россией и США, враждебное отношение к России со стороны США»⁶⁵. По данным Аналитического центра Юрия Левады, в 2009 г. к числу наиболее недружественных, враждебно настроенных по отношению к России стран 45 % опрошенных отнесли США⁶⁶. По данным ВЦИОМ в 2014 г. уже 73 % россиян считают США враждебной страной. В 2008 г. так думали 25 % респондентов⁶⁷.

В свою очередь, восприятие России американцами также осуществляется на фоне преобладания негативных оценок. Результаты опроса аналитического агентства YouGov демонстрируют, что если в 2009 г. 40 % американцев воспринимали Россию как недружественное и даже враждебное государство, то в 2013 г. – 50 %, а в марте 2014 – 70 %⁶⁸. Опросы Gullar также фиксируют постепенное увеличение числа американцев, воспринимающих Россию в качестве недружественного государства. В 1999 г. Россия оценивается преимущественно как дружественное государство (46 %), на «враждебные» категории приходится 32 % ответов. В 2006 г. отмечено минимальное количество негативных оценок (20 %). Однако затем их количество постоянно возрастает и достигает 50 % осенью 2013 г.⁶⁹

⁶³ Stein H. F. The Indispensable Enemy and American-Soviet Relations... P. 71.

⁶⁴ Петрова А. Враги и друзья России. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/of043901

⁶⁵ «Холодная война»: прошлое, настоящее, будущее. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/d083621

⁶⁶ Друзья и враги России. URL: <http://www.levada.ru/press/2009061001.html>

⁶⁷ Россия и Запад: Друзья? Враги? Пресс-выпуск. № 2761. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130>

⁶⁸ U.S.-Russia relations hit new low. URL: <https://today.yougov.com/news/2014/03/21/us-russia-relations/>

⁶⁹ Swift A. For First Time, Americans' Views of Russia Turn Negative. Despite approval of Russian plan for Syria, Americans sour on Putin, September 18.2013. URL: <http://www.gallup.com/poll/164438/first-time-americans-views-russia-turn-negative.aspx>

Представленные результаты показательны. В обеих странах минимум четверть населения убеждена во взаимной враждебности России и США. Отмеченная тенденция сохраняется, а иногда даже усиливается на фоне улучшения, по мнению экспертов, российско-американских отношений. Например, повышение воспринятой враждебности со стороны России приходится на 2001 г. (38 %), хотя именно на фоне терактов 11 сентября в США и поддержки нашей страной американских усилий по борьбе с террористической угрозой, укреплением сотрудничества двух стран в этой сфере, можно было бы ожидать других оценок. Осложнение отношений двух стран в связи с юго-осетинским кризисом 2008 г., событиями в Сирии, ситуацией на Украине сопровождается увеличением числа жителей двух стран, полагающих, что Россия и США враждебны друг другу.

С чем связаны такие результаты? В соответствии с концепцией «симбиоза с противником» национальные идентичности СССР и США формировались в тесной «привязке» друг к другу на фоне глобального противостояния и взаимных угроз. Как следствие, каждое государство воспринимало другое в качестве «естественного врага». Важно подчеркнуть, что противостояние не только затрагивало военную и экономическую сферы, но и приводило также к противопоставлению ценностей, мировоззрений, образа жизни. Принимая во внимание, что, по мнению Дж. Е. Мэка, становление «Я» субъекта на индивидуальном и групповом уровне тесно переплетено с осознанием этнической и национальной идентичности⁷⁰, россияне и американцы поколений «холодной войны» склонны рассматривать свои страны как враждебные друг другу в силу того, что враждебность составляет важный компонент национальной идентичности. При этом следует подчеркнуть, что осознание этнической и национальной идентичности усиливается в ситуации стресса⁷¹. Как следствие, напряженность в российско-американских отношениях содействует актуализации национальной идентичности, которая автоматически продуцирует воспринятую враждебность, как правило симметричную.

Усиление воспринятой враждебности России на фоне событий 11 сентября 2001 г. также может быть объяснено в контексте этой концепции. Террористическая атака стала стрессором, который

⁷⁰ Mack J. E. Nationalism and the Self // *Psychohistory Review*. 1983. N 2. P. 47–69.

⁷¹ Volkan V. An Overview of Psychological Concepts. P. 32.

способствовал формированию негативного эмоционального фона, страха, тревожности, фрустрации в американском обществе, что традиционно способствует конструированию образа внешнего врага, с существованием которого связываются переживаемые эмоции⁷². Подобную функцию выполнил образ исламского террориста. Однако можно предположить, что ситуация стресса способствовала также усилению национальной идентичности и соответственно актуализации российской враждебности, которая могла и не осознаваться американцами, но интегрировалась на неосознаваемом уровне в образ России.

Несмотря на высокую значимость бессознательного компонента в образе государства, его применимость в исследованиях внешней политики и международных отношений остается ограниченной. Во-первых, его содержание позволяет объяснять отношения между государствами в контексте довольно общих категорий враждебности и сотрудничества дихотомией «мы» – «они» в межгрупповых отношениях. Однако, как показывают созданные описания образов государств, враждебность ассоциируется больше, чем с одним из них. Например, М. Коттам и ее коллеги делают вывод, что восприятие высокой или умеренной угрозы сопровождается конструированием образов врага, варвара, империи, а также государства-изгоя⁷³. Исследования, выполненные в русле психодинамического подхода, учитывающего влияние бессознательного, не позволяют специфицировать отношения враждебности.

Во-вторых, можно предположить, что значимость бессознательного компонента более высокая в политических образах, циркулирующих в массовом сознании. Политические лидеры конструируют образы государств, опираясь на личный опыт взаимодействия с главами других стран, оценки экспертов, мнения оппозиции, прагматические интересы, что способствует принятию обдуманых решений, в минимальной степени подчиняющихся неосознаваемым потребностям. Однако политические лидеры, так же как и обычные граждане, выступают носителями национальной идентичности,

⁷² Silverstein B. Enemy Images: The Psychology of US. Attitudes and Cognitions Regarding the Soviet Union // *American Psychologist*. 1989. Vol. 44, N 6. P. 904.

⁷³ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. P. 52.

которая содержит и иррациональные представления о врагах и союзниках государства, по-разному оказывающие влияние на восприятие партнера по взаимодействию. Можно предположить, что в стрессовых новых обстоятельствах, для реагирования на которые не выработаны устойчивые алгоритмы, бессознательный компонент образа может оказать влияние на восприятие ситуации.

Неосознаваемое содержание образа отражено и в его визуальном компоненте. Его значимость трудно переоценить, принимая во внимание, что образ – это и результат визуального восприятия объекта. Однако образ не просто «зеркально» отражает реальность, а представляет ее интерпретацию. Сказанное справедливо и для построения имиджа, и для формирования образа другого объекта.

Самопрезентация как управление впечатлением предполагает, что субъект сам определяет содержание визуальной составляющей, которая позволит вызвать «нужное» восприятие. Например, как подчеркивает Г. Почепцов, «телезрители меньше доверяют изображению в анфас, связывая его с позицией профессиональных “лжецов” – журналистов и политиков, тогда как изображение в профиль ассоциируется с позицией свидетеля события, ибо так интервьюируют случайного человека на улице»⁷⁴. В результате коммуникатор, зная об этой тенденции, управляет восприятием реципиента информации, поддерживает необходимый образ. Государства также стремятся создавать имидж, конструируя его визуальный компонент, посредством создания сайтов в сети Интернет и использования ресурсов других СМИ⁷⁵.

Интерпретация визуальной составляющей особенно рельефно видна в образе «другого» субъекта, в том числе и государства. В ходе визуальной коммуникации у ее участников нет возможности мгновенно уточнить, разъяснить созданные образы. В связи с этим они интерпретируют увиденное сквозь призму своей системы значений. Активное субъективное осмысление межгосударственных отношений ярко проявляется, например, в политических карикатурах. Отраженный в них визуальный компонент зачастую расходится с вербальной составляющей образов в текстах речей политических лидеров. Хотя

⁷⁴ Почепцов Г. Имидж: от фараонов до президентов. Киев, 1997. С. 196.

⁷⁵ См., напр.: Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. 2014. № 10. С. 204–208.

непосредственно политик может и не разделять в своих высказываниях те смыслы, которые заложены в образы, визуализированные в карикатуре, но они все же зачастую отражают базовые, не всегда осознаваемые представления об идентичности «своего» и «другого» государства и должны быть учтены в ходе анализа образов.

Итак, психологическая структура образа государства включает когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, которые могут осознаваться субъектом или функционировать на уровне бессознательного. Кроме того, содержание образа репрезентируется в визуальном и вербальном форматах.

Наряду со структурными характеристиками, важно раскрыть и *содержание образа государства*.

2.3. Содержание образа государства

Любая страна может быть описана посредством разных атрибутов. Однако не все они находят отражение в ее образах. Можно предположить, что для создания представления о государстве политические лидеры обращают внимание на те характеристики, которые важны для принятия решений и разработки внешнеполитической стратегии.

Существуют разные подходы к определению содержания образа государства, обусловленного влиянием объектных факторов.

Например, Э. Галумов дифференцирует следующие группы факторов формирования образа России: 1) *условно-статические* (природные ресурсы, национальное и культурное наследие, исторические события и деятельность отдельных личностей, повлиявшие на развитие российской государственности, геополитические факторы, такие как географическое положение, площадь занимаемой территории, и т. п.); 2) *корректируемые условно-динамические социологические* факторы (социально-психологические настроения, формы и принципы общественно-политических объединений россиян, морально-нравственные аспекты развития российского общества, базовая форма государственного устройства и структура управления); 3) *корректируемые условно-динамические институциональные* (устойчивость российской экономики, правовое

пространство России и соответствие российских правовых норм международным требованиям, функции, полномочия и механизмы государственного регулирования различных областей и сфер деятельности в Российском государстве)⁷⁶.

Политический психолог Е. Б. Шестопал выделяет в структуре образа России этнокультурную и политическую составляющие. Последняя включает «представление о России как о государстве, т. е. содержит такие политические образы, как образ власти и образ лидеров, а также представления о политической ситуации в стране, режиме отдельных политических институтов»⁷⁷. Д. Н. Замятин уделяет внимание взаимосвязи географического и этнического компонентов образа государства⁷⁸.

Представленные подходы к определению содержания образа государства характеризуются тем, что оно не рассматривается в непосредственной связи с содержанием внешнеполитической деятельности. Несомненно, особенности экономических и политических институтов, геополитические и географические характеристики, этнокультурное и историческое наследие служат основанием для конструирования образа государства в процессе принятия решений и построения международных отношений. Вместе с тем в структуре образа государства в сфере внешней политики должны присутствовать характеристики государства, которые наиболее полно отражают его позицию на международной арене и позволяют политическим лидерам принимать решения и разрабатывать стратегии взаимодействия с другими странами.

Наибольшую известность и востребованность в зарубежной политической психологии получил подход к пониманию структуры образа государства, который впервые был обозначен в работе К. Боулдинга. Он предложил теорию международных отношений, опираясь на понятие «образ нации». По мнению автора, он включает три компонента: представление о *территории*, воспринятые *враждебность* или *дружелюбие* и воспринятое могущество⁷⁹. Предложенный

⁷⁶ Галумов Э. Имидж против имиджа. М., 2005. С. 42–43.

⁷⁷ Психология политического восприятия в современной России. С. 77.

⁷⁸ Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107–112.

⁷⁹ Boulding K. National Images... P. 123–125.

К. Боулдингом подход к рассмотрению образа как многокомпонентного, но при этом согласованного и целостного образования получил дальнейшее развитие в работах Р. Коттама. Он доказывает, что, наряду с воспринятыми *угрозами* и *возможностями*, а также *могуществом*, для построения образа важны также суждения об особенностях *культуры* государства⁸⁰. Р. К. Херрманн и М. П. Фишеркеллер выделяют в структуре образа три компонента: *мотивацию*, *могущество* и *особенности процесса принятия решений*⁸¹.

Приведенные подходы позволяют сделать вывод, что формирование образа государства не только осуществляется на основе характеристик военного и экономического потенциала, но и содержится также в представлении об особенностях культуры, процессе принятия политических решений, а также враждебных или дружелюбных намерениях. Сочетание вариаций перечисленных компонентов находит отражение в стереотипных образах «врага», «варвара», «империалиста», «дегенерата», «союзника», «колонии» и «изгоя»⁸².

Приведенная классификация сохраняет свою актуальность, несмотря на то что начала разрабатываться в период «холодной войны», а составляющие образа отражают преимущественно характеристики государств периода глобального противостояния в условиях биполярной системы международных отношений. Воспринятые намерения и возможности причинить вред, а также уровень культуры, находящий отражение в развитии демократических институтов и приверженности ценностям, по-прежнему лежат в основе формирований образов государств.

Вместе с тем ситуация на международной арене в период «холодной войны» отличалась достаточно высоким уровнем структурированности, а также определенности идентификационных и статусно-ролевых характеристик государств. В связи с этим созданные образы могли функционировать как достаточно устойчивые стереотипы. Кроме того, образы конструировались в условиях

⁸⁰ Cottam R. Foreign Policy Motivation...

⁸¹ Herrmann R. K., Fischerkeller M. P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model... P. 428.

⁸² Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. P. 45.

ситуации угрозы, чем и вызвано наличие в их структуре категорий могущества и намерений причинить вред в качестве ключевых характеристик.

Изменения, происходящие на международной арене, не могут не отразиться на содержательных характеристиках образа государства. Распад СССР и трансформация биполярной системы привели к тому, что ряд государств были вынуждены занять новую статусную позицию, переосмыслить содержание ролевой концепции и пережить кризис идентичности, вызванный коренными преобразованиями политических и экономических институтов и в некоторых случаях – изменением государственных границ. Россия не стала исключением. Например, Д. Ларсон и А. Шевченко в 2010 году отмечали, что наша страна еще «не нашла своего места в мировой политике»⁸³ и ее внешнеполитическая стратегия проходит «переходный период»⁸⁴. В связи с этим устойчивые стереотипные образы, которые были созданы в период «холодной войны», не позволяют в полной мере понять решения и действия современных государств.

Как следствие, появились и новые подходы к пониманию структуры образа государства. В качестве примеров могут быть приведены работы Ф. Ле Престре⁸⁵, И. Ю. Киселева и А. Г. Смирновой⁸⁶. Анализируя образы государств в условиях меняющейся международной ситуации, ученые уделяют внимание особенностям идентичности, статуса и ролевой концепции государств, не прибегая к заранее заданным определениям содержания этих компонентов. Тем самым в условиях международной турбулентности авторы отказались от идеи существования устойчивых, стереотипных паттернов сочетания характеристик государств.

Идентификационный компонент по своему содержанию соответствует тем описаниям образа государства, которые отражены в работах Е. Б. Шестопал, Э. А. Галумова, Д. Н. Замятина. Пример подобного определения идентификационного компонента образа

⁸³ Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, N 4. P. 64.

⁸⁴ Ibid. P. 67.

⁸⁵ Role Quest in the Post-Cold War Era...

⁸⁶ Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. 376 с.

России представлен в выступлении президента В. В. Путина: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты – дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма»⁸⁷. Иначе говоря, конструируя образ России в контексте обсуждения актуальных международных проблем, политик опирается на особенности политических и экономических институтов, акцентирует ключевые ценности.

Значимость *статусного компонента* как составляющей образа объясняется постепенным отказом от рассмотрения государства как равноценных участников международных отношений. И если проблема социальной дифференциации на международной арене лишь в последние годы стала предметом научного обсуждения⁸⁸, то принятие практических внешнеполитических решений осуществляется на фоне признаваемого неравенства статусных позиций. Статус отражает положение государства в международной иерархии, его отношения с другими странами и негосударственными акторами. Кроме того, он включает в себя представления об основных угрозах безопасности государства и открывающихся возможностях, а также принципах построения международных отношений.

Последняя составляющая статусного компонента не имеет на первый взгляд прямой связи ни с самовосприятием, ни с образом «другого» государства. Однако, конструируя образы, политические лидеры, как правило, представляют и свое видение пространства международных отношений. Сторонники конструктивистского направления объясняют значимость такого компонента образа государства условиями анархии в международной системе и тем, что политические лидеры, выступающие от имени стран, вынуждены создавать интерпретации среды международного взаимодействия, прежде чем принимать решения или разрабатывать стратегию

⁸⁷ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/news/46860>

⁸⁸ См., напр.: Buzan B., Albert M. Differentiation: a Sociological Approach to International Relations Theory // European Journal of International Relations. 2010. Vol. 16, N 3. P. 315–337.

внешней политики. Иначе говоря, «анархия предстает такой, какой ее создают государства»⁸⁹, – подчеркивает А. Вендт, уточняя, что анархия во взаимодействии друзей отличается от анархии в условиях враждебности⁹⁰. При этом политические лидеры, осмысливая особенности среды международного взаимодействия, конструируют идентичность и ролевые концепции государств, которые соответствуют созданным интерпретациям и поддерживают их.

Следовательно, представления о принципах построения международных отношений выступают в качестве значимого компонента образа государства. Более того, они определяют не только положение государства в международной иерархии и системе социальных отношений на международной арене, но и систему *обязательств государств*, образующую самостоятельный компонент образа – *ролевой*. Он содержит представления о сферах ответственности государства на международной арене, его ключевых задачах, а также принципах их решения.

Проведенный обзор позволяет сделать вывод, что содержание образа государства может отражать разнообразные атрибуты, характеризующие государство на национальном и международном уровнях. В дальнейшем мы будем применять подход к определению образа государства, предполагающий выделение в его структуре идентификационного, статусного и ролевого компонентов. Некоторые из атрибутов идентичности, статуса и роли государства – *устойчивые* и имеют высокую вероятность найти отражение в созданных образах, в то время как другие – *изменчивые* и могут проявляться ситуативно. Кроме того, можно предположить, что некоторые из них – потенциально *корректируемые*. Однако важно отметить, что их изменение с целью сформировать положительный имидж государства имеет известные пределы. Кардинальные трансформации политических и экономических институтов, переосмысление ценностей, географических, этнических и религиозных составляющих образов чреваты размыванием, а иногда потерей идентичности и рассматриваются как недопустимые.

⁸⁹ *Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. N 46. P. 391–425.*

⁹⁰ *Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995. N 20. P. 78.*

Как соотношены структурные и содержательные характеристики образа государства?

Можно предположить, что каждый из содержательных компонентов (идентификационный, статусный и ролевой) представлен в качестве осознанных описаний на вербальном уровне. Вместе с тем идентичность, статус и роль государства сопряжены с определенными эмоциями. При этом каждый из компонентов может иметь собственную эмоциональную окраску. Иначе говоря, идентичность, например, вызывает положительные эмоциональные переживания, в то время как статус – отрицательные. Перечисленные составляющие иногда содержат неосознаваемые характеристики, которые находят отражение и в визуальном компоненте образа. Отраженные в знаниях и эмоциях характеристики государства мотивируют носителя образа на совершение определенных действий.

Какие особенности свойственны структуре и содержанию образа государства в ситуации угрозы?

2.4. Особенности структуры образа государства в ситуации внешней угрозы

Изучение восприятия угрозы как конструирования образа государства опирается на прочный фундамент политико-психологических исследований.

Содержательно образы государств, сформированные в период «холодной войны», включают угрозу как ключевой компонент представлений о партнерах по международному взаимодействию. В частности, как подчеркивают М. Коттам и ее коллеги, образ государства возникает вследствие восприятия политическим лидером возможностей и намерений причинить вред, а также особенностей культуры⁹¹. При этом существование угрозы ассоциируется с образами *врага* (намерения причинить вред, сопоставимые возможности и культура оппонентов), *варвара* (намерения причинить вред, высокий уровень возможностей, низкий уровень культуры), *империалиста* (намерения причинить вред, высокий уровень культуры и возможностей), изгоя

⁹¹ Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T. Introduction to Political Psychology. P. 45.

(намерения причинить вред в сочетании с низкими уровнем культуры и могущества). Кроме того, угроза выводится также и из существования образа *союзника*. В качестве такового воспринимается государство, имеющее сопоставимый уровень культуры и могущества, а также дружественные намерения. Однако, как подчеркивает Р. Коттам, образ союзника имеет производный характер, т. е. возникает в качестве ответной реакции на восприятие угрозы и изменяется вместе с трансформацией образа врага⁹². Иначе говоря, образ союзника как таковой не имеет смысла. Союзники появляются в ситуации, характеризующейся существованием опасности, противостоять которой можно только совместно с надежным партнером.

В свою очередь, существование возможностей связывается с образами «колонии» и «дегенерата». Первому образу свойствен низкий уровень культуры и могущества, доброжелательность в отношении партнеров по взаимодействию; второму – превосходящий или равный потенциал, враждебные намерения и «безликая» культура⁹³.

Приведенное описание образов государств позволяет сделать ряд важных выводов о восприятии угрозы.

Во-первых, наличие или отсутствие угрозы, исходящей от государства, представляет центральную составляющую его образа. Иначе говоря, в сфере внешней политики и международных отношений государство воспринимается прежде всего с точки зрения угроз безопасности, которые могут быть с ним связаны.

Во-вторых, категоризация государства как угрожающего осуществляется на основе двух традиционных компонентов – намерений и возможностей причинить вред. Однако угроза ассоциируется не только с враждебными намерениями и превосходящим уровнем могущества оппонента. Возможны разные варианты в зависимости от сочетания других компонентов образа – уровня культуры, характеристик субъектов принятия решений. Поэтому намерения и возможности причинить вред получают разную трактовку под влиянием ряда факторов, т. е. представляют собой результат субъективных суждений.

Это обстоятельство отмечают сторонники разных теоретических направлений, исследующих угрозу в сфере внешней

⁹² *Cottam R.* Foreign Policy Motivation... P. 63.

⁹³ *Cottam M., Dietz-Uhler B., Mastors E., Preston T.* Introduction to Political Psychology. P. 45.

политики и международных отношений. Автор теории баланса угроз С. Уолт считает, что угроза складывается из четырех составляющих: военной мощи, наступательного потенциала, географической близости и агрессивных намерений⁹⁴. При этом очевидно, что в отсутствии намерений причинить вред угроза не возникает. Например, Канада не рассматривает США в качестве источника угрозы, несмотря на то что военная мощь, наступательный потенциал и географическая близость предрасполагают к этому. Отсутствие намерений причинить вред своему северному соседу дает основания для конструирования суждения об отсутствии угрозы. В то же время можно привести замечание А. Вендта о том, что «500 единиц ядерного оружия, которым располагает Великобритания, представляют меньшую угрозу для США, чем 5 единиц северокорейского ядерного оружия»⁹⁵. Ученый подчеркивает, что различия в уровне угрозы обусловлены рассмотрением Великобритании как друга, а Северной Кореи – как врага.

Фактически намерения и возможности причинить вред сами оцениваются с точки зрения созданных образов государств или их отдельных составляющих. В связи с этим важно ответить на вопрос, как субъекты приходят к выводу о том, что государство выступит его врагом или другом. Рассмотрим подходы к поиску ответа на поставленный вопрос, опираясь на особенности психологической структуры и содержания образа государства.

Структура образа обуславливает необходимость рассмотрения восприятия угрозы под влиянием когнитивных, аффективных и мотивационных факторов, действующих в том числе и на уровне бессознательного.

Влияние *когнитивных факторов* находит отражение в том, что образ возникает в ходе мыслительной деятельности и, по мнению, например, Г. Гельмгольца, – это результат умозаключения⁹⁶. В связи с этим можно предположить, что образ государства в ситуации внешней угрозы возникает под влиянием *искажений в процессе переработки информации* о намерениях и возможностях субъекта причинить вред.

⁹⁴ Walt S. M. The Origins of Alliances. Ithaca (NY), 1978. P. 22.

⁹⁵ Wendt A. Constructing International Politics. P. 73.

⁹⁶ Познавательные процессы: ощущения, восприятие. С. 33.

Рассматривая природу *искажений*, допущенных в процессе переработки информации, Р. Джервис обращает внимание на склонность участников политической сферы *упрощать* его за счет применения обобщенных схем для интерпретации действий государств в конкретных ситуациях. Иначе говоря, решения и поведение государств интерпретируются с точки зрения уже имеющейся информации, «подгоняются» под сформированные *когнитивные схемы* с целью достижения когнитивного соответствия. Фундаментальное открытие, сделанное Р. Джервисом, состоит в том, что стремление политика «вписать» новую информацию в систему существующих убеждений подчас принимает иррациональный характер, приводя, например, к когнитивной закрытости, которая препятствует получению дополнительных знаний об оппоненте и его действиях⁹⁷.

Сделанный вывод подтверждается результатами эмпирических исследований. Б. Силверстейн полагает, что американцы, конструируя образ СССР в период «холодной войны», демонстрировали искажения в процессе переработки информации об оппоненте. В частности, они допускали «двойные стандарты», по-разному оценивая одни и те же действия, совершаемые СССР и США. При этом первые оценивались более негативно. Кроме того, мотивы, которые приписывались СССР, также носили отрицательный характер. Важно подчеркнуть, что в стимульном материале, предложенном респондентам, достаточно было заменить название государства, чтобы вызвать изменение отношения к его действиям⁹⁸, то есть созданный образ государства превращается в призму, сквозь которую интерпретируются новые факты. Они осмысливаются с точки зрения имеющихся представлений о государстве, нежели как основание для их изменения.

Еще один когнитивный механизм формирования образов связан с различиями в переработке информации о своем и «других» государствах. Так, Р. Джервис отмечает склонность индивидов воспринимать процесс принятия решений в других странах как централизованный и рациональный. В свою очередь, политический процесс в своей стране рассматривается с точки зрения влияния множества разнообразных

⁹⁷ Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976. P. 308–310.

⁹⁸ Silverstein B. Enemy Images... P. 906–907.

факторов, конкурирующих интересов⁹⁹. Отмеченные различия в интерпретации своего поведения и действий оппонента приводят к возникновению *ошибок атрибуции*. Принимая во внимание тот факт, что субъекты лучше осведомлены о положении дел в «своей» стране, можно предположить, что ее образ – более сложный, чем образ других стран. Как следствие, объяснение решений и действий «своего» государства связывается с влиянием ситуации, нежели свойственных ему характеристик. И наоборот, политика других государств интерпретируется с позиций присущих ему особенностей. Дж. Мерсер конкретизирует установленную закономерность применительно к восприятию действий оппонентов и союзников¹⁰⁰. В частности, он доказывает, что лидеры, воспринимающие другую страну в качестве «врага», обычно объясняют ее поведение наличием агрессивных намерений, т. е. присущими ей характеристиками. В свою очередь, политика союзников, так же как и собственное поведение, рассматриваются сквозь призму особенностей ситуации, что также позволяет упростить задачу по переработке информации.

Конструирование образа государства как представляющего угрозу может стать и результатом допущенных *немотивированных ошибок восприятия*. Р. Уайт описал пять типичных ошибок, которые могут вести к эскалации напряженности между государствами¹⁰¹. **Первый** тип обусловлен влиянием убеждений, разделяемых взаимодействующими субъектами. Значимость подобных убеждений очевидна. Поскольку сложность и неопределенность действительности допускает множество толкований, ожидания, созданные существующими убеждениями, определяют интерпретацию новой информации. Осмысление новой информации с точки зрения имеющихся убеждений может привести к появлению ошибок, поскольку новые факты рассматриваются с точки зрения сложившихся убеждений, нежели наоборот. В связи с этим, если убеждения не корректируются в соответствии с поступающей информацией, они могут приводить к неверным суждениям о происходящем.

Второй тип. Субъект проводит достаточно четкие различия между «своей» и «чужой» группами, но в то же время *не способен*

⁹⁹ Jervis R. Perception and Misperception... P. 319–329.

¹⁰⁰ Mercer J. Reputation and International Politics. Ithaca, 1996.

¹⁰¹ Приведено по: Fisher R. J. The Social Psychology... P. 154–155.

замечать различия в группе оппонента, конструируя суждение о том, что «враги» все «на одно лицо». При этом важно подчеркнуть, что в условиях конфронтации акцентируется единство внутри «своей» группы¹⁰². Оба типа суждений могут приводить к ошибкам. Например, Б. Силверстайн ссылается на исследование, которое провели М. Хиршберг и М. Ливингстон (1988) и обнаружили, что респонденты, относящие СССР и Иран к категории враждебных государств, оценивали отношения между странами как дружественные, хотя на 80-е годы XX столетия, по мнению специалистов, приходится этап ослабления отношений между этими государствами. При этом американцы приписывали СССР действия негативного характера – от наркотрафика до терроризма¹⁰³. На фоне драмы с захватом американских заложников в Иране (1979–1981 гг.) подобные действия могли бы быть приписаны преимущественно ему. Однако, принимая во внимание то, что респонденты отнесли оба государства к одной категории, они не видели принципиальных различий в их политике, подтверждая действие своеобразной эвристики, что все «плохие парни» одинаковые.

Третий тип ошибок обусловлен действием механизма «оскорбленной невинности». В условиях конфликта каждая из сторон полагает, что ей чужды любые агрессивные намерения¹⁰⁴. В связи с этим оппоненты полагают, что угрозы, направленные против них, обусловлены враждебностью противоположной стороны, нежели ее стремлением защититься от агрессивных выпадов. Иначе говоря, стороны не берут на себя ответственность за развязывание конфликта и проецируют друг на друга образ врага.

Четвертый тип ошибок объясняется тем, что оппонент воспринимается как использующий *пропаганду* с целью ввести в заблуждение массы людей для некритичного принятия ими искаженного образа мира, который мотивирует их к конфликтному взаимодействию. Иначе говоря, субъект познания ошибочно убежден, что члены

¹⁰² Staub E., Bar-Tal D. Genocide, Mass Killing, and Intractable Conflict: Roots, Evolution, Prevention and Reconciliation // Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford, 2003. P. 727.

¹⁰³ Silverstein B. Enemy Images: The Psychology of US. Attitudes and Cognitions Regarding the Soviet Union // American Psychologist. 1989. Vol. 44, N 6. P. 907.

¹⁰⁴ Staub E., Bar-Tal D. Genocide, Mass Killing, and Intractable Conflict... P. 727.

«другой» группы не испытывали бы враждебности по отношению к его группе, если бы не пропаганда. Влияние подобной ошибки может находить отражение в проведении различий между «враждебным» руководством страны и дружелюбием «братского народа», который против конфликта, но следует за лидером по причине дезинформации. В подобных обстоятельствах угрозы могут быть занижены.

Пятый тип ошибок – склонность к *экстраполяции тенденций*, которая приводит к убеждению, что существующее положение дел сохранится и в будущем. Допущенная ошибка находит отражение в том, что субъект может не замечать «сигналы» угрозы, полагая, что дружественные отношения между странами сохранятся и впредь. Возможна и прямо противоположная ситуация, когда стороны полагают, что конфликт продолжится, и не находят оснований для примирения.

Применяя выделенные типы ошибок восприятия к анализу отношений между США и СССР, Р. Уайт пришел к выводу, что по сравнению с их влиянием экономические и идеологические факторы внесли минимальный вклад в поддержание конфронтации в отношениях двух стран.

Описанные ошибки восприятия позволяют сделать вывод, что когнитивные факторы влияют на конструирование образа государства за счет не только искажений в процессе переработки *информации*, но и *тех знаний*, которыми располагают субъекты. Образ СССР как государства, враждебного США, создавал основу для убежденности в том, что Советский Союз первым создал атомную бомбу¹⁰⁵. Современные американцы на фоне растущей воспринятой враждебности России¹⁰⁶ поддерживают военное вмешательство США в ситуацию на Украине, не располагая надежной информацией о том, где находится это государство¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Silverstein B. Enemy Images... P. 907.

¹⁰⁶ U.S.-Russia relations hit new low. URL: <https://today.yougov.com/news/2014/03/21/us-russia-relations/>; Swift A. For First Time, Americans' Views of Russia Turn Negative. Despite approval of Russian plan for Syria, Americans sour on Putin. September 18, 2013. URL: <http://www.gallup.com/poll/164438/first-time-americans-views-russia-turn-negative.aspx>

¹⁰⁷ Americans who don't know where Ukraine is are more likely to support military intervention-poll. Published time: April 08, 2014. URL: <http://rt.com/usa/ukraine-location-intervention-poll-025/>

Когнитивный компонент стабилизирует образ, делает его устойчивым к изменениям, поскольку он позволяет ориентироваться в условиях неопределенности международной ситуации, справляться с информационным потоком, который содержит не только сигналы, но и информационный шум. Созданный образ, функционирующий в качестве когнитивной схемы, позволяет отделить главное от второстепенного и придать смысл неопределенному.

«Пластичность» образу придает *мотивационный компонент*. Значимость *мотивационных факторов* в процессе формирования образа государства объясняется тем, что восприятие политическим лидером «своей» и другой страны осуществляется в контексте принятия внешнеполитических решений и выработки стратегии поведения в конкретной ситуации. В связи с этим на формирование образа оказывают влияние *интересы* и *ожидания* политических лидеров. При этом важно подчеркнуть, что мотивационные факторы позволяют объяснить формирование как негативно, так и позитивно окрашенных образов государств.

Например, Р. Уайт, рассматривая проблему эскалации международных конфликтов, описал пять типов *мотивированных ошибок* восприятия, которые находят отражение в образах государств. По мнению ученого, ошибки возникают по причине функционирования неосознаваемых мотивов, связанных с поддержанием положительной самооценки и снижением тревожности. В частности, «*дьявольский образ врага*» подразумевает восприятие врага как воплощение зла. «*Моральный образ собственной группы*» поддерживается за счет того, что «свое» государство воспринимается в более позитивном свете, наделяется всевозможными добродетелями. Образ «*за нас, в нашу пользу*» подразумевает склонность субъекта воспринимать отношение других групп к «своей» как более дружественное, чем есть в действительности. Кроме того, субъекты склонны *преувеличивать уверенность в военном потенциале* своей страны. Поводом для конфронтации могут также стать *частично совпадающие территориальные образы государств*¹⁰⁸. Созданные образы позволяют оправдать участие государства в конфликте и сохранить *положительную самооценку, избежать осуждения* своих действий со стороны участников международных отношений и получить *внутриполитическую поддержку*.

¹⁰⁸ Fisher R. J. The Social Psychology... P. 153–154.

Особенности *идентичности* субъекта познания также выступают фактором, мотивирующим формирование образа государства. Например, М. Дж. Александер, Ш. Левин и П. Генри на основе результатов эмпирического исследования, направленного на изучение образа США у ливанцев, сделали вывод, что чем больше респонденты идентифицировали себя в качестве «арабов» и «палестинцев» и чем реже – с «христианами» и западным миром, тем чаще они конструировали образ США как государства-варвара¹⁰⁹. Согласно теории образа в международных отношениях «враг» и «варвар» характеризуются высоким уровнем могущества и враждебными намерениями. Однако варвар отличается от врага более низким уровнем культуры. Конструируя образ США как варвара, респонденты стремились акцентировать не просто конкурентные отношения двух государств, которые «меряются силой», как в случае формирования образа врага. Они подчеркивали значимость различий идентичностей двух стран, стремясь при этом продемонстрировать более низкий уровень западной культуры, к которой принадлежат США, и высокий статус – собственной. Иначе говоря, в ситуации угрозы основанием для конструирования образа государства становятся не только материальные факторы, такие как могущество, но и потребность поддержать самоуважение, социальный статус.

Образ государства наделяет смыслом ситуацию конфликтного взаимодействия. Вместе с тем ситуация угрозы подчас развивается и в направлении преодоления конфронтации и развития сотрудничества. Как подобная мотивация влияет на формирование образа государства?

Ответ на поставленный вопрос дают Г. М. Фитцсимонс и Дж. Шах. Они установили, что субъекты склонны более позитивно оценивать тех, в ком они заинтересованы для решения проблем, т. е. желание другого государства сотрудничать способствует формированию положительного образа¹¹⁰. В этом случае ожидаемые выигрыши

¹⁰⁹ Alexander M. G., Levin Sh., Henry P. J. Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images // *Political Psychology*. 2005. Vol. 26, N 1. P. 42.

¹¹⁰ Fitzsimons G. M., Shah J. Y. How Goal Instrumentality Shape Relationship Evaluations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95, N 2. P. 319–337.

от совместной деятельности мотивируют субъекта отмечать у оппонента положительные качества, оправдывающие партнерские отношения с ним, то есть осознание общих интересов и взаимозависимости в сфере решения актуальных проблем служит основанием для пересмотра существующих представлений о другом государстве в более выгодном для него свете. Р. Херрманн делает еще более радикальный вывод: «Когда осознанно конструируемые образы служат функциональным целям, они могут не только быстро меняться вместе с этими целями, но и также содержать противоречия в разных ситуациях»¹¹¹.

Иначе говоря, сотрудничество государств в одной ситуации может привести к формированию положительного образа, в то время как расхождение интересов в других обстоятельствах служит поводом для наделения государства негативными характеристиками. В качестве примера подобной динамики образа государства может выступать изменение образа СССР в сознании американского политического руководства в 80-е годы XX столетия¹¹². Трансформация образа Советского Союза была призвана отразить новый уровень развития отношений между странами. Например, Президент США Р. Рейган отмечал *улучшение отношений* и возможность найти общий язык, установление доверительных советско-американских отношений, констатировал расширение списка возможных сфер взаимодействия. В то же время Президент США указывал на сохранение *соперничества двух государств* и *отсутствие подлинного мира* в отношениях между странами. Можно предположить, что позитивные тенденции в развитии двусторонних отношений были обусловлены наличием общих интересов в области обеспечения безопасности. Как отмечает Б. Фарнхэм, к окончанию первого срока президентства Р. Рейгана произошли изменения в политике США, которые были вызваны не столько трансформацией внешнеполитического поведения Советского Союза, сколько переосмыслением ситуации американским политическим руководством¹¹³. Эти изменения отражают

¹¹¹ Herrmann R. K. Perceptions and Image Theory in International Relations. . . P. 352.

¹¹² Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства. . . С. 313–335.

¹¹³ Farnham B. Perceiving the End of Threat: Ronald Reagan and Gorbachev Revolution // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / ed. by S. A. Renshon, D. W. Larson. New York, 2003. P. 157.

смещение акцентов с «советской угрозы», которая могла привести только к усилению конфронтации двух государств, к ядерной угрозе, в деле устранения которой СССР и США вполне могли стать партнерами. Необходимость сотрудничества в области ядерного разоружения создала фундамент для конструирования положительного образа СССР. В то же время в других сферах сближение оказалось более проблематично, что также находило отражение в образе Советского Союза. Схожая двойственность наблюдается и в российско-американских отношениях на современном этапе, когда на фоне общего ухудшения отношений между странами формулируется перечень актуальных международных проблем, которые урегулируются совместными усилиями дипломатов двух стран.

Иногда мотивы, лежащие в основе конструирования образа государства, выявляют различия восприятия, свойственные разным социальным общностям. Например, СМИ в Германии отмечают несовпадение оценок действий России в ходе украинского кризиса представителями бизнеса и обычными гражданами. В частности, в августе 2014 г. 70 % жителей Германии поддерживали меры, предпринятые ЕС в ответ на кризис. При этом 49 % поддерживали усиление санкций против России, несмотря на негативные последствия для экономики Германии и сокращение рабочих мест. В свою очередь, бизнес-сообщество занимает более осторожную позицию и выступает с призывом нормализовать отношения с Россией¹¹⁴.

Представленные результаты исследований позволяют сделать вывод, что восприятие другого государства зависит от уровня развития отношений между странами, их «инструментальности». Страны, заинтересованные в сотрудничестве, склонны конструировать положительные образы друг друга. В связи с этим «фундаментом» для создания привлекательного образа государства может стать востребованность участия государства в разрешении актуальных международных проблем.

Образ государства в ситуации угрозы конструируется не только под влиянием рациональных осознаваемых мотивов и существующей системы знаний. Они также появляются вследствие пережи-

¹¹⁴ German public opinion hardens against Putin but business community still reluctant. August 8, 2014. URL: <http://openeuropeblog.blogspot.ru/2014/08/german-public-opinion-hardens-against.html>

ваемых страхов, тревоги или радости, гордости и т. п. В частности, восприятие действий другого государства осуществляется под влиянием свойственного человеку *страха смерти*.

Угроза представляет собой «стрессор, кризис социальной, экономической или политической природы, с которым сталкивается население и который подрывает установленный социальный порядок, сложившийся образ жизни»¹¹⁵. В результате угроза приводит к повышению тревожности, а также актуализирует переживание страха смерти. Культура минимизирует тревогу, связанную с ожиданием смерти, посредством конструирования образа мира, который насыщает жизнь порядком и постоянством. Она обеспечивает человека стандартами приемлемого поведения, следуя которым он повышает свою самооценку и получает ощущение победы над смертью за счет поддержания «правильного», упорядоченного образа жизни. Как следствие, субъекты, нарушающие установленный порядок, воспринимаются как источники угрозы. Сказанное справедливо и для сферы внешней политики. Действия государств, нарушающие правила и нормы международного взаимодействия, расцениваются как угрожающие¹¹⁶.

Стремление контролировать и упорядочивать окружающую среду с целью минимизировать опасность получает другую интерпретацию в исследовании, которое провели Д. Салливан, М. Д. Ландау и З. К. Ротшильд¹¹⁷. Ученые доказывают, что индивиды склонны воспринимать себя как контролирующих окружающую среду. Вместе с тем они осознают, что подвергаются множеству непостоянных и разнообразных рисков и опасностей. Исследователи предполагают, что индивиды стремятся сфокусировать свое внимание на действиях ограниченного количества источников угрозы, которые поддаются пониманию и управлению. Фактически они снижают уровень опасности за счет усиления субъективного чувства контроля. Однако при этом индивиды приписывают преувеличенное влияние своим врагам. Иначе говоря, оппоненты на-

¹¹⁵ *McCann S.* Threatening Times, “Strong” Presidential Popular Vote Winners, and the Victory Margin, 1824–1964 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. N 73. P. 161.

¹¹⁶ *Cohen R.* Threat Perception in International Crisis... P. 100.

¹¹⁷ *Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K.* An Existential Function of Enemyship // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, N 3. P. 434.

столько влиятельны, что их действия не поддаются контролю. Конструирование образа врага призвано компенсировать возможность контролировать среду и избежать опасностей.

Однако чувство страха способствует созданию образа не только врага, но и союзника. Например, в исследовании, проведенном Б. Фарнхэм, показано, что одним из факторов восприятия Президентом США Р. Рейганом советской ядерной угрозы и его политики в сфере обеспечения безопасности был страх, связанный с возможностью начала войны между государствами с использованием ядерного оружия¹¹⁸. Как следствие, страх стал основой для выработки политики, направленной на стремление избавить мир от ядерной угрозы: предполагалось сотрудничество с СССР и требовался пересмотр его образа.

Ситуация угрозы сопряжена не только с переживанием чувства страха. Не менее значимо и *унижение*. Угроза предполагает, что один субъект предъявляет требование другому изменить поведение в определенном направлении во избежание наказания, которое последует в случае неподчинения. Иногда ситуация угрозы может развиваться по сценарию исполнения требований и неприменения наказания. Однако возможен и другой сценарий, который предполагает неподчинение, выдвижение встречных угроз и эскалацию конфликта. Он наиболее вероятен, когда объект угрозы воспринимает предъявляемые требования как унижительные и несправедливые. Как подчеркивает Дж. Г. Стейн, угрозы, которые расцениваются как унижительные, вероятнее всего вызовут гнев и спровоцируют рискованные действия, которые субъект предполагал предотвратить посредством предъявляемых требований¹¹⁹. Таким образом, действия «другого» государства воспринимаются не просто с позиций существования или отсутствия угрозы, но и с учетом того, насколько «разрушительной» она окажется для государства, в отношении которого она направлена. В то время как страх стимулирует осторожность, стремление к «самосохранительному» поведению, унижение заставляет государства идти на риск и демонстрировать агрессию.

¹¹⁸ Farnham B. Perceiving the End of Threat... P. 153–190.

¹¹⁹ Stein J. G. Threat Perception in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed. / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford, 2013. P. 382–383.

Значимость эмоций, возникающих в связи с восприятием угрозы репутации и достоинству государству, подчеркивает и Р. Фишер, описывая свойственное государствам чувство «гордости мужественности»¹²⁰. Оно находит отражение в преувеличенной убежденности, что ин-группа сильна, могущественна, отважна и обладает высоким авторитетом, либо в стремлении видеть ее таковой. Подобные чувства мотивируют политического лидера в ситуации угрозы выбирать стратегию сопротивления принуждению и даже выдвижения встречных угроз. При этом он стремится сконструировать образ могущественного государства и сохранить репутацию страны¹²¹.

Эмпирические исследования, проведенные на основе теории образа, не позволили установить однозначных взаимосвязей между переживаемыми эмоциями и образом государства. Например, Р. Билали на основе исследования образов, сконструированных в контексте американо-турецких отношений, делает вывод, что среди выявленных эмоциональных профилей (враждебность, тревога, восхищение и доверие) только *враждебность* и *доверие* оказывают значимое влияние на формирования образов государств¹²². Враждебность, включающая такие эмоции, как гнев, раздражение, презрение, не связана с конструированием образа союзника и кооперативным поведением. Как следствие, снижение уровня враждебности может привести к размыванию негативных образов, однако при этом не обязательно способствует формированию положительного образа государства. Р. Билали делает вывод, что только эмоциональный профиль «доверие», состоящий из чувств сердечности, привязанности, благодарности и уважения, положительно связан с образом союзника и сотрудничеством.

Описанные результаты демонстрируют, что эмоциям, лежащим в основе конструирования образов государств, несвойственна очень тонкая дифференциация. В большей степени важен «знак» эмоций, которые вызывает поведение конкретного государства. Отрицательные

¹²⁰ Fisher R. J. The Social Psychology... P. 153.

¹²¹ Stein J. G. Threat Perception in International Relations ... P. 381–382.; Sechser T. Winning without Fight: Power, Reputation, and Compellent Threats in International Crises: Diss. ... of Doctor of Philosophy. M., 2007.

¹²² Bilali R. Assessing the Internal Validity of Image Theory... P. 299–300.

эмоции сигнализируют о существовании угрозы, положительные – об ее отсутствии. Дальнейшая дифференциация образов государств, вероятно, осуществляется на основе других механизмов. И все же подобная интерпретация результатов – предварительная. Изучение эмоций в политической сфере в целом и аффективной составляющей образа государства в частности еще проходит этап накопления эмпирических данных. В связи с этим можно предположить, что проведение исследований, в том числе и на основе теории образа государства, позволит конкретизировать роль эмоций в конструировании угрозы.

Завершая рассмотрение особенностей структуры образа государства в ситуации внешней угрозы, можно сделать вывод, что восприятие намерений и возможностей причинить вред опосредовано действием когнитивных, аффективных и мотивационных факторов. Когнитивные факторы обуславливают конструирование образа государства как представляющего угрозу посредством того, какая информация об оппоненте собрана и как она осмыслена в свете имеющейся системы убеждений. Мотивационные факторы определяют направленность переработки информации в свете тех задач, для решения которых создается образ. В свою очередь, аффективные факторы создают эмоциональный фон, позволяющий осмыслить действия оппонента. Необходимо подчеркнуть, что важны не только эмоции, которые переживает непосредственно субъект познания, но и настроения, существующие в обществе. Страх, тревожность, распространенные в обществе и необязательно связанные с действиями оппонента, создают благоприятные условия для восприятия угрозы и проецирования ее на конкретного «врага».

Несмотря на различие механизмов, лежащих в основе действия когнитивного, аффективного и мотивационного компонентов образа, они «работают» на создание *целостного представления* о партнере по взаимодействию. Целостность восприятия достигается за счет одной из ключевых особенностей социального познания, которая находит отражение в потребности поддерживать непротиворечивость в картине мира. Например, положительное отношение к другому государству затрудняет интеграцию негативной информации о нем в уже существующий образ и наоборот. В свою очередь, страх или гнев, которые ассоциируются с восприятием угрозы, мотивируют субъектов конструировать такой его образ, который

оправдывает негативные эмоции. В результате враг, как правило, демонизируется¹²³. Тем самым когнитивные и эмоциональные составляющие образа приводятся в соответствие друг другу.

Сказанное справедливо и для мотивационного компонента. Конструируя образ государства в ситуации угрозы, субъект отражает в них и мотивы, приписываемые оппоненту¹²⁴. Ключевыми можно считать мотивы власти, достижения и принадлежности. Например, мотив принадлежности связан с убеждением о том, что конфликт в политической системе – временное явление, вызванное ошибками восприятия и непониманием среди взаимодействующих субъектов. Мотив достижения также соотносится с представлением о конфликте как о временном явлении, возникновение которого связано либо с анархией международной системы, либо с действиями воинственных государств. В свою очередь, мотив власти ассоциируется с категоризацией конфликта как неотъемлемого элемента политических отношений.

Аналогичные взаимосвязи мотивов и конфликтности политических отношений выявлены в исследованиях Д. Винтера. В частности, он установил, что мотивация власти повышается в ответ на угрозу. Кроме того, тенденция приписывать мотив власти оппоненту усиливается в период эскалации конфликта¹²⁵. Исследователь делает вывод, что начало войны связано с повышением уровня мотивации власти и снижением мотива принадлежности. При этом индикатором завершения конфликта выступает снижение мотивации власти, нежели повышение значимости мотива принадлежности¹²⁶.

¹²³ См. напр.: *Frank J. D., Melville A. Y. The Image of the Enemy and the Process of Change.* URL: <http://www-ee.stanford.edu/~hellman/Breakthrough/book/chapters/frank.html#Intro>; *Mack J. E. The Enemy System // The Psychodynamics of International Relationships.* Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. Lexington; Toronto, 1991. P. 60.

¹²⁴ *Walker S. G., Schafer M., Young M. D. Profiling Operational Codes of Political Leaders // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. by J. Post.* Ann Arbor, 2005. P. 222.

¹²⁵ Обзор исследований Д. Винтера см.: *Kemmelmeier M., Winter D. G. Putting Threat Into Perspective: Experimental Studies on Perceptual Distortion in International Conflict // Personal and Social Psychology Bulletin.* 2000. Vol. 26, N 7. P. 797.

¹²⁶ *Winter D. G. Power, affiliation and war: Three tests of a motivational model // Journal of Personality and Social Psychology.* 1993. Vol. 65, N 3. P. 532–545.

Ученый также установил, что в ситуации, которая далека от эскалации конфликта, стороны оценивают угрозы, исходящие друг от друга, адекватно. В свою очередь, угрозы, исходящие от оппонента, с развитием конфликта в направлении военного противостояния начинают завышаться, а свои действия начинают расцениваться как менее опасные¹²⁷. Таким образом, доминирующий мотив «подстраивает» под себя не только картину мира в целом, но и восприятие оппонента, а также оценку собственных действий. Завышая угрозы, исходящие от оппонента, и занижая собственные, субъект стремится поддерживать положительно окрашенный образ «своего» государства.

2.5. Особенности содержания образа государства в ситуации внешней угрозы

В ситуации угрозы свою специфику приобретает не только структура, но и *содержание образа*. Какие характеристики государства применяются для конструирования его образа как представляющего угрозу и служат, по мнению субъекта познания, индикаторами намерений и возможностей причинить вред? Рассмотрим возможные ответы на поставленный вопрос, опираясь на трехкомпонентную структуру образа государства, содержащую идентификационный, статусный и ролевой компоненты.

*Концепция внешнеполитического национализма*¹²⁸ создает основу для изучения особенностей восприятия политическими субъектами *идентичности* и *статуса* других государств, опираясь на характеристики образа собственного государства. При определении национального «Я» субъект пытается очертить не только границы собственной группы и описать ее характеристики, но и местоположение относительно «других», ее *социальный статус*.

С точки зрения этой концепции «строительным материалом» национального «Я» выступают воспринятые ценности, интересы

¹²⁷ *Kemmelmeier M., Winter D. G. Putting Threat Into Perspective... P. 797.*

¹²⁸ *Hymans J. E. C. Pride, Prejudice and Plutonium: Explaining Decisions to Acquire Nuclear Weapons. A Thesis presented to the Department of Government. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Subject of Political Science. Harvard University. Cambridge (Mass.), 2001. P. 53.*

и возможности. Однако необходимо отметить, что при построении образа используются не все ценности, интересы и возможности, а только те из них, которые позволяют получить субъективно значимую информацию о результатах сравнения со значимыми другими. В результате одним из основных направлений сравнения государств становится континуум «сходство – отличие». Субъект познания воспринимает свои и чужие ценности, интересы и возможности как сходные или различающиеся.

Принимая во внимание сказанное, можно предположить, что восприятие *различий ключевых ценностей* служит основанием для восприятия угрозы. Например, результаты экспериментов Д. Руссо демонстрируют, что формирование разделяемой идентичности связано со снижением уровня угрозы¹²⁹.

Исследование, которое провели Р. Гарсиа-Ретамеро, С. М. Мюллер и Д. Руссо с участием студентов, также служит подтверждением того, что восприятие аут-группы в качестве источника военной угрозы снижается, если ее ценности категоризируются как схожие¹³⁰. При этом исследователи обратили внимание, что в массовом сознании сходство ценностей значит существенно больше, чем неравное распределение военной силы. В этом случае наращивание военной мощи союзником не будет рассматриваться как угрожающее.

К схожим выводам приходит Дж. Ридберг, анализируя результаты опроса общественного мнения американцев о том, какие страны воспринимаются ими как враждебные или дружественные США. В частности, автор делает вывод, что «государства, граждане которых разделяют ценности, близкие американским, с большей долей вероятности воспринимаются как друзья США»¹³¹. Из представленного списка стран (Пакистан, Россия, Иран, Китай, Израиль, Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Йемен, Куба) как дружественный воспринимается Израиль (67 %). Остальные страны расцениваются как дружественные менее чем половиной респондентов. В качестве

¹²⁹ Rousseau D. L. Identifying Threats and Threatening Identities: The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford, 2006. 267 p.

¹³⁰ Garcia-Retamero R., Müller S. M., Rousseau D. L. The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat // Political Psychology. 2012. Vol. 33, N 2. P. 179–193.

¹³¹ Rydberg J. Friend or Foe? URL: <https://today.yougov.com/news/2012/12/11/friend-or-foe/>

враждебных названы Иран (79 %), Куба (67 %), Пакистан (65 %) и Россия (46 %). Присутствие в списке России показательно. Результаты исследования относятся к апрелю 2012 г., то есть описывают ситуацию задолго до украинского кризиса, в ходе которого проявились серьезные расхождения интересов России и США. Однако уже тогда почти половина американцев категоризовала нашу страну как недружественную. Это обстоятельство также служит подтверждением предположения о значимости различий в ценностях для восприятия угрозы.

Важно подчеркнуть, что само по себе сходство или различие ценностей *не подменяют* собой показатели могущества, которые традиционно рассматриваются в качестве индикатора угрозы. Например, Р. Гарсиа-Ретамеро, С. М. Мюллер и Д. Руссо делают вывод, что «сильная в военном отношении аут-группа повышает восприятие угрозы»¹³². Однако при этом они также подтвердили предположение, согласно которому как угрожающее рассматривается государство, обладающее значительным военным потенциалом, а также характеризующееся отличающимися ценностями¹³³, то есть переменные усиливают друг друга. Можно предположить, что расхождение ценностей позволят дать интерпретацию намерений государства, которое обладает возможностями причинить вред.

Установленная закономерность сопоставима с описаниями образов государств, составленными М. Коттам и Р. Коттамом¹³⁴. Например, образ «союзника» предполагает, что государство обладает равным потенциалом и сходной культурой. «Варвар» – государство, обладающее более высоким потенциалом, чем субъект познания, и разделяющее другие ценности. «Враг» обладает равным потенциалом и отличающимися ценностями. В соответствии с результатами исследований Д. Руссо и его коллег субъект познания будет по-разному воспринимать угрозы, исходящие от таких государств. Она будет низкой в случае конструирования образа союзника, поскольку он формируется на основе сходства ценностей. В свою

¹³² Garcia-Retamero R., Müller S. M., Rousseau D. L. The Impact of Value Similarity... P. 185.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Cottam M. L., Cottam R. W. Nationalism and Politics...

очередь, угроза, исходящая от «врага», будет расценена как существенная, но менее значимая, чем опасность, которую представляет «варвар», поскольку он создает угрозу не только физической, но и онтологической, духовной безопасности. Иначе говоря, факторы могущества и расхождения ценностей усиливают друг друга, обуславливая более высокий уровень воспринятой угрозы.

Вместе с тем несовпадение ценностей необязательно приведет к конструированию суждения о наличии угрозы. В связи с этим возникает вопрос: насколько существенными должны быть различия, чтобы стать основанием для восприятия угрозы? Вероятно, величина различий не связана напрямую с конструированием суждения о том, что другое государство имеет враждебные намерения. Если два субъекта обладают характеристиками, которые с трудом сопоставимы, между ними вряд ли могут возникнуть отношения угрозы, поскольку в основе их деятельности будут лежать слишком разные интересы, исключающие возможность как сотрудничества, так и конкуренции. Восприятие угрозы связано с выявлением различий в ценностях, *значимых* для обоих государств. Подобное возможно, если учесть, что ценности зачастую представлены в виде ценностно-мировоззренческих дилемм, предполагающих выбор между противоположными позициями, например демократия – авторитаризм, патернализм – автономия и т. д.¹³⁵ В связи с этим государство, ценящее свободу, воспримет действия несвободного государства как связанные с враждебными намерениями.

Например, Дж. Буш, конструируя угрозу, которая исходит от Северной Кореи, придает значение различиям *ценностей* двух стран (прежде всего свободы) и характеристик *политических режимов*. Северная Корея рассматривается как несвободная страна, руководители которой установили репрессивный режим, нарушают права человека, тратят значительные средства на содержание армии, в то время как экономика находится в плачевном состоянии.

¹³⁵ *Малинова О. Ю.* Методологические проблемы изучения идеологических представлений элитных групп // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 92–93; *Селезнева А. В.* Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермск. ун-та. Сер.: «Политология». 2007. Вып. 1. С. 128–134.

Прямые сравнения с США указывают на отсутствие в Северной Корее свободы прессы, а также на закрытость северокорейского общества¹³⁶.

В связи с этим интерес представляет вопрос: можно ли сформулировать набор ценностей, приверженность которым служит индикатором угрозы? На первый взгляд на него можно дать положительный ответ. В частности, известно, что интерпретация политики «другого» государства осуществляется под влиянием воспринятой значимости идеологии¹³⁷. Например, теория демократического мира, которая выступает не только как научная теория, но и как концепция внешней политики, предрасполагает субъектов к тому, что демократические страны воспринимают друг друга в качестве союзников, а недемократические чаще попадают в категорию врагов или, по меньшей мере, вызывающих опасения государств. Дж. Ридберг, анализируя результаты опроса общественного мнения американцев о том, какие страны воспринимаются ими как враждебные или дружественные США, приходит к выводу, что «чем более демократическое государство, тем выше вероятность того, что оно рассматривается американскими гражданами как друг США»¹³⁸. И все же очевидно, что одни и те же ценности воспринимаются по-разному в зависимости от того, кто их интерпретирует. Так, для субъекта, который прошел социализацию в обществе, не разделяющем ценности демократии, приверженность этим ценностям будет восприниматься как маркер враждебности. «Война идентичностей», сопровождавшая противостояния СССР и США в период «холодной войны», служит тому подтверждением. Кроме того, одинаковая приверженность демократическим ценностям не исключает враждебности между странами. Например, С. Атран приводит обзор результатов опросов общественного мнения, согласно которым большинство мусульман, поддерживающих терроризм, выступают за формирование правительства посредством выборов, свободу личности, возможность получать образование, т. е. разделяют то, что считается западными ценностями. В частности, большинство

¹³⁶ Смирнова А. Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 1. С. 123.

¹³⁷ Herrmann R. K. Perceptions and Image Theory... P. 347.

¹³⁸ Rydberg J. Friend or Foe?

палестинцев положительно воспринимают форму правления, принципы организации экономики и образования, а также художественную литературу и искусство США и Израиля. Однако при этом три четверти населения поддерживают совершение терактов, объектом которых выступают жители этих государств¹³⁹.

Таким образом, сами по себе ценности, составляющие основу идентичности государства, не могут однозначно рассматриваться в качестве индикатора угрозы. Важно именно сравнение ценностей, расположенных в одном ценностно-мировоззренческом континууме. При этом если ценности оппонентов оказываются на разных «полюсах» этого континуума, то можно предположить, что подобные различия станут основанием для конструирования угрозы. Ценности позволяют фактически составить представления о намерениях и даже возможностях причинить вред, придавая последним определенность.

Статусный компонент образа государства отражает прежде всего набор прав и обязанностей, обусловленных вхождением государств в международные организации, союзы стран, а также отношения с конкретными участниками международных отношений. В этом случае восприятие угрозы будет осуществляться в соответствии с описанным выше механизмом, предполагающим установление границ ин- и аут-группы и констатацию сходств и отличий. Членство в одной организации неизбежно приведет к формированию разделяемого видения мира¹⁴⁰ и чувства «мы»¹⁴¹. Как следствие, государства, принадлежащие с точки зрения субъекта к аут-группе, придерживающейся другого подхода к разрешению проблем, других ценностей, могут оцениваться в качестве потенциального противника.

¹³⁹ Atran S. Trends in Suicide Terrorism: Sense and Nonsense. Paper presented to World Federation of Scientists Permanent Monitoring Panel on terrorism, Erice (Sicily), August 2004. P. 5. URL: <http://sitemaker.umich.edu/satran/files/atran-trends.pdf>

¹⁴⁰ Shih Chih-Yu. Seeking Common Causal Maps: A Cognitive Approach to International Organization // Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organization / ed. by M. L. Cottam, Chih-Yu Shih. New York; London, 1992. P. 39–56.

¹⁴¹ Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Социализация России в «Группе восьми»: процесс и результат // Социологические исследования. 2011. № 4 (324). С. 58–66.

Вместе с тем статусы рассматриваются не только в терминах различий, но и неравенства позиций. Иначе говоря, отношения между государствами осмысливаются с точки зрения их *лидерства* или *отставания* в тех или иных сферах взаимодействия¹⁴². Субъект познания категоризирует ценности и потенциал другого государства как более передовые или отстающие по сравнению с тем, которые присущи «своему» государству.

Значимость отмеченного аспекта статусного компонента образа государства может быть рассмотрена в контексте теории внешнеполитического национализма. Национализм связан со стремлением к национальному самоопределению посредством конкурентного сравнения своей группы с другими, которые рассматриваются как уязвимые или как занимающие равное положение в международной иерархии с точки зрения измерения наиболее важных ценностей и возможностей. Суть феномена внешнеполитического национализма заключается в том, что естественное стремление нации состоит не только в том, чтобы «создать собственное государство, но и оказывать существенное влияние на международной арене, особенно на государства аут-группы»¹⁴³. Например, Т. Дейбель среди национальных интересов государств называет стремление не только обеспечить для себя более выгодное положение в той или иной сфере, но и сформировать под себя окружение посредством «проецирования ценностей нации и ее моральных принципов за рубеж»¹⁴⁴.

Таким образом, субъект познания рассматривает государство, которое он представляет на международной арене, в качестве отправной точки для сравнения его положения с достижениями других государств, и, вероятно, будет пытаться повысить свой воспринятый статус даже ценой когнитивных искажений. В результате угроза будет ассоциироваться с действиями государства, которое занимает более высокую статусную позицию по сравнению с той, которая закреплена за страной субъекта познания. Иначе говоря, в паре взаимодействующих государств лидер может восприниматься как носитель враждебных намерений.

¹⁴² *Hymans J. E. C. Pride, Prejudice and Plutonium... P. 51.*

¹⁴³ *Hymans J. E. C. Pride, Prejudice and Plutonium... P. 52.*

¹⁴⁴ *Deibel T. L. Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft. Cambridge, 2007. P. 127.*

Представленное утверждение аргументировано в теориях международных отношений. В частности, в теориях классического реализма и неореализма существование угрозы связано с актуальным или потенциальным дисбалансом в распределении могущества. Если государство – партнер по взаимодействию – более сильное, чем государство, от имени которого выступает субъект познания, автоматически возникают угрозы безопасности, поскольку в условиях анархии, характеризующей международную систему, нет верховного арбитра, который мог бы остановить стороны от применения силы.

Вместе с тем различия в статусных позициях в экономической сфере необязательно оцениваются как связанные с угрозой. Как подчеркивает В. А. Колосов, восприятие страны в качестве дружественной или недружественной определяется ее социально-экономическими достижениями на фоне состояния дел в стране субъекта познания¹⁴⁵. При этом в качестве источника угроз рассматриваются страны с низким уровнем жизни и другими неблагоприятными экономическими показателями. Например, бедность традиционно упоминается в качестве одной из причин терроризма¹⁴⁶. В свою очередь, Р. Гарсия-Ретамеро, С. М. Мюллер и Д. Л. Руссо на основе результатов эмпирического исследования сделали вывод, что уровень могущества оказывает влияние на восприятие военных угроз и не влияет на появление угроз в экономической сфере. По мнению этих ученых, для восприятия угрозы более значимым оказывается фактор расхождения ценностей взаимодействующих государств, нежели различия в уровне могущества¹⁴⁷. Сильное влиятельное государство может создавать риски военной безопасности, но одновременно выступать в качестве перспективного торгового партнера, в то время как менее влиятельный партнер подчас создает угрозы дестабилизации в экономической сфере (Греция и ЕС).

В целом можно сделать вывод, что уровень экономического сотрудничества способствует снижению угрозы. Например, как под-

¹⁴⁵ Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 11. М., 2002. С. 36.

¹⁴⁶ Atran S. Trends in Suicide Terrorism...

¹⁴⁷ Garcia-Retamero R., Müller S. M., Rousseau D. L. The Impact of Value Similarity and Power... P. 187.

черкивает Дж. Ридберг, чем больше объем товарооборота между США и конкретной страной, тем выше вероятность того, что она будет рассматриваться как дружественная¹⁴⁸. При этом более высокий статус экономического партнера необязательно будет расцениваться в качестве индикатора его враждебных намерений.

Таким образом, сделанное предположение о связи уровня могущества государства, а именно восприятия лидерства оппонента в той или иной сфере, с восприятием угрозы требует уточнения. Само по себе неравенство позиций взаимодействующих субъектов не может рассматриваться как необходимое и достаточное условие восприятия угрозы.

Зачастую для этого важны не имеющийся уровень могущества и соответствующая ему статусная позиция государства, а их *динамические показатели*. Во-первых, изменение в положительную сторону уровня могущества и статуса субъекта, от которого исходит угроза, по отношению к имеющимся показателям. Во-вторых, усиление его позиций по сравнению с уровнем могущества и статусом субъекта, который воспринимает угрозу. Например, в основе суждения Президента США Дж. У. Буша об угрозе, связанной с ядерной программой Северной Кореи, лежало воспринятое *несоответствие* между статусом, которым США наделяют КНДР (*предписываемый статус*), и статусом, на который это государство претендует в системе международных отношений (*достигнутый статус*). Фактически Северная Корея рассматривается как государство, упрочившее свои позиции в той сфере, в которую оно, с точки зрения США, не должно было иметь доступа¹⁴⁹. Для сравнения: суждения Президента РФ В. В. Путина об угрозе со стороны КНДР конструируются на основе *сравнения наступательного и оборонного потенциала двух стран*, указания на их *несопоставимость* и обозначения более высокого статуса России. Таким образом, более низкий по сравнению с США уровень воспринятой угрозы связан с позиционированием Северной Кореи как *отстающей* от России¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Rydberg J. Friend or Foe?

¹⁴⁹ Смирнова А. Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы... С. 111–126.

¹⁵⁰ Там же. С. 124.

Кроме того, для сравнения выбираются не любые аспекты статуса, а те, в которых обнаруживается конфликт интересов взаимодействующих государств. В частности, можно предположить, что особенно остро будут восприняты попытки оппонента усилить вес и влияние в тех сферах, в которых страна субъекта познания сама претендовала на лидерство. В этом случае экономическое взаимодействие также может стать областью генерирования угрозы. В качестве примера можно привести разворачивающееся соперничество за присутствие в Арктике, освоение богатых природных ресурсов этой территории, а также извлечение экономических выгод, связанных с развитием Северного морского пути. Санкции, введенные против России, направлены в том числе и на то, чтобы создать препятствия на пути освоения глубоководного шельфа.

Важно также подчеркнуть, что субъекты в некоторых случаях могут принять свой низкий по сравнению с другими статус. Одно из объяснений предлагает теория социального доминирования. Оно связано с тем, что субъект принимает свой низкий статус, если признает его легитимным. Более того, низкий статус подчас рассматривается как заслуженный¹⁵¹. Сказанное позволяет сделать вывод, что, как и в случае сравнения ценностей, оценка статуса участников международных отношений осуществляется в соответствии с представлением субъекта о статусе собственного государства.

Однако познание угрозы базируется не только на сравнении различных аспектов статуса субъектов, которых связывают отношения угрозы. Конструирование угрозы основывается также на оценке ролей, исполняемых субъектом, как соответствующих или не соответствующих их социальной позиции. Содержание этого процесса позволяет раскрыть *теория позиционирования*.

Основное положение, лежащее в основе этой теории, состоит в необходимости «разграничить действия, которые логически возможны, и те, которые социально возможны для определенного актора

¹⁵¹ Levin Sh., Sidanius J., Rabinowitz J., Federico Ch. Ethnic Identity, Legitimizing Ideologies, and Social Status: A Matter of Ideological Asymmetry // Political Psychology. 1998. Vol. 19, N 2. P. 373–404; Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Формирование идентичности в российской провинции. М.; Ярославль, 2001. С. 41–45.

в сложившейся ситуации»¹⁵². Сказанное означает, что существует конкретная категория социальных действий, которые может выполнить любой субъект, если проигнорировать присутствие других индивидов и групп, а также влияние социального контекста. Но внутри этого перечня есть более ограниченный репертуар действий, которые могут быть выполнены субъектом соответствующим образом только в том случае, если он будет включен во взаимоотношения с другими людьми и учтет специфику контекста. В результате, согласно этой теории, право исполнить определенные действия и тем самым внести вклад в развитие ситуации зависит от ряда диспозиций, в частности от права доступа к репертуару имеющихся в распоряжении способов действия, а также от распределения обязанностей.

Теория предполагает, что понятие позиции может использоваться не только для изучения межличностных, но и межгрупповых и даже межгосударственных отношений. Коллективные субъекты также позиционируются с точки зрения прав и обязанностей по совершению определенных действий. Так, Ф. Мохаддам и К. Кавулич провели исследование проблемы выполнения государствами обязательств, выходящих за пределы установленных требований¹⁵³. Подобные обязательства касаются действий, которые страны имеют право и не совершать, но в случае выполнения получают определенные вознаграждения. В качестве объекта изучения выступали взаимоотношения США, европейских государств и Ирана по его ядерной программе. Ученые продемонстрировали, что Иран пытался представить добровольное прекращение работ по обогащению урана в качестве обязательств, выходящих за пределы установленных требований, и, следовательно, как действия, достойные поощрения. Однако США и страны ЕС позиционировали Иран как государство, утратившее доверие мирового сообщества и, следовательно, не имеющее права на оценку

¹⁵² Harre R., Moghaddam F. Introduction: The Self and Others in Traditional Psychology and in Positioning Theory // *The Self and Others: Positioning Individuals and Groups in Personal, Political and Cultural Contexts* / ed. by R. Harre, F. Moghaddam. Westport, 2003. P. 5.

¹⁵³ Moghaddam F. M., Kavulich K. A. Nuclear Positioning and Supererogatory Duties: The Illustrative Case of Positioning by Iran, the United States, and the European Union // *Global Conflict Resolution Through Positioning Analysis* / ed. by F. Moghaddam. New York, 2008. P. 247–263.

своих действий как обязательств, выходящих за пределы установленных требований. Таким образом, приведенный пример служит иллюстрацией того, что только государства, соответствующие определенным стандартам, имеют право на выполнение обязательств, которые дают преимущества на арене мировой политики.

Как конструкт «позиционирование» может помочь в понимании процесса конструирования угрозы в межгосударственных отношениях? Рассмотрим основные характеристики процесса позиционирования.

Во-первых, позиционирование субъекта осуществляется целенаправленно и зачастую находится вне власти того, на кого направлено его действие. Следовательно, определение набора прав и обязанностей государства детерминировано тем, как оно будет позиционировано субъектом познания. Иногда в отношении государства осуществляется *непрямое позиционирование*, когда ему не предписывается какой-то конкретный перечень прав и обязанностей. Однако при этом оно наделяется такими характеристиками, которые вынуждают его действовать определенным образом. Например, назвав государство изгоем, его можно лишить права на совершение ряда действий.

Во-вторых, позиционирование всегда строится на основе отношений, то есть, позиционируя кого-либо, субъект тем самым позиционирует другого актора по отношению к самому себе. Так, позиционируя кого-либо как врага, субъект определяет круг действий, которые может совершить этот актор. Одновременно он обозначает репертуар собственных реакций в ответ на действия «врага». Авторы теории подчеркивают необходимость дифференциации двух крайних форм процесса позиционирования¹⁵⁴. Иногда позиционирование планируется и осуществляется целенаправленно, как, например, в том случае, когда мировое сообщество применяет санкции в отношении государства. В других обстоятельствах позиционирование воспринимается как «естественное положение вещей», когда поведение страны выступает как «ожидаемое».

В-третьих, граница между логически возможными и социально предусмотренными действиями размыта. В результате позицию не следует считать как изначально заданную характеристику. По-

¹⁵⁴ Harre R., Moghaddam F. Introduction... P. 7.

позиционирование представляет собой динамичный процесс, о чем свидетельствует рассмотрение так называемого позиционного треугольника¹⁵⁵. Одну из его граней составляет собственно *позиция* – совокупность прав и обязанностей по совершению определенных действий, а также запретов на некоторые способы исполнения этих действий. *Совершаемые поступки* – следующая составляющая позиционного треугольника. Поступок приобретает смысл в контексте социальной ситуации, часть которой он составляет. Только после того как действие проинтерпретировано с точки зрения существующей ситуации, оно попадает под воздействие правил приоритетности и соответствия, предписываемых позицией. При этом осмысливается не только совершаемый поступок, но и предшествующие и последующие действия. Последовательность действий приобретает значение в свете развивающейся «*сюжетной линии*» социальной ситуации, которая представляет собой третий компонент позиционного треугольника. Каждое действие, совершаемое актерами, вносит вклад в развитие ситуации и соответственно оценивается с точки зрения согласованности, уместности совершения действия в представленной сюжетной линии ситуации.

Принимая во внимание характеристики процесса позиционирования, можно сделать вывод, что в основе познания позиции субъекта, связанной с исполнением определенных действий (ролей), лежат механизмы, отличающиеся по своей природе от тех, которые определяют познание ценностей и статусов. Познание ролей отличается в первую очередь большей зависимостью от контекста. В то же время оценка соответствия действий актора ситуации может строиться на основе восприятия субъектом ценностей и статуса субъекта. Описание ключевых ценностей и статуса позволяет субъекту познания определить *позиции* актора – набора прав и обязанностей по совершению определенных действий, а также запретов на некоторые способы совершения этих действий. Такое предположение согласуется с идеей о том, что социальный статус служит в качестве детерминанты выбора ролей.

Описанный процесс позиционирования не исключает и использования механизма сравнения. Чтобы определить, имеет ли

¹⁵⁵ Harre R., Moghaddam F. Introduction... P. 5–6.

актор право на исполнение тех или иных ролей, субъекту познания необходимо отнести его к какой-либо категории. А процесс категоризации и есть сравнение, позволяющее либо установить принадлежность к категории на основе сходства, либо сделать вывод о существовании различий.

Какой вклад процесс позиционирования вносит в конструирование угрозы? Можно предположить, что субъект делает вывод о существовании угрозы, если, во-первых, его партнер по взаимодействию совершает действия, которые не соответствуют его статусу. Во-вторых, восприятие угрозы может быть также связано с отказом субъекта совершать действия, предписанные его социальной позицией. Как правило, если государство берет на себя обязательства, предусмотренные в контексте достигнутого соглашения, и не выполняет их, его намерения расцениваются как враждебные.

ГЛАВА 3

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРАЦИИ

Как было показано в разделе 1.5 главы 1, восприятие угрозы осуществляется под влиянием факторов, действующих на национальном и системном уровнях. Подобная дифференциация уровней анализа определяет содержание главы III. Однако прежде необходимо раскрыть понятие социальной структуры, в том числе применительно к международной системе. Принимая во внимание, что восприятие угрозы рассматривается как ее конструирование, понятие структуры необходимо раскрыть с точки зрения конструктивистской теории.

3.1. Определение социальной структуры в конструктивистских теориях

В теории конструктивизма сложилось понимание социальной структуры в качестве установленной в результате взаимодействия субъектов стабильной системы значений¹.

В частности, посредством системы правил институты, которые отражают разделяемое субъектами понимание социального порядка, стабилизируют ожидания акторов и управляют отношениями между ними. Когда институты поддерживают существование структур, которые представляют собой систему правил и стабильных значений, следующих из институциональных практик, они приобретают причинную и нормативную силу, поскольку члены общества основывают на них свои действия.

В связи с этим для описания структуры в конструктивистских теориях, например в теории структуризации Э. Гидденса, используются

¹ Klotz A., Lynch C. Strategies for Research in Constructivist International Relations. Armonk; New York, 2007. P. 24–43.

динамические конструкты. Автор подчеркивает, что социальную структуру образует совокупность правил и ресурсов, способствующая «производству / воспроизводству социальных институтов»².

В теории Э. Гидденса различаются три понятия: «структура», «система» и «структуриация». Структура представляет собой регулярно воспроизводящиеся наборы правил и ресурсов³. Она существует вне времени и пространства, проявляется в памяти индивидов в виде «отпечатков» социальной практики и отличается, как подчеркивает Э. Гидденс, «отсутствием субъекта»⁴. Подобные правила и ресурсы «присваиваются» субъектами в реальных ситуациях при осуществлении взаимодействия с другими участниками социального пространства, которые занимают по отношению друг к другу определенные позиции и используют правила и ресурсы в разнообразных контекстах деятельности. Воспроизводимые взаимоотношения субъектов деятельности или коллективов, организованные в виде регулярных социальных практик, образуют социальные системы, обладающие структуральными свойствами. Понятие «структуриация» указывает на условия, управляющие воспроизводством социальных систем и контролирующие целостность или изменчивость структур. Необходимость разведения указанных понятий детерминирована в том числе и склонностью субъектов к рефлексии. Универсальное правило или ресурс приобретают уникальный характер в условиях взаимодействия конкретных участников социального пространства, оценивающих возможность их использования в сложившихся обстоятельствах. В результате одно и то же правило может быть «прочитано», а ресурс использован по-разному, в зависимости от того, как субъект осмысливает себя и своего партнера по взаимодействию. Кроме того, рефлексивный мониторинг приводит не только к воспроизводству структур, но и их изменению. Таким образом, структуры приобретают рефлексивный характер, «динамически развертываясь в пространстве и времени»⁵.

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуриации. М., 2005. С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Кравченко С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М., 2010. С. 30.

Конструктивистские теории, в том числе и теория структуризации Э. Гидденса, разделяют идею *дуальности структуры*.

Так, Э. Гидденс подчеркивает, что субъектов деятельности и структуры нельзя рассматривать как две независимые категории. В отличие от структурно-функционалистских теорий, в которых структура понимается как внешняя по отношению к деятельности субъекта, Э. Гидденс полагает, что она должна рассматриваться как внутренняя. Подобное видение структуры возможно благодаря понятию «структуральные свойства социальной системы», которые трактуются «как институциональные характеристики, простирающиеся через пространство и время»⁶, то есть как некие устойчивые, известные членам общества правила и ресурсы осуществления деятельности. Вместе с тем, как подчеркивает Э. Гидденс, структуральные свойства не только выступают как средства производства социальной жизни, но и одновременно как «результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью»⁷. Можно предположить, что в процессе взаимодействия индивиды будут воспроизводить сложившиеся правила либо вырабатывать новые, использовать традиционные или привлекать инновационные ресурсы.

Более умеренную позицию выражает другой представитель конструктивистской социологии П. Бурдьё, идеи которого относительно социальной структуры получили название *структуралистского конструктивизма*. Ученый разъясняет идею структуралистского конструктивизма как соединения объективного и субъективного. Понятие структурализма призвано обозначить существование объективных структур, которые не зависят от сознания и воли агентов и способны направлять их деятельность, в том числе и познавательную. В свою очередь, «конструктивизм» указывает на то, что «существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями»⁸.

⁶ Гидденс Э. Устроение общества... С. 501.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 181–182.

Габитусы представляют собой «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению»⁹. Исходя из приведенного определения, можно сделать вывод, что габитусы отражают склонность индивида воспринимать ситуацию и действовать в ней определенным образом. Подобные предиспозиции формируются в результате усвоения индивидом опыта, приобретенного в ситуациях, особенности которых обусловлены его социальным статусом, а также объективными условиями. При этом важно подчеркнуть, что габитус составляет не любой опыт, а тот, который позволил получить лучший результат в сложившихся обстоятельствах для человека, наделенного определенным социальным статусом.

Таким образом, габитусы структурируют действия агентов. Однако подобные предиспозиции сами выступают «структурированными структурами, т. е. представляют собой не любые, а определенные ментальные образования, которые соответствуют историческому и социальному периоду существования индивидов, а также отражают их позиции в социальном пространстве. Практическая деятельность индивидов фактически осуществляется в условиях *двойной структуризации* – под воздействием габитуса и внешних структур, которые определяют содержание самого габитуса.

Приведенное определение габитуса позволяет трактовать его в качестве «социальных структур нашей субъективности»¹⁰, обозначающих пределы индивидуальности членов общества. В свою очередь, содержание габитусов определяют внешние структуры – поля, обозначающие определенные сферы социальной жизни, институты, которые конституируют социальные отношения.

Изложенные идеи позволяют сформулировать ряд особенностей в понимании структуры в конструктивистских теориях.

⁹ Бурдые П. Практический смысл / отв. ред., перевод и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001. С. 103.

¹⁰ Коркюф Ф. Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2002. С. 45.

Во-первых, социальную структуру общества нельзя рассматривать как статичную и фиксированную. Она производится и воспроизводится в процессе деятельности, взаимодействия членов общества. Даже язык, который используется учеными при изложении основных положений теории (конструирование, структуризация), указывает на движение, становление, процесс. О структуре как о чем-то установленном можно говорить применительно к фиксированному периоду времени (коротком или достаточно продолжительном). В результате, как подчеркивает Ф. Коркюф, «понятие конструкций возвращает нас к продуктам <...> предшествовавших разработок и одновременно к процессам, находящимся в состоянии реструктуризации»¹¹. Как следствие, конструирование может рассматриваться как превращение субъективных определений социальной реальности в устойчивые форму поведения и взаимодействия на основе ролей, предписанных определенными институтами. В то же время конструирование означает осмысление социальной реальности и действие в ней, исходя из уже существующих пред-конструкций. В первом случае речь может идти о производстве социальной структуры, во втором – о ее воспроизводстве. При этом выработка системы значений и закрепление их в системе институтов создает своего рода матрицу, которая накладывается на новые социальные ситуации, структурируя их в пространстве и времени и отражая условия существования социальной системы.

Во-вторых, социальная структура в конструктивистских теориях может быть описана посредством двух основных измерений: 1) идеального – представленного системой значений, сложившейся в данном обществе; 2) институционального – отражающего внешнее, экстернализованное, объективированное воплощение значений, которые закреплены в практиках, паттернах построения отношений в обществе, а также ценностях и нормах, регламентирующих деятельность и взаимоотношения. Иначе говоря, структура общества может быть описана посредством *идеального, нормативного и интеракционного* измерений.

Концепция социального пространства П. Бурдьё позволяет выделить еще одно важное измерение. Ученый полагает, что социаль-

¹¹ Коркюф Ф. Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2002. С. 24.

ный мир можно изобразить «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»¹². Иначе говоря, социальные пространства составляют индивиды или их объединения, положение которых в нем определяется относительно позиций других индивидов или групп. В связи с этим перспективы описания характеристик представителей социального пространства связаны с изучением сравнений с другими его элементами. Объекты сравнения образуют «систему координат», в которой субъект определяет свое местоположение в качестве участника социального пространства. В различных полях между собой сталкиваются социальные агенты, которые обладают разным уровнем материального и символического капитала. Следовательно, социальное пространство характеризуется дифференциацией и неравенством.

Подобное значение различия наиболее наглядно отражено в явлении социальной стратификации, которая представляет собой непрерывно развивающийся процесс, основанный на структурированном и иерархизированном неравенстве групп, способах передачи этого неравенства от поколения к поколению и его социальной оценке как отдельными индивидами, так и обществом в целом. Основанием для различия в положении членов общества служат: место в общественном разделении труда, доход, уровень жизни, демографические показатели, перспективы социального роста, доступ к власти, а также характеристики физического существования групп. Местоположение индивида или группы в стратифицированном социальном пространстве создает своего рода капитал (экономический, культурный, символический), наделяющий властью.

Вместе с тем П. Бурдьё не ставит знак равенства между номинальными «классами на бумаге» и реальными объединениями людей. Во-первых, социальное пространство достаточно многомерно и представляет разные основания для различия. В связи с этим П. Бурдьё подчеркивает, что позиция конкретного агента в социальном пространстве может определяться по его положению в различных полях¹³. Кроме того, пространство неравенства достаточно под-

¹² Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов». С. 55–56.

¹³ Там же. С. 57.

вижно и по другой причине. Концепция социального пространства не исключает преодоления различий и объединения агентов на основе сходств, выявленных по каким-то иным основаниям. Ученый отмечает, что, несмотря на глубинные различия, субъектов можно организовать по другим признакам деления. Подобную возможность создает существование так называемой пересеченной категоризации¹⁴, которая не только определяет новый облик социального пространства, но и создает возможности для его развития.

Таким образом, структура включает четыре измерения: идеальное, нормативное, интеракционное и стратификационное.

Описание структуры как «сложного целого, которое можно представить в четырех измерениях или планах»¹⁵, изложено в работе П. Штомпки. В целях дальнейшего анализа воспользуемся его описаниями измерений социальной структуры.

Идеальное измерение – это совокупность идей, убеждений, взглядов, существование которых связано с тем или иным коллективом¹⁶. *Нормативное измерение* – сеть характерных для общества норм, ценностей и институтов. *Интеракционное измерение* представлено связанными с этой общностью типичными для нее взаимно ориентированными действиями. Стратификационное измерение связано с распределением интересов и доступа к общественным благам.

П. Штомпка подчеркивает, что перечисленные измерения взаимосвязаны: «Каждое отдельно взятое измерение структуры существенным образом влияет на любое другое и одновременно находится под влиянием всех остальных»¹⁷. Более того, все вместе они скреплены «структурой структур», «метаструктурой»¹⁸.

С точки зрения автора, структуры сложно назвать застывшими, раз и навсегда заданными. Они динамично развиваются и трансформируются, в том числе в силу структурных противоречий. В целом формирование структуры осуществляется посредством четырех

¹⁴ Сушков И. Психология взаимоотношений. М.; Екатеринбург, 1999. С. 260.

¹⁵ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 6–7.

¹⁸ Там же. С. 6.

процессов, которые соответствуют основным ее измерениям: институционализации; артикуляции идеальной структуры, связанной с возникновением стандартных убеждений, взглядов на мир; экспансии социальной структуры; кристаллизации структуры интересов, т. е. возникновения прочной социальной иерархии. Вместе с тем, учитывая основные положения конструктивистского подхода, можно сделать вывод, что «прочность» и «стандартность» отдельных измерений структуры относительны.

При описании основных измерений важно затронуть проблему связей между ними.

В социальной структуре в первую очередь необходимо выделить *глубинные* и *экстернализованные объективированные* измерения. В частности, если система значений, сложившаяся в обществе, образует глубинные, идеальные измерения, то нормативное, интеракционное и стратификационное измерения – объективированные экстернализованные структуры.

Раскрыть связи между ними позволяет обращение к *культуральной социологии* Дж. Александера, который полагает, что деятельность субъектов разворачивается одновременно под воздействием внутренних и внешних сред¹⁹. Внешние среды образуют системы экономических и политических структур. Они оказывают давление извне, выступая в качестве объективных факторов деятельности. В свою очередь, личность и культура составляют внутренние среды деятельности. Дж. Александер делает акцент именно на *культуре*, рассматривая ее в качестве *системы значений*, фреймов, которые позволяют субъектам деятельности осмыслить воздействие внешних сред. Иначе говоря, внутренние среды культуры составляют глубинные структуры, так что объективированные силы, которые формируют внешние среды деятельности, приобретают смысл для индивидов и коллективных акторов, поскольку они интерпретируются в контексте этих систем значений, фреймов²⁰.

Приведем примеры взаимосвязей идеального и объективированных измерений социальной структуры.

¹⁹ Alexander J. C. Action and Its Environments: Towards a New Synthesis. New York, 1988.

²⁰ Alexander J. C. Why Cultural Sociology Is Not 'Idealist'. A Reply to McLennan // Theory, Culture and Society. 2005. Vol. 22, N 6. P. 22.

Исследования, выполненные с позиций когнитивно-неоинституционального подхода²¹, позволяют провести анализ идеального и нормативного измерений социальной структуры. Нормы, законы становятся правилами поведения субъектов, если, во-первых, они известны членам общества, во-вторых, их неформальные интерпретации законов совпадают и, в-третьих, субъективное понимание законов воспроизводится на практике. Следовательно, само появление институтов возможно в результате совпадения представлений субъектов о ключевых ценностях, о мире в целом, об оптимальных способах взаимодействия с ним. Иначе говоря, функционирование формальных институтов основывается на когнитивных моделях, сконструированных членами общества. В свою очередь, институты закрепляют привычные когнитивные схемы на формальном уровне, создавая знания членов общества и способы оперирования ими.

В качестве примера взаимовлияния *идеального* и *стратификационного* измерения социальной структуры могут служить исследования социального неравенства. Так, Дж. Л. Мартин ссылается на работу Р. Линтона, подчеркивающего значимость субъективных ожиданий для формирования социальной структуры²². К. Эдер обсуждает значение субъективных представлений применительно к проблеме социального неравенства. По мнению ученого, несмотря на наличие объективного неравенства и социальных классов, возникших на основе вертикальной классификации, социальное неравенство не существует, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое²³. В свою очередь, отношения неравенства находят отражение в категориях, которые применяются для познания социальной реальности.

Связи *идеального* и *интеракционного* измерений представлены в многочисленных феноменах межгрупповых отношений, например во влиянии существующих образов и стереотипов на установление

²¹ *Казанцев А.* О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 74–81; *March J., Olsen J.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. New York, 1989; *North D. C.* Institutions // The Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5, N 1. P. 97–112.

²² *Martin J.* Social Structures. Princeton; Oxford, 2009. P. 5.

²³ Приведено по: *Ионин Л.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 5.

и развитие социальных контактов. При этом представления возникают в результате взаимодействия социальных акторов.

Сказанное позволяет следующим образом определить значимость культуры в функционировании общества и активности отдельных субъектов. Она составляет самостоятельное измерение структуры общества. При этом культура позволяет определить онтологический статус внешних структур как объективированных значений. В целом внешние среды способны оказывать воздействие на деятельность индивидов, даже не будучи осмысленными. Так, собственность на средства производства определяет характер экономической системы общества. Эта система подчиняет действия субъектов своим законам, устанавливает их социально-экономический статус в системе социального неравенства, уровень благосостояния, характер отношений с другими членами общества. Однако внешние среды приобретают значение, если вступают во взаимодействие с внутренними средами, например когда индивиды рассматривают распределение материальных ресурсов как несправедливое и ставят под сомнение эффективность действующих институтов.

Значимость культуры в качестве измерения структуры общества проявляется также и в том, что она определяет особенности деятельности отдельных акторов. Субъектно-ориентированный подход к изучению действий предполагает, что их возникновение и содержание зависит от восприятия индивида, испытываемых им эмоций, его потребностей и переживаний. Однако Дж. Александер, обращаясь к понятию «культура», наделяет иным содержанием понятие «субъективность». В частности, исследователь полагает, что имеет смысл говорить о существовании субъективного порядка, нежели субъективного действия, поскольку «субъективность здесь рассматривается скорее в качестве схемы, чем интенции»²⁴. Иначе говоря, субъект в своих действиях руководствуется схемами, которые возникают в результате взаимодействия членов общества и выработки интерсубъективных значений. Опираясь на них в своей деятельности, индивид присваивает их, объясняет ими свои решения и действия, но при этом остается в сфере системы коллективных значений, культуры, которая определяется Дж. Александером

²⁴ *Александер Дж. С.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 17.

как «порядок, соответствующий осмысленному действию»²⁵. Фактически, согласно приведенному определению, индивид не может осмыслить, проинтерпретировать реальность принципиально иначе, нежели предписывает культура, т. е. он не может быть полновластным автором своих действий.

В этом смысле показательна дискуссия относительно существования воображения в качестве самостоятельного психического процесса. Может ли психическая деятельность человека создать что-то принципиально новое, невиданное ранее или речь идет об особом виде мышления, которое тоже приводит к созданию нечто нового, но в контексте предложенных фреймов? Согласно пониманию субъективного, представленному в работах Дж. Александра, человек не может представить себе то, что не создано в русле существующих культурных образцов. Имеющиеся факты могут быть иначе осмыслены, скомбинированы, проинтерпретированы, но контекст остается одним и тем же. Как следствие, некоторые изобретения и открытия подчас не принимаются и не поддерживаются, поскольку «опережают время» и ждут своего часа, пока не будут выработаны фреймы, позволяющие оценить открытие. Таким образом, деятельность агента всегда соотнесена со сложившимися структурами общества.

Сказанное справедливо и в отношении *познавательной деятельности* членов общества. Значимость изучения взаимосвязи и взаимовлияния познавательной деятельности и социальной структуры обусловлена предметом нашего исследования. Угроза обретает реальность в результате познания субъектом самого себя и действий оппонента. Социальный контекст, в котором взаимодействуют государства, с одной стороны, оказывает влияние на формирование их образов, но, с другой, возникает и приобретает с их помощью смысл.

В связи с этим необходимо уделить внимание проблеме социальной обусловленности познания. В частности, на примерах результатов теоретических и эмпирических исследований раскроем связи познавательных процессов с идеальным, стратификационным, интеракционным и нормативным измерениями социальной структуры.

²⁵ Александр Дж. С. Аналитические дебаты... С. 17.

3.2. Социальная обусловленность познания

Познавательные процессы образуют с *идеальными структурами* наиболее очевидные и видимые взаимосвязи. Отмеченная сторона взаимосвязи когнитивных процессов и социальной структуры получила разработку в *постструктуралистской социологии*. Например, согласно идеям основоположника постструктурализма М. Фуко, социальный мир структурируется посредством языковых средств. Более того, дискурсы, которые возникают в результате обсуждения членами общества и/или институтами проблем посредством той или иной системы знаков, должны рассматриваться «как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»²⁶.

Идеи М. Фуко подтверждаются многочисленными исследованиями дискурсов в различных сферах жизни общества. В частности, в качестве иллюстрации выступает исследование Дж. Александера, направленное на изучение социального конструирования моральных универсалий на примере Холокоста в русле культуральной социологии²⁷, истоки которой лежат в том числе и в постструктуралистской социологии. Анализируя динамику восприятия событий Второй мировой войны, связанных с массовым уничтожением евреев в нацистской Германии, ученый отмечает изменение первоначальной репрезентации травмирующего опыта в массовом сознании американцев, для которых он был чужим. Иначе говоря, признание необходимости сохранения памяти людей о Холокосте и недопущения подобной трагедии в будущем возникло не сразу.

Это обстоятельство позволило Дж. Александеру сделать вывод, что «зло» представляет собой скорее эпистемологическое, нежели онтологическое образование, т. е. факты о травмирующих событиях преломляются сквозь «интерпретативную решетку», которая позволяет дать им когнитивную, эмоциональную и моральную оценку²⁸. Фактически нет изначальных событий, которые интерпретируются как «зло». Они им становятся в результате познавательной

²⁶ Приведено по: Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001. С. 900.

²⁷ Alexander J. C. The Social Construction of Moral Universals // Remembering the Holocaust: A Debate. New York, 2009. P. 3–103.

²⁸ Ibid. P. 7.

деятельности, предполагающей кодирование исходных фактов. При этом важно подчеркнуть, что конструирование событий как имеющих негативные последствия осуществляется не на индивидуально-личностном уровне, а представляет собой «результат культурной и социологической работы»²⁹.

Таким образом, процессы сбора и обработки информации трансформируются под воздействием культуры. В частности, познавая реальность, субъект опирается на систему понятий, в которых отражен опыт предшествующих поколений. Они позволяют постигать мир не с «чистого листа», а использовать знания, которые уже апробированы и закреплены в культуре. Сказанное позволяет заключить, что в процессе познания реальности индивиды применяют систему пред-конструкций, которые первичны по отношению к познавательной активности, социальны по своему происхождению и обладают принудительным воздействием на индивидов, находя отражение в их суждениях и действиях.

Вместе с тем было бы ошибкой предполагать, что познание социальной реальности осуществляется только под воздействием культурно обусловленных значений и фреймов, составляющих идеальное измерение социальной структуры. Объективированные структуры, представленные нормативным, интеракционным и стратификационным измерениями, также влияют на осмысление социальных явлений и процессов.

Начнем с анализа влияния *стратификационного измерения* структуры. Этот аспект связи социальной структуры и познавательных процессов раскрыт в социологии знания К. Манхейма и когнитивной социологии Э. Зерубавела.

Так, К. Манхейм, формулируя определение *социологии знания*, отмечает необходимость изучить «многообразную, и прежде всего социальную, обусловленность теорий и типов мышления, которая стала очевидной в кризисной ситуации современности, определить критерии для понимания этой обусловленности и, продумав эту проблему до ее логического конца, разработать соответствующее современной ситуации учение о значении внетеоретических условий знания»³⁰.

²⁹ Alexander J. C. The Social Construction of Moral Universals... P. 8.

³⁰ Mannheim K. Ideology and Utopia // Collected Works of Karl Mannheim. Vol. 1. London; New York, 1997. P. 237.

Идеи К. Манхейма конкретизирует Э. Зерубавел, определяя предмет *когнитивной социологии*. С точки зрения ученого, она направлена на изучение «внеличностных социальных основ мышления, которые свойственны людям в целом»³¹. Таким образом, в обоих приведенных определениях подчеркивается необходимость выявления особенностей мышления индивидов, обусловленных спецификой социального контекста.

Постановка этой научной задачи объясняется особенностями *субъекта* познавательных процессов. К. Манхейм и Э. Зерубавел полагают, что в качестве такового выступают не изолированные мыслящие индивиды, а представители тех или иных социальных групп, общностей, которым свойствен специфический стиль мышления. Индивиды осваивают его в ходе когнитивной социализации. В частности, Э. Зерубавел утверждает, что, «как только мы пройдем процесс социализации и научимся видеть мир сквозь ментальные линзы сообщества, к которому принадлежим, мы начинаем приписывать объектам те же значения, которые приписывают им другие люди вокруг нас, игнорируем и забываем одни и те же события и находим смешными те вещи, над которыми смеются остальные. Только тогда мы войдем в социальный мир»³². То есть у индивида и других членов социальной группы или общности должно возникнуть своего рода чувство разделяемой реальности.

Значимость когнитивной социализации наглядно проявляется в тех случаях, когда индивид в определенный момент времени меняет группу членства, например в результате миграции или вследствие социальной мобильности. Можно предположить, что новый этап социализации позволяет адаптироваться к социальному окружению и выработать видение мира, соответствующее изменению социального статуса. Вместе с тем некоторые потери в знаниях и когнитивном инструментарии оказываются невосполнимыми. Например, мигранту, несмотря на хорошее знание языка и включенность в жизнь принимающего социума, может оказаться недоступным понимание национального юмора в силу того, что определенный объем культурных кодов так и не был им усвоен.

³¹ *Zerubavel E. Social Mindscales: an Introduction to Cognitive Sociology. Cambridge; London, 1999. P. 8.*

³² *Ibid. P. 16.*

Посредством использования категорий «когнитивная социализация»³³ и «ментальные линзы»³⁴ Э. Зерубавел доказывает существование социальной детерминации познания, имея в виду, что мир рассматривается как естественный только теми, кто его населяет. Социализация, которую проходят индивиды в мыслительных сообществах, обуславливает усвоение ими тех или иных ментальных фильтров. Они делают доступной для восприятия, внимания и запоминания не любую, а только определенную информацию, факты, которые используются в процессе познания реальности. Поскольку индивид располагает только той информацией, которая не противоречит усвоенным в ходе социализации образу мира и способам познания, их правильность подтверждается и они воспроизводятся снова и снова.

Вместе с тем Э. Зерубавел предостерегает от того, чтобы мы приписывали объективность тому, что есть лишь интересубъективное по своей природе. «Интерсубъективный социальный мир довольно сильно отличается и от индивидуального мира и от объективного мира природы и логики», – утверждает исследователь³⁵. Объективный мир подчиняется законам природы; индивидуальный – зависит от ощущений и переживаний отдельного человека; социальный мир – результат конвенций, соглашений, которые имеют смысл и соблюдаются группой людей.

Таким образом, рассматривая познавательные процессы, Э. Зерубавел выбирает *средний уровень анализа*. В исследованиях познания, как правило, решаются две задачи: 1) выявление общих характеристик познавательных процессов, свойственных человеку; 2) выявление и объяснение индивидуальных различий в познании. Таким образом, изучение познания традиционно проводится либо с позиций *универсализма*, либо *индивидуализма*.

В свою очередь, социологический подход Э. Зерубавела к изучению социального познания позволяет избежать подобных крайностей. Ученый подчеркивает, что, обращая внимание на ту или иную информацию, перерабатывая ее, запоминая, субъект де-

³³ Zerubavel E. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past // Qualitative Sociology. 1996. Vol. 19, N 3. P. 287–289; Zerubavel E. Social Mindsapes... P. 15–19.

³⁴ Zerubavel E. Social Mindsapes... P. 15, 25–33.

³⁵ Ibid. P. 9.

монстрирует не только индивидуально-личностные особенности и универсальные характеристики познавательных процессов, но и отличительные черты, которые он приобретает как представитель определенной социальной общности – гендерной, профессиональной, этнической и т. д.

Вместе с тем дифференциация социальных общностей по содержанию знаний преодолима. Как подчеркивает Э. Зерубавел, характерной чертой современного общества стал «когнитивный плюрализм»³⁶. Он выражается двояко. Во-первых, интенсивная социальная мобильность, увеличивающая контакты представителей разных социальных групп, привела к осознанию того, что одна и та же проблема может быть осмыслена с разных, подчас полярных, позиций. Во-вторых, вертикальная и горизонтальная мобильность приводит, по словам Э. Зерубавела, к «производству современных образцов принадлежности <...>, которые предполагают членство в более чем одном сообществе. В результате люди принадлежат к множеству “сообществ мысли”»³⁷. Можно предположить, что в силу этого мышление индивидов, принадлежащих к одной и той же социальной общности, наряду с типичными характеристиками, окажется вариативным.

Таким образом, социологическая теория Э. Зерубавела позволяет сделать вывод, что человек использует в процессе познания общества категории, которые служат отражением социальных представлений, сложившихся у членов определенной социальной общности. Более того, разделяемые представления, с одной стороны, выступают основанием для идентификации с той или иной социальной группой, с другой – дифференцирующим признаком.

Циркулирующие в обществе знания не только служат основанием для дифференциации, но и отражают отношения социального неравенства. Иначе говоря, обладание знаниями, информацией предоставляет возможность оказывать влияние на другие группы с целью навязывания своих интересов, укрепления или завоевания позиций в социальной иерархии. Одним из конструктов, иллюстрирующих интеграцию идеального и стратификационного измерения структуры общества, выступает идеология.

³⁶ *Zerubavel E. Social Mindscapes... P. 17.*

³⁷ *Ibid. P. 17.*

Существуют разные определения этого понятия. Одни носят негативный и критический характер, трактуют идеологию как «ложное сознание», маскирующее истинное положение дел, ложные идеи, используемые для легитимации существующего порядка или мобилизации действий для его изменения. Другие раскрывают социально значимые функции идеологии как совокупности идей и убеждений, выражающих интересы и отношения к действительности определенных социальных групп. Это – способы упорядочивания и интерпретации социальной реальности, «карты», позволяющие ориентироваться на незнакомой социальной «местности».

Несмотря на различия, приведенные определения содержат две схожие идеи. Первая состоит в том, что идеология отражает специфику видения мира определенных социальных групп, т. е. обозначает существование социально-когнитивной дифференциации в обществе; вторая – в том, что идеологии воссоздают отношения неравенства в сфере обладания властью. Отмеченные аспекты понимания сущности идеологии отражены в определении, представленном О. Ю. Малиновой. Идеология – это «набор символических форм (т. е. не только идей, но и образов, действий и вещей – всего, что может быть наделено смыслом), обращаящихся в социуме». На индивидуальном уровне она предстает в виде «более или менее осознанных убеждений, а также интерпретативных кодов, которые усваиваются в процессе социализации и чаще всего не подвергаются рефлексии»³⁸. Вместе с тем О. Ю. Малинова подчеркивает, что собственно идеологию составляют не сами по себе символические формы и интерпретативные коды, а их применение для выражения отношений господства, власти и неравенства, различий социального статуса и групповой идентичности³⁹.

Таким образом, идеология, соединяя в себе идеальное и стратификационное измерения социальной структуры, выполняет две важные функции. Во-первых, она позволяет выявить особенности осмысления социальной реальности членами общества, занимающими разные позиции в его структуре. Во-вторых, идеология

³⁸ Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии: материалы дискуссии // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 40.

³⁹ Там же.

помогает осуществлять отбор убеждений и интерпретативных кодов, делая одни из них более влиятельными, чем другие. Эти представления и коды получают распространение в обществе посредством разных механизмов, связанных либо с убеждением, либо с принуждением. Они обеспечивают их носителям значимое положение в обществе, наделяя властью.

Отмеченные функции идеологии осмысливаются в нескольких социологических теориях. Первая раскрыта К. Манхеймом в социологии знания. В частности, ученый подчеркивает, что социология знания рассматривает случаи искажения и маскировки реальности политическими партиями, возникающие в ситуациях, когда «общественная структура со всеми ее феноменами должна быть воспринята различным образом наблюдателями, помещенными в различных пунктах этой структуры»⁴⁰. Следовательно, мировоззрение, отраженное в идеологии партии, которая представляет интересы определенной социальной группы, может не совпадать с видением мира других членов общества не по причине стремления обмануть, исказить, показать одностороннее видение проблемы, а в силу существующих различий в структуре сознания субъектов, отличающихся своим положением в обществе. Подобное понимание идеологии, предполагающее «соотнесенность всякого познания и содержащихся в нем основных элементов со смысловой и в конечном итоге исторической структурой бытия»⁴¹, достигается за счет применения безоценочного подхода.

Однако существование идеологии не только предполагает представление уникальности восприятия мира той или иной социальной общностью, но и подразумевает конкуренцию с другими членами общества за интерпретацию социальных явлений и процессов, укрепление положения в обществе. В связи с этим идеология оценочна, предполагает борьбу против определенной позиции и утверждение собственного мировоззрения как более «обоснованного», «истинного», «легитимного». В частности, П. Бурдьё подчеркивает, что подобная борьба ведется постоянно посредством выработки категорий, которые используются для классификации и обозначения событий.

⁴⁰ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. М. И. Левиной и др.; Ред.-сост. Я. М. Бергер и др. М., 1994. С. 220.

⁴¹ Там же. С. 78.

Субъекты, занимающие разные позиции в обществе и конструирующие специфическое видение мира, создают категории при помощи «хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы»⁴².

В подобной символической борьбе используется материальный, социальный и культурный капитал, который приобретаетс­я посредством принадлежности индивидов к социальной общности, занимающей положение в социальной иерархии и обозначаемой в объективной действительности и сознании индивидов определенным названием, титулом, рангом. Иначе говоря, некоторые члены общества (например, ученые, профессионалы в определенной области, политик, выступающий от имени государства) наделены институционализированным и законным правом устанавливать свое видение социального мира. Фактически П. Бурдьё говорит о власти официальной номинации, представляющей собой «акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие»⁴³.

Таким образом, в теории П. Бурдьё закреплён не просто дифференциальный подход к рассмотрению процесса социального познания. По мнению автора, он отражает и отношения неравенства, которые сложились в обществе. В частности, ученый подчеркивает, что «социальный мир – это суть борьбы между очень неравно вооружёнными агентами за то, чтобы добраться до совершенного, т. е. до самоконтролируемого, видения и предвидения»⁴⁴. В связи с этим делается вывод, что «агенты, стоящие в подчинённой позиции в социальном пространстве, занимают ее также и в поле производства символической продукции»⁴⁵.

Означает ли это, что некоторые социальные слои априори исключены из процесса образования знания об обществе? Ответ

⁴² Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 21.

⁴³ Там же. С. 23–24.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 26.

на поставленный вопрос должен быть отрицательным, исходя из понимания сущности социального пространства П. Бурдьё. Он полагает, что социальный мир можно изобразить «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»⁴⁶. Иначе говоря, социальное пространство составляют индивиды или их объединения, положение которых в нем определяется относительно позиций других индивидов или групп. В связи с этим перспективы описания характеристик тех или иных представителей социального пространства связаны с изучением сравнений с другими его элементами. Как отмечалось ранее, концепция социального пространства не исключает преодоления различий и объединения агентов на основе сходств, выявленных по каким-то иным основаниям. В частности, П. Бурдьё подчеркивает, что, говоря о социальном пространстве, необходимо иметь в виду различия прежде всего экономические и культурные, которые не позволяют «объединять любого с любым»⁴⁷. Вместе с тем ученый отмечает, что, несмотря на глубинные различия, агентов можно организовать по другим признакам деления. При этом важно подчеркнуть, что принадлежность к тому или иному объединению связана с обладанием определенным капиталом – символическим, культурным, материальным. Как следствие, за счет перегруппировки по новым основаниям представители социальных общностей могут приобрести ресурс влияния, капитал, которого они были лишены в другой конфигурации социального пространства. В качестве примера можно привести объединения интеллектуалов и рабочего класса, которые занимают подчиненные позиции в распределении политической власти. За счет культурного капитала интеллектуалов могут быть представлены и интересы рабочих, отражено их видение мира. Союзы аристократии и буржуазии позволяли первым укрепить материальный капитал, вторым – получить доступ к политической власти.

Другой механизм смягчения социального неравенства в сфере производства значений приводит Дж. Александер в концепции

⁴⁶ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов»... С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 19.

власти как перформативного действия⁴⁸. Ученый подвергает критике структурно-институциональный подход к рассмотрению власти, согласно которому обладание ею ассоциируется с ресурсами и возможностями агентов. Этот подход не затрагивает перформативный аспект, который делает власть убедительной за счет не только использования принуждения, но и применения символов, интерпретационных кодов, понятных для объектов воздействия. Обычные граждане, которые не обладают достаточной властью для производства значений и навязывания образа мира другим социальным группам, наделены законным правом критиковать предложенные трактовки социальной реальности, выбирать среди них наиболее убедительные или предлагать свои. Если продолжить, например, театральную аналогию, которую выбрал Дж. Александер для описания власти как перформативного действия, граждане выступают в качестве критиков исполнительско-го мастерства субъектов, наделенных властью⁴⁹.

Таким образом, пересечение идеального и стратификационно-го измерений структуры служит основанием для возникновения социальных процессов, содержание которых связано с конкуренцией социальных групп, занимающих различное положение в социальном пространстве, за производство значений и утверждение своего взгляда на жизнь в обществе. На феноменологическом уровне имеют место проявления так называемой *позиционной ментальности*, которая находит отражение в содержании знаний и способах их получения, обусловленных положением субъектов в социальном пространстве. В связи с этим для понимания социально-когнитивных процессов, лежащих в основе познания агентом общества, необходим анализ его позиции, которая определяется доступом к материальным, культурным и социальным ресурсам и находит отражение в специфической совокупности убеждений и мыслительных навыков.

Получение преимущества в подобной конкурентной борьбе связано с получением законного, институционализированного права на символическое производство. Этот факт обуславливает важность рассмотрения тех связей, которые образуют когнитивные процессы и *нормативное измерение структуры общества*.

⁴⁸ Alexander J. Performance and Power. URL: http://ccs.research.yale.edu/documents/public/alex_perfrmPower.pdf.

⁴⁹ Ibid. P. 9.

Проблема связи убеждений акторов и функционирования институтов разрабатывается в разных социологических теориях, среди которых можно назвать прежде всего неоинституционализм и социальный конструктивизм. Обе теории уделяют внимание роли разделяемых членами общества убеждений в формировании и изменении правил и норм взаимодействия.

Так, неоинституционалисты, например Д. Норт и Дж. Найт, исходят из предположения, что институты представляют собой структуры, в контексте которых члены общества организуют свое взаимодействие и, следовательно, определяют те стимулы, которые вместе с другими ограничениями (бюджет, технологии) влияют на выбор, совершаемый индивидами, формируя со временем облик общества и экономики⁵⁰. Эффективность воздействия институтов находит отражение в степени совпадения целей институциональных ограничений и тем выбором, который делают индивиды в рамках установленных институтов. Фактически речь идет о готовности членов общества или отдельной организации подчинять деятельность формальным правилам и неформальным ограничениям.

В свою очередь, как подчеркивает Д. Норт, совпадение достигается за счет принуждения, которое осуществляется, во-первых, посредством наказаний, во-вторых, социетальных санкций со стороны государства, в-третьих, за счет принятых субъектом самоограничений, кодексов поведения⁵¹. Перечисленные средства принуждения опираются на разные механизмы обеспечения подчинения. Первый основывается на стремлении членов общества избежать потерь, которые последуют в результате применения наказания в случае неподчинения установленным правилам, нормам и неформальным кодексам поведения. Второй опирается на базовую потребность субъектов в принадлежности и идентичности. Несоблюдение правил может привести к исключению из группы, организации, сообщества, к которому принадлежит субъект и правила которых он нарушил. Третий предполагает усвоение и воспроизводство правил, норм и неформальных кодексов на основе убеждений, разделяемых членами общества. Иначе говоря, субъект воспроизводит правила

⁵⁰ North D. C. Institutions. P. 97.

⁵¹ North D. C. Institutional change: a framework of analysis. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/853/760/1216/9412001.pdf>

и нормы, поскольку считает их обоснованными, справедливыми, а их содержание отражает его картину мира.

По нашему мнению, именно третий механизм в полной мере раскрывает взаимосвязь идеальной и нормативной составляющей структуры общества. Как подчеркивает Д. Норт, ментальные модели актора направляют его выбор, структурируют институциональную среду и в конечном итоге представляют собой внешнюю манифестацию системы убеждений⁵². При этом важно подчеркнуть, что институты – не порождение индивидуального сознания субъекта, поскольку сами ментальные модели представляют собой часть социального и институционального контекста⁵³. В частности, А. Дензо и Д. Норт полагают, что в обществе присутствуют некоторые установленные и признанные ментальные модели, объясняющие определенное совпадение индивидуальных ментальных моделей⁵⁴.

Таким образом, основой успешного функционирования институтов выступают разделяемые членами общества убеждения, которые находят отражение в системе формальных правил и норм, а также в неформальных кодах поведения. Эту точку зрения разделяют сторонники теории социального конструктивизма, подчеркивая, что институты выполняют функции, отражающие разделяемое членами общества понимание о порядке, стабилизирующем ожидания акторов и поддерживающем отношения власти⁵⁵. «Именно коллективные значения составляют структуры, организующие наши действия», – подчеркивает А. Вендт⁵⁶. Приведенные утверждения позволяют уточнить представления неинституционалистов о связи убеждений и институциональной структуры. Основой для правил и норм выступают не любые знания членов общества, а только те, которые содержат представления об ожидаемом порядке. Как следствие, институты служат

⁵² North D. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton; Oxford, 2005. P. 52.

⁵³ Ibid. P. 33.

⁵⁴ Denzau A. T., North D. C. *Shared Mental Models: Ideologies and Institutions* // *Kyklos*. 1994. Vol. 47. P. 3–30.

⁵⁵ Klotz A., Lynch C. *Strategies for Research...* P. 25.

⁵⁶ Wendt A. *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics* // *International Organization*. 1992. N 46. P. 397.

воплощением (полным или неполным, корректным или искаженным) сложившихся представлений о том, как должно функционировать общество.

Подтверждением этому тезису служит феномен самовосстанавливающегося равновесия, которое характеризует процесс институциональных изменений и находит отражение в том, что, несмотря на произошедшие изменения формальных правил, члены общества продолжают подчинять свое поведение традиционным нормативным структурам. В связи с этим Дж. Роланд проводит различия между быстро меняющимися и медленно меняющимися институтами⁵⁷. Первые совершают стремительные, безостановочные трансформации, в то время как вторые изменяются медленно и постепенно. Например, законодательство может быть реформировано в довольно короткие сроки волевым решением отдельных агентов. Однако эффективность правовой системы и исполнение законов зависит от степени совпадения принятого законодательства с ожиданиями членов общества. Иначе говоря, реформирование формальных правил должно сопровождаться изменением представлений членов общества о справедливости, легитимности. Социальные нормы, представления могут рассматриваться как медленно изменяющиеся институты.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что отставание в изменении убеждений может служить препятствием к возникновению новой институциональной структуры и приводить к самовосстанавливающемуся равновесию формальных и неформальных правил. Исследование установок россиян в период политических и экономических реформ 90-х годов, проведенное В. В. Крамником, позволяет сделать вывод о существовании различающихся установок «новых», «средних» и «старых» русских. Две первые группы – носители существенно или частично изменившихся установок; третья – носители традиционного мировоззрения. Однако, несмотря на имеющиеся различия установок, необходимо отметить две из них, которые свойственны всем трем группам. Обе связаны с восприятием власти. Первая находит отражение в потребности и привычке полагаться на власть (сильное

⁵⁷ *Roland G. Fast-Moving and Slow-Moving Institutions // CESifo DICE Report. 2004. N 2. P. 16–21.*

государство)⁵⁸. Вторая связана с положительным отношением к коррупции⁵⁹. Можно предположить, что отмеченные установки и связанные с ними социальные нормы и практики относятся к категории медленно меняющихся институтов, которые препятствуют установлению новых институтов демократического государства и развития рыночной экономики, предполагающих сокращение дистанции власти, становление правового государства, востребованность личной инициативы.

Таким образом, идеи неоинституционалистов и конструктивистов позволяют связать поддержание и изменение нормативных структур с содержанием знаний, образов и представлений, сложившихся в обществе. При этом, с одной стороны, разделяемые ментальные модели стабилизируют действующие институты, с другой – воспроизводство правил и норм служит подкреплением социальных представлений.

Подобная взаимная обусловленность нормативного и идеального измерений структуры общества позволяет раскрыть содержание познавательных процессов. В частности, Дж. Найт и Д. Норт определили познание как процесс, который опирается и на содержание индивидуального ума, и на культурные ресурсы социума⁶⁰. Последние представлены различными формами конвенциональных знаний, которые не только получили институционализацию, например, посредством отражения в различных документах, научных теориях, образовательных программах, но и оформились в виде верований, обыденных представлений. Кроме того, в качестве источника знаний выступает и взаимодействие членов общества в контексте разнообразных социальных ситуаций.

Взаимовлияние *идеального* и *интеракционного измерений* структуры общества при определении содержания познавательных процессов раскрывается в микросоциологических теориях, прежде всего в теории символического интеракционизма и этнометодологии.

⁵⁸ Крамник В. В. Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 112.

⁵⁹ Там же. С. 111.

⁶⁰ Knight J., North D. C. Explaining the Complexity of Institutional Change // The Political Economy of Property Rights / Ed. by D. Weimer. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 349–354.

«Этнометодология» обозначает методы, к которым прибегают люди в повседневной деятельности. Дж. Херитадж дает более развернутое определение. Этнометодология – это «остов знаний, которые люди называют здравым смыслом, ряд соответствующих процедур и соображений, благодаря которым члены социума придают обстоятельствам, в которых они оказываются, смысл, определяют свой способ действий в этих обстоятельствах и воздействия на них»⁶¹. Приведенные определения позволяют заключить, что это теоретическое направление уделяет внимание не только знаниям о мире, но и способам их получения. В частности, сторонники этнометодологии полагают, что социальные явления и процессы возникают как следствие методологических действий их участников. Иначе говоря, этнометодология пытается понять, как социальный порядок возникает в результате взаимодействия субъектов.

Ключевым для этой теории выступает допущение о том, что действия человека подотчетны общепринятым стандартам разумности, обоснованности, рациональности. Однако наполнение этих терминов достаточно специфично. Преследуя повседневные цели, участники взаимодействия организуют свои действия так, чтобы они были понятны и им самим, и их партнерам. Кроме того, они должны быть «сообщаемыми», т. е. объясняемыми и понятными не с точки зрения какой-то «высшей» (научной или любой другой) рациональности, а с позиций достаточности для практических целей, т. е. в рамках этой самой деятельности»⁶².

Иначе говоря, знания рассматриваются как имеющие интерсубъективный характер. Однако если, например, с точки зрения когнитивной социологии возникающая система значений достаточно стабильна, понятна большому количеству людей и обладает нормативной силой, то смыслы, продуцируемые в конкретной ситуации ее участниками, могут так и не выйти за ее пределы. Как подчеркивает Л. Г. Ионин, обыденные практические действия характеризуются «индексичностью»⁶³. В лингвистике к подобной категории относятся утверждения, смысл которых зависит

⁶¹ *Heritage J.* Garfinkel and Ethnometodology. Cambridge, 1984. P. 4.

⁶² *Ионин Л. Г.* Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 75.

⁶³ Там же. С. 77.

от речевой ситуации, т. е. определяется временем, местом и обстоятельствами высказывания. Действия индивидов и вырабатываемые ими смыслы зависят от того, кто принимает участие во взаимодействии, каков контекст интеракции. Более того, объяснения, истолкования ситуации оказываются весьма разнообразными. В связи с этим Л. Г. Ионин подчеркивает, что исследование этнометодологии – «это каждый раз исследование заново и изучение уникальной “вещи”, и все эти вещи роднит между собой только то, что они суть вещи обыденного мира. Сами методологические и теоретические принципы этнометодологии состоят в том, чтобы исключить всякое предположение о системном и всеобщем характере каждой из вещей»⁶⁴.

Приведенная цитата позволяет сделать ряд выводов о соотношении идеального и интеракционного измерений структуры общества в познании социальной реальности. Объективный мир существует, но постичь его невозможно. Пониманию доступны лишь описания тех вещей, которые участники взаимодействия создают в контексте сложившейся ситуации. В частности, Г. Гарфинкель дифференцирует так называемый *жизненный мир*, мир, в котором мы живем, и мир «подписанных объектов», который мы обсуждаем или на который ссылаемся в социальном смысле⁶⁵. Последний возникает, когда индивиды начинают обращать внимание на вещи. Несовпадение этих двух миров объясняется тем, что словесные обозначения, которые применяются в процессе описания вещей, не позволяют нам передать все многообразие переживаний, возникающих при взаимодействии с «жизненным миром». Иначе говоря, в процессе познания на жизненный мир накладываются своего рода «шаблоны», которые позволяют видеть его под определенным углом зрения. Фактически «мир подписанных объектов» позволяет предположить существование социальных конвенций, воплощенных в понятиях, которые используются в ходе называния вещей и делают действительность понятной, имеющей смысл.

Теория *символического интеракционизма* также разделяет тезис о том, что индивид приобретает знания в процессе взаимодействия с другими людьми. Вместе с тем важно обозначить

⁶⁴ Ионин Л. Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии... С. 88.

⁶⁵ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009. С. 282.

и специфику в утверждении социальной обусловленности познания. Согласно некоторым теоретическим направлениям (например, социальному конструктивизму), сложившаяся система значений становится основой социального порядка, институтов. В свою очередь, для одного из ключевых представителей символического интеракционизма Дж. Г. Мида социальное предшествует индивидуальному разуму как логически, так и во времени. В частности, освоение значений объектов и развитие способности мыслить характерным для человека образом происходит в процессе социализации.

В теории символического интеракционизма одним из ключевых условий развития мышления выступает *социальное действие*, которое предполагает возможность входить в положение другого человека, учитывать его и принимать во внимание в процессе социального взаимодействия за счет того, что «действующие индивиды в состоянии учитывать смысл, субъективно подразумеваемый друг другом»⁶⁶. При этом ученый отмечал, что человек не просто реагирует на стимулы из внешней среды, а ведет себя как активный разумный деятельный субъект, наделенный «специфической человеческой способностью»⁶⁷ создавать и использовать значимые символы. Такая способность возникает в социальных отношениях, находит в них свое отражение и управляет поведением.

Согласно определению Г. Блумера, символическое взаимодействие подразумевает «интерпретацию, или установление значения действий или реплик другого лица и определение, или передачу другому лицу индикаций относительно того, как ему действовать»⁶⁸. При этом важно отметить, что, интерпретируя ситуацию, индивид не делает это с «чистого листа». Обобщая конкретные случаи взаимодействия, он выявляет смысл, который передается жестом. Так, Дж. Г. Мид подчеркивает, что, «используя символы, мы указываем на смысл вещей <...> Символы несут в себе элементы опыта,

⁶⁶ *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. языка под общей редакцией Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб., 1999. С. 22.

⁶⁷ Там же. С. 13.

⁶⁸ *Блумер Г.* Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2008. № 1. С. 120.

указывающие на его другие элементы, которые неявно содержатся в конкретной ситуации в данный момент»⁶⁹.

Таким образом, символы выходят за пределы ситуации и содержат общий смысл. Значимые символы закрепляются в языке, в системе понятий. В результате, освоив символы, индивиды пытаются распознать смысл сложившейся ситуации на основе имеющегося багажа знаний. При этом им приходится решать, в контексте какой системы смыслов жесты партнера по взаимодействию будут поняты наиболее правильно. Предстоит также проверить, подтвердить или изменить символы в процессе социальной интеракции.

Как процесс интерпретации способствует развитию мышления? Согласно определению Дж. Г. Мида, мышление представляет собой «разговор человека с самим собой с помощью языковых жестов, направленных внутрь себя»⁷⁰. Первоначально подобный «разговор» вполне реален и принимает форму межличностной коммуникации, в процессе которой, говоря на одном и том же языке и опираясь на одинаковые схемы истолкования ситуации, взаимодействующие индивиды способны добиться разделяемого понимания реальности. Однако, учитывая, что каждый из них владеет языком и соответствующей системой понятий, они могут просчитывать действия друг друга, не вступая в непосредственное взаимодействие и открытый диалог. Подобный диалог переносится во внутренний план. Это и есть мышление. Вступая во взаимодействие с другими в контексте различных ситуаций, индивид осваивает жесты – значимые символы, учится их понимать, интерпретировать. Затем полученный опыт активно используется в новых ситуациях с разными субъектами в процессе общения и совместной деятельности.

Важно отметить, что, несмотря на «предшествование» социального, индивиды не рассматриваются как «единицы, мотивируемые неконтролируемыми ими внутренними или внешними силами или рамками более или менее упорядоченной структуры»⁷¹. Они вы-

⁶⁹ Приведено по: *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация... С. 19.

⁷⁰ Там же. С. 20.

⁷¹ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002. С. 260.

ступают как мыслящие субъекты, которые способны сами решать, как реагировать на тот или иной стимул и реагировать ли вообще. В свою очередь, способность мыслить связана с разумом, который, по определению Дж. Г. Мида, представляет собой процесс, внутренний разговор человека со своим «Я»⁷².

В контексте рассматриваемой проблемы важно затронуть еще одно важное понятие теории символического интеракционизма – «объекты». Люди живут в мире объектов, которые необходимо рассматривать не как самостоятельные сущности с их внутренней природой, а как конструкты. В связи с этим Г. Блумер подчеркивает, что природа объектов «задается ориентацией и действием людей по отношению к ним»⁷³. Это означает, что их характеристики определяются значением, которым они обладают для индивидов, а также тем, как они будут использованы. Кроме того, важно отметить, что объекты – это социальные продукты, поскольку формируются и трансформируются процессом определения, происходящим в социальном взаимодействии. Следовательно, мир объектов нельзя рассматривать как источник стимулов, предопределяющих реакцию на них. Скорее, разные социальные общности создадут свой мир объектов, имеющих для них значение. При этом, как отмечает Г. Блумер, «люди не пристегнуты намертво к своим объектам; они могут контролировать действие по отношению к объектам и вырабатывать новые линии поведения по отношению к ним. Это обстоятельство вводит в человеческую групповую жизнь неиссякаемый источник трансформаций»⁷⁴. Вместе с тем основой значений объектов выступает не только креативность отдельных индивидов и их взаимодействие, но и проверка на соответствие действительности. Иначе говоря, значение окажется нежизнеспособным, если оно вызовет отторжение на уровне отдельной личности или социальной общности, будет противоречить законам природы.

Таким образом, можно сделать вывод, что знания, которыми располагают представители социума с точки зрения теории символического интеракционизма, возникают на основе трех источников:

⁷² Ритцер Дж. Современные социологические теории... С. 252.

⁷³ Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида. С. 123.

⁷⁴ Там же. С. 124.

природы, социальной среды и индивидуально-психологических особенностей субъектов. Поэтому реальность может быть описана как объективная и субъективная одновременно. С одной стороны, в процессе познания индивид испытывает давление природной и социальной сред, которые определяют не только содержание знаний, но и способ их получения. В то же время возможность изменить систему значений и создать интерпретации действительности вследствие личного творчества или инноваций, возникающих в результате социального взаимодействия, делает когнитивные конструкции более гибкими, зависящими от воли субъекта.

Завершая рассмотрение проблемы взаимосвязи познавательных процессов с основными измерениями структуры общества, можно сделать вывод о социальной обусловленности познания, которая реализуется посредством следующих механизмов:

- усвоения и употребления знаков, таких как язык, системы исчисления, которые позволяют субъектам опираться на опыт, накопленный членами общества в процессе развития;
- применения когнитивных пред-конструкций (представлений, интерпретационных решеток), которые имеют социальное происхождение и позволяют субъектам обозначить познаваемый объект посредством категории, высказать к нему отношение и тем самым придать ему смысл в контексте реальности общества, сложившегося в конкретный момент времени;
- общения и совместной деятельности, в процессе осуществления которых происходит усвоение систем знаков и когнитивных пред-конструкций, а также выработка значений, которые применяются в процессе социального познания;
- когнитивной социализации, в результате которой индивиды осваивают категории, позволяющие поддерживать принадлежность к той или иной социальной общности, а также устанавливать и воспроизводить отношения социального неравенства посредством участия в конкуренции с другими социальными группами, обладающими разным уровнем социального, культурного и материального капитала, за производство значений и утверждение своего взгляда на жизнь в обществе;
- воспроизводства институционализированных знаний, представленных в конвенциях, которые, с одной стороны, получили

формальное закрепление в различных документах, научных теориях, образовательных программах, а с другой стороны нашли отражение в виде верований, убеждений, обыденных представлений.

Однако социальная обусловленность познания не означает признания первичности реальности общества, которая как в зеркале отражена в сознании его членов. Воспроизводство основных измерений структуры общества становится возможным посредством действия специфических когнитивных механизмов, которые формируются в процессе коммуникации и совместной деятельности субъектов, когнитивной социализации в условиях сложившейся социальной реальности.

Можно утверждать также, что и образ государства, конструируемый политическими субъектами в ситуации внешней угрозы, отражает основные измерения социальной структуры общества, нежели субъективное видение политическим лидером статуса и ролей страны в мире. Образ государства, от имени которого политик выступает на международной арене, равно как и образы других государств, необходимо рассматривать не как индивидуализированное, свойственное только ему представление о них, а как отражение тех социальных отношений, которые сложились в обществе и/или на международной арене в данный момент времени. Как следствие, образ государства, с одной стороны, выступает в качестве некой «результатирующей» тех представлений об идентичности, статусе и роли страны на международной арене, которые сложились у политического руководства, лидеров партий, общественных объединений, рядовых граждан. Иначе говоря, он отражает конфигурацию внутривнутриполитических отношений. С другой стороны, образ государства отражает позиционирование страны в системе международных отношений.

Рассмотрим, как содержание отношений в указанных сферах воплощается в образе государства.

3.3. Социальная обусловленность конструирования образа государства на национальном уровне

Изучение образа государства в контексте внутривнутриполитических отношений затрагивает проблему его носителя. Не вызывает сомнения тот факт, что образ государства создается не только «первыми

лицами» страны, но и партиями, в том числе оппозиционными, средствами массовой информации⁷⁵, другими социальными и политическими институтами⁷⁶, рядовыми гражданами⁷⁷. Верно также и то, что образы, сконструированные всеми перечисленными акторами, могут существенно отличаться друг от друга⁷⁸.

Сказанное позволяет сформулировать два важных следствия, раскрывающих социальную природу образов.

Первое заключается в том, что образ формируется сквозь призму видения мира представителями той или иной социальной группы. Он отражает ее ценности, интересы, устремления, статус по отношению к другим участникам социально-политического пространства. Кроме того, он содержит отношение к текущей политике государства: позволяет ли она реализовать все чаяния представителей группы или препятствует им?

Второе следствие непосредственно вытекает из первого. Образ служит отражением отношений между участниками социально-политического пространства, каждый из которых выражает определенное мнение о том, каким он видит государство. В одних случаях представления о государстве могут быть достаточно близкими или даже совпадать, в других – существенно различаться. Последняя ситуация обуславливает постановку следующего вопроса: какие социальные акторы способны сконструировать такой образ государства, который станет основой внешней политики страны и будет воспроизводиться на мировой арене?

⁷⁵ См., напр.: *Виноградова Н. С.* Некоторые теоретические подходы к анализу образа России в зарубежных СМИ // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменение в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», 20–22 ноября 2009. М., 2009. С. 86; *Геополитическая картина мира в средствах массовой информации / В. А. Колосов [и др.] // Полис. Политические исследования.* 2003. № 3. С. 33–49; *Куреев Т. В.* Восприятие России прессой США: во власти стереотипов «Холодной войны» // США–Канада. Экономика, политика, культура. 2007. № 6. С. 72–87.

⁷⁶ *Семенов И.* Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2008. № 1. С. 78–88.

⁷⁷ См., напр.: *Козырев Г. И.* «Враг и «образ врага» в общественных и политических отношениях // *Социологические исследования.* 2008. № 1. С. 31–39.

⁷⁸ *Peterson B.* National Self-Images and Regional Identities in Russia. Aldershot, 2001.

Несомненно, *общественное мнение* влияет на формирование образа государства и учитывается в процессе принятия как внутри-, так и внешнеполитических решений. Более того, некоторые исследователи напрямую связывают успех политической стратегии с тем, поддержала ли ее общественность⁷⁹.

Одна из наиболее авторитетных концепций, раскрывающих механизмы влияния общественного мнения на решения в сфере внешней политики, предложена Дж. Д. Фиароном. В ее основе лежит понятие «затраты политического лидера», которые связаны с отсутствием поддержки его решений различными «аудиториями»⁸⁰. Подобные затраты формируются группами, обладающими правом сместить его с занимаемой должности в установленном законом порядке. Ученый рассматривает проблему затрат в контексте развития международного кризиса, в ходе которого участники демонстрируют готовность разрешить возникший спор посредством угрозы применения силы. В сложившихся обстоятельствах отказ политика от подобных намерений расценивается общественностью как неприемлемая уступка и приводит к потерям, связанным с риском проиграть выборы и потерять власть. Как следствие, ожидаемые затраты, связанные с отсутствием поддержки проводимой политики, повышают достоверность угроз, которые исходят от государств в ходе международных кризисов.

Идеи Дж. Д. Фиарона получили дальнейшее развитие в контексте более широкого круга проблем взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Необходимость учета возможных потерь, которые может понести политический лидер в случае отсутствия поддержки проводимого им курса, обусловлена спецификой принятия политических решений. В частности, участниками процесса выступают не только должностные лица и коллегиальные органы государственной власти, но и политические партии, группы давления. Более того, как подчеркивает А. И. Соловьев, «принятие решений в государстве выливается в непрерывный диалог профессионалов

⁷⁹ Кузнецов Д. В. Фактор общественного мнения во внешней политике России // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов. С. 238–239.

⁸⁰ Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. 1994. Vol. 88, N 3. P. 577.

и общественности, имеет форму соучастия управляющих и управляемых»⁸¹.

Присутствие множества субъектов, которые характеризуются особым видением целей и средств внешней политики, а также разным уровнем власти и влияния, приводит к постановке проблемы учета их специфических интересов в выработанном решении. Р. Хилсман полагает, что участники политического процесса стремятся к достижению соглашения⁸². Основанием для него должно стать решение, *приемлемое* в идеале для всех заинтересованных сторон. В результате основная задача политического лидера состоит в том, чтобы предложить альтернативные варианты действий, на основе которых достигим консенсус. Иначе говоря, приемлемость решения выступает в качестве условия успешной политики. В свою очередь, отсутствие таковой обуславливает возникновение дополнительных затрат на реализацию принятого решения, поскольку если субъекты не считают его приемлемым, то могут отказаться от его исполнения.

Какие участники политического процесса определяют содержание приемлемого решения и возможные потери, которые может понести политический лидер? Дж. Д. Фиарон отмечает важность политической поддержки как внешних, так и внутренних аудиторий⁸³. Наиболее значимые *внешние* аудитории – это оппоненты государства в кризисной ситуации и другие страны, которые не вовлечены в конфронтацию. Внутренние аудитории составляют представители разных ветвей власти, прежде всего оппозиционно настроенные, и обычные граждане, получающие информацию об актуальных политических событиях с помощью СМИ.

Б. Фарнхэм определяет три группы, от которых зависит приемлемость принятых решений⁸⁴: 1) субъекты, которые принимают и осуществляют решения; 2) адресаты решения; 3) индивиды и группы, которые напрямую не заинтересованы в результатах принятого решения, но способны на его основе генерировать общие

⁸¹ Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2000. С. 483.

⁸² Hilsman R. To Move a Nation: the Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. Garden City; New York, 1967. P. 552.

⁸³ Fearon J. D. Domestic Political Audiences... P. 581.

⁸⁴ Farnham B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making. Princeton (NJ), 1997. P. 259.

оценки деятельности органов государственной власти. В такой роли могут выступать представители экспертного сообщества, журналисты, общественные деятели, которые отражают мнение разных социальных групп по той или иной проблеме.

Отсутствие поддержки каких аудиторий воспринимается политиком как наиболее затратное? Обращаясь к поиску ответа на поставленный вопрос, необходимо в первую очередь оценить значимость внешних и внутренних аудиторий. Теории принятия политических решений в целом отдают приоритет последним. В качестве примера может служить полиэвристическая теория. Один из ее сторонников, А. Минц, подчеркивает, что «внутриполитические факторы очевидно очень важны в процессе принятия внешнеполитических решений и часто выступают в качестве некомпенсируемого ограничения»⁸⁵ для политика. Иначе говоря, субъекты внешнеполитических решений не отдадут предпочтение альтернативе, которая приведет к существенным внутриполитическим потерям, даже если ожидаемые выигрыши по другим параметрам высоки.

В свою очередь, аудитория внутри страны также обладает разным весом и влиянием. В исследованиях, которые затрагивают проблему затрат, связанных с отсутствием внутриполитической поддержки в условиях международных кризисов, рассматриваются следующие факторы, определяющие ожидаемые издержки: отношение оппозиционных партий, избирательный цикл, уровень поддержки деятельности президента, экономическая ситуация в стране⁸⁶. Перечисленные факторы позволяют дифференцировать

⁸⁵ *Mintz A.* Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making: A Poliheuristic Perspective // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making / ed. by A. Mintz. New York, 2003. P. 6.

⁸⁶ *Hildebrand K. A.* The Effects of Audience Costs on the Efficacy of United States Threats toward the Democratic People's Republic of Korea from 1992–2003. A paper presented at the ISA Conference in Montreal Quebec. March 2011. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/5/0/2/4/6/p502468_index.html?phpsessid=701bdef5c23df45c6392e0bbcf7acc60 (reference date: 19.08.2014); *Levy J. S.* The Causes of War and the Conditions of Peace // Annual Review of Political Science. 1998. N 1. P. 139–165; *Potter P. B., Baum M. A.* Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint. URL: http://www.hks.harvard.edu/fs/mbaum/documents/JOP_AudienceCosts.pdf (reference date: 19.08.2014)

две категории субъектов, определяющих уровень одобрения проводимого курса: политические элиты и избиратели. При этом в основе проведенных исследований лежат предположения о том, что готовность субъектов принятия решений использовать силу за рубежом повышается в период, предшествующий выборам, в трудных экономических условиях и в ситуации низкого уровня поддержки политического курса. Все перечисленные факторы способствуют генерированию затрат, которые может понести политический лидер в случае отказа от стратегии, одобряемой общественностью. Эту же функцию выполняют и оппозиционные партии, которые выступают в качестве «разоблачителей»⁸⁷ действий субъектов принятия решений и используют для этого средства массовой информации с целью формирования общественного мнения по той или иной проблеме.

Однако результаты эмпирических исследований позволяют подтвердить влияние лишь некоторых факторов и, следовательно, зафиксировать значимость соответствующих аудиторий в формировании внешнеполитического курса.

В частности, К. А. Ильдебранд на примере анализа практики использования США угрозы для решения северокорейской ядерной проблемы в 1992–2003 гг. делает вывод, что, если «оппозиционная партия поддерживала угрозы, существовала высокая вероятность успешности ее осуществления»⁸⁸. При этом полученные результаты не позволили подтвердить значимость электорального цикла и рейтинга внутриполитической поддержки деятельности президента в повышении эффективности угрозы. Бóльшим «весом» фактически обладает мнение *политических элит*, чем избирателей. П. Б. Поттер и М. А. Баум также полагают, что ключевая роль в повышении достоверности предпринимаемых политических действий принадлежит *оппозиционным партиям* и средствам массовой информации, которые формируют общественное мнение избирателей⁸⁹. В свою очередь, Дж. Л. Викс убедительно доказывает, что, «как и демократические лидеры, многие автократии должны проявлять внимание к предпочтениям внутренних аудиторий,

⁸⁷ Potter P. B., Baum M. A. Looking for Audience Costs... P. 2.

⁸⁸ Hildebrand K. A. The Effects of Audience Costs... P. 19.

⁸⁹ Potter P. B., Baum M. A. Looking for Audience Costs...

которые представлены политическими элитами»⁹⁰. Дж. Леви ссылается на результаты исследований, подтверждающих значимость экономической ситуации для принятия решений об использовании силы за рубежом. В то же время ученый отмечает, что влияние электорального цикла подвергается сомнению⁹¹.

Таким образом, можно предположить, что аудитории, представленные различными сегментами политической элиты, обладают бóльшим влиянием на принятие решений в условиях международных кризисов.

Мнение избирателей также не «сбрасывается со счетов», особенно если речь идет о *демократических государствах*. В частности, внешняя политика в демократических государствах осуществляется политическими лидерами от имени доверителей, в качестве которых выступают избиратели. Они наделены возможностью одобрить или высказаться против проводимого курса посредством выборов и выражения общественного мнения. В свою очередь, в авторитарных государствах должностные лица реализуют внешнеполитическую стратегию самостоятельно. А общественность либо полностью отстранена от участия в политической жизни, либо ее деятельность направлена на поддержку принятых решений.

Однако, как справедливо отмечает Д. П. Гавра, было бы ошибочно связывать специфику взаимоотношения власти и общества только с особенностями политического режима⁹². Ученый описывает шесть режимов взаимодействия власти и общества, некоторые из которых могут сложиться в условиях как авторитаризма, так и демократии: 1) подавление общественного мнения; 2) игнорирование общественного мнения; 3) патернализм власти по отношению к общественному мнению; 4) сотрудничество (взаимореализация) общественного мнения и власти; 5) давление общественного мнения на власть и 6) диктатура общественного мнения⁹³.

⁹⁰ *Weeks J. L.* Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict // *American Political Science Review*. 2012. Vol. 106, N 2. P. 343.

⁹¹ *Levy J. S.* The Causes of War and the Conditions of Peace. P. 139–165.

⁹² *Гавра Д. П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1, № 4. С. 61.

⁹³ Там же. С. 62–76.

Какая модель или модели характеризуют взаимоотношения власти и общественного мнения в сфере внешней политики?

Можно предположить, что, как и во внутренней политике, существует разнообразие возможных паттернов построения взаимоотношений, обусловленное типом политического режима, особенностями политической культуры, содержанием проблем, которые становятся предметом внешнеполитических решений, и другими факторами. Однако в научной литературе обсуждение поставленной проблемы начинается зачастую с решения вопроса о значимости общественного мнения в сфере внешней политики.

Постановка подобного вопроса обусловлена прежде всего особенностями самой сферы внешней политики. Нельзя не согласиться с мнением В. В. Федорова и Д. В. Поликанова о том, что механизм принятия внешнеполитических решений «менее демократичен»⁹⁴, чем выработка внутривнутриполитических решений. С одной стороны, низкий уровень вовлеченности широкой общественности в процесс принятия решений обусловлен закрытостью этой сферы, значимостью рассматриваемых вопросов, информация по которым зачастую предназначена для «внутреннего использования». С другой стороны, неучастие объясняется тем, что интерес обычных граждан к проблемам, возникающим на международной арене, как правило, довольно низкий. Например, согласно результатам опроса населения, проведенного Фондом общественное мнение в 2006 г., 51 % респондентов отметили, что не следят за внешней политикой России⁹⁵. Сходную тенденцию отмечает и Л. Г. Бызов, ссылаясь на данные ВЦИОМ за 2008 г.: «Только 6,8 % опрошенных россиян выразили безусловный интерес к политике. На этом фоне внешняя политика зачастую вызывает у населения России больше интереса, чем внутренняя»⁹⁶. Отсутствие интереса к проблемам внешней политики сочетается с низким уровнем информированности (за исключением некоторых тем) по обсуждаемой тематике, а также невысокой компетентностью в этой сфере.

⁹⁴ Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России // *Полития*. 2005. № 1. С. 26.

⁹⁵ Внешняя политика России. Опрос населения. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd063924>

⁹⁶ Приведено по: Бызов Л. Г. Внешнеполитические приоритеты новой России. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnepoliticheskije_prioritety_novoj_rossii_2010-02-02.htm

В результате в литературе по проблеме общественного мнения, прежде всего американской, сложилось достаточно устойчивое представление о его характеристиках в сфере внешней политики, обозначаемое как «консенсус Алмонда-Липпмана»⁹⁷. Г. Алмонд и У. Липпман считают, что общественное мнение характеризуют три особенности: 1) его высокая подвижность и изменчивость создают довольно зыбкий фундамент для принятия внешнеполитических решений; 2) социальным установкам по внешнеполитической проблематике недостает целостности и структурированности, что ведет вообще к отсутствию установок как таковых; 3) по большому счету, общественное мнение оказывает незначительное влияние на реализацию внешней политики. Низкий уровень влияния имеет отношение скорее к первой причине низкой вовлеченности обычных граждан в принятие внешнеполитических решений и отражает тот факт, что политические субъекты проявляют весьма умеренный интерес к содержанию общественного мнения. Зачастую позиция субъектов принятия решений такова: мы можем знать мнение обычных людей, учитывать его, но не обязаны руководствоваться. Например, на основе результатов исследования Б. С. Коэн делает вывод, что если даже представители американского внешнеполитического ведомства думают об общественном мнении, то они заботятся о его обучении, формировании, нежели воспринимают его как «путеводную звезду», за которой они должны следовать⁹⁸.

Низкий уровень влияния общественного мнения на принятие решений до некоторой степени характеризует и российскую внешнюю политику. Например, В. В. Федоров и Д. В. Поликанов полагают, что «в России общество отчуждено от дипломатии гораздо больше, чем в развитых странах Запада», процесс создания внешнеполитического курса «крайне персонализирован»⁹⁹. При этом Президент России В. В. Путин, с деятельностью которого эксперты преимущественно и связывают направление

⁹⁷ *Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] // Holsti O. R. Making American Foreign Policy. New York, 2006. P. 55.*

⁹⁸ *Cohen B. C. The Public's Impact on Foreign Policy. Boston, 1973.*

⁹⁹ *Федоров В. В., Поликанов Д. В. Общественное мнение о внешней политике России. С. 26.*

внешнеполитического курса, полагает, что рейтинги, которые отражают уровень поддержки населением проводимого курса, должны учитываться, но не служить главным ориентиром при принятии внешнеполитических решений. Отвечая на вопросы участников Всероссийского молодежного форума «Селигер–2014», В. В. Путин отметил: «...люди, которые занимаются моим делом или таким, как я, они должны знать об этом, они должны это учитывать, конечно, но они не должны никогда на это ориентироваться. И я никогда на это не ориентируюсь <...> основной критерий, который позволяет добиться успеха, он в чём заключается: у человека должно быть собственное внутреннее глубокое убеждение в правоте того, что он делает. Если это что-то, что в общественном сознании ещё не получило положительной оценки, задача заключается не в том, чтобы подстроиться под общее мнение, – задача заключается в том, чтобы его честно и открыто объяснить»¹⁰⁰.

Таким образом, в традиционном восприятии общественного мнения в сфере внешней политики отношения между властью и обществом тяготеют скорее к *патерналистской модели*. При этом она может быть актуальна не только для авторитарных, но и демократических государств¹⁰¹. Вместе с тем очевидно, что она не единственная и не исчерпывается даже добавлением к ней противоположной – *плюралистической модели*, согласно которой общественное мнение оказывает заметное влияние на принятие внешнеполитических решений¹⁰².

Значимость общественного мнения в формировании внешней политики страны в значительной степени зависит от проблемы, которая становится предметом принимаемых решений. Так, О. Р. Холсти подчеркивает, что взгляды на природу общественного мнения в США были пересмотрены после войны во Вьетнаме¹⁰³. Исследования этого периода поставили под сомнение основные положения «консенсуса Алмонда-Липпмана». В частности, было

¹⁰⁰ Всероссийский молодёжный форум «Селигер–2014», 29 августа 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/news/46507>

¹⁰¹ Гавра Д. П. Общественное мнение и власть... С. 68.

¹⁰² Neack L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century. New York; Oxford, 2003. P. 104.

¹⁰³ Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy... P. 62.

показано, что, несмотря на низкий уровень информированности, социальные установки обычных людей относительно международных проблем имеют довольно целостную структуру. Более того, неопределенность, сопровождающая международные политические процессы, не только не препятствует упорядочиванию установок, но даже предрасполагает к этому¹⁰⁴. Как было показано ранее со ссылкой на теории когнитивного соответствия, субъекты склонны осмысливать новую информацию в соответствии с уже имеющимися представлениями. Подобная когнитивная стратегия актуализируется в условиях дефицита информации. В связи с этим, чем меньше знает субъект о положении дел на международной арене, тем более целостной, но при этом необязательно корректной будет его картина мира, позволяющая сформировать мнение по проблеме.

Таким образом, обычные граждане способны сформулировать мнение о внешнеполитических событиях и принятых решениях, которое отличается достаточно высокой целостностью. При этом, принимая во внимание значимость войны во Вьетнаме в качестве той ситуации, которая способствовала изменению представлений об общественном мнении, можно предположить, что значимость оценок, генерируемых гражданами, повышается, когда содержание внешнеполитических решений затрагивает представителей самых разных социальных слоев. Иначе говоря, если предметом внешней политики становится «трудная проблема» (например, положения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), усилия в разрешении конфликта в Сирии и т. п.), относительно которой у обывателя нет специальных знаний и он не мотивирован их получать, то взаимоотношения власти и общественного мнения могут развиваться в соответствии с патерналистской моделью. В свою очередь, располагая знаниями (пусть даже неполными и ошибочными) по «простой проблеме» (взаимоотношения с США, конфликт на Украине), субъекты способны генерировать мнение, которое невозможно переформатировать давлением «сверху». В результате взаимоотношения могут развиваться в плюралистической модели, учитывающей давление «снизу».

Однако и она может быть реализована по-разному.

¹⁰⁴ *Holsti O. R. Public Opinion and Foreign Policy... P. 67.*

Один из возможных вариантов состоит в том, что общественное мнение создает контекст, в котором принимаются внешнеполитические решения. При этом можно и не обнаружить прямой связи между внешней политикой и общественным мнением. Однако *представления, ожидания* субъектов принятия решений о мнении общественности задает общее направление стратегии. Если общественность воспринимала свое правительство как неспособное реализовать эти ожидания во внешней политике, то могли возникнуть протестные действия, направленные против него. В результате наличие консолидированного мнения, отражающего представления об идентичности и статусе этих государств на международной арене, создает достаточно четко определенные рамки внешнеполитической стратегии политической элиты. Фактически в этом случае можно говорить о режиме *давления общественного мнения на власть*.

Плюралистическая модель может быть также воплощена в режиме *сотрудничества (взаимореализации)* общественного мнения и власти. Например, референдуму в Крыму о присоединении к РФ предшествовало проведение социологического опроса, позволившего изучить настроения жителей полуострова¹⁰⁵. В этом случае общественное мнение выступает для власти в качестве *условия* принятия решения, а также его дальнейшей реализации.

Рассмотренные особенности общественного мнения в сфере внешней политики не означают, что обычные граждане, не интересующиеся внешней политикой, не способны сконструировать образ государства. Однако можно ожидать, что они не будут проявлять высокой активности в том, чтобы именно их видение идентичности, статуса и роли государства нашло отражение в концепции внешней политики. В результате их представления необязательно отражают официальную внешнеполитическую стратегию. Эту точку зрения поддерживают выводы авторов исследования «Мир глазами россиян»¹⁰⁶. Они отмечают, что «обыденная геополитика плохо соотносится с многочисленными геополитическими теориями, бытующими

¹⁰⁵ Крым. Путь на Родину: Фильм А. Кондрашова. URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195

¹⁰⁶ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. М., 2003.

в России»¹⁰⁷. Более того, исследователи заключают, что «геополитическое мышление россиян находится на примитивном уровне. <...> Это набор очень простых стереотипов, многие из которых восходят к советскому периоду, а другие родились недавно»¹⁰⁸.

Подобные результаты позволяют предположить, что на формирование образа государства в массовом сознании оказывают воздействие более влиятельные акторы, такие как *группы интересов, средства массовой информации, представители политической элиты*. В свою очередь, общественное мнение приобретает значимость, когда оно преломляется через идеи представителей власти, выражается группами интересов, а также СМИ.

Если рассматривать общественное мнение как отражающее скрытое или явное отношение людей к определенным событиям действительности, то можно сделать вывод, что оно зачастую позволяет понять общую направленность настроений и восприятия социальной реальности общественностью. В свою очередь, мнение, *выраженное группами интересов*, конкретизировано, специфицировано и влечет за собой деятельность, связанную с достижением определенных целей. Д. Н. Лапин определяет группу интересов в качестве «социальной группы, которая артикулирует свои интересы в общественной среде и стремится их институционализировать»¹⁰⁹. При этом ученый подчеркивает, что группа интересов появляется только в том случае, когда «ее интерес артикулируется в общественной среде (собственно социальной, политической, экономической, культурной), т. е. выражается как настоятельное требование, побуждающее структурные элементы гражданского общества и/или органы государственной власти осуществлять практические действия, способствующие реализации этих требований, в конечном счете – их институционализации»¹¹⁰. Таким образом, согласно приведенному определению, группы интересов способны озвучить мнение той или иной социальной общности и преобразовать его в политические требования. При этом

¹⁰⁷ Мир глазами россиян... С. 258.

¹⁰⁸ Там же. С. 261.

¹⁰⁹ *Лапин Н. И.* Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 16.

¹¹⁰ Там же. С. 16–17.

они берут на себя задачу донести требования до институтов власти и оказать помощь в их осуществлении, в том числе и за счет участия в процессе формирования элит, властных структур общества.

Как группы интересов конструируют образ государства в сфере внешней политики? Вероятно, их участие в решении этой задачи не следует воспринимать буквально. Иначе говоря, вряд ли можно предположить, что группы интересов пытаются артикулировать собственно свое уникальное видение идентичности, статуса и роли государства на международной арене, за исключением активных дискуссий в обществе относительно ключевого вектора в сфере внешней политики, которые свойственны государствам в переходные периоды. В качестве примера может выступать кризис на Украине, начавшийся в 2013 г. и разделивший украинское общество относительно необходимости евроинтеграции. В этом случае выражение мнения по серьезной проблеме неразрывно связано с определением основных компонентов образа Украины.

Однако зачастую такой явной связи с формированием образа государства может и не быть. Группы интересов артикулируют проблемы в экономической, культурной, социальной сферах, которые напрямую не затрагивают проблему образа государства, реализуемого во внешней политике. Вместе с тем, заявляя в качестве приоритетных те или иные интересы, они участвуют в конструировании ролевой концепции государства, определяют ведущих партнеров и оппонентов на международной арене, а также формулируют содержание идентичности. В качестве примера можно привести влияние так называемого израильского лобби в американской внешней политике. Дж. Мершаймер и С. Уолт, анализируя факторы, лежащие в основе формирования беспрецедентных отношений между США и Израилем, когда Соединенные Штаты поступились своими интересами и интересами других своих союзников в области безопасности ради Израиля, находят причины в американской внутренней политике. В частности, по мнению ученых, заслуга «израильского лобби» состоит в том, что его представители смогли сформировать понимание интересов США и Израиля как идентичных¹¹¹.

¹¹¹ *Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby // The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence / ed. by J. M. McCormick. Lanham, 2012. P. 89.*

Как следствие, американские политики, прежде всего представители Республиканской партии, воспринимают Израиль, пусть и символически, как 51 американский штат¹¹². В результате соответствующее наполнение получает идентификационный компонент образа США, а также статусный и ролевой – через установление особых отношений с Израилем и принятие на себя обязательств в сфере обеспечения безопасности этого государства.

Конструирование образа государства происходит также при участии *средств массовой информации*.

В контексте обсуждаемой проблемы СМИ создают сферу «сопряжения “высокой” и “низкой” геополитики»¹¹³. Иначе говоря, в материалах, предоставляемых средствами массовой информации, особым образом преломляются официальные внешнеполитические доктрины, мнения экспертов, а также социальные представления о месте страны в мире, распространенные в обществе. Подобное переплетение двух информационных пластов призвано решить ряд важных задач. В частности, не вызывает сомнения тот факт, что успех государства и его политики на международной арене во многом зависит от того, как влиятельные печатные СМИ, интернет-издания и телеканалы представят его действия и тем самым окажут влияние на мнения ведущих политиков и самой широкой общественности. В связи с этим для организации действенной информационной политики российское политическое руководство планирует «развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку, активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности»¹¹⁴.

¹¹² CPAC speakers embrace Israel symbolically as 51st state. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/mar/1/cpac-speakers-embrace-israel-symbolically-state-51/?page=all>

¹¹³ Геополитическая картина мира в средствах массовой информации / В. А. Колосов [и др.] // ПОЛИС: политические исследования. 2003. № 3. С. 33.

¹¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 июля 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

Однако роль СМИ не ограничивается формированием общественного мнения, разъяснением позиции государства по тем или иным вопросам за рубежом. Они задают общую направленность восприятия событий, происходящих на международной арене. Например, В. А. Колосов с соавторами, характеризуя особенности представления о странах мира в «Независимой газете» (Россия), подчеркивают, что она освещает мало событий в экономической сфере. Отмечается значительная представленность внешнеполитической информации, а также информации о конфликтах и войнах, в которые они вовлечены. Таким образом, общая картина мира оказывается политизированной, конфликтной и взрывоопасной¹¹⁵.

Не менее важная задача состоит в создании общественного мнения по внешнеполитическим вопросам внутри государства с целью обеспечения поддержки действиям политического руководства. При этом СМИ способны выступить не только в качестве каналов трансляции официальных доктрин на уровень массовых представлений, но и стать ареной публичных дискуссий относительно концепции внешней политики с участием носителей как «высоких», так и «низких» геополитических представлений.

Вместе с тем СМИ не только транслируют образы, созданные лидерами общественного мнения, но и сами конструируют их. Для этого они располагают соответствующими средствами, такими как частота упоминаний о тех или иных государствах, эмоциональная окрашенность материалов, содержание передаваемых сообщений. В частности, подобное воздействие находит отражение в действии «эффекта CNN»¹¹⁶. Его суть состоит в том, что СМИ, акцентируя внимание на отдельных политических проблемах и формируя определенное общественное мнение, вынуждают политиков реагировать на эти проблемы. Бездействие, очевидно, вызовет неодобрение со стороны избирателей и будет также освещено в СМИ. Таким образом, общественность получает возможность оказывать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Однако подобное влияние, по мнению Дж. Ная, негативно сказывается на качестве решений, поскольку СМИ задают свою «повестку дня», подчас вынося

¹¹⁵ Геополитическая картина мира в средствах массовой информации... С. 33–49.

¹¹⁶ Neack L. The New Foreign Policy... P. 115.

на первый план события, на которых политики предпочли бы не акцентировать внимание. Кроме того, интенсивное новостное вещание требует быстрого обновления информации, что существенно сокращает время для принятия решений, его обдумывания¹¹⁷.

Нельзя не согласиться, однако, и с тем, что средства массовой информации тесно взаимодействуют с субъектами принятия внешнеполитических решений. В результате общественное мнение формируется посредством распространения СМИ информации, которая позволяет создать поддержку уже разработанной и реализуемой внешнеполитической стратегии. Фактически средства массовой информации вносят вклад в реализацию патерналистской модели в отношениях между субъектами принятия внешнеполитических решений и общественным мнением. Она обеспечивает конвергенцию характеристик образа государства, который складывается в массовом сознании и у представителей политической элиты.

Однако, несмотря на значимость общественного мнения и средств массовой информации в конструировании образа страны, ведущая роль все же принадлежит правящей политической элите¹¹⁸, и прежде всего главам государств. Как отмечает С. А. Елив, президентство – это идеальная трибуна, обращаясь с которой, можно конструировать реальность, поскольку глава государства оказывает огромное влияние на СМИ, национальную «повестку дня», выбор риторики¹¹⁹. Но определение государства как «коллективного субъекта»¹²⁰, «корпоративной личности»¹²¹ не позволяет рассматривать образ государства как результат воли и влияния только лишь

¹¹⁷ *Nye J. S. jr. Redefining NATO's Mission in the Information Age // NATO Review. 1999. Winter. URL: <http://www.nato.int/docu/review/1999/9904-03.htm>*

¹¹⁸ Например, А. Пионтковский подчеркивает, что самоощущение элиты – важный фактор в категоризации государства в качестве сверхдержавы (приведено по: *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 9.*)

¹¹⁹ *Yeliv S. A. Explaining Foreign Policy: US Decision-Making and the Persian Gulf War. Baltimor; London, 2004. P. 86.*

¹²⁰ *Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М., 2000. С. 133–150.*

¹²¹ *Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 218*

руководителя страны¹²². Более корректно было бы утверждать, что именно лидер страны обладает наибольшими возможностями *объединить* противоборствующие элиты, СМИ и самые широкие слои общественности вокруг определенного понимания идентичности, статуса и роли страны на международной арене.

Результаты социологических опросов позволяют сделать вывод о том, что политическому руководству России удалось решить эту задачу. Авторы уже упоминавшегося нами исследования «Мир глазами россиян» полагают, что «внешняя политика практически стала едва ли не единственной крупной областью общественной жизни, в которой был достигнут консенсус»¹²³. По результатам социологических исследований большинство россиян положительно оценивали внешнюю политику страны в период президентства В. В. Путина¹²⁴, причем с 2002 по 2014 г. количество положительных оценок деятельности в сфере внешней политики возросло почти вдвое – с 23 до 42¹²⁵. Деятельность президента Д. А. Медведева также находила поддержку¹²⁶. При этом важно подчеркнуть, что полученный результат достигнут на фоне существования определенного расхождения между официальными внешнеполитическими концепциями и общественными ожиданиями. Однако достижение консенсуса осуществляется не посредством «навязывания» правильного видения мира. Политическое руководство избрало тактику объяснения своих решений и предпринятых действий на международной арене. Президенты уделяют достаточно много внимания общению с журналистами, представляющими

¹²² Равно как общественного мнения или СМИ.

¹²³ Мир глазами россиян... С. 261.

¹²⁴ Петрова А. С. Достижения В. Путина – социальная и внешняя политика, 21.03.2002. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_putin_plus/of021101; Рейтинги достижений и неудач президента, 8.04.2004. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_putin_plus/dd041424; В. Путин: итоги президентства, 03.04.2008. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_itog_putin/d081721; Третий срок В. Путина. О работе главы государства, его успехах и неудачах, 25.06.2014. URL: <http://fom.ru/Politika/11568>

¹²⁵ Третий срок В. Путина. О работе главы государства, его успехах и неудачах.

¹²⁶ Д. Медведев: два года на посту президента. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d10medvedev10.pdf>

авторитетные российские и зарубежные СМИ, практикуются многочасовые телемосты с участием граждан страны.

Кроме того, можно предположить, что не последнюю роль в достижении консенсуса в сфере внешней политики сыграли характеристики образа нашей страны, предложенного политическим руководством России. В частности, анализ содержания образа России прежде всего статусного компонента, сконструированного В. В. Путиным в должности Президента РФ, позволяет сделать вывод, что существенно *расширился круг государств*, с которыми наша страна взаимодействует на международной арене¹²⁷. В среднем на каждый анализируемый год приходится упоминания о 36 государствах и их объединениях (для сравнения, в начале 90-х годов отмечается не более 10–15 стран). При этом, представления о характере отношений с этими государствами достаточно многоаспектны и отражают: основные области сотрудничества (вплоть до ссылок на конкретные проекты с участием тех или иных предприятий), возможные направления кооперации в будущем, достижения и «слабые стороны» взаимодействия. Как правило, в начале 90-х описание отношений ограничивалось констатацией «продуктивного сотрудничества» в политической и экономической сферах. Характеризуя сотрудничество России с другими странами, президент В. В. Путин уделяет внимание в первую очередь уровню развития *торгово-экономических связей*. Зачастую характеристика взаимоотношений с тем или иным государством начинается с приведения цифр, отражающих объемы товарооборота, структуру импорта и экспорта. Тем самым Россия постепенно разрушает представление о себе как о государстве, которое играет существенную роль в регулировании международно-политических процессов, но не способно оказать сколь бы то ни было значимое влияние в финансово-экономической сфере. Иначе говоря, политическое руководство страны в значительной степени деидеологизировало внешнюю политику страны, сделало ее многовекторной, основанной на прагматических интересах, решении конкретных задач в различных областях сотрудничества. Это обстоятельство

¹²⁷ Смирнова А. Г. Идентичность России как участницы «Группы восьми»: гипотезы и их обоснование // Россия в «Группе восьми» / под ред. И. Ю. Киселева. СПб., 2009. С. 65–98.

позволило создать более прочную основу для достижения консенсуса в представлениях различных участников социального пространства.

Не менее важный аргумент в пользу того, что ведущая роль в формировании образа государства принадлежит лидеру страны, связан с рассмотренным в главе II феноменом индивидуального переживания государства (см. раздел 2.1). Одна из форм обретения государством реальности в международных отношениях связана с феноменом *персонификации*. Этот термин означает, что политика государства весьма часто рассматривается с точки зрения действий ключевых государственных деятелей. При этом нередко приход к власти нового политика приводит к изменению образа государства. Статус главы государства официально закреплен в конституции, обычно прописывается в концепциях внешней политики страны. Например, в России выступать от имени государства и выражать его точку зрения на международной арене могут президент, министр иностранных дел, пресс-секретарь. Мнения других субъектов – партий, депутатов – могут совпадать с официальной позицией государства, но могут и отражать лишь точку зрения партии, их личное мнение. Таким образом, ключевой для принятия решений становится официально заявленная точка зрения, которой будет придерживаться государство во взаимоотношениях с другими субъектами. Такого рода концентрации «внешнеполитической воли» способствует надличностная природа института президентства. Руководители государства выступают на мировой арене не в личном качестве, а как полномочные представители народа.

В связи с этим образ государства, который воплощает политическое руководство страны, закрепляется в официальных документах, регламентирующих реализацию внешней политики. В этом случае в полной мере реализуется положение социального конструктивизма о соответствии системы значений и закрепляющих их институтов. Созданный образ государства сохранит актуальность, пока не будет принята новая редакция действующих документов и сконструированный в них образ государства позволит наиболее полно сформулировать те интересы, которые должны быть реализованы в результате внешнеполитической деятельности.

Подобные взаимосвязи видны при сопоставлении содержания разных редакций концепции внешней политики нашей страны, которые содержали задачу по формированию образа страны на международной арене.

В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. появилась задача создания *положительного образа России за рубежом*¹²⁸ и, как показывает практика, важность этой задачи еще более возросла в последние годы. В Концепции внешней политики, принятой в 2008 г., она получает иное звучание. Для России было важно не просто создать положительный образ страны, а содействовать «*объективному восприятию Российской Федерации в мире как демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой и независимой внешней политикой*»¹²⁹. С точки зрения конструирования образа государства содержание данной внешнеполитической задачи заключается в том, чтобы участники мировой политики воспринимали Россию так, как она позиционирует себя на международной арене: при построении отношений с другими государствами и организациями наша страна стремится *преодолеть расхождение* имиджа России, конструируемого российским политическим руководством, и образа нашей страны, который формируется у ее партнеров по международному взаимодействию. Сказанное позволяет заключить, что для понимания внешнеполитического поведения важно знать не только характеристики образа, который возникает в результате познания государства другими участниками международных отношений, но и особенности восприятия государством самого себя.

Новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г. также содержит задачу по построению образа России. Однако она получила дальнейшее развитие. Подчеркивается, что усилия должны быть направлены на создание положительного образа страны, который соответствовал бы «авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития

¹²⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации // Иванов И. С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., 2002. С. 210–232.

¹²⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 июля 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

гражданского общества»¹³⁰. При этом поставлена задача воздействовать на восприятие России в мире с использованием ресурса «мягкой силы»¹³¹. В качестве одного из них выступает распространение и укрепление русского языка в мире, популяризация культурных достижений народов России, консолидация русской диаспоры за рубежом¹³². Фактически в современных условиях задача конструирования образа нашей страны связана с формированием статусной позиции, нежели просто с фиксированием определенных характеристик, как в 2008 г. Важно также подчеркнуть, что выбирается активная, формирующая стратегия создания образа России за счет транслирования ее ключевых ценностей и языка. Таким образом, на новом этапе становления государственности нашей страны ключевое значение приобретает восстановление ведущих позиций России в мире, которые были утрачены после распада СССР. При этом заявленная статусная позиция должна быть построена и на том мощном фундаменте, который представлен национальной идентичностью.

Завершая рассмотрение социальной обусловленности конструирования образа государства на национальном уровне, можем сделать вывод, что субъекты, занимающие различное положение в социальном пространстве и обладающие разными видами капитала (социального, политического, культурного и материального), предлагают свои формулировки идентичности, статуса и роли государства. Кроме того, они могут использовать эти формулировки в борьбе за власть и осуществление внешнеполитической стратегии, которая отвечает их интересам. При этом интенсивность конкуренции отражает уровень консолидации или фрагментации общества в целом и субъектов принятия внешнеполитических решений в частности. Сказанное справедливо и в отношении конструирования образа государства в ситуации внешней угрозы.

¹³⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

3.4. Социальная обусловленность конструирования образа государства на международном уровне

Наряду с влиянием внутренних социально-политических условий, конструирование образа государства осуществляется под воздействием процессов на арене мировой политики. По нашему мнению, наиболее значимая роль принадлежит *представлениям о структуре международных отношений*. Употребление понятия «представление» объясняется следующими причинами.

Во-первых, структурирование социального пространства во многом зависит от ученых, которые описывают сложившийся социальный порядок посредством сформулированных ими теорий, предложенных категорий. Не составляет исключения и сфера международных отношений. Теории, обсуждающие факторы и механизмы, лежащие в основе взаимодействия участников мировой политики, определяют ключевые параметры, в соответствии с которыми может быть описано местоположение государства и его отношения с другими акторами. Например, теория реализма акцентирует внимание на значимости фактора *силы* на международной арене. Либерализм рассматривает в качестве ключевой переменной *тип политического режима*. Идеализм в центр рассуждений помещает *ценности и сложившиеся идентичности*.

Не вызывает сомнения, что выбор одной из перечисленных теорий существенным образом влияет на представление о структуре международных отношений. В результате одни и те же процессы неодинаково осмысливаются последователями разных теоретических традиций. Кроме того, особенности понимания международных процессов демонстрируют ученые, представляющие разные регионы. Например, М. Барнетт и К. Сиккинк отмечают, что ученые стран «глобального Севера» менее склонны рассматривать государства в качестве ключевых участников международных отношений и обращаются к изучению негосударственных акторов, транснациональных образований, глобального общества. В свою очередь, исследователи из стран «третьего мира» продолжают демонстрировать приверженность государствоцентричному подходу, «усилению и защиты суверенитета как политического проекта и в меньшей степени склонны приветствовать транснациональные процессы,

которые угрожают ему»¹³³. Приведенный пример демонстрирует, что организация пространства международных отношений будет выглядеть по-разному, если конструируется представителями географических регионов, отличающихся не только местоположением, но и особенностями политического и экономического развития, историей и культурой.

Во-вторых, понятие представлений указывает также и на тот факт, что теории реализма, либерализма, идеализма представляют собой не только научный инструментарий. Это также и концепции, которые используются политиками в практике международных отношений. Так, *реализм* стал наиболее влиятельной концепцией после окончания Второй мировой войны, создав весомую альтернативу представлениям о том, что международные институты и право могут служить эффективным инструментом поддержания мира. В последнее время политические лидеры чаще придерживаются внешнеполитической линии, *сочетающей в себе элементы реализма и либерализма* – так называемый демократический реализм¹³⁴. В частности, широкое распространение получила идея о том, что безопасность государства может быть обеспечена за счет установления демократических режимов в государствах, представляющих потенциальную угрозу. Вместе с тем *конструктивизм*, получивший признание в научном мире, по мнению экспертов, имеет незначительный вес в практической политике, поскольку государственные деятели, которые мыслят преимущественно в контексте концепций реализма и либерализма, пока не видят возможности применения концептуального аппарата конструктивизма для осмысления событий на международной арене.

Таким образом, не только ученые, но и политические лидеры осуществляют познание и конструируют образы государств, используя те или иные представления о том, как организовано пространство международных отношений и какие характеристики служат основанием для описания участников мировых политических

¹³³ Barnett M., Sikkink K. From International Relations to Global Society // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 67.

¹³⁴ Snyder J. One World, Rival Theories // Foreign Policy. 2004. November/December. P. 54.

процессов и определения их местоположения в этом пространстве. Следовательно, представления о структуре международных отношений оказывают влияние на конструирование образов собственного и других государств.

В современной науке не выработана единая точка зрения относительно базовых принципов, лежащих в основе функционирования системы международных отношений. Она определяется как анархия¹³⁵, иерархия¹³⁶, международное общество¹³⁷, мировое общество¹³⁸, глобальное общество¹³⁹.

Сам термин «международные отношения» позволяет описать ключевой принцип их построения. Он заключается в том, что в качестве базовых элементов структуры международных отношений выступают *государства*, которые как суверенные акторы формально равны в сообществе стран и строят отношения в условиях *анархии*, т. е. отсутствия правительства, способного руководить политической государств и их взаимодействием.

¹³⁵ *Waltz K. N. Theory of International Politics. New York, 1979.*

¹³⁶ *Barnett M., Sikkink K. From International Relations to Global Society. P. 62–83; Holzsheiter A., Stetter S. The Sociology of International Relations. Paper to be presented at the panel «The Sociology of Organizations», International Studies Association Annual Convention. New York, 15–18 February 2009. URL: http://convention2.allacademic.com/one/isa/isa09/index.php?click_key=2*

¹³⁷ *Buzan B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization. 1993. Vol. 47, N 3. P. 327–352; The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford, 1984; Linklater A., Saganami H. The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment. Cambridge, 2006; Wight C. Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology. Cambridge, 2006. P. 218.*

¹³⁸ *Цыганков П. А. Джон В. Бертон о конфликтах и сотрудничестве в мировом обществе // Теория международных отношений / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 349–352; Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. С. 102–119.*

¹³⁹ *Линклейтер Э. К Постсуверенному политическому пространству? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов. Кн. 3. / общ. ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. М., 1997. С. 54–74; Kaldor M. New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era. Stanford (Cal.), 1999.*

Этот подход в полной мере представлен в теории неореализма. Она исходит из предположения, что структуру международных отношений образуют государства, обладающие *разными материальными возможностями* (военными, экономическими, и др.), которые обозначаются понятием «могущество». Отношения между странами строятся на основе принципа поддержания *баланса сил*. Особенность подобной структуры заключается в том, что, хотя уменьшение или увеличение уровня могущества отдельных государств может привести к трансформациям в системе отношений, «базовая структура системы никогда не меняется»¹⁴⁰. Это происходит в силу того, что структура международной политической системы обладает *принудительной силой*, т. е. она побуждает государства предпринимать действия, которые способствуют ее воспроизводству. Например, биполярная система стимулирует действия двух ключевых держав по сохранению паритета сил. Менее влиятельные участники мировой политической системы попытаются получить поддержку одной из них и тем самым также вносят вклад в поддержание двухполюсного мира.

С точки зрения конструирования образа государства влияние подобной структуры проявляется, во-первых, в выборе базовых категорий, которые позволяет дифференцировать участников международных отношений. В качестве таковой выступает *могущество*, складывающееся из показателей военной силы, экономических возможностей, размеров и местоположения территории, человеческого ресурса, интеллектуального потенциала. Перечисленные показатели позволяют расположить все государства относительно одного общего объективно измеряемого параметра в одномерном пространстве. Во-вторых, категории для самоидентификации и познания других акторов предзаданы существующей социальной структурой. Более того, они сами представляют одно из измерений структуры, а именно, согласно терминологии П. Штомпки, «идеальное измерение»¹⁴¹. В этом заключается один из основных механизмов принудительно-го воздействия структуры на поведение и познание акторов.

¹⁴⁰ Cox R. W. The Point is not Just to Explain the World but to Change It // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford, 2008. P. 84.

¹⁴¹ Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 6.

Основное направление критики подобного определения социальной структуры международных отношений связано с его «государствоцентризмом». Изменения последних десятилетий, которые произошли на арене мировой политики, поставили под сомнение тот факт, что государство – единственный участник мировых политических процессов. Наряду с ними на международной арене представлены и негосударственные акторы, которые трактуются как влиятельные участники международных отношений. Среди них – гражданское общество, социальные движения, профессиональные ассоциации, профсоюзы, благотворительные организации¹⁴², разного рода транснациональные криминальные образования¹⁴³. Более того, и сами государства не могут рассматриваться как имеющие равный статус в структуре международных отношений. Международная система фактически устанавливает *иерархические отношения* между государствами и другими акторами.

Вывод о том, что отношения между участниками мировой политики строятся и развиваются в условиях иерархии, имеет важные последствия для осмысления структуры международных отношений. Первое заключается в том, что внимание исследователей отныне сконцентрировано на изучении мировых политических процессов, которые вызваны действиями не только государств, но и других акторов. Второе связано с признанием значимости нормативных структур, которые регулируют взаимодействие акторов. Иначе говоря, могущество государств и стремление реализовать национальные интересы не позволяют объяснить все многообразие паттернов отношений и процессов в современном мире. Как подчеркивают М. Барнетт и К. Сиккинк, «теперь исследователи международных отношений признали, что глобальная политика *социальна*»¹⁴⁴. Социальный характер действиям участников международных отношений придает их сознательная направленность друг на друга, необходимость соотносить свои действия и решения с активностью других акторов.

¹⁴² *Holzsheiter A., Stetter S.* The Sociology of International Relations...

¹⁴³ *Пикаев А., Степанова Е.* Нераспространение и ядерный терроризм // Ядерное оружие после «холодной войны» / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., 2006. С. 310–357; *Chestnut Sh.* Illicit Activity and Proliferation: North Korean Smuggling Networks // *International Security*. 2007. Vol. 32, N 1. P. 80–111.

¹⁴⁴ *Barnett M., Sikkink K.* From International Relations to Global Society. P. 68.

Таким образом, отношения государств в условиях анархии образуют международную систему, предполагающую, что ее участники принимают во внимание действия друг друга при выработке собственной политики. Однако исследования указывают на существование в подобной системе дифференциации государств по ряду оснований, а также – организации их взаимодействия на основе разделяемых норм, правил и ценностей. Отмеченные характеристики подразумевают установление между государствами *социетальных отношений*, подчиняющихся *социологическим законам*. Такие отношения свойственны членам *общества*.

Использование понятия «общество» предполагает развитие диалога между государствами, выработку единых правил и институтов для поддержания подобных отношений, а также признание общих интересов в сохранении установленных регулирующих принципов¹⁴⁵. При этом «движущей силой» трансформации международной системы в международное общество может выступать либо общая идентичность участников взаимодействия (цивилизационная модель), либо наличие разделяемых целей и интересов (функциональная модель)¹⁴⁶. Важно подчеркнуть, что основой становления международного общества выступает международная система, развитие которой подчиняется социальным законам. Как подчеркивает Р. Джексон, «становление международного общества может быть рассмотрено как непрерывное движение: от слабой осведомленности и очень ограниченных и неустойчивых контактов к широкому и постоянному взаимодействию на высокоразвитой институциональной основе международных отношений»¹⁴⁷.

Изложенное выше означает, что государства, сохраняя суверенитет, тем не менее подчиняют свои действия не эгоистическим, а общим интересам. Подобная согласованность интересов достигается в том числе и за счет соблюдения установленных правил и функционирования институтов, обеспечивающих их эффективность. Осознание государствами необходимости соотносить свои

¹⁴⁵ The Expansion of International Society. P. 1.

¹⁴⁶ Buzan B. From International System to International Society... P. 336.

¹⁴⁷ Джексон Р. Политическая теория международного общества // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002. С. 121.

решения и действия с решениями и действиями других участников международных отношений не означает, что страны откажутся от реализации своих национальных интересов и будут ориентироваться лишь на достижение «коллективного блага». Скорее, именно соблюдение установленных правил и норм позволяет в полной мере осуществить их.

Содержание понятия международного общества позволяет сделать вывод, что существование подобных отношений между государствами обеспечивается благодаря системе правил и норм, которые задают соответствующие образцы поведения. Институциональная и интеракционная основы определяют суть *международных режимов*, которые регламентируют отношения государств в различных сферах взаимодействия¹⁴⁸. Вместе с тем институты задают не только основу для принятия решений с рациональных позиций. Они определяют также систему культурных категорий, предписаний и запретов, формирующих репертуар уместных действий, которые могут не быть рациональными с точки зрения критерия максимизации полезности, но позволяют государствам быть членами международного общества и поддерживать соответствующую идентичность. Существенную роль в усвоении правил и норм взаимодействия играет членство государств в международных организациях. Иначе говоря, институты предполагают существование ментальных моделей, которые способствуют воспроизводству установленных правил и норм¹⁴⁹.

Теоретики международного общества стремились подчеркнуть значимость социального каркаса, лежащего в основе взаимодействия государств. Этот каркас, состоящий из норм, правил и институтов, представляет самостоятельную ценность, которую стремятся сохранить члены международного общества. Однако понятие общества предполагает, что государственные деятели несут ответственность не только за благополучие государств, от имени которых они выступают на международной арене. На них возложены и внешние обязательства, обусловленные необходимостью выполнять правила, соблюдать нормы международных институтов.

¹⁴⁸ Krasner S. *Defending the National Interest*. Princeton, 1978. P. 2.

¹⁴⁹ Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. *Theories of International Regimes*. Cambridge, 1997.

Институциональный подход к рассмотрению сущности международного общества позволяет описать его посредством основных измерений социальной структуры: нормативного, интеракционного и идеального. Вместе с тем стратификационному компоненту отношений между государствами в пределах международного общества уделяется меньше внимания¹⁵⁰. Это объясняется тем, что государства традиционно рассматриваются в качестве равноценных участников международных отношений. Однако практика позволяет выявить неравенство статусов государств.

Великие державы занимают особое место в мировой политике не только в силу материальных возможностей, но и благодаря престижу, которым их наделяют другие государства, а также статусу в международных институтах. Эта и другие статусные позиции – «региональная держава», «государство-изгой», «государство-клиент», «несостоявшиеся государства», а также существование «сфер влияния», «экономических зон», «неформальных империй» позволяют сделать вывод о разнообразии *иерархических отношений* между странами. При этом положение государства в международной иерархии находит отражение и в практиках реализации норм, и в паттернах построения отношений, и в ментальных моделях.

Особый интерес представляет статусная позиция великой державы.

Какое государство можно считать великой державой? Очевидно, что эта позиция определяется по ряду оснований. Наряду с военной и экономической мощью, демографическими и территориальными характеристиками, авторитетом в международных организациях, существуют, по нашему мнению, и более информативные признаки, позволяющие понять специфику статуса «великой державы».

Во-первых, такие государства не только обладают значительными военными, дипломатическими, политическими, экономическими, демографическими и интеллектуальными ресурсами, но и активно *применяют* их для реализации национальных интересов. В связи с этим Ч. Краутхаммер полагает, что государства, которые

¹⁵⁰ Buzan B., Albert M. Differentiation: A sociological approach to international relations theory // European Journal of International Relations. 2010. Vol. 16, N 3. P. 316.

располагают подобными ресурсами, но не используют их или делают это в составе коалиций, возглавляемых другими странами, не могут считаться великими державами¹⁵¹.

Во-вторых, у великих держав есть *глобальные интересы*, которые выходят далеко за пределы собственных границ и региона. Например, анализ динамики образа США, сконструированного американскими президентами в 1949–2009 гг. в инаугурационных речах¹⁵², позволяет зафиксировать, что в ролевой концепции США обязательства внешнеполитической направленности устойчиво доминируют над внутривнутриполитическими задачами, то есть обязательства США позиционируются как имеющие «планетарный характер». Например, Г. Трумэн в инаугурационной речи 1949 г. отмечал, что США должны определить ключевые принципы изменений, которых ждет весь мир: «Сегодняшний день знаменует начало не только работы новой администрации, но и периода, который будет наполнен событиями, возможно решающими для нас и для всего мира. Может быть, нам суждено пережить и во многом приблизить коренной поворот в долгой истории человеческой расы. В эту пору сомнений они [народы земли] сильнее, чем когда-либо прежде, ждут от Соединенных Штатов благонамеренности, силы и мудрого руководства»¹⁵³. В инаугурационной речи Р. Никсона 1973 г. провозглашается задача обеспечения мира на Земле: «Без Америки мира не будет...»¹⁵⁴. Дж. Буш-мл. в инаугурационной речи 2005 г. поставил перед страной задачу оказывать поддержку демократическим движениям

¹⁵¹ Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990–1991. Vol. 70, N 1. P. 23–24.

¹⁵² Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях: 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006; Смирнова А. Г. Образ США в инаугурационной речи Дж. У. Буша 2005 г. // Социальная психология XXI столетия: материалы международной научной конференции. Т. 2. Ярославль, 2005; Киселев И. Ю. Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Москва 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 205.

¹⁵³ Трумэн Г. Инаугурационная речь // Инаугурационные речи президентов США / общ. ред. Э. А. Иваняна. М., 2001. С. 404–411.

¹⁵⁴ Никсон Р. Инаугурационная речь 1973 г. // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. С. 452.

и институтам за рубежом с целью покончить с тиранией по всему миру¹⁵⁵. Даже Б. Обама, который включил в ролевую концепцию США преимущественно внутренние задачи, отмечает, что «Америка должна сыграть свою роль в наступлении новой эры мира»¹⁵⁶.

В-третьих, приведенные цитаты позволяют также сделать вывод о том, что, наряду с глобальными интересами, у великой державы есть и целостная стратегия, позволяющая их реализовать. Она представляет собой «глобальное видение и систему операциональных принципов, конструирующих внешнюю политику великих держав»¹⁵⁷.

В-четвертых, статус великой державы позволяет государствам создавать международные институты, устанавливая нормы, которые поддерживают на международной арене статус-кво, обеспечивающий их военную и экономическую мощь¹⁵⁸. Великие державы фактически выступают «творцами норм», при этом следя за тем, чтобы установленные правила игры позволяли сохранять их преимущества перед другими игроками.

Другую статусную позицию в международной иерархии занимают государства, которые располагают существенными ресурсами и могуществом для того, чтобы занимать лидирующее положение, однако не достигают его. Их статусная позиция – промежуточная между великими и малыми державами. К категории государств, занимающих подобную статусную позицию, можно отнести Германию, Францию, Великобританию, Австралию, Канаду и ряд других государств. Л. Ник описывает их внешнеполитическую стратегию как сопряженную с оказанием поддержки инициативам великих держав¹⁵⁹. В свою очередь, Ч. Краутхаммер уточняет специфику их внешнеполитической деятельности. Он полагает, что в международных делах подобные государства довольно пассивны и для активизации их деятельности нуждаются в давлении со стороны США¹⁶⁰.

¹⁵⁵ *George W. Bush 2nd inaugural address*. URL:http://www.msnbc.msn.com/id/6848112/ns/politics-george_w_bush_the_second_inaugural/t/george-w-bush-nd-inaugural-address/

¹⁵⁶ *President Barack Obama's Inaugural Address*. Wednesday, January 21st, 2009. URL:<http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>

¹⁵⁷ *Neack L. The New Foreign Policy...* P. 143.

¹⁵⁸ *Ibid.* P. 142.

¹⁵⁹ *Ibid.* P. 154.

¹⁶⁰ *Krauthammer C. The Unipolar Moment*. P. 25.

Ученый представил подобную характеристику этой категории стран в самом начале 1991 г. Однако ситуация на сегодняшний день кардинально не изменилась. Например, вице-президент США Дж. Байден признал, что США были вынуждены «надавить» на Европу для введения режима санкций против России¹⁶¹. В. Г. Барановский находит объективные условия для повышения востребованности лидерства для организации коллективных усилий с целью разрешения международных проблем. В то время как в период биполярности границы коалиций определялись принадлежностью к «своей» или «чужой» группам, организованным по принципу поддержки социалистических или капиталистических ценностей, «сегодня же такого “автоматического” формирования коалиции “за” или “против” определенного международного проекта не происходит»¹⁶². Как следствие, единственной великой державе приходится прилагать усилия для мобилизации своих союзников.

Без сомнения, некоторые из этих государств способны выступать с инициативными предложениями в сфере внешней политики. Однако их масштаб уступает тем решениям, которые принимают великие державы. И в то же время у этих стран есть своя внешнеполитическая «ниша». По мнению Л. Ник, их деятельность связана с посредничеством, миротворческими операциями, действиями по выработке консенсуса между игроками¹⁶³. Потенциал для подобной деятельности связан с их промежуточным положением между великими и малыми державами. С одной стороны, они, как и малые государства, ограничены в способности устанавливать «правила игры» на международной арене. Эта функция принадлежит преимущественно великим державам. С другой стороны, они обладают существенно бóльшим влиянием, чем малые страны, а также моральным авторитетом, который произрастает из их культуры.

Категория *малых стран* – самая многочисленная и неоднородная. Однако им свойственна общая черта, позволяющая отнести их

¹⁶¹ Ваньков В. «Барак – Двенадцать Процентов». Президент США пролил санкции против РФ, на которых уже заработал стране миллиарды долларов. 5 марта 2015 г. URL:<http://svpressa.ru/economy/article/114651/>

¹⁶² Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Ч. III. Функционирование международной системы // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 148–158; С. 150.

¹⁶³ Neack L. The New Foreign Policy... P. 163.

к одной категории. Они характеризуются ограниченными возможностями для проведения независимой внешней политики, направленной на реализацию национальных интересов. Вместе с тем, как подчеркивают Д. Бобров и С. Чан, некоторые из этих стран более могущественные, чем другие, поскольку смогли занять определенное место в стратегических концепциях, доктринах своих могущественных союзников¹⁶⁴. Например, Израиль упрочил свое влияние в регионе благодаря особым отношениям с США.

Дифференциация трех категорий государств основывается преимущественно на измерении их могущества. Вместе с тем применение конструктивистского подхода к анализу поведения государств позволяет утверждать, что международная система развивается в результате действий отдельных стран, их взаимодействия друг с другом. Как следствие, необходимо обратить внимание на статусные позиции государств, которые не столько воспроизводят сложившуюся социальную структуру, сколько создают ее. В частности, внимания заслуживает категория *растущих держав*. Ее появление связано как раз с переосмыслением структуры современной международной системы. На современном этапе она характеризуется «перенапряжением сил США и ростом остальных, которые изменили мировой баланс влияния»¹⁶⁵.

К такой категории стран относят прежде всего Китай и Индию, которые наращивают влияние в глобальном масштабе, а также Бразилию, Россию, страны Персидского залива и ЮАР, имеющие преимущественно региональное влияние. Э. Харт и Б. Джонс выделяют следующие общие черты, свойственные таким государствам. Во-первых, это растущая экономическая мощь. Во-вторых, относительно высокий уровень военных и политических ресурсов. В-третьих, стремление играть более важную роль в мировых делах. В-четвертых, они используют влияние для того, чтобы «оспорить легитимность послевоенного порядка, призывая к более плюралистическим и многополярным концепциям»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Bobrow D. B., Chan S. Simple Labels and Complex Realities: National Security for the Third World // National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats / ed. by E. E. Azar and Chung-in Moon. Aldershot, 1988. P. 56–57.

¹⁶⁵ Харт Э., Джонс Б. Как укрепляются растущие державы? // Вестник международных организаций. 2011. № 2 (33). С. 11.

¹⁶⁶ Там же. С. 12–13.

Значимость описания этой группы стран объясняется тем, что она позволяет осмыслить стратификационное измерение структуры международной системы и отражает неравенство статусных позиций государств, обусловленное их могуществом не только в системе вертикальной, но и горизонтальной стратификации. В большинстве своем, относясь к категории средних держав, растущие державы отличаются от западных стран, принадлежащих к этой же страте. Как полагают Э. Харт и Б. Джонс, «растущие державы никогда не были в полной мере интегрированы в послевоенный мировой порядок»¹⁶⁷. Сказанное справедливо, если учесть, что почти все перечисленные государства входили в движение неприсоединения либо в качестве активных членов, либо в статусе наблюдателей. Принимая во внимание, что наиболее масштабные международные процессы протекали при участии стран Организации Североатлантического договора (НАТО) и Организации Варшавского договора (ОВД), внеблоковый статус этих государств лишил их и активного участия в международных делах. Это обстоятельство способствовало снижению уровню могущества данных государств.

Отмеченная особенность растущих держав, связанная с их стремлением переосмыслить сложившийся мировой порядок, позволяет сделать вывод о существовании различий между государствами по уровню приверженности сложившимся нормам, регулирующим международное взаимодействие.

Неравенство позиций государств в русле нормативного измерения системы международных отношений отражает и существование «государств-изгоев». В качестве таковых называют Иран, Ирак, Сирию и Северную Корею, которые располагают значительными вооруженными силами, спонсируют или сами практикуют международный терроризм, а также создают или пытаются приобрести оружие массового уничтожения¹⁶⁸. Однако понятие изгоя указывает скорее на их социальную позицию в сообществе других стран. А. Лейк, с именем которого связывают описание этой категории государств (названных им мракобесными государствами¹⁶⁹), харак-

¹⁶⁷ Харт Э., Джонс Б. Как укрепляются растущие державы? С. 14.

¹⁶⁸ Tanter R. Rogue Regimes: Terrorism and Proliferation. New York, 1999. P. VII.

¹⁶⁹ Бартенев В. Концепция государств-изгоев во внешней политике США // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 19. С. 84–92.

теризует их как склонных к агрессивному, дерзкому и вызывающему поведению, противоречащему международным нормам. Кроме того, по мнению эксперта, они своими действиями стремятся «изолировать себя от глобальных тенденций, к которым не способны адаптироваться»¹⁷⁰. Отмеченные особенности позволяют рассматривать такие государства как девиантные¹⁷¹ и даже, более того, как исключенные из сложившейся социальной системы.

Таким образом, государства как участники системы международных отношений занимают в ней социальные позиции, содержание которых составляют: 1) *роли*, исполняемые государствами на арене мировой политики в соответствии с установленными нормами, правилами в русле действующих институтов; 2) *социальный статус*, отражающий положение государства в международной иерархии; 3) *паттерны построения отношений* с разными категориями государств; 4) ментальные модели социальных феноменов и процессов.

Особенности социальной позиции государства отражены в его образе. Сказанное справедливо в первую очередь в отношении статусного и ролевого компонентов. Как подчеркивает Д. Блени, «конструирование образа государства в межгосударственных отношениях требует, чтобы он соответствовал ключевым принципам и практикам сообщества государств»¹⁷². При этом определение позиции государства, которая отражена в его образе, осуществляется с учетом «обратной связи» от других участников международных отношений, а иногда напрямую от нее зависит.

¹⁷⁰ *Lake A. Confronting Backlash States // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, N 2. P. 45–55.*

¹⁷¹ *Бартнев В. И. «Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях // Социология и психология международных отношений и геополитики / отв. ред. А. Г. Дугин. Ярославль, 2010. С. 5–15.*

¹⁷² *Blaney D. Equal Sovereignty and an African Statehood: Tragic Elements in the African Agenda in World Affairs // Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations / ed. by M. Cottam, Chih-yu Shih. New York, 1992. P. 212–213.*

3.5. Структуризация социального пространства угрозы

Рассмотренные в разделах 3.3–3.4 основные направления социальной обусловленности образа государства на национальном и международном уровнях позволяют сделать вывод, что угроза возникает не просто в результате восприятия государствами друг друга и формирования образов под влиянием когнитивных, аффективных и мотивационных факторов. Угроза может рассматриваться как социальный конструкт, который формируется в условиях развития отношений между государствами. Конструирование угрозы осуществляется различными субъектами: обычными гражданами, группами интересов, СМИ, представителями политической элиты. Однако внешние угрозы в сфере внешней политики осмысливает преимущественно политическое руководство, выступающее от имени государства на международной арене и формирующее образ, в котором отражены характеристики социальной позиции государства в международной системе.

В связи с этим можно предположить, что процесс конструирования угрозы предполагает структуризацию социального пространства межгосударственных отношений с точки зрения интеракционного, стратификационного, нормативного и идеального измерений. При этом процесс структуризации предполагает воспроизводство сложившихся институтов либо создание новых.

Рассмотрим содержание этого процесса.

Согласно наиболее распространенному определению угрозы, она представляет собой намерение причинить вред субъекту, если он не будет вести себя так, как предписывает ему угрожающий¹⁷³. Приведенное определение позволяет заключить, что структуризация угрозы в сфере внешней политики происходит прежде всего в соответствии с *интеракционным измерением*.

Взаимоотношения государств могут развиваться в соответствии со сценарием подчинения угрозе. Иначе говоря, государство, в отношении которого направлена угроза, может выполнить предъявленное требование изменить поведение. В этом случае, как подчеркивает

¹⁷³ Hovi J. Games, Threats and Treaties: Understanding Commitments in International Relations. London; Washington, 1998. P. 11; Milburn T. W., Watman K. H. On the Nature of Threat: A Social Psychological Analysis. New York, 1981. P. 8.

К. Боулдинг, угроза выступает «сильным социальным организатором»¹⁷⁴, но только если она «легитимна»¹⁷⁵ и соответствует совершенному проступку.

Ответом на угрозу может служить *сопротивление* государства выдвигаемым требованиям изменить поведение. Такой паттерн интеракции обладает особенностью, которая связана с характеристиками угрозы. Как подчеркивает Т. Шеллинг, угроза всегда содержит возможность того, что намерения причинить вред не будут реализованы. В частности, он определяет реализацию этого намерения как средство, используемое лишь в крайних обстоятельствах¹⁷⁶, поскольку применение обещанного наказания обернется потерями для обоих субъектов¹⁷⁷. Однако если угроза не будет реализована, то впредь она утратит свою достоверность и перестанет выполнять отмеченную выше функцию социальной организации. Следовательно, дальнейшее развитие отношений зависит от того, какие потери расцениваются как наиболее значимые для безопасности государства.

В качестве реакции на предъявленное требование изменить поведение может выступать и *ответная угроза*, то есть отношения между участниками взаимодействия развиваются в соответствии с формулой, «если ты сделаешь что-то плохое мне, то я причиню вред тебе». На основе подобного механизма «сдерживания» выстроены, например, меры предупреждения противоправного поведения, противоречащего достигнутому договоренностям. В практике межгосударственных отношений подобный обмен угрозами лежал в основе доктрины «взаимного гарантированного уничтожения» в период «холодной войны». Особенность такой социальной системы заключается в ее нестабильности по причине того, что со временем достоверность угроз, не подтвержденных наказанием,

¹⁷⁴ Boulding K. E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53, N 2. P. 427.

¹⁷⁵ Ibid. P. 428.

¹⁷⁶ Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007. С. 53.

¹⁷⁷ Реализация наказания обернется потерями не только для субъекта, в отношении которого направлена угроза, но и для субъекта, от которого она исходит. В частности, для последнего они могут быть связаны как с затратой материальных ресурсов на исполнение наказания, так и с переживанием негативных эмоций, утратой дружественных отношений и т. д.

снижается. Поэтому обещания причинить вред в ответ на несоответствующее поведение должны время от времени подтверждаться практикой с целью повышения их достоверности.

Выбор стратегии реагирования на ситуацию внешней угрозы может быть обусловлен психологическими факторами: ошибками восприятия, переживаемыми эмоциями, стремлением «сохранить лицо» и др. Вместе с тем он также определяется и теми социальными позициями, которые занимают взаимодействующие государства в международной системе. В результате анализ социального пространства угрозы, структурированного только в соответствии с интеракционным измерением, сопряжен с ограничениями. Угроза далеко не всегда присутствует в явной форме. Часто намерения причинить вред не выказываются открыто. Более того, существует категория угроз, которые важно антиципировать и предотвратить, прежде чем возникнет намерение. Как следствие, государство, в отношении которого направлены враждебные намерения, должно их распознать и оценить достоверность. В подобных ситуациях отсутствие прямого взаимодействия не позволяет в полной мере опереться на реакции оппонента. В результате им приходится задействовать другие сведения о государствах, в частности об их статусе в системе социального неравенства, а также учесть нормативный аспект взаимодействия.

Таким образом, социальное пространство угрозы структурировано также в соответствии *со стратификационным и нормативным измерениями*.

Стратификационное измерение угрозы может быть раскрыто как на национальном, так и международном уровнях посредством обращения к понятию силы в двух значениях – как могущества и как возможности оказывать влияние за счет обладания властью. В частности, стратификационный компонент угрозы находит отражение в неравном распределении ресурса власти между государством, выражающим намерение причинить вред, и государством, в отношении которого это намерение направлено. Существование угрозы, как правило, ассоциируется с концентрацией могущества в руках первого и уязвимостью второго.

Д. Болдвин определяет могущество как такое положение актора при установлении социальных отношений, которое позволит ему,

несмотря на сопротивление, осуществить свои желания независимо от того, на чем основывается подобная возможность¹⁷⁸. В связи с этим наличие ресурсов для причинения ущерба рассматривается в качестве основной составляющей угрозы наряду с намерением причинить вред.

Существует ряд подходов к измерению могущества государства, от которого исходит угроза. При этом их разнообразие обусловлено трудностями в выработке операционального определения могущества¹⁷⁹, которое служило бы основанием для ранжирования государства по одному общему критерию.

Обзор исследований позволяет сделать вывод, что могущество государств определяется главным образом показателем валового национального продукта, демографическими характеристиками и уровнем военных расходов¹⁸⁰. При этом отмеченные показатели рассматриваются как дополняющие друг друга. Например, индекс потенциала международного влияния государств, разработанный российскими учеными, включает расходы на оборону, долю в уставном капитале МВФ, долю в мировом экспорте, долю в мировом ВВП, факторы усиления мирового влияния¹⁸¹, долю в финансировании ООН, численность регулярной армии, численность населения¹⁸². Значимость некоторых отмеченных факторов подтверждается результатами эмпирических исследований. Например, Н. Алкок и А. Дж. Ньюком делают вывод, что если государства не воевали друг с другом в последние годы, то оценка их могущества зависит

¹⁷⁸ *Baldwin D. A. Power and International Relations // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. A. Simmons. London; New Delh, 2002. P. 180.*

¹⁷⁹ *Ibid. P. 181.*

¹⁸⁰ См., напр.: *Kingsley D. The Demographic Foundations of National Power // Freedom and Control in Modern Societies / ed. by M. Berger, T. Abel, Ch. H. Page. New York, 1954. P. 206–241; Organski A. F. K. World Politics. N.Y., 1958; Merrit R. L., Zinnes D. A. Validity of Power Indices // International Interactions. 1988. Vol. 14, N 2. P. 5–49.*

¹⁸¹ К ним относятся: постоянное членство в СБ ООН, членство в Парижском клубе стран-кредиторов, наличие ядерного оружия, наличие авиации 4-го и выше поколений, Нобелевские премии (не менее 10), постоянное размещение за рубежом военных контингентов (Опыт классификации стран / А. Ю. Мельвилл [и др.] // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 20).

¹⁸² Там же.

от величины валового национального продукта и уровня военных расходов. В свою очередь, если государства находятся в состоянии войны, воспринятый уровень могущества определяется показателем военных расходов¹⁸³.

Однако практика показывает, что критерий военных расходов не позволяет с точностью определить расстановку сил на мировой арене. Например, в соответствии с индексом потенциала международного влияния, достоверные угрозы могут исходить от стран-лидеров, к категории которых, по мнению разработчиков индекса, относятся «страны “Большой восьмерки” (без Канады) плюс Китай <...> За ними следуют другие лидеры регионального и/или “отраслевого” (финансового, политического, идеологического) влияния – КНДР, Нидерланды, Турция, Бельгия, Республика Корея, Бразилия, Пакистан и др.»¹⁸⁴. В то же время наиболее актуальными представляются угрозы, исходящие от государств, которые не обладают ни «весом» в мировой экономике и торговле, ни политическим авторитетом. Так, в начале 2000-х годов А. Кордесман, анализируя результаты работы комиссии Д. Рамсфельда, основная задача которой заключалась в оценке угроз, направленных против США, отмечает, что в отчете этой комиссии особое внимание уделяется угрозам от стран-изгоев, обладающих возможностью создания и использования межконтинентальных баллистических ракет. Однако детального освещения не получили возможные угрозы, исходящие от России и Китая¹⁸⁵. Иначе говоря, наблюдаются диспропорции в оценках: угрозы, исходящие от могущественных государств, рассматриваются как менее значимые по сравнению с угрозами от Северной Кореи, Ирана, Сирии, Ливии.

В целом, принимая во внимание перечисленные показатели могущества, можно предположить, что если намерение причинить вред исходит от экономически сильного государства, обладающего существенными военными, интеллектуальными, демографическими и другими ресурсами, то угроза расценивается как достоверная.

¹⁸³ Alcock N. Z., Newcombe A. G. The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution. 1970. Vol. 14, N 3. P. 342.

¹⁸⁴ Опыт классификации стран. С. 20.

¹⁸⁵ Cordesman A. H. Strategic Threats and National Missile Defense: Defending the US Homeland. Westport, 2002. P. 19.

Вместе с тем особенности оценки угрозы, отмеченные в исследовании А. Кордесмана, позволяют акцентировать внимание на ситуации «властной асимметрии», когда слабые государства с точки зрения «материальных» показателей могущества и негосударственные акторы представляют угрозу для влиятельных стран¹⁸⁶. Как следствие, существование угрозы подчас ассоциируется с действиями менее могущественных акторов.

Наличие подобных асимметрий обуславливает постановку проблемы *средств реализации власти*. Традиционно при изучении международных отношений внимание уделялось военной силе. Однако такой подход вряд ли можно считать обоснованным. Как отмечает Д. Болдуин, хотя война представляет собой важный феномен, значимость военной силы была преувеличена, в то время как невоенные формы власти оказались недооцененными, а сама сфера международных отношений – «обедненной обособлением от изучения других форм власти»¹⁸⁷. Подобное упущение компенсируется за счет акцентирования значимости нематериальных ресурсов власти, таких как знание¹⁸⁸, репутация¹⁸⁹, символический, социокультурный капитал¹⁹⁰, статусные позиции в контексте какого-либо института¹⁹¹.

В качестве примера нематериального ресурса власти может служить понятие «мягкой силы», введенное Дж. Наем, посредством которого ученый обозначил способность субъекта «убедить других захотеть то, чего хочешь ты»¹⁹². Иначе говоря, мягкая сила – это сила притяжения, действующая за счет привлекательности культуры,

¹⁸⁶ См., напр.: *Barnett R. W. Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to US Military Power*. Washington (DC). 2003.

¹⁸⁷ *Baldwin D. A. Power and International Relations*. P. 184.

¹⁸⁸ *Haas E. When Knowledge is Power. Three Models of Change in International Organizations*. Berkeley, 1990; *Knowledge, Power, and International Policy Coordination* / ed. by P. Haas. Columbia, 1997.

¹⁸⁹ *Sartori A. E. Deterrence by Diplomacy*. Princeton, 2005.

¹⁹⁰ *The Power of Persuasion: Dual Components of US Leadership*. The Conversation with J. Nye // *Harvard International Review*. 2003. Winter. P. 46–48.

¹⁹¹ *Chafetz G. The Political Psychology of Nuclear Nonproliferation Regime* // *The Journal of Politics*. 1995. Vol. 57, N 3. P. 743–775.

¹⁹² *Nye J. S. Bound to Lead: Changing Nature of American Power*. New York, 1990. P. 31–32.

ценностей, таких как демократия и права человека, а также политических программ, которые учитывают интересы других¹⁹³. При этом ученый подчеркивает, что «в информационный век “мягкая” сила становится даже более важной, чем раньше»¹⁹⁴.

Важность этого понятия заключается в том, что оно позволяет не только показать значимость нематериальных ресурсов власти, но и продемонстрировать их социальную природу. «Мягкая сила» определяется значимостью ценностей для самих широких слоев общества, уровнем доверия граждан институтам и готовностью воспроизводить образцы культуры. Иначе говоря, ресурс мягкой силы не контролируется исключительно государственными институтами. Как следствие, государства, которые не обладают могуществом в традиционном понимании этого термина, могут оказывать влияние на другие страны и восприниматься как возможные источники угрозы.

Значимость *репутации* в качестве фактора восприятия угрозы раскрыта в исследовании Т. Сечсера¹⁹⁵. Ученый исходит из того, что в ситуации угрозы взаимодействующие государства думают о будущем. Это обстоятельство вносит коррективы в восприятие угрозы. Во-первых, страна, в отношении которой направлена угроза, в случае повиновения опасается выдвижения повторных требований. В связи с этим, чем более могущественный соперник, тем больше у нее причин сопротивляться угрозам из соображений репутации. Во-вторых, взаимодействующие государства стремятся собрать максимально достоверную информацию о решимости друг друга не только противостоять угрозам, но и реализовать на практике обещанное наказание. В подобных обстоятельствах сторона, высказывающая намерения причинить вред, идет на риск угрозы войны. Впоследствии, дорожа репутацией, она вынуждена в случае неповиновения оппонента использовать военную силу. В свою очередь, государство, которое отказывается подчиниться угрозам из соображений репутации, должно быть готово к отражению направленной против него агрессии.

¹⁹³ The Power of Persuasion... P. 46.

¹⁹⁴ Nye (Jr.) J. The American National Interests and Global Public Goods // International Affairs. 2002. Vol. 78, N 2. P. 238.

¹⁹⁵ Sechser T. Winning without Fight: Power, Reputation, and Compellent Threats in International Crises: Diss. of Doctor of Philosophy. Stanford, 2007. P. V.

Таким образом, дифференциация государств по показателю силы, которую определяют как материальные, так и нематериальные ресурсы, представляет собой значимый параметр конструирования угрозы. Вместе с тем влияние стратификационного изменения более глубокое и связано не только с уровнем могущества государства как таковым. Положение государства в социальной иерархии определяет также *специфику угроз*, которым оно наиболее подвержено, а также *готовность* этого государства *применять угрозы* для реализации своих интересов.

Например, статус *великой державы* предполагает, что в ситуации угрозы такое государство вероятней всего выступит в качестве субъекта, от которого исходят намерения причинить вред, нежели объекта нападения. Более того, как подчеркивает Л. Ник, великие державы не только распознаются по их готовности использовать силу, они появляются благодаря ей¹⁹⁶. Что касается специфики угроз, то, учитывая особый статус великих держав в качестве «творца норм», можно предположить, что они особенно восприимчивы к угрозам, которые способны поставить под сомнение их положение в международной системе, а также оспорить тот мировой порядок, который позволяет им находиться на самой вершине международной иерархии. Как следствие, великие державы в качестве своих основных оппонентов рассматривают растущие державы, которые, как отмечалось ранее, стремятся предложить свое альтернативное видение мирового порядка. Например, США ставят перед собой задачу осуществлять мониторинг военной модернизации Китая, чтобы предотвратить негативные последствия для реализации интересов США и их союзников в регионе и глобальном масштабе¹⁹⁷. Кроме того, опасения вызывают и государства-изгои, которые «выпадают» из установленного порядка, игнорируют его.

В связи с этим великие державы по определению предрасположены к использованию силы. Это обстоятельство повышает достоверность исходящих от них угроз, которые могут использоваться и как инструмент сдерживания, и как средство принуждения.

¹⁹⁶ Neack L. The New Foreign Policy... P. 137.

¹⁹⁷ National Security Strategy. 2010. May. P. 43. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

При этом важно подчеркнуть, что великие державы используют разнообразные средства оказания влияния, в том числе и «мягкую» силу, опираются на свою репутацию.

Статусная позиция *средних держав* также позволяет описать ряд особенностей восприятия угрозы. Как отмечалось в разделе 3.4, их статус и роли связаны с поддержанием мирового порядка, в котором они хотя и не находятся на самой вершине, но занимают достаточно высокое положение. Как подчеркивает Л. Ник, они никогда не выступали в качестве государств-ревизионистов и поддерживали установленный статус-кво¹⁹⁸. В связи с этим можно ожидать, что они так же, как и великие державы, чувствительны к угрозам, способным поставить под сомнение сложившийся мировой порядок. При этом в качестве источника опасности могут рассматриваться не только растущие державы и государства-изгои, но и лидирующие государства.

Малые державы зачастую выступают объектом угроз. Этот вывод подтверждают и результаты эмпирических исследований: в XX веке 47,1 % случаев применения угрозы как средства принуждения приходится на взаимодействие более влиятельного и менее влиятельного государств. Лишь 6,6 % угроз исходили от слабого государства к более сильному¹⁹⁹. Однако можно предположить, что если малое государство рассматривается в качестве «изгоя», то ему зачастую приписываются враждебные намерения, несмотря на объективно низкие показатели могущества.

Понятие силы в рассмотренных значениях могущества и власти позволяет установить связи стратификационного и *нормативного* измерений социального пространства угрозы.

Нормативное измерение угрозы может быть раскрыто посредством обращения к *структурному* в противовес индивидуальному пониманию власти²⁰⁰. Возможности оказывать влияние связаны не только с внутренними ресурсами актора, но и с воздействием социальной среды, т. е. институтов и практик, в контекст которых встроены властные отношения. Важно отметить, что социальная среда не только

¹⁹⁸ Neack L. The New Foreign Policy... P. 166.

¹⁹⁹ Sechser T. S. Militarized Compellent Threats, 1918–2001 // Conflict Management and Peace Science. 2011. Vol. 28, N 4. P. 387.

²⁰⁰ См.: Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. 2005. Vol. 59, N 1. P. 39–75.

позволяет реализовать возможности по принуждению к определенному действию, как в случае апелляции субъекта к нормам права, но также и служит обоснованием необходимости подчиниться власти.

Значимость существования структурной власти для осмысления угрозы заключается в том, что она позволяет отделить угрозу от ситуации конфликта. Фактически применение этого понятия дает основания предположить, что власть институтов, социальных конвенций, практик проявляется, даже если участники не находятся в ситуации открытой конфронтации. Такое обстоятельство дает основание говорить о существовании *структурных угроз*, воздействие которых возможно в случае отсутствия явного субъекта, от которого исходит намерение причинить вред. Примером служит ситуация возникновения «дилеммы безопасности», суть которой состоит в том, что наращивание государством вооружений в оборонительных целях воспринимается другими участниками международных отношений в качестве угрозы, даже если оно не имеет враждебных намерений. В результате можно заключить, что в процессе познания угрозы государство принимает во внимание не только возможности и намерения актора, который способен причинить вред, и свою уязвимость перед возможной опасностью, но и особенности институтов и практик, определяющих характер межгосударственных отношений. Существование структурной власти позволяет объяснить случаи восприятия угрозы в отсутствие компонента намерения и рассматривать как обоснованное проспективное видение опасностей. Таким образом, организующее воздействие угрозы в ее нормативном измерении выходит за пределы регуляции отношений между государствами в конкретный момент времени.

Кроме того, значимость нормативного измерения находит отражение и в том, что угрозы подчас приводят к коренному изменению жизни общества, созданию институтов, способствующих выработке новых образцов мышления и поведения. Фактически имеет место «институционализация страха»²⁰¹, возникающего в ответ на восприятие угрозы. Этот процесс проявляется в трех сферах.

²⁰¹ Crawford N. C. The Institutionalization of Fear in US Foreign Policy: Paper presented at the International Studies Association Annual Meeting, Montreal, Canada. March, 2004. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/7/4/5/9/pages74593/p74593-1.php

Во-первых, он находит отражение в выработке определенного отношения к другим социальным общностям, государствам, а также к миру в целом. Подобные установки на уровне организации обуславливают особенности сбора и оценки информации, касающейся источника угрозы. Например, новая волна распространения ядерного оружия привела к повышению важности информации об успехах развития ядерных программ конкретных государств.

Во-вторых, страхи приводят к утверждению военных доктрин, предполагающих применение новых технологий и стратегий. Их основная задача заключается в том, чтобы уменьшить страх, возникающий в ответ на восприятие угрозы.

В-третьих, негативные эмоции способны привести к изменению отношений с государством, которое рассматривается в качестве источника угрозы. В результате может быть введен запрет на посещение страны, ограничено или даже прекращено взаимодействие в политической, экономической, культурной сферах, разорваны дипломатические отношения. Фактически угрозы обуславливают появление новых институтов и приводят к изменению поведения.

Значимость нормативного измерения структуры общества для определения существования угроз и выработки мер по противодействию им объясняется тем, что соблюдение установленных правил и норм воспринимается как возможность победить страх смерти – одну из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия²⁰². В свою очередь, угрозы, нарушающие установленный порядок, приводят к появлению страха смерти, повышению тревожности.

Тревога снижается за счет подчинения жизни отдельных индивидов и общества в целом системе правил и норм, соблюдение которых способствует устранению опасностей для жизни. В частности, результаты эмпирических исследований позволяют сделать вывод, что в ситуации угрозы жизни у индивидов наблюдается рост положительных аттитудов в отношении тех, кто поддерживает

²⁰² См., напр.: *Gordon C., Arian A. Threat and Decision-Making // The Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45, N 2. P. 196–215; Suppression, Accessibility of death-related thoughts and cultural world-view defense: Exploring the Psychodynamics of terror management / J. Arndt [et al] // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. N 73. P. 5–18.*

сложившийся в обществе образ жизни. Одновременно увеличивается количество негативных оценок и поведенческих реакций к тем, кто нарушает социальный порядок. Например, А. Розенблатт, Дж. Гринберг и другие ученые в своих исследованиях продемонстрировали, что судьи, которых просили сконцентрироваться на размышлениях о своей смерти, высказывали более негативные утверждения, характеризующие проституцию, нежели те судьи, которые не думали о проблемах жизни и смерти²⁰³.

Как следствие, нарушение правил и норм, в том числе и в сфере межгосударственных отношений, расценивается как угроза²⁰⁴. В этом контексте конструирование угрозы связано с предвосхищением возможных потерь в будущем, возникновение которых обусловлено нарушением норм и правил, регламентирующих взаимодействие государств.

В качестве примера исследований, раскрывающих этот аспект познания угрозы, можно привести работы Р. Коэна²⁰⁵. Проанализировав ряд ситуаций восприятия угрозы разными государствами, ученый сделал вывод, что во всех случаях в качестве релевантных показателей угрозы, воспринятых политическими лидерами, выступали «злоупотребление доверием или совершение противозаконных действий – нарушение, в некотором смысле, – правил игры, которые управляют отношениями между странами»²⁰⁶. Полученные результаты позволили ученому высказать предположение, что суть процесса познания угрозы есть «антиципация, предвидение будущего»²⁰⁷, а точнее, предвосхищение возможных потерь в будущем, возникновение которых обусловлено нарушением другим государством норм, правил и договоренностей, регламентирующих отношения в конкретной сфере. При этом акторы могут придавать

²⁰³ Evidence for Terror Management Theory: I. The effect of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values / A. Rosenblatt [et al] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. N 57. P. 681–690.

²⁰⁴ *Cohen R. Threat Perception in International Crisis // Political Science Quarterly*. 1978. Vol. 93, N 1. P. 100.

²⁰⁵ *Ibid.* P. 93–107; *Cohen R. Threat Perception in International Crisis*. Madison, 1979. 231 p.

²⁰⁶ *Cohen R. Threat Perception in International Crisis // Political Science Quarterly*. P. 100.

²⁰⁷ *Ibid.* P. 101.

значение нарушению не только правил и норм, зафиксированных в официальных документах, но и неформальных практик.

Сложившаяся институциональная структура способствует выработке системы значений, которые позволяют осмыслить социальные факты и выявить новые источники опасности. Сформировавшиеся значения, которые отражены в системе понятий, концепциях, документах, составляют *идеальное измерение угрозы*.

Ключевые понятия, описывающие состояние безопасности / небезопасности, такие как «война», «мир», «угроза», не остаются неизменными во времени, трансформируясь в зависимости от культурного и исторического контекста, в котором они представлены²⁰⁸. Например, традиционное понимание безопасности как отсутствие внешних угроз со стороны других государств подвергается критике с точки зрения двух основных моментов²⁰⁹. Во-первых, государство – не единственный субъект безопасности. Во-вторых, подчеркивается тот факт, что исключительное внимание, уделяемое физическому или политическому параметру безопасности, неуместно с учетом все возрастающей взаимозависимости государств и других акторов в эпоху глобализации. Как следствие, обеспечение безопасности связано с поддержанием доступности экономических ресурсов, стабильности институтов, необходимых для обеспечения адекватного уровня благополучия (экономическая безопасность); безопасным функционированием систем, которые поставляют и перерабатывают важную информацию (информационная безопасность); охраной природной среды как основы жизни человека и источника ресурсов (вода, полезные ископаемые), за которые борются государства (безопасность окружающей среды).

Переосмысление понятия безопасности привело к наполнению новым содержанием термина «война». В частности, война с применением обычных вооружений противопоставляется современным

²⁰⁸ См., напр.: *Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. Том 9, № 3. URL : <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm>; Desch M. C. Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies // International Security. 1998. Vol. 23, N 1. P. 141–170.*

²⁰⁹ *McSweeney B. Security, Identity and Interests: A Sociology of International Relation. Cambridge, 1999. P. 81–100; Muller H. Security Cooperation // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. A. Simmons. London; New Delhi, 2002. P. 369.*

войнам. Как отмечают А. П. Цыганков и П. А. Цыганков, «сегодня “война” предстает не только как прямое вооруженное столкновение государств, но и как скрытая война – санкционированные “демократиями” поставки оружия движениям, противостоящим правительствам, свержения которых добиваются США»²¹⁰. Частью пространства международных отношений стали информационные²¹¹, психологические²¹², а также гибридные войны. Д. Биго заостряет эту тенденцию трансформации поля безопасности на рубеже 1990-х и 2000-х годов, подчеркивая, что «с уходом в прошлое неразрывно связанных друг с другом биполярности и ядерной стратегии, можно понять все значение символической власти, скрытой в стратегическом дискурсе об утрашении, а также то, до какой степени он модифицирует классическое понимание войны»²¹³.

Фактически войны переместились с полей сражений на экраны телевизоров и в газетные статьи, кабинеты политических лидеров, залы парламентских слушаний. Примером может служить исследование Р. Пэриса по так называемой войне метафор²¹⁴. Проанализировав исторические аналогии, которые использовали американские политики в ходе обсуждения ситуации в Косово и выработки политической стратегии для ее разрешения, исследователь пришел к выводу, что они вели своего рода войну метафор с целью добиться определенного восприятия происходящего события как в политических кругах, так и у самой широкой общественности. Значимость подобных дискуссий достаточно велика и определяется тем, что конкурирующие между собой интерпретации одного и того же события делают возможными одни политические стратегии и совершенно исключают другие. «Если, например, косовский кризис будет успешно изображен посредством прямых или косвенных ссылок как на новый Холокост, необходимость остановить геноцид,

²¹⁰ Цыганков А., Цыганков П. Кризис идей «демократического мира»...

²¹¹ *Der Derian J. War as Game // The Brown Journal of World Affairs. 2003. Vol. X, Issue 1. P. 46.*

²¹² Почецов Г. Г. Психологические войны. М.; Киев, 2000. 523 с.

²¹³ Биго Д. Проблема безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // *Международные отношения: социологические подходы* / под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998. С. 273.

²¹⁴ *Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117, N 3. P. 423–450.*

то могли возникнуть основания для вмешательства США. Если бы кризис рассматривался как еще один Вьетнам или как гражданская война, в которой у США нет очевидных национальных интересов, неприятные воспоминания о вьетнамском конфликте привели бы к протесту против вмешательства», – делает вывод ученый²¹⁵. Результаты приведенного исследования демонстрируют, что «использование дискурса уже является оружием»²¹⁶, т. е. вызывает действия, соответствующие выработанному пониманию события.

Утверждение о трансформации ключевых понятий, описывающих ситуацию в области безопасности, позволяет сформулировать следующие следствия.

Первое заключается в том, что определение содержания и значимости угроз безопасности зависит от социокультурного и исторического контекста, в котором действуют субъекты. Влияние подобного контекста настолько велико, что он определяет специфику ведения военных действий, установки по поводу применения военной силы в качестве инструмента реализации национальных интересов, правила и нормы, которыми руководствуются субъекты в области обеспечения безопасности²¹⁷. При этом важно отметить, что пространство международных отношений представлено совокупностью культурных подсистем, каждая из которых конструирует свое видение мира. Это обстоятельство побуждает участников мировой политики в процессе взаимодействия с другими акторами в области обеспечения безопасности «... (пере)определяться с их ценностями и идентичностями»²¹⁸. Сказанное означает, что угрозы исходят не просто от «государства» или «организации», а от конкретной страны, действующей в данный момент времени на арене мировой политики и характеризующейся определенным восприятием своего статуса и ролей в мире. Кроме того, намерение причинить вред направлено не против абстрактного «субъекта», а определенного государства или другого актора – участника международных отношений. Таким образом, угрозы обретают реальность в результате взаимодействия субъектов, разделяющих определенный образ

²¹⁵ Paris R. Kosovo and the Metaphor War... P. 425.

²¹⁶ Биго Д. Проблема безопасности... С. 273.

²¹⁷ Обзор исследований см.: Desch M. C. Culture Clash... P. 141–170.

²¹⁸ Цыганков А., Цыганков П. Кризис идей «демократического мира»...

мира. Как следствие, при анализе угроз и их эмпирическом изучении должен применяться «индивидуальный подход» к объяснению особенностей восприятия конкретным актором проблем в области обеспечения безопасности.

Второе следствие состоит в том, что пространство безопасности – это борьба за смыслы и самоопределение, идентичность. При этом важно отметить, что видение мира и своего места в нем, разделяемое участниками международных отношений, подчас становится ключевым объектом, против которого направлены угрозы. Иначе говоря, понимание ситуации в области обеспечения безопасности зависит не только от объективных обстоятельств, но и от осмысления ситуации с точки зрения идей, которые предлагают политические лидеры, военные, ученые.

Третье следствие связано с тезисом о том, что дискурс об угрозе сам по себе – уже оружие, инструмент реализации интересов. Как было показано ранее, угрозы предполагают достижение поставленных целей посредством обещания наказания за невыполнение выдвинутых требований. При этом взаимодействие субъектов в этой ситуации выстроено так, чтобы избежать реализации наказания. Фактически, как подчеркивает Д. Биго, «дискурс об угрозе – это новый капитал, который заменяет применение грубой силы...»²¹⁹. Однако для приобретения угрозами характера символической власти необходимо, чтобы государства научились предвидеть реакции друг друга на возможность причинения вреда. Сказанное означает, что они должны принимать в расчет субъективную точку зрения друг друга на сложившуюся ситуацию взаимодействия, интересы, а также разделяемые нормы, координирующие их действия. Угрозы обретают действенность не фактом приведенного в жизнь наказания, а посредством сигналов, которые страны посылают друг другу, предотвращая нежелательное поведение.

Таким образом, отношения между государствами как содержащие угрозу осмысливаются с точки зрения 1) развития двусторонних отношений (интеракционное измерение), 2) неравенства статусных позиций в международной иерархии (стратификационное измерение), 3) формальных и неформальных правил и норм, которые определяют приемлемые паттерны поведения в межгосу-

²¹⁹ Биго Д. Проблема безопасности... С. 275.

дарственных отношениях (нормативное измерение). В процессе осмысления субъекты опираются на принятую в обществе систему значений, которые отражены в понятиях, концепциях, документах, раскрывающих проблемы безопасности (идеальное измерение). При этом важно подчеркнуть, что система значений может иметь «национальную специфику», т. е. угрозы трактуются в контексте системы значений конкретного государства. В то же время субъекты опираются и на более или менее универсальные смыслы, закреплённые в международных соглашениях и конвенциях.

При этом существующие правила и нормы, привычные паттерны реагирования на опасности, распределение материального, социального и культурного капитала среди членов общества, ментальные модели угрозы выступают в качестве пред-конструкций, на которые опираются субъекты, выступающие от имени государств на международной арене, в процессе осмысления фактов реальности и придания им смысла как представляющих опасность. Если субъекты сталкиваются с новыми источниками опасности, эффективные и получившие распространение модели интерпретации и образцы поведения получают институционализацию и в дальнейшем оказывают влияние на переработку информации.

Подобный результат достигается вследствие действия ряда механизмов конструирования угрозы.

3.6. Механизмы конструирования угрозы

Познание социальной реальности осуществляется посредством таких механизмов, как *рефлексия, эмпатия, сравнение и казуальная атрибуция*.

Неотъемлемый элемент познания угрозы в контексте социального взаимодействия – это *рефлексия*. Существует несколько определений понятия «рефлексия». Г. М. Андреева трактует ее как осознание каждым из участников взаимодействия того, «как он воспринимается другим партнером по общению»²²⁰. В свою очередь,

²²⁰ Андреева Г. М. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания // Социальная психология: хрестоматия / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. М., 2000. С. 150.

Ф. Коркюф вводит понятие социологической рефлексии, означающее обращение социолога «к собственному “Я”, к своей деятельности, к используемым средствам или своим взаимоотношениям с опрашиваемыми»²²¹.

Приведенные определения позволяют выделять два аспекта интересующего нас феномена. Первый создает основания для рассмотрения рефлексии в качестве средства формирования субъектом познания представления о самом себе, своей идентичности. Этот процесс наиболее полно раскрыт в теории символического интеракционизма Дж. Г. Мида. Как подчеркивает социолог, индивид осознает собственную идентичность лишь в том случае, если смотрит на себя глазами другого: «Для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя. Это социальное поведение создает условие для поведения, в котором проявляется идентичность»²²². Таким образом, важная задача, которая решается в процессе рефлексии, заключается в обретении индивидом идентичности. Вместе с тем, пытаюсь ответить на вопрос: кто я?, – субъект получает информацию и о своих партнерах по взаимодействию: что они думают обо мне? справедливы они или предвзяты в своих оценках? поддерживают меня или осуждают? Иначе говоря, пытаюсь осознать свой образ в глазах других, индивид тем самым создает представление о них. В этом смысле образ «Я» и образы других соотносимы друг с другом и должны изучаться как взаимосвязанные.

Другой аспект феномена рефлексии связан с ее рассмотрением в качестве элемента деятельности. Он раскрывается в этнометодологии Г. Гарфинкеля. Автор не разделяет точку зрения о том, что члены общества в любых обстоятельствах слепо подчиняются социальным нормам, предустановленным паттернам восприятия реальности. Как следствие, он допускает активное осмысление участниками интеракции действий друг друга, анализ каждым из них поведения другого, конструирование образа «Я» и партнера по взаимодействию. В этом случае рефлексия выступает в качестве необходимой составляющей общения и деятельности. В частности, значимость рефлексивности

²²¹ Коркюф Ф. Новые социологии... С. 28.

²²² Приведено по: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация... С. 27–28.

как характеристики практических действий заключается в том, что «действия, посредством которых участники производят и регулируют ситуации организованных повседневных дел, тождественны процедурам, которые они используют для того, чтобы сделать эти ситуации “постижимыми”»²²³. Иначе говоря, социальные феномены обладают свойством быть доступными для рефлексии членами общества. Отрицая системный и всеобщий характер вещей, невозможность в процессе познания исходить из предустановленных образцов, этнометодология постулирует производство знаний в ходе актуального взаимодействия индивидов в сложившейся ситуации. А для этого они неизбежно будут задействовать рефлексии, обращаться к своему «Я», своей деятельности, используемым средствам, установленным отношениям с партнером по взаимодействию.

Однако рефлексия позволяет не только создавать знания о социальной реальности, но и конструировать саму реальность. Так, Э. Гидденс рассматривает рефлексивность не просто как самознание субъекта, осмысливающего самого себя и окружающую действительность, но и как «наблюдаемое свойство и характерную особенность движущегося потока социальной жизни»²²⁴. Этот тезис выступает как следствие предположения о том, что реализация социальных практик требует от субъекта постоянного отслеживания эффекта своих действий, т. е. рефлексивности. Однако последняя становится возможна, если практики воспроизводятся последовательно и непрерывно в соответствии с логикой развития социальных процессов в конкретном месте и времени. Осознание субъектами того, как они воспринимаются другими, каковы последствия совершаемых ими действий, одновременно означает воспроизводство социальных явлений и процессов, характеризующих жизнь общества.

Более того, рефлексивность способна также и конструировать реальность. Например, Э. Гидденс характеризует современное общество в качестве рефлексивного модерна, подразумевающего, что социальная реальность постоянно и активно пересматривается в свете нового знания. Дж. Александер иллюстрирует процесс создания социальной реальности посредством противопоставления

²²³ Цит. по: *Ионин Л. Г. Социология как non-fiction... С. 77.*

²²⁴ *Гидденс Э. Устроение общества... С. 40.*

«старой» и «новой» рефлексивности²²⁵. Первая предполагает отражение социальной и институциональной дифференциации, имеющей дело с естественными причинами возникновения конфликта интересов между институтами, чья реальность воспринимается как сама собой разумеющаяся. Таким образом, предметом мыслительной активности субъектов становилась деятельность институтов, осуществляемые ими функции и соответствие этих функций реалиям общества. Иначе говоря, рефлексия позволяет отражать социальную реальность, воспроизводить ее.

В свою очередь, новая рефлексивность указывает на процесс конструирования реальности. В частности, Дж. Александер ссылается на процесс конструирования реальности средствами массовой информации. Он отмечает, что новости больше не преподносятся как происходящие естественным образом. Они передаются средствами массовой информации в виде нарративов, историй, которые должны не просто отражать реальность, а управлять впечатлениями²²⁶. Фактически реальность создается заново осмысливающими ее субъектами в соответствии с конкретными задачами.

Таким образом, рефлексия как когнитивный инструмент соответствует изменчивости и многообразию жизни общества, которая требует от субъекта осознания, отслеживания ситуации с целью построения отношений с другими, понимания собственного места в социуме. Сделанный вывод подтверждает Р. Бернштейн. Комментируя теорию структуризации Э. Гидденса, он подчеркивает, что действие само рефлексивно включено в социальные структуры²²⁷. Фактически рефлексия придает действиям субъекта социальный характер. Тем самым посредством рефлексии осуществляется взаимопроникновение когнитивных и социальных процессов в обществе.

Конструирование угрозы также опирается на рефлексию.

Например, Дж. Г. Стейн отмечает, что лидерам государств зачастую трудно представить, как их воспринимают другие²²⁸. Поэтому

²²⁵ *Александер Дж. С.* Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1. С. 70.

²²⁶ Там же.

²²⁷ *Bernstein R. J.* Social Theory as Critique // *Social Theory of Modern Societies: Antony Giddens and His Critics* / ed. by D. Held, J. B. Thompson. Cambridge, 1989. P. 23.

²²⁸ *Stein J. G.* The Misperception of Threat // *International Conflict and*

политик, от которого исходит намерение причинить вред, недостаточно полно осознает то, как адресат воспринимает его сообщение, содержащее угрозу. В результате оно может оказаться неэффективным. В свою очередь, субъект, на которого направлена угроза, интерпретирует ее с точки зрения собственной системы значений, не всегда правильно понимая смысл сообщения.

Возможные ошибки могут быть связаны со стремлением оправдать свою агрессию за счет приписывания оппоненту конструирования «образа врага». Иначе говоря, формируется представление, что «они воспринимают нас в качестве врагов», поэтому «мы вынуждены защищаться». Вместе с тем субъект познания может быть подвержен иллюзии «за нас, в нашу пользу». Она подразумевает тенденцию воспринимать отношение других групп к своей как более дружественное, чем в действительности²²⁹.

Таким образом, рефлексия – важный инструмент познания угрозы, обеспечивающий как корректность ее передачи, так и распознавания.

Познание индивидом причин поведения как своего собственного, так и окружающих осуществляется посредством *атрибутивных процессов*. Употребление такого словосочетания во множественном числе вполне оправданно. Осмысление причин поведения тесно связано с конструированием индивидом образов «Я» и «другого», а также выявлением особенностей ситуации, которые могли бы рассматриваться в качестве возможных факторов, детерминирующих поведение.

Вместе с тем интерес представляют и особенности каузальной атрибуции, обусловленные тем, что она встроена в отношения между группами и индивидами, принадлежащими к разным социальным категориям. С учетом воздействия социальных факторов, объясняющих поведение индивидов, М. Хьюстон и Й. Яспарс сформулировали определение *социальной атрибуции*, под которой они понимали интерпретацию поведения и результатов деятельности индивидов на основании их *группового членства*²³⁰. Исходя из определения,

Conflict Management: Readings in World Politics / ed. by R. O. Matthews, A. G. Rubinoff, J. G. Stein. Scarborough, 1989. P. 32.

²²⁹ Fisher R. J. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution. New York, 1990. P. 153–154.

²³⁰ Hewstone M., Jaspars J. Social Dimensions of Attribution // The Social Dimension / ed. by H. Tajfel. Cambridge, 1984. Vol. 2. P. 379–404.

причины поведения вытекают из принадлежности индивида к какой-либо социальной общности. При этом важно отметить, что причины будут восприниматься как очевидные и носящие универсальный характер для представителей группы, осуществляющей познание.

Атрибутивные процессы позволяют субъекту не только объяснить поведение, но и поддерживать позитивную групповую идентичность. Такая функция выполняется за счет использования группентристских атрибуций, которые объясняют положительное поведение и успех своей группы, а также негативное поведение и неудачи другой внутренними причинами, в том числе совокупностью качеств, свойственных членам группы. В свою очередь, нелюбезные действия членов ин-группы и благоприятные поступки представителей аут-групп объясняются влиянием внешних обстоятельств. Подобные группентристские атрибуции становятся основой *элементарной ошибки атрибуции*.

Вместе с тем можно выделить ряд *условий*, когда описанная закономерность не находит подтверждения.

Первое представлено *социальным статусом групп*, осуществляющих познание. В частности, члены групп подчиненного меньшинства, которые рассматривали сложившуюся социальную систему как не предоставляющую им возможности изменить свое положение, используют этноцентристские атрибуции, обесценивающие свою группу и одновременно оказывающие предпочтение членам аут-группы. Подчас это находит проявление не только в установках по отношению к своей и чужой группам, но и в реальном снижении эффективности деятельности и, как следствие, низким оценкам ин-группы. Например, К. М. Стил, С. Дж. Спенсер и Дж. Аронсон, сопоставляя уровень успеваемости американских школьников и учащихся колледжей, принадлежащих к этническим меньшинствам (афро-американцы, выходцы из Латинской Америки, коренные американцы – индейцы), и высокостатусных групп – так называемых «белых», пришли к выводу, что первые демонстрируют более низкий уровень успеваемости по сравнению с тем, который можно было бы ожидать при имеющихся у них способностях²³¹.

²³¹ Steel C. M., Spencer S. J., Aronson J. Contending with Group Image: the Psychology of Stereotype and Social Identity Threat // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2002. Vol. 34. P. 379–440.

Фактически имеет место феномен «выученной беспомощности», когда индивид, обладающий способностями справиться с решением задачи, под влиянием препятствий, существование которых может лишь предполагать, не добивается успеха. В проведенном учеными исследовании в качестве подобного препятствия выступает *стереотипная угроза* – опасение индивида относительно того, что его действия будут оцениваться в соответствии с существующими (как правило, негативными) стереотипами и он совершит действия, которые подтвердят данный стереотип²³². Например, приступая к решению сложных математических задач, женщины опасаются допустить ошибки и тем самым подтвердить сложившийся стереотип о том, что мужчины обладают более выраженными математическими способностями. Данное обстоятельство способно оказать влияние и на конструирование каузальной атрибуции. Объясняя свои неуспехи в решении задач, женщины будут превозносить способности мужчин – представителей аут-группы – в математике, обесценивая при этом свои собственные возможности в этой области.

Второе условие, вносящее изменения в появление элементарной ошибки атрибуции, связано с уровнем поляризации межгрупповых отношений. При благополучных условиях взаимодействия, которые подразумевают отсутствие конфликта, более или менее равные статусные позиции, индивиды в процессе познания в меньшей степени склонны к ин-групповому фаворитизму. В этом случае атрибутивные конструкции приобретут характер сопоставления, нежели противопоставления. В свою очередь, конфронтация в отношениях найдет отражение и в суждениях, объясняющих причины поведения участников взаимоотношений.

Атрибутивные процессы приобретают особое значение в ситуации познания государствами друг друга. Например, выявление мотивов действия представляет собой ключевой элемент восприятия угрозы, исходящей от той или иной страны.

В соответствии с феноменом социальной каузальной атрибуции поведение субъектов и результаты деятельности рассматриваются с точки зрения их группового членства, т. е. социальной идентичности. При этом негативное поведение членов аут-группы объясняется

²³² *Steel C. M., Spencer S. J., Aronson J. Contending with Group Image: the Psychology of Stereotype and Social Identity Threat... P. 389.*

свойственными им характеристиками. Таким образом, восприятие различий идентичности приведет к «приписыванию» субъекту враждебных намерений. В свою очередь, собственное агрессивное поведение будет объяснено воздействием внешних обстоятельств, в том числе враждебностью представителей аут-группы. В частности, М. Вол и Н. Бранскомб доказали, что воспринятая угроза группе может повышать склонность ее представителей прощать себя за причинение ущерба другой группе²³³. В этом случае угроза получает «подкрепление» от обоих взаимодействующих субъектов.

В своем исследовании Р. Джервис связывает процесс приписывания мотивов поведения с нарушением или поддержанием существующих норм взаимодействия²³⁴. В частности, ученый подчеркивает, что действия государства воспринимаются как угрожающие, если оно демонстрирует *намерение проигнорировать общепринятые процедуры*, легитимные права других участников международных отношений, а также *совершает рискованные поступки* с целью улучшить свои позиции в той или иной области.

В основе действия механизма каузальной атрибуции лежит предположение, согласно которому участники международных отношений приписывают рациональность действиям других акторов. Иначе говоря, они оценивают действия другого государства при помощи «уравнения», допускающего, что те выигрыши, которые оно получает, следуя избранной стратегии поведения, должны превышать или, по меньшей мере, быть равными ожидаемым затратам и рискам. Фактически, анализируя поведение других участников международных отношений, субъект конструирует представление о той ценности, которую, по его мнению, они приписывают различным объектам.

Таким образом, оценивая действия других государств, политик рассматривает их как рациональных субъектов, стремящихся к достижению приоритетных целей. Следовательно, вывод о намерениях актора причинить вред, а значит, о существовании угрозы будет

²³³ Wohl M. J. A., Branscomb N. R. Group Threat, Collective Angst, and Ingroup Forgiveness for War in Iraq // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, N 2. P. 193–217.

²³⁴ Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // *Psychology and Deterrence* / ed. by R. Jervis, R. Ned Lebow, J. G. Stein. Baltimore; London, 1985. P. 13–33.

сделан в том случае, когда его действия расцениваются субъектом познания как связанные с непропорционально высокими затратами или рисками, а также как несоответствующие приоритетным целям.

Например, заявление Северной Кореи о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а также объявление о своем ядерном статусе были восприняты рядом государств как однозначно враждебные или, по меньшей мере, вызывающие озабоченность. В этом случае подобная реакция вызвана действием механизма каузальной атрибуции. Во-первых, Северная Корея нарушила «общепринятые процедуры»²³⁵, когда вышла из ДНЯО. Во-вторых, явное несоответствие выигрышей, полученных государством, и экономических затрат на создание ядерного оружия, а также политические и военные риски, с которыми сталкивается государство, объявив о своем ядерном статусе, заставляют рассматривать его действия как имеющие враждебные намерения²³⁶.

В то же время Р. Джервис подчеркивает, что дорогостоящие и противоречащие общепринятым нормам действия государства в реальности не обязательно предполагают наличие намерения причинить вред. Иногда дополнительные инвестиции в оборону действительно направлены на то, чтобы предотвратить войну²³⁷. Но чаще следует вывод об агрессивных намерениях государства.

Коммуникация и совместная деятельность требуют от членов общества не только анализа собственных мыслей, чувств и действий, но и понимания позиции других людей. Способность уподобить себя другому человеку связана с *эмпатией*, т. е. умением сопереживать ему, взглянуть на вещи с его точки зрения.

В теории символического интеракционизма умение рассматривать ситуацию с позиций другого человека называется принятием роли другого. Значимость готовности индивида принять точку зрения другого человека, откликнуться на переживаемые им чувства отмечается разными теориями, даже если при этом в них не используется

²³⁵ Упомянутый договор рассматривается в качестве основы режима нераспространения ядерного оружия.

²³⁶ См.: *Ellis J. D., Kiefer G. D. Combating Proliferation: Strategic Intelligence and Security Policy*. Baltimore; London, 2007. P. 97.

²³⁷ *Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // Psychology and Deterrence / ed. by R. Jervis, R. Ned Lebow, J. G. Stein*. Baltimore; London, 1985. P. 13–33.

понятие эмпатии. Например, готовность учитывать смысл, субъективно подразумеваемый участниками взаимодействия, отмечается в теории символического интеракционизма, в этнометодологии. Допущение возможности войти в положение другого человека, а также учесть его в процессе социального взаимодействия заложено и в определении социального действия М. Вебера²³⁸. Действие приобретает социальный характер, когда индивид принимает в расчет не только субъективную точку зрения другого актора, его интересы, но и соблюдает разделяемые нормы, которые координируют совершение действия.

Заметная роль в соблюдении перечисленных условий взаимодействия принадлежит эмпатии. Подобный ракурс определения сущности эмпатии становится возможен, если рассмотреть ее не только с точки зрения аффективной составляющей, предполагающей «постижение эмоциональных состояний другого человека в форме сопереживания»²³⁹, но и с учетом ее когнитивного компонента²⁴⁰. Он связан с попытками мыслить проспективно, предвидеть, как индивид будет вести себя в сложившейся ситуации. Проявляя эмпатию, субъект не только сопереживает другому актору, но и пытается построить прогнозы относительно его интересов, мотивов, действий.

Значимость эмпатии как инструмента социального познания особенно возрастает в эпоху постмодерна. Постмодернистское мышление предполагает многообразие истин в качестве естественного положения вещей. В связи с этим развитие толерантного мышления, умения посмотреть на ситуацию глазами других субъектов как в когнитивном, так и в эмоциональном плане необходимо по причине «появления и сосуществования многочисленных сообществ, которые функционируют относительно самостоятельно

²³⁸ Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 625.

²³⁹ Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. С. 409.

²⁴⁰ The Impact of Direct and Extended Cross-Group Friendship on Improving Intergroup Relations / Ch. Vonofarou [et al] // Improving Intergroup Relations: Building on the Legacy of Thomas F. Pettigrew / ed. by Wagner U. [et al]. Malden; Oxford; Carlton, 2008. P. 107–124.

и отнюдь не проявляют тенденции к солидарности»²⁴¹. Таким образом, значимость эмпатии как когнитивного инструмента социального познания соответствует усложняющейся структуре общества, повышению социальной дифференциации, появлению множества идеальных моделей и паттернов интеракции. В то же время развитие толерантного мышления способствует закреплению, легитимации и воспроизводству социального многообразия в обществе.

Как связаны между собой эмпатия и восприятие угрозы? Результаты исследований взаимосвязи эмпатии, агрессии и предрассудков не дают оснований для однозначных оценок²⁴². Однако исследования политического поведения позволяют сделать вывод о значимости эмпатии в ситуации угрозы. Например, М. Е. Морелл полагает, что существует связь эмпатии и демократического мышления. В частности, обосновывается идея о том, что эмпатия способствует уважению взглядов других субъектов и взаимному обмену. Кроме того, она позволяет прислушиваться к мнению оппонентов, приходиться к компромиссным решениям или, по меньшей мере, признавать наличие другой точки зрения²⁴³. Принимая во внимание гипотезу демократического мира, согласно которой демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию и разрешают имеющиеся противоречия мирным путем, можем предположить связь эмпатии с восприятием угрозы. В свою очередь, Дж. Стейн подчеркивает, что политики, оценивая угрозу, могут допускать искажения, появление которых связано с их неспособностью к эмпатии и излишним эгоцентризмом²⁴⁴. Следовательно, низкий уровень эмпатии связан с восприятием угрозы.

Сделанный вывод подтверждается результатами исследования, направленного на изучение восприятия Россией и США угрозы, которую представляет Северная Корея, обладающая ядерным

²⁴¹ Кравченко С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007. С. 184–185.

²⁴² См.: Konrath S., Grynberg D. The Positive (and Negative) Psychology of Empathy// The Neurobiology and Psychology of Empathy / ed. by D. Watt, J. Panksepp. Nova Science Publishers (Inc.). 2013. URL : http://www.ipearlab.org/media/publications/Konrath_Grynberg_2013.pdf

²⁴³ Morell M. E. Empathy and Democracy: Feeling, Thinking and Deliberation. University Park, 2010.

²⁴⁴ Stein J. G. The Misperception of Threat. P. 35–38.

оружием²⁴⁵. В частности, показано, что умеренный уровень воспринятой угрозы в текстах речей российского президента В. В. Путина сочетался с попытками взглянуть на происходящее с точки зрения северокорейской стороны, принять ее позицию, даже если она и не находит поддержки у политического руководства России. В свою очередь, высокий уровень воспринятой угрозы, который был свойствен Президенту США Дж. Бушу, не только не способствует эмпатии, но и приводит к реализации политическим руководством США в отношении Северной Кореи проективной (формирующей поведение) внешнеполитической стратегии²⁴⁶.

Кроме того, важно подчеркнуть, что для конструирования угрозы значение приобретает реализация стратегии, которую Р. К. Уайт назвал «реалистической эмпатией»²⁴⁷. Она предполагает умение внимательно слушать оппонента, изучать новости и печатные материалы, демонстрируя открытость мышления и здоровый скептицизм, и, самое главное, по мнению ученого, способность настойчиво пытаться ставить себя на место оппонента. Представленную точку зрения разделяет и М. Е. Морелл, доказывая, что субъект, выражающий эмпатию, вероятнее всего будет уважать точку зрения других и демонстрировать склонность к сотрудничеству. Более того, уменьшается негативное отношение к членам аут-группы, а также снижается вероятность искажений в интерпретации причин их поведения. Субъект, проявляющий эмпатию, способен признавать возможность существования у оппонента другой точки зрения и воспринимать то, что его тревожит. Кроме того, переживая эмпатию, субъект лучше понимает, к каким последствиям для оппонента приведет реализация той или иной политической стратегии²⁴⁸. Можно предположить, что склонность следовать реалистической эмпатии возникает в условиях снижения напряженности в межгосударственных отношениях и, как следствие, не способствует конструированию угрозы.

²⁴⁵ Смирнова А. Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 1. С. 111–126.

²⁴⁶ Там же. С. 123.

²⁴⁷ White R. K. Empathizing with the Rulers of the USSR. Readings in Intercultural Relations // Culture, Communication and Conflict / ed. by G. R. Weaver. Needham Heights (MA), 1998. P. 441.

²⁴⁸ Morell M. E. Empathy and Democracy...

Таким образом, краткий обзор действия механизмов рефлексии, каузальной атрибуции и эмпатии позволяет сформулировать следующие закономерности конструирования внешней угрозы. Во-первых, восприятие угрозы сопровождается отсутствием эмпатии со стороны субъекта познания по отношению к государству, от которого ожидается причинение вреда. Во-вторых, объяснение враждебных намерений, осуществляется на основе атрибутивной конструкции, которая выводит их из характеристик, присущих возможному источнику угрозы, нежели из особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания. Кроме того, враждебные намерения связываются с нарушением формальных и/или неформальных правил и норм взаимодействия. В-третьих, конструирование суждения о существовании угрозы со стороны познаваемого государства связано с особенностями *рефлексии* и основывается на восприятии его отношения к субъекту познания как более враждебного, чем есть в действительности.

В разделе 2.5. главы 2 было показано, что образ государства в ситуации угрозы формируется на основе механизма сравнения ключевых ценностей взаимодействующих государств, их статусов, а также содержания ролей. При этом важно подчеркнуть, что сравнение как механизм познания имеет глубокие социальные корни.

Склонность получать знания о себе посредством *сравнения* своих возможностей, достижений, идей, ценностных приоритетов с аналогичными чертами индивидов или групп представляет собой универсальную характеристику человека. В зависимости от степени воспринятых различий сравнение приводит к *противопоставлению* субъектов или их *сопоставлению*. Подчас эти процессы заканчиваются установлением идентичности сравниваемых индивидов или групп. *Идентификация* как механизм социального познания предполагает получение информации о другом субъекте через установление сходства с ним.

Не вызывает сомнения, что процессы различения и идентификации носят социальный характер.

Подобная природа идентичности особенно ярко отражена в теориях, где ученые не рассматривают группы, с которыми индивид ассоциирует себя, как объективно существующие. Среди них следует выделить в первую очередь конструктивистские теории.

В них подчеркивается значимость коммуникации, сложившихся дискурсивных практик в процессе осознания индивидом себя в качестве представителя социальной группы. Подобный подход применяется для изучения этнической²⁴⁹, классовой²⁵⁰, государственной идентичности²⁵¹.

Основная идея конструктивистского подхода к определению идентичности заключается в том, что она рассматривается в качестве «социальных отношений, которые изменяются в зависимости от времени и контекста»²⁵². По этой причине идентичность было бы некорректно трактовать как неизменную характеристику индивида или групп. По мнению конструктивистов, люди создают и воссоздают идентичности, а не рождаются с ними. Значительный вклад в формирование идентичности вносит общность интересов представителей одной социальной группы. В то же время исследователь рабочего класса Г. С. Джонс указывает на то, что сами понятия «класс» и «интересы» представляют собой результат их обсуждения акторами посредством сложившихся языковых паттернов. Именно вследствие подобной дискурсивной работы они обретают существование²⁵³.

Значимость осознания членами группы общих интересов в процессе конструирования идентичности тем не менее не позволяет рассматривать ее как исключительно субъективное образование. Описанные конструктивистами процессы экстернализации, объективации и интернализации подтверждают, что осознанные идентичности получают институционализацию, становятся частью

²⁴⁹ См., напр.: *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001; *Wodak R., Cillia R. de, Reisingl M., Liebhart K.* The Discursive Construction of National Identity. Edinburgh, 1999.

²⁵⁰ Обзор исследований см.: *Коркюф Ф.* Новые социологии / науч. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2002. С. 113–126.

²⁵¹ *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Динамика образа государства в международных отношениях. СПб., 2006; *Klotz A., Lynch C.* Strategies for Research...; *Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. N 88. P. 384–396; *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

²⁵² *Klotz A., Lynch C.* Strategies for Research... P. 65.

²⁵³ *Jones G. S.* Languages of Class. Studies in English Working Class History, 1832–1982. Cambridge, 1983. P. 8.

объективированного социального мира, выступая в качестве фактора, влияющего на поведение индивидов и групп. При этом важно подчеркнуть, что конструктивисты разделяют тезис о том, что идентичности было бы неверно рассматривать как фиксированные, раз и навсегда созданные образования. Исследования сторонников этого теоретического подхода позволяют сделать вывод, что даже такие идентичности, как этническая и гендерная, не остаются неизменными²⁵⁴. Таким образом, о более или менее стабильной идентичности с точки зрения социального конструирования реальности можно говорить только в контексте конкретного общества.

Конструктивисты разделяют точку зрения о том, что идентификация задействует процессы противопоставления ин-и аут-групп и установления *различий* в результате *сравнения* их характеристик.

Понятие *различия* представляет собой один из важнейших социологических концептов²⁵⁵. Его значимость обусловлена свойственными ему социальными функциями. *Первая* функция заключается в том, что *различение формирует и поддерживает социальный порядок*. Так, согласно взглядам Б. Ф. Поршнева, древнейший принцип конструирования человеческой общности – это размежевание с какими-то «они», т. е. с внешними по отношению к конкретной общности людьми. Для того чтобы появилось субъективное «мы», необходимо обособиться от «они». Иначе говоря, понятие «они» первичнее, чем «мы». Путем обособления от «они» (враги, чужие, неприятные) создалось понятие «мы» (друзья, свои, приятные), т. е. самосознание общности. Следовательно, в качестве первопричины образования общности Б. Ф. Поршневы выделяет межгрупповые, а не межличностные отношения²⁵⁶. Более того, подчас различия с аут-группой осознаются отчетливее, чем общность в ин-группе.

²⁵⁴ См.: *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте...; *Steans J.* Gender and International Relations: An Introduction. Cambridge, 1998.

²⁵⁵ См., напр.: *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 55–78; *Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 25–48; *Качанов Ю. Л.* Социологические различия и социологический текст // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 14–21; *Паутова Л. А.* Стабилизационное сознание: интегративная модель. Омск, 2006. С. 50–54.

²⁵⁶ *Поршневы Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

Например, И. Призел описал механизм формирования национальной идентичности жителей государств Центральной и Восточной Европы, Центральной и Южной Америки, которые в разное время вели борьбу против империалистического или колониального господства. Он отмечает чувство культурной и политической «обиды» по отношению к «завоевателям». Как следствие, национальная идентичность строилась на основе противопоставления «другим», их отвержения. При этом определение «других» могло быть как внутренним, так и внешним, а также осмысливаться на основе культурного, политического или экономического критериев²⁵⁷.

Таким образом, формирование социальных групп сопровождается их обособлением друг от друга, дифференциацией в социальном пространстве. При этом разные позиции связаны с обладанием материальным, политическим, социальным и культурным капиталом. В связи с этим вторая функция различения связана с тем, что оно «воспроизводит механизмы асимметрии и конструирует отношения власти»²⁵⁸.

Поддержание социального порядка, а также асимметрии в позициях и распределении власти составляют ключевые социальные функции различения. В свою очередь, их осуществление становится возможным благодаря тому, что различие выступает основой *коммуникации* и связано со сложившимися *практиками*. Различения, закрепленные в способах производства и общения, обретают смысл, позволяя субъекту *познавать* и *понимать* социальную реальность.

Вторая функция различений становится возможной благодаря тому, что отличия и сходства воспринимаются в соответствии с *категориями*, которые отражают сложившуюся социальную структуру²⁵⁹. С одной стороны, сходства и отличия индивидов по тем или иным характеристикам закрепляются, получают экстернализацию и объективацию, в том числе и посредством системы категорий, которые представлены в виде понятий, используемых в процессе познания реальности. С другой стороны, будучи

²⁵⁷ Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge, 1998. P. 25.

²⁵⁸ Паутова Л. А. Стабилизационное сознание... С. 53.

²⁵⁹ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов». С. 70.

интернализированными отдельными индивидами в процессе социализации, категории продолжают использоваться в ходе постижения действительности, обеспечивая селективное внимание к социальным стимулам²⁶⁰. В частности, наблюдается преувеличение межгрупповых различий и внутригруппового сходства. Действия членов ин-группы воспринимаются в более благоприятном свете, нежели аналогичные действия членов «чужих» групп. Индивиды больше доверяют членам своей группы. Кроме того, распределение ресурсов между представителями ин- и аут-групп производится так, чтобы обеспечить «относительное преимущество членов своей группы»²⁶¹. Фактически процессы дифференциации и интеграции можно рассматривать не только в качестве значимых механизмов формирования социальных групп, но и как инструменты познания социальной реальности, в том числе и ситуации угрозы.

Завершая рассмотрение когнитивных механизмов социально-го конструирования, необходимо отметить их важные особенности. Рефлексия, эмпатия, различение, идентификация и каузальная атрибуция не просто позволяют субъекту воспроизводить структуру общества. Все перечисленные механизмы вносят вклад в воспроизводство социальной дифференциации. Кроме того, категории, применяемые субъектами в процессе социального познания, выступают в качестве одной из составляющих идеального измерения. Рефлексия необходима для осуществления коммуникации и совместной деятельности (интеракционное измерение). Атрибутивные процессы задействуют и воспроизводят социальные нормы, сложившиеся в обществе. В частности, приписывание мотивов поведения основывается и на нарушении или поддержании членами общества существующих правил и норм взаимодействия²⁶².

Таким образом, наблюдается соответствие познаваемой среды и тех инструментов, которые для этого применяются. В результате конструирование угрозы представляет собой не просто субъектив-

²⁶⁰ Сушков И. Психология взаимоотношений. С. 268.

²⁶¹ Приведено по: Киселев И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М., 2000. С. 337.

²⁶² Cohen R. Threat Perception in International Crisis // *Political Science Quarterly*. 1978. Vol. 93. № 1. P. 93–107; Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // *Psychology and Deterrence* / ed. by R. Jervis, R. Ned Lebow, J. G. Stein. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1985. P. 13–33.

ный процесс, предполагающий произвольную интерпретацию намерений и возможностей оппонента причинить вред с точки зрения индивидуальной системы значений. Познание угрозы «привязано» к важным измерениям социального пространства на национальном и международном уровнях, которые позволяют придать смысл взаимодействию государств в ситуации угрозы.

ГЛАВА 4

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГРОЗЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА)

4.1. Угроза распространения ядерного оружия как объект исследования

В данной главе рассматривается угроза распространения ядерного оружия. В качестве примера анализируется угроза, связанная с разработкой Ираном ядерной программы. Выбор именно этой угрозы в качестве объекта исследования объясняется прежде всего ее возросшей актуальностью. Один из наиболее важных уроков, который вынесло для себя мировое сообщество, вступая во «второй ядерный век»¹, заключается в том, что, несмотря на существующие режимы нераспространения, заключенные договоры, дипломатические и силовые способы регулирования, количество государств, обладающих ядерным оружием, продолжает увеличиваться (*горизонтальное распространение*). В настоящее время эксперты говорят о девяти странах, владеющих таким оружием. Прежде всего это государства «большой пятерки», которые приобрели ядерное оружие до подписания Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай)². Впо-

¹ *Кокошин А. А.* Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // Внешняя политика и безопасность России 1991–2002: хрестоматия : в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1: Исследования. М., 2002. С. 45.

² В 1968 г. был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в соответствии с которым только пять государств (США, СССР, Великобритания, Франция и Китай) получили право обладать ядерным оружием. Остальные страны, подписавшие договор, отказывались от подобного права в обмен на то, что государства «большой пятерки» будут предпринимать шаги,

следствии клуб ядерных держав пополнили Индия, Пакистан, Израиль³ и Северная Корея⁴.

В последние годы внимание мирового сообщества приковано к ядерным программам двух государств – Северной Кореи и Ирана. В то время как КНДР уже достигла прогресса в ядерной области и некоторые эксперты уже включают ее в список государств, обладающих ядерным оружием, перспективы развития ядерной программы Ирана оставались неопределенными, вызывая заметные расхождения в оценках угрозы, которую может представлять это государство. Согласно результатам исследования, проведенного специалистами Центра по изучению проблем нераспространения (Монтерей, США), оценки государствами ядерной угрозы, исходящей от Ирана, варьируются от низкой (Бразилия, Индия, Пакистан, ЮАР) до высокой (Египет, Германия, Израиль, Испания, Швеция, США). Россия, Китай, Япония, Корея воспринимают угрозу как умеренную⁵.

Неопределенность, связанная с развитием Ираном ядерной программы, сохранялась на протяжении длительного времени. В частности, эксперты высказывали разные мнения относительно направленности иранской ядерной программы. Например, в докладе Генерального директора МАГАТЭ Ю. Аmano в ноябре 2011 г. отмечалось, что Иран осуществляет «деятельность, имеющую отношение к разработке ядерного взрывного устройства»⁶. В докладе от 15 ноября 2013 г. подчеркивалось,

направленные на сокращение своих ядерных арсеналов. Кроме того, они получили возможность использовать атомную энергию в мирных целях.

³ По мнению экспертов, Израиль, Индия и Пакистан составляют особую категорию государств, получившую название «третьи ядерные страны», «ядерные державы, не присоединившиеся к ДНЯО», «новые члены ядерного клуба», «непризнанные ядерные государства» (см.: *Ромашкина Н. П.* Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений. М., 2008. С. 115).

⁴ *Chyba Ch., Sasikumar K.* A World of Risk: The Current Environment for US Nuclear Weapons Policy // *US Nuclear Weapons Policy: Confronting Today's Threats* / ed. by G. Bunn, Ch. F. Chyba. Washington, 2006. P. 12–19.

⁵ *Помпер У., Перрину С.* Политика нераспространения: в поисках адекватности // *Индекс безопасности.* 2007. № 2 (28). С. 94.

⁶ Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран: Доклад Генерального директора, 8 ноября 2011 г. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2011/Russian/gov2011-65_rus.pdf

что «агентство не имеет возможности <...> прийти к заключению, что весь ядерный материал в Иране используется в мирной деятельности»⁷. Сделанные выводы повторены и в ежегодном докладе МАГАТЭ за 2014 г.⁸ Национальная разведка США указывает, что Иран продолжал предпринимать шаги в направлении создания ядерного оружия, хотя и не в том объеме, чем в 2003 г.⁹ Иран, в свою очередь, отрицает это. Определение намерений как основного компонента существования угрозы также сопровождалось трудностями. С одной стороны, политическое руководство Ирана неоднократно подчеркивало, что ядерная программа носит мирный характер и не направлена на создание оружия. При этом предыдущий и нынешний президенты Ирана М. Ахмадинежад и Х. Рухани ссылались на фетву духовного лидера Ирана Али Хаменеи, запрещающую разработку и создание ядерного оружия¹⁰. При этом важно отметить, что Президент США Б. Обама в своих выступлениях ссылался на подобный запрет и рассматривал его как основу разрешения иранской проблемы¹¹. С другой стороны, эксперты отмечали важные индикаторы существования у Ирана враждебных намерений. Во-первых, они подчеркивали существование *интересов в области обеспечения безопасности*, которые могут мотивировать Иран на создание ядерного оружия.

⁷ Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран: Доклад Генерального директора, 15 ноября 2013 г. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2014/Russian/gov2014-28_rus.pdf

⁸ Ежегодный доклад МАГАТЭ за 2014 год. URL : https://www.iaea.org/sites/default/files/gc59-7_rus.pdf

⁹ Kile S. N. Iran and Nuclear Proliferation Concern // SIPRI Yearbook 2012. URL:<http://www.sipri.org/yearbook/2012/files/SIPRIYBc08sIII.pdf>

¹⁰ См.: Nuclear weapons are the weapons of the previous century – Ahmadinejad to RT, 14 August, 2011. URL: <http://rt.com/politics/ahmadinejad-exclusive-interview-rt/>; Иран подтвердил свой отказ от ядерного оружия, 5 марта 2014 г. URL : http://www.iran.ru/news/analytics/92777/Iran_podtverdil_svoy_otkaz_ot_yadernogo_oruzhiya

¹¹ Obama B. Statement by the President. James S. Brady Press Briefing Room, September 27, 2013. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/27/statement-president>; Obama B. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. United Nations. New York, September 24, 2013. URL : <http://www.whitehouse.gov/photos-and-video/video/2013/09/24/president-obama-addresses-united-nations-general-assembly#transcript>

В частности, наличие ядерного оружия могло бы служить средством противодействия угрозам, которые представляют для Ирана ряд государств, среди которых в разные годы выступали Ирак, Пакистан, Афганистан, Израиль, США. Во-вторых, некоторые эксперты не исключают и действия *мотива престижа*. Например, А. Монгомери приводит мнения Ш. Чубина и Г. Перковича о том, что престиж выступает основным мотивом усилий Ирана по созданию ядерной программы¹². В частности, Ш. Чубин доказывает, что деятельность Ирана в ядерной сфере связана с желанием упрочить свой статус как крупнейшего исламского государства. В-третьих, в качестве индикатора враждебных намерений рассматривается *нарушение Ираном установленных норм* и невыполнение взятых на себя обязательств. В докладах Генерального директора МАГАТЭ неоднократно упоминались трудности, возникающие в процессе сотрудничества с Ираном. В частности, подчеркивалось, что, отвечая на вопросы о ядерной программе, Иран действовал скорее реактивно, в результате многочисленных обращений, нежели проактивно, добровольно предоставляя необходимую информацию¹³. Вместе с тем Иран присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1970 г., подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В декабре 2003 г. Иран подписал Дополнительный протокол и соглашение с МАГАТЭ о всеобъемлющем контроле. Однако в 2006 г. объявил о прекращении выполнения обязательств, предусмотренных Дополнительным протоколом.

Таким образом, подводя итог анализу возможностей и намерений причинить вред, можно сделать вывод о неопределенности обоих компонентов угрозы, исходящей от Ирана. В подобных обстоятельствах субъекты конструируют субъективные суждения относительно намерений и возможностей причинить вред, рассматривая их сквозь призму других характеристик государства, например особенностей политического режима, позиции в системе международных отношений, характера отношений с другими

¹² *Mongomery A. H. Social Action, Rogue Reaction: US Post-Cold War Nuclear Counterproliferation Strategies: Diss. for the Degree of Doctor of Philosophy. Stanford, 2005. P. 156.*

¹³ *Kile Sh. N. Nuclear Arms Control and Non-Proliferation // SIPRI Yearbook 2008. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2008/files/SIPRIYB0808.pdf>.*

странами, опыта внешнеполитической деятельности в прошлом и настоящем. Иначе говоря, восприятие угрозы связано с *конструированием образа государства* как имеющего намерения и возможности причинить вред.

4.2. Программа эмпирического исследования

Цель эмпирического исследования состоит в изучении механизмов конструирования президентами России и США угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием.

Выбор именно этих государств для изучения механизмов, которые использовали президенты России и США для конструирования иранской угрозы, объясняется тем, что эти крупнейшие ядерные державы внесли существенный вклад в установление и поддержание режима нераспространения ядерного оружия. Задачи по сокращению ядерного оружия, а также обеспечению нераспространения оружия массового уничтожения составляли важное направление внешнеполитической деятельности двух стран¹⁴. При этом важно отметить, что даже в условиях «холодной войны» государства были партнерами в решении этих задач¹⁵. Наличие у СССР и США общих интересов подтверждает также и их участие в подготовке документов, ставших основой режима нераспространения. Среди них прежде всего необходимо назвать Договор о запрещении испытания ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанный в Москве в 1963 г., а также Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Советский Союз (а затем Россия) и США прилагали совместные усилия по сокращению собственных запасов ядерного оружия. Два государства связывают обязательства, предусмотренные Договорами об ограничении стратегических вооружений ОСВ–1 1972 г., ОСВ–2 1979 г., Договором

¹⁴ Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб., 2006; Grossman M. Role Theory and Foreign Policy Change: The Transformation of Russian Foreign Policy in 1990s // International Politics. 2005. N 42. P. 344.

¹⁵ Trenin D. Russia and Global Security Norms // The Washington Quarterly. 2004. Vol. 27, N 2. P. 63–64.

о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., Договорами о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г. (СНВ-1), 1993 г. (СНВ-2), 2010 (СНВ-3), Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) 2002 г.

После распада СССР и возникновения трех новых государств, обладающих ядерным оружием (Республика Беларусь, Казахстан и Украина), Россия и США проводили политику с целью обеспечения того, чтобы все ядерные арсеналы бывшего СССР были собраны на территории РФ¹⁶. Два государства наряду с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН осудили ядерные испытания, проведенные Индией 11 и 13 мая 1998 г. и Пакистаном 28 и 30 мая 1998 г.¹⁷ Россия и США выступили в качестве участников шестисторонних переговоров по ядерной программе Северной Кореи. Они совместно работали над решением иранской ядерной проблемы.

Приведенные примеры позволяют сказать, что Россия и США в целом стремятся к решению задачи по недопущению расширения количества участников ядерного клуба. Вместе с тем их позицию трудно считать абсолютно согласованной. Например, несмотря на то что Россия осудила проведение ядерных испытаний Индией и Пакистаном в 1998 г., она в то же время выступила против введения санкций в отношении указанных государств, так как, по мнению российских политиков, они не были оправданы ни с международно-правовой, ни с гуманитарной точек зрения. США демонстрировали более жесткую позицию, введя санкции в отношении обеих стран¹⁸. Более умеренной, по сравнению с США, можно считать позицию нашей страны по северокорейской ядерной программе. Разошлись позиции двух государств и по проблеме ядерной программы Ирана.

Сравнение познания угрозы распространения ядерного оружия политическим руководством России и США позволит внести вклад в решение проблемы, связанной с осмыслением механизмов кон-

¹⁶ *Trenin D.* Russia and Global Security Norms... P. 64.

¹⁷ Резолюция 1172 (1998), принятая Советом Безопасности на его 3890-м заседании 6 июня 1998 года. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1998/res1172.htm>

¹⁸ *Sathasivam K.* "No other Choice": Pakistan's Decision to Test the Bomb // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making / ed. by A. Mintz. New York, 2003. P. 66–67.

струирования угрозы посредством установления связей когнитивных и социально-политических процессов. В качестве примера конструирования выступает угроза создания Ираном ядерного оружия.

Постановка цели исследования требует дополнительной аргументации выбора субъектов конструирования угрозы. В качестве таковых рассматриваются президенты России и США – В. В. Путин, экс-президент Дж. Буш-мл. и действующий президент Б. Обама. Опираясь на исследования Дж. Александера¹⁹ и П. Бурдые²⁰, можно сделать вывод, что конструирование социальных значений – это процесс, подразумевающий конкуренцию. При этом наибольшими возможностями обладают субъекты, у которых сосредоточен символический капитал. В связи с этим выбор для анализа позиции глав государств России и США, которые представляют собой президентские республики²¹, по ядерной программе Ирана выглядит оправданным.

Объект – угроза распространения ядерного оружия.

Предмет – механизмы конструирования президентами России и США угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием.

¹⁹ Alexander J. C. The Social Construction of Moral Universals // Remembering the Holocaust: A Debate. New York, 2009. P. 3–103.

²⁰ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 17–33.

²¹ Президент как политический деятель, избранный на национальном уровне, часто рассматривается как лидер всей нации, который должен добиваться преимуществ во внешнеполитических инициативах. Более того, решения судебных инстанций обычно поддерживают президентские прерогативы во внешней политике. Сама природа президентской республики позволяет сосредоточить в руках конкретного президента и института президентства в целом огромную власть. Например, президент США – глава исполнительной власти, высшее должностное лицо американского государства – совмещает полномочия главы государства, главы правительства, главнокомандующего вооруженными силами страны и высшего дипломатического представителя страны на международной арене. Одновременно он – формальный лидер своей политической партии, не занимающий при этом какой-либо официальной должности в партийном аппарате (Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. С. 29–30). Полномочия президента Российской Федерации сопоставимы по своему властному потенциалу с полномочиями президента США (Конституция Российской Федерации (ст. 80–93). URL: <http://www.constitution.ru/>)

Исследование направлено на проверку следующих *гипотез*.

Гипотеза 1 заключается в предположении, согласно которому президенты России и США конструировали угрозу, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, с учетом характеристик нормативного, стратификационного, интеракционного и идеального измерений социальной позиции России, США и Ирана в системе международных отношений. Они выступают в качестве пред-конструкций, на которые опираются субъекты в процессе осмысления реальности как содержащей угрозу. Различия по отмеченным измерениям обуславливают появление различий в конструировании президентами России и США угрозы распространения ядерного оружия.

Гипотеза 2: конструирование угрозы представляет собой процесс социального познания, в основе которого лежат механизмы социального сравнения, рефлексии, эмпатии и каузальной атрибуции, позволяющие осмысливать воспринятую информацию с точки зрения основных измерений структуры общества.

Общая гипотеза 2 исследования конкретизируется в частных гипотезах.

Частная гипотеза 1: конструирование угрозы осуществляется на основе восприятия различий ключевых ценностей государств.

Частная гипотеза 2: формулировка суждения о наличии угрозы осуществляется на основе сопоставления статусных позиций государств. При этом угроза ассоциируется с наращиванием могущества и повышением статуса государства, от которого исходит угроза, а также усилением его позиций по сравнению с уровнем могущества и статусом субъекта, который воспринимает угрозу.

Частная гипотеза 3: субъект познания делает вывод о существовании угрозы, если государство совершает действия, которые не соответствуют его социальной позиции, или не совершает те действия, которые предписаны ею.

Частная гипотеза 4: восприятие угрозы сопровождается отсутствием эмпатии со стороны субъекта познания по отношению к государству, от которого ожидается причинение вреда.

Частная гипотеза 5: объяснение враждебных намерений осуществляется на основе атрибутивной конструкции, которая выводит их из характеристик, присущих возможному источнику угрозы,

а не из особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания. Кроме того, враждебные намерения связываются с нарушением формальных и/или неформальных правил и норм общества.

Частная гипотеза 6: конструирование угрозы связано с особенностями рефлексии. В частности, субъект, воспринимающий угрозу, приписывает оппоненту конструирование своего образа как враждебного.

Гипотеза 3. Существуют различия в конструировании угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, в периоды 2003–2006 и 2013–2014 годов. Наиболее заметные изменения наблюдаются в конструировании угрозы президентами США.

Для проверки гипотез проведено эмпирическое исследование процесса конструирования президентами России и США В. В. Путиным, Дж. У. Бушем и Б. Обамой угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, в 2003–2006, а также в 2013–2014 годах.

Выбор первого периода объясняется тем, что именно в указанные годы проходило конструирование ситуации вокруг ядерной программы Ирана как представляющей угрозу безопасности. Она привлекла внимание мирового сообщества и стала объектом рассмотрения в Совете Безопасности ООН, принятия резолюций, введения санкций, пересмотра двусторонних отношений, изменения категоризации событий.

Проблема ядерной программы Ирана приобрела новое звучание в свете подписанного в ноябре 2013 г. соглашения, предполагающего, что Иран прекратит деятельность в рамках своей ядерной программы в обмен на ослабление направленных против него санкций. В апреле 2015 г. совершен еще один шаг к разрешению иранской ядерной проблемы. В Лозанне подписано соглашение между Ираном и «шестёркой» мировых посредников, среди которых – США и Россия. Оно предполагает, что Иран ограничит программу по обогащению урана сроком на 25 лет и обеспечит доступ к ядерным объектам экспертам МАГАТЭ в обмен на снятие введенных против него санкций. Договоренности вступают в силу после подписания в июле 2015 г. итогового документа по иранской ядерной программе. Можно предположить, что прогресс в разрешении

иранской ядерной проблемы сопровождался изменениями в восприятии угрозы прежде всего США.

В качестве метода *сбора первичных данных* выступают различные методики *контент-анализа* текстов речей президентов России и США.

Обоснованием для использования текстов речей в качестве источника первичных данных служат следующие обстоятельства. Несмотря на примеры несовпадения дискурса и практик, тексты выступлений «первых лиц» государств достаточно часто используются для объяснения принятых решений и стратегий поведения государств²². Проблема обоснованности использования текстов для изучения конструирования угрозы встает особенно остро с учетом существования двух разных сторон этого процесса. Публичный политический дискурс не всегда позволяет обнаружить прямые суждения относительно наличия угрозы, а также уровня ее актуальности. Вместе с тем тексты отражают то *значение*, которое политические лидеры придают событиям, сопряженным с возможной угрозой, с точки зрения существующих правил, норм, идентичностей, интересов. При этом политики посредством текстов выражают не просто индивидуальную позицию по проблеме ядерной программы Ирана, а пытаются осмыслить, что означает развитие Ираном мирной атомной энергетики и возможность в перспективе создать ядерное оружие с точки зрения значимости для России существующего режима нераспространения; сотрудничества России и Ирана по ряду ключевых направлений. Приведенный перечень вопросов далеко не исчерпывающий, однако и он позволяет понять, что тексты речей отражают образы государства, от имени которого выступает автор текста, образ страны – источника угрозы, а также видение межгосударственных отношений. В связи с этим тексты речей релевантны цели изучения процесса конструирования угрозы.

В качестве источника материалов, позволяющих составить представление о позиции политического руководства России и США по иранской ядерной программе, использованы официальные сайты Президента Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru>)

²² См.: Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства...; Role Quest in the Post-Cold War Era: Foreign Policies in Transition / ed. by Ph. G. Le Prestre. Montreal; London; Buffalo, 1997.

и Президента США (<http://www.whitehouse.gov>)²³. Отбор утверждений осуществлялся при помощи поисковых систем сайтов по ключевым словам «иранская ядерная программа». При этом тексты сортировались по релевантности; отбирались те из них, которые соответствовали показателю релевантности тематики 50 % и выше. Не устанавливались ограничения по жанру материалов. В результате в выборку анализируемых утверждений вошли высказывания по изучаемой проблеме, содержащиеся в текстах официальных заявлений, интервью отечественным и зарубежным СМИ, ответах на вопросы в ходе пресс-конференций. Это способствовало преодолению искажений, возникающих в ходе работы с текстами одного типа, когда правила построения высказываний в каком-либо одном жанре могут повлиять на содержание передаваемой информации.

В результате выборку составили 30 текстов, описывающих позицию Президента США Дж. У. Буша по ядерной программе Ирана и 17 текстов речей Президента России В. В. Путина в 2003–2006 годах. Кроме того, отобраны 18 текстов 2013–2014 годов, отражающих оценки иранской угрозы Президента США Б. Обамы, и 20 текстов – В. В. Путина.

Отобранные тексты подвергнуты *контент-анализу* с целью выявления отдельных конструкторов и их комплексов, посредством которых происходила категоризация иранской ядерной программы президентами России и США. Для этого применялись следующие процедуры: 1) частотный анализ появления отдельных слов и их сочетаний; 2) выявление ассоциативных связей между ключевыми словами текстов; 3) тематический анализ. При этом особое внимание уделялось анализу ассоциативных сетей таких слов и их производных, как «Россия», «США», «Иран», «угроза», «оружие», «ядерный». Контент-анализ производился при помощи компьютерной программы T-lab 5.4. Pro.

Кроме того, тексты были проанализированы с точки зрения подсчета индексов операционального кода, отражающих представления президентов двух стран о политическом мире и способах взаимодействия с ним²⁴. Подсчет индексов осуществлялся

²³ В настоящее время тексты речей Дж. У. Буша доступны по следующей ссылке: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov>

²⁴ *Leites N. A Study of Bolshevism; Operational Code of Politburo.* New York,

в соответствии с методикой «Глагол в контексте» при помощи компьютерной программы Profiler+5.7.0.

Для проверки гипотез о значимости механизмов социального сравнения, эмпатии, рефлексии и каузальной атрибуции в конструировании суждения о существовании угрозы использовалась следующая процедура исследования.

В текстах речей президентов России и США выявлены характеристики образов их государств, а также образов Ирана. Для этого определена частота появления и содержание идентификационных, статусных и ролевых утверждений, характеризующих Россию и США (образ «Я» государства), а также Иран в контексте обсуждения возможности создания последним ядерного оружия.

Опишем процедуру контент-анализа на примере изучения образа России. Выявление характеристик образов США и Ирана осуществлялось по аналогичной схеме.

Процедура кодирования состояла из двух этапов. Первый предполагал отбор утверждений о месте и роли России в мире по содержанию в них следующих слов: «мы», «нас», «наш», «наши», «Россия» и т. д. На втором этапе отобранные утверждения кодировались как несущие информацию об идентичности, статусе или роли нашей страны на мировой арене.

В частности, *статусные утверждения* подразделялись на четыре группы: 1) раскрывающие отношения государства с другими участниками мировой политики; 2) характеризующие положение государства в системе международных отношений; 3) описывающие а) угрозы, с которыми сталкивается государство на международной арене, и б) возможности, предоставляемые средой международных отношений; 4) раскрывающие принципы построения международных отношений, которые разделяет конкретное государство.

Ролевые утверждения подразделялись на две группы: 1) описание обязательств, принятых на себя интересующим нас государством на международной арене; 2) принципы исполнения ролей.

1953; George A. L. The "Operational Code": A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making // American Foreign Policy. Theoretical Essays / ed. by G. J. Ikenberry. Glenview (Ill.); Boston; London, 1989. P. 483–506; Schafer M. Issues in Assessing Psychological Characteristics at Distance: an Introduction to Symposium // Political Psychology. 2000. Vol. 21, N 3. P. 511–527.

Среди *идентификационных утверждений* выделялись: 1) описания ключевых ценностей, разделяемых нацией; 2) характеристики политического режима в стране; 3) характеристики социально-экономической сферы; 4) значимые исторические события, которые рассматриваются как определяющие формирование национальной / государственной идентичности.

Приведем примеры идентификационных, статусных и ролевых утверждений.

Комментируя критику по поводу низкого уровня развития демократических институтов в России, В. В. Путин отметил: «Мы против использования подобной проблематики в качестве инструмента для достижения своих внешнеполитических целей или для того чтобы сделать из России нечто аморфное с точки зрения государственного образования, для того чтобы как-то манипулировать такой большой и системообразующей с точки зрения международных отношений страной, как Россия. Но мне кажется, что в этом не состоит цель наших партнеров. Во всяком случае, в диалоге с Президентом Бушем у нас никогда не возникало вопросов, которые осложняли бы наши отношения»²⁵. В приведенном утверждении содержатся разные категории статусных высказываний: описания отношений России и США (партнеры, диалог с президентом Бушем), положение нашей страны в мире (большая, системообразующая страна), а также принципы построения международных отношений (недопустимость использования бесосновательной критики процесса демократизации в России для манипуляции ею).

Замечания В. В. Путина о необходимости укрепления стратегической стабильности позволяют привести примеры ролевых утверждений: «Взяв обязательство сократить стратегические ядерные потенциалы в три раза, наши страны подтверждают преемственность процессу ядерного разоружения <...> А это особенно актуально в свете общей задачи борьбы с международным терроризмом...»²⁶.

²⁵ Путин В. В. Интервью «Радио Словенско» и словацкой телекомпании СТВ, 22 февраля 2005 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22837>

²⁶ Путин В. В. Совместная пресс-конференция с Президентом США Джорджем Бушем. Санкт-Петербург, 1 июня 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22018>

В этом высказывании содержатся как указания на обязательства России по сокращению стратегических ядерных потенциалов, задача борьбы с международным терроризмом, так и принципы исполнения ролей (преимущество процессу ядерного разоружения, необходимость сотрудничества с другими странами для противодействия терроризму).

В качестве примера идентификационного утверждения может служить замечание В. В. Путина о ключевых ценностях россиян: «Незыблемой ценностью российской демократии была и есть свобода средств массовой информации, свобода слова. Это наши важнейшие завоевания, и, уверен, их никто не может отрицать»²⁷.

Обработка результатов осуществлялась посредством классификации идентификационных, статусных и ролевых утверждений и подсчетом частоты их появления. Затем из общего массива утверждений, характеризующих образы России, США и Ирана в текстах речей В. В. Путина, Дж. Буша и Б. Обамы, отобраны те, которые отражают использование механизмов социального сравнения, эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии в процессе познания угрозы, исходящей от Ирана. При этом принималась во внимание следующая операционализация конструктов. Об *эмпатии* свидетельствуют глагольные конструкции «мы понимаем позицию...», «разделяем озабоченность...», а также ссылки на необходимость учитывать интересы другого государства. На использование *рефлексии* указывают попытки политиков осмыслить то, как Иран воспринимает Россию и США. *Каузальные атрибуции* выявляются посредством рассмотрения содержащихся в текстах объяснений причин возникновения угрозы со стороны Ирана. На механизм *сравнения* указывают наречия «больше», «меньше», «такой же» и т. д.

Для *обработки результатов* использовался критерий непараметрической статистики хи-квадрат (χ^2) Пирсона – предназначен для сопоставления эмпирического распределения признака с теоретическим (равномерным, нормальным или каким-либо другими), а также для сопоставления двух, трех и более эмпирических распределений одного и того же признака.

²⁷ Путин В. В. Интервью японской газете «Йомури» и японскому информационному агентству Киодо цусин, 17 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24182>

Применялись также критерии описательной статистики (среднее, частота).

Анализ полученных результатов производился посредством сравнения содержания идентификационного, статусного и ролевого компонентов образа России и образа Ирана в тестах речей Президента РФ В. В. Путина, а также аналогичных компонентов образа «Я» США и образа Ирана в текстах речей президентов Дж. У. Буша и Б. Обамы в соответствии с гипотезами исследования.

4.3. Особенности конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия в 2003–2006 годах

4.3.1. Идеальное, интеракционное, нормативное и стратификационное измерения конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия

Процесс социального конструирования реальности предполагает перевод субъективных значений в устойчивые паттерны поведения. Политическое руководство России последовательно реализовывало в отношении Ирана политику, согласно которой, во-первых, действия Ирана в области развития ядерной энергетики не рассматривались как представляющие угрозу безопасности России и международной безопасности. Во-вторых, отношения между странами расценивались как дружественные, подчеркивалась необходимость продолжения продуктивного сотрудничества России и Ирана в области мирной атомной энергетики. В-третьих, российский лидер неоднократно подчеркивал важность задачи не допустить распространения ядерного оружия и требовал от Ирана выполнения международных обязательств в сфере нераспространения. В-четвертых, ситуация вокруг развития ядерной программы рассматривалась российской стороной с точки зрения реализации важных национальных интересов, которые позволяли усилить конкурентные преимущества России в качестве поставщика технологий в сфере атомной энергетики.

Отмеченные аспекты позиции России по ядерной программе Ирана соответствуют идеальному, интеракционному, нормативному и стратификационному измерениям структуризации социального пространства отношений двух стран.

Идеальное измерение угрозы, которая может исходить от Ирана, обладающего ядерным оружием, представлено отдельными конструктами и их комплексами, посредством которых происходило конструирование иранской ядерной программы. Результаты контент-анализа текстов речей Президента России В. В. Путина позволяют сделать вывод, что в 2003–2006 годах *иранская ядерная программа не рассматривалась российским политическим руководством в терминах угрозы*. Лишь в текстах 2005 года появляется тема «проблемности» ситуации, складывающейся вокруг Ирана. Результаты контент-анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Конструкты, составляющие ассоциативный ряд прилагательного «иранский», в текстах речей Президента России В. В. Путина (2005 г.)

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Проблема	4	4	5.333*
Партнер	5	4	2.618
Ядерный	13	6	0.410
Страна	2	2	2.286
Оружие	6	3	0.000
Позиция	3	2	0.410
Программа	3	2	0.410
Работать	4	2	0.000
Иран	9	2	6.349*
МАГАТЭ	3	1	0.410
Россия	5	1	2.618

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df = 1$).

В частности, ассоциативный ряд прилагательного «иранский» составляют существительные «проблема» ($\chi^2 = 5,33$; $p = 0,05$)²⁸,

²⁸ Здесь и далее критерий χ^2 применяется для оценки значимости совместного появления двух понятий в анализируемых текстах. Заданные критические значения χ^2 для числа степеней свободы (df) = 1 составляют 3.84 ($df = 1$; $p. 0.05$) и 6.64 ($df = 1$; $p. 0.01$). Расчет критерия эмпирических значений критерия осуществляется компьютерной программой T-lab 5.5.

«партнер» ($\chi^2 = 2,61$), «Россия» ($\chi^2 = 2,61$)²⁹. Таким образом, Иран воспринимается прежде всего как партнер России. Его разработки в ядерной области рассматриваются именно как проблема, предмет спора и разногласий, нежели угроза. Отмеченные смысловые оттенки поддерживаются ассоциативной цепочкой существительного «оружие». Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Конструкты, составляющие ассоциативный ряд существительного «оружие», в текстах речей Президента России В. В. Путина (2005 г.)

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Программа	5	5	12.121**
Ядерный	13	6	2.215
Иранский	8	3	0.000
Соглашение	4	2	0.356
Иран	9	3	0.152
Партнер	5	2	0.019
МАГАТЭ	3	1	0.027
Позиция	3	1	0.027
Проблема (трудность)	3	1	0.027
Проблема (спорная ситуация)	4	1	0.356
Работать	4	1	0.356
Россия	5	1	0.950

** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df = 1$).

Значимые связи образованы с существительным «программа» ($\chi^2 = 12,12$; $p = 0,01$). Именно возможное военное использование разработок в ядерной сфере составляет сущность рассматриваемой ситуации.

²⁹ Значения критерия $\chi^2 = 2,61$ для существительных «партнер» и «Россия» не достигают уровня критических значений. В связи с этим ассоциативные связи между ними и прилагательным «иранский» нельзя считать значимыми.

В 2006 году описание ситуации вокруг Ирана как «проблемы» сменяется выражением «озабоченности». Результаты контент-анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
существительного «Иран», в текстах речей
Президента России В. В. Путина (2006 г.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Технология	8	5	6.284*
Озабоченность	7	4	3.911*
Призывать	4	3	5.258*
Отношения	4	3	5.258*
Право	4	3	5.258*
Партнер	17	6	1.007
Иранский	13	5	1.281
Безопасность	6	3	1.940
Программа	7	3	1.126
Решение	4	2	1.245
Гарантировать	4	2	1.245

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df = 1$).

Величина критерия χ^2 для ассоциативной связи понятий «Иран» и «озабоченность» составляет 3,91 ($p = 0,05$). Значимые ассоциативные связи с понятием «Иран» также образуют: «технология» ($\chi^2 = 6,28$; $p = 0,05$), «право» ($\chi^2 = 5,28$; $p = 0,05$), «отношения» ($\chi^2 = 5,28$; $p = 0,05$), «призывать» ($\chi^2 = 5,28$; $p = 0,05$). Отмеченные связи позволяют, во-первых, сделать вывод, что, несмотря на выражение озабоченности действиями Ирана, российский лидер признает право этого государства на развитие ядерных технологий. Кроме того, ассоциативные связи отражают те усилия, которые предпринимает Россия вместе с другими странами по предотвращению трансформации мирной ядерной программы Ирана в военную.

Зафиксированные тенденции конструирования угрозы президентом В. В. Путиным подтверждаются и результатами, полученными при помощи методики «Глагол в контексте», направленной на изучение операционального кода политиков³⁰. Наиболее выраженные отличия наблюдаются на уровне философских убеждений о природе политического мира. В частности, В. В. Путин воспринимает мир как определенно дружественный (P-1: Природа политического мира = 0,72), открывающий возможности для контроля политических процессов (P-4: Контроль над историческим развитием = 0,64). При этом российский лидер отмечает и возможность непредвиденного развития событий. Индекс, обозначающий воспринятый уровень предсказуемости будущего (P-3), составляет = 0,37. В целом соотношение индексов указывает на то, что, хотя В. В. Путин и признает наличие определенных рисков, которые могут возникнуть вокруг ядерной программы Ирана, он чувствует себя способным контролировать их и даже управлять ими.

Отмеченные характеристики восприятия ситуации вокруг ядерной программы Ирана позволяют сделать вывод, что Президент России В. В. Путин рассматривал ее с точки зрения не только ожидаемых проблем, но и открывающихся возможностей. Они связаны с особенностями отношений между Россией и Ираном и составляют содержание *интеракционного измерения угрозы*.

Хотя непосредственные политические контакты России и Ирана в рассматриваемый период не отличаются интенсивностью, В. В. Путин характеризует Иран как «соседа» и «партнера» нашей страны, с которым развиваются позитивные двусторонние отношения. В 2003 году подобные утверждения, характеризующие отношения Ирана и России, составили 74 %, в 2005 г. – 23 %, в 2006 г. – 40 %. Несмотря на то что количество утверждений, характеризующих положительные тенденции в развитии двусторонних отношений, к 2005–2006 годам существенно уменьшилось, Иран продолжает восприниматься как государство, дружественное России.

Отмеченная тенденция довольно устойчива и не изменила направленности с приходом к власти в нашей стране нового президента – Д. А. Медведева. 28 августа 2008 г., 18 ноября 2010 г. и 15 июня

³⁰ Schafer M. Issues in Assessing Psychological Characteristics at Distance: an Introduction to Symposium // Political Psychology. 2000. Vol. 21, N 3. P. 511–527.

2011 г. состоялись встречи президентов России и Ирана. При этом российский лидер отметил важность продолжения мирной ядерной программы Ирана³¹. В то же время Россия в период президентства Д. А. Медведева поддержала резолюцию 1029 Совета Безопасности ООН³², которая предполагала введение санкций против Ирана. Кроме того, президент России издал указ, запрещающий поставки Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300 в качестве одной из мер, предусмотренных резолюцией. Однако, по мнению экспертов, принятые меры означали скорее преодоление старых разногласий в области российско-американских отношений³³, нежели принципиальное изменение позиций по ядерной программе Ирана и его двусторонних отношений с Россией.

Еще одно измерение, лежащее в основе конструирования угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, – *стратификационное*.

Особенности конструирования политическим руководством России угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, обусловлены интересами нашей страны. Россию и Иран связывают совместные проекты в области энергетики, транспорта, военно-технического сотрудничества. При этом, после того как Китай в 1997 году взял на себя обязательство не предоставлять Ирану помощь в ядерной области, Россия осталась единственным крупным экспортером, готовым открыто продолжать поставки Ирану. В качестве основы для сотрудничества двух стран выступили подписанные в августе 1992 г. соглашения «О сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии» и «О сотрудничестве в сооружении атомной электростанции на территории Ирана»³⁴. Сотрудничество в этой сфере было выгодно для обеих сторон,

³¹ Медведев Д. А. Встреча с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, 18 ноября 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/9542>

³² Resolution 1929 (2010) Adopted by the Security Council at its 6335th meeting, on 9 June 2010. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929\(2010\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929(2010))

³³ Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России: доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений Дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/US-Russia%20relations_rus.pdf.

³⁴ Россия в формировании международной системы профилактики

поскольку Иран пытался завершить строительство реактора, остановленное революцией и ирано-иракской войной, а Россия планировала увеличить свою роль в качестве поставщика технологий в сфере атомной энергетики. Как отмечает Д. Тренин, «интересы военно-промышленного комплекса оказали существенное влияние на формирование отношения России к ядерной программе Ирана»³⁵.

Россия, поддерживая Иран в его усилиях развивать мирные ядерные технологии, столкнулась с ограничениями либо попытками ограничения деятельности в сфере развития атомной энергетики. В одном из выступлений В. В. Путин отмечает, что «равноправия пока на рынке ядерного топлива мы не наблюдаем. Здесь ущемляются российские интересы. И мы будем добиваться того, чтобы взаимоотношения с нашими партнерами были здесь более сбалансированными и отвечали взаимным интересам»³⁶. Кроме того, отдельные российские предприятия и институты стали объектом санкций, введенных США за их сотрудничество с Ираном. В результате недобросовестная конкуренция на рынке мирных атомных технологий рассматривалась президентом России в 2003 году в качестве ключевой угрозы, связанной с развитием иранской ядерной программы.

Вместе с тем, несмотря на значимость идеального, интеракционного и стратификационного измерений в конструировании угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, наибольший вес приобрело *нормативное измерение*. Это измерение находит отражение в действиях субъектов в форме исполняемых ими *социальных ролей*, т. е. ожидаемого поведения, которое определяется нормативными обязанностями и соответствующими этим обязанностям правами³⁷.

Конструирование Президентом России угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осущест-

распространения оружия массового поражения / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М., 2008. С. 81.

³⁵ Trenin D. Russia and Global Security Norms. P. 67.

³⁶ Путин В. В. Ответы на вопросы российских журналистов по завершении официальных визитов в Южно-Африканскую Республику и Королевство Марокко, 7 сентября 2006 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23783>

³⁷ Волков Ю. Г. Социология: лекции и задачи. М., 2003. С. 94.

влялось в контексте двух наборов ролей. Первый раскрывает права и обязанности России в отмеченных областях; второй содержит описание набора прав и обязанностей, которыми обладает Иран в сфере нераспространения ядерного оружия и развития мирной ядерной программы.

Начнем анализ с рассмотрения *ролевой концепции России*.

Сокращение ядерного оружия, а также обеспечение нераспространения оружия массового уничтожения вошли в перечень обязательств нашей страны еще в период существования СССР и сохраняют актуальность в ролевой концепции современной России. В текстах 2000 г. отмеченные задачи упоминаются в 20 % внешнеполитических ролевых утверждений; в текстах 2001 г. – в 3 % утверждений; в 2002 г. – 6; 2003 г. – 7; 2004 г. – 7; 2005 г. – 4; 2006 г. – 6 % утверждений³⁸. Динамика описанных ролевых утверждений развивается в сторону постепенного уменьшения частоты упоминания об обязательствах России в области обеспечения нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и разоружения. Однако, по нашему мнению, это связано не со снижением значимости этой сферы ответственности в ролевой концепции России, а, скорее, с расширением перечня ролей в других областях.

Как показывают результаты исследований, решение проблем в этой области составляло важное направление внешнеполитической деятельности СССР и России в 90-е и 2000-е годы³⁹. Включение подобных обязательств в ролевую концепцию России объясняется существованием многочисленных вызовов и угроз, с которыми сталкивается наша страна и другие участники международных отношений в связи с продолжающимся распространением ядерного оружия, материалов и технологий его производства. На основе анализа текстов речей Президента России В. В. Путина можно отметить следующие угрозы, которые расцениваются российским политическим руководством как наиболее значимые для безопасности

³⁸ Смирнова А. Г. Идентичность России как участницы «Группы восьми»: гипотезы и их обоснование // Россия в «Группе восьми» / под ред. И. Ю. Киселева. СПб., 2009. С. 88.

³⁹ Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб., 2006; Grossman M. Role Theory and Foreign Policy Change... P. 344.

России: распространение ядерного оружия и средств его доставки; возможность наличия ядерного оружия у Ирака; теракты с применением ядерного оружия; выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договора по ПРО); ядерная программа Ирана; ядерная программа Северной Кореи; расширение географии регионов, из которых исходят угрозы; размещение оружия массового уничтожения в космосе; размывание норм, регулирующих процесс распространения ядерного оружия и средств его доставки; угрозы, исходящие от стран-изгоев, и другие⁴⁰.

Восприятие российским президентом угроз, связанных с существованием ядерного оружия, в рассматриваемый период характеризуется двумя особенностями.

Во-первых, оценки угроз отличается стабильностью. Почти все отмеченные источники опасности встречаются в текстах речей разных лет. При этом упоминания о двух из них – распространении ядерного оружия и средств его доставки, а также возможности совершения терактов с применением ядерного оружия – встречаются на протяжении всего анализируемого периода. Вместе с тем в представленный перечень входят угрозы, которые актуальны лишь в ограниченный период времени. В качестве примеров могут выступать три из них. Так, проблемы в области обеспечения безопасности, связанные с выходом США из Договора по ПРО от 1972 г., отмечаются Президентом РФ В. В. Путиным только в текстах 2000 и 2001 годов. Возможность наличия у Ирака ядерного оружия выступает в качестве одной из важных тем обсуждения в 2002–2005 годах. Угрозы, исходящие от «стран-изгоев», упоминаются только в текстах 2001 года. Используемая формулировка заимствована из американского политического дискурса и не применяется в текстах, относящихся к другим периодам.

Во-вторых, перечисленные источники опасности необходимо подразделить на собственно *угрозы* и *вызовы*. Последние, в отличие от угроз, сопряжены как с возможными негативными последствиями, так и преимуществами в зависимости от развития ситуации.

⁴⁰ Смирнова А. Г., Афонин М. В. Конструирование имиджа и образа России в «Группе восьми» при обсуждении проблемы распространения ядерного оружия // Россия в «Группе восьми» / под ред. И. Ю. Киселева. СПб., 2009. С. 194.

Примером вызовов в области безопасности могут служить попытки ряда государств развивать собственные мирные ядерные программы (Северная Корея и Иран). С одной стороны, Президент России отмечает, что деятельность перечисленных государств «по каким бы то ни было оружейным программам является неприемлемой»⁴¹, с другой – он оценивает угрозы, исходящие от них, как умеренные и не направленные против России⁴².

Наибольшей частотой упоминания отличается угроза распространения ядерного оружия и средств его доставки, например ракетных технологий. При этом важно отметить, что она включает в себя ряд частных источников опасности.

Первый источник связан с увеличением количества стран, обладающих ядерным оружием, *второй* – с возможностью трансформации ядерного оружия из инструмента сдерживания в средство ведения военных действий. В качестве примера выступают планы США по созданию ядерных зарядов малой мощности, проекты оснащения баллистических ракет на подводных лодках и в целом межконтинентальных ракет обычными боеголовками. В результате подобные проекты могут иметь дестабилизирующий характер, понижать порог применения ядерного оружия, иметь разрушительные последствия для режима ядерного нераспространения, приводить к возникновению конфликтов, разрешаемых посредством применения ядерного оружия. *Третий* источник – это распространение не только ядерного оружия, технологий и материалов, необходимых для его создания, но и средств его доставки. Иначе говоря, ряд государств ведет активные разработки в области создания ракет, которые могут нести ядерный заряд. Особую обеспокоенность вызывают испытания ракет, которые проводятся странами, одновременно развивающими ядерные программы, – Северной Кореей и Ираном. Вместе с тем президент В. В. Путин не склонен драматизировать ситуацию вокруг развития ракетных программ этими государствами.

⁴¹ Путин В. В. Интервью египетской газете «Аль-Ахрам», 25 апреля 2005 г., Москва, Кремль. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22930>

⁴² Путин В. В. Интервью британской телерадиокорпорации «Би-би-си», 22 июня 2003 г. URL: <http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d80022638743256d4e002fa784?OpenDocument>

Распространение ядерного оружия и средств его доставки напрямую связано с возможностью доступа к этому оружию террористов. Как следствие, появляется угроза совершения терактов с использованием ядерного оружия. Современный мир характеризуется возрастающей доступностью ядерных материалов и технологий. Этому способствуют снижение эффективности экспортного контроля, а также тот факт, что в качестве «распространителей» технологий и материалов все чаще выступают *негосударственные криминальные* структуры. Существование «черного рынка» увеличивает риск получения доступа к оружию массового уничтожения террористических организаций⁴³.

В перечень угроз в области распространения ядерного оружия входит опасность размывания норм, регулирующих процесс распространения ядерного оружия и средств его доставки. При этом важно отметить, что, с точки зрения В. В. Путина, она представляется даже более значимой, чем развитие странами собственных ядерных или ракетных программ. В качестве примера может выступать суждение президента по поводу того, имеет ли Северная Корея право на развитие своей ракетной программы. Он подчеркивает, что КНДР «не является участником соответствующих международных соглашений, которые ограничивают деятельность в этой сфере <...> И когда северокорейские партнеры говорят об этом, они – нравится это кому-то или не нравится, – они правы», – отмечал президент⁴⁴.

Существующие угрозы определяют содержание *обязательств* России в области нераспространения ядерного оружия. В частности, в рассматриваемый период В. В. Путин сформулировал для нашей страны следующие задачи: обеспечение нераспространения ядерного оружия (26 % ролевых утверждений), обеспечение международной безопасности (10 %), сокращение вооружений (8 %), разрешение ситуации вокруг ядерных программ Ирана (6 %)

⁴³ Пикаев А., Степанова Е. Нераспространение и ядерный терроризм // Ядерное оружие после «холодной войны» / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., 2006. С. 310–357.

⁴⁴ Путин В. В. Стенограмма интернет-конференции Президента России, 6 июля 2006 г., Москва, Кремль. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23691>

и Северной Кореи (5 %), обеспечение доступа к современным ядерным технологиям (3 %) и борьба с терроризмом (2 %)⁴⁵.

В приведенном перечне ролей важно выделить такое направление деятельности, как *сокращение вооружений* в качестве меры по противодействию распространению ядерного оружия. На решение этой задачи направлены совместные усилия России и США по сокращению стратегических наступательных вооружений. В рассматриваемом контексте необходимо упомянуть Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. и Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) 2010 г.

Вместе с тем эксперты подчеркивают, что на рубеже XX и XXI века значимость ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности России существенно возросла⁴⁶. В 1982 году в СССР была провозглашена политика неприменения ядерного оружия первыми. Однако в 1993 году политическое руководство России отказалось от этого принципа в связи с сокращением обычных вооружений. В частности, А. Кокошин, характеризуя ситуацию в области обеспечения безопасности, которая сложилась в России после распада СССР, отмечал, что в условиях, когда отсутствуют возможности создать мощные вооруженные силы, оснащенные обычными вооружениями, ядерный щит приобретает особое значение в предотвращении агрессии⁴⁷. В 1997 году в Концепции национальной безопасности России содержится указание на то, что ядерное оружие будет применено только в случае угрозы «существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства»⁴⁸. В Концепции национальной безопасности 2000 года, подписанной В. В. Путиным, отмечается, что ядерное оружие может быть применено для «отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной

⁴⁵ Смирнова А. Г., Афонин М. В. Конструирование имиджа и образа России в «Группе восьми»... С. 198–199.

⁴⁶ Chyba Ch., Sasikumar K. A World of Risk... P. 13.

⁴⁷ Приведено по по: Fedorov Yu. Russia's Doctrine on the Use of Nuclear Weapons. Pugwash Meeting 279, November 2002. URL: <http://www.pugwash.org/reports/nw/fedorov.htm>

⁴⁸ Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 13. URL: <http://stra.teg.ru/library/national/34/2/0>

ситуации исчерпаны или оказались неэффективными»⁴⁹. Военная доктрина России 2000 года более подробно раскрывала условия применения ядерного оружия. В частности, в документе подчеркивалось, что «в современных условиях Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях»⁵⁰. При этом «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»⁵¹. Военная доктрина 2010 года в целом воспроизводит условия применения ядерного оружия, которые отражены в редакции этого документа 2000 года. Однако из новой формулировки исключено прилагательное «крупномасштабный» в качестве характеристики агрессии против России. Ядерное оружие может быть применено «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»⁵².

Таким образом, противодействие России угрозам, связанным с распространением ядерного оружия, осуществляется посредством применения стратегии, которая основана на противоречивых принципах. С одной стороны, одна из ключевых задач нашей страны на международной арене связана с сокращением вооружений. С другой стороны, Россия не только не стремится отказываться от ядерного оружия, но и придает ему все возрастающее значение в обеспечении национальной безопасности. Подобное противоречие в политике одного из крупнейших ядерных государств, которое в соответствии

⁴⁹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm>

⁵⁰ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21 апреля 2000 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/04/30844.shtml>

⁵¹ Там же.

⁵² Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/461>

с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) взяло на себя обязательство способствовать построению мира без ядерного оружия, может служить для других стран стимулом к развитию собственных ядерных программ и созданию оружия.

В ролевой концепции России содержится ссылка на необходимость глобального партнерства государств для предотвращения распространения ядерного оружия. В. В. Путин обозначает довольно широкий круг стран, с которыми Россия сотрудничает в ходе обеспечения нераспространения ядерного оружия. В их числе: США, Иран, Индия, Китай, Ирак, Италия, Великобритания, Германия, Индия, Южная Корея, Япония, Венгрия, Нидерланды, Северная Корея, Франция. Кроме того, Россия предпринимает шаги по обеспечению нераспространения ядерного оружия посредством координации усилий с другими странами в различных международных организациях. Среди них: Совет Безопасности ООН, МАГАТЭ, «Группа восьми», НАТО, ОБСЕ. Перечисленные государства можно разделить на две группы. В первую группу входят страны, которые вместе с Россией регулируют процессы распространения ядерного оружия (США, Италия, Франция, Германия, Великобритания, Китай, Япония). Вторую группу образуют государства, с которыми наша страна ведет совместную работу в области ядерной энергетики (Индия, Иран, Китай).

Такая позиция России содержит в себе определенные противоречия. С одной стороны, наша страна стремится к тому, чтобы не появились новые ядерные государства, а те страны, которые обладают этим видом вооружений, предприняли бы шаги в области разоружения. С другой стороны, она сотрудничает со странами, которые мировое сообщество рассматривает в качестве потенциальных обладателей ядерного оружия. Такого рода сотрудничество становится причиной осложнения отношений России с ее партнерами в области нераспространения и разоружения, например с США. Вместе с тем отмеченное противоречие смягчается тем, что наша страна развивает сотрудничество с государствами, *не нарушая взятых на себя обязательств* в сфере нераспространения. Этот принцип исполнения ролей присутствует в ролевой концепции нашей страны на протяжении всего рассматриваемого периода.

Конструирование иранской угрозы Президентом России осуществлялось не только с точки зрения прав и обязательств нашей

страны в сфере нераспространения ядерного оружия, но и с учетом прав и обязательств Ирана, отраженных в ролевой концепции этого государства так, как она понимается российским лидером.

Ролевая концепция Ирана, сконструированная В. В. Путиным в 2003–2006 годах, не отличается сложностью. Она обозначает позицию Ирана в сфере нераспространения посредством определения следующих его прав и обязательств.

С одной стороны, Иран рассматривается как государство, которое должно отказаться от создания ядерного оружия и выполнять взятые на себя обязательства в сфере его нераспространения. В текстах 2003 г. важность этой задачи подчеркивается в 66 % ролевых утверждений; 2005 г. – 100 %; 2006 г. – 86 %. При этом, по мнению В. В. Путина, контроль над соблюдением обязательств должны взять на себя международные организации, прежде всего МАГАТЭ. С другой стороны, Президент России подчеркивает необходимость соблюдать права Ирана в области развития мирных атомных технологий, учитывать и не ущемлять его национальные интересы. В текстах 2005 года важность этой задачи подчеркивается в 100 % утверждений о принципах исполнения Ираном ролей; в 2006 г. – 50 %.

Содержание ролевой концепции России позволяет определить ключевую особенность политики нашей страны в области противодействия распространению ядерного оружия в рассматриваемый период. Как подчеркивает Д. Тренин, Россия использует прагматический, а не идеологический подход к проблеме распространения ядерного оружия: «...реакция России на государство, стремящееся приобрести ядерное оружие, в меньшей степени направляется “доктринерским” отвержением и в большей степени – стратегическими оценками того, как перспективы приобретения ядерного оружия данным государством может угрожать интересам России»⁵³. Отражением подобного подхода служит политика России в отношении ядерной программы Ирана. Более того, по мнению А. В. Фененко, становление российской политики в сфере нераспространения проходило на фоне дискуссий по этой проблеме⁵⁴. При этом обоснованием подобной прагматичной политики служит позиционирование России и Ирана как равноправных

⁵³ *Trenin D. Russia and Global Security Norms...* P. 65.

⁵⁴ Россия в формировании международной системы профилактики распространения... С. 81.

участников международных отношений, которые могут реализовывать законные права в области развития мирных атомных технологий при неукоснительном соблюдении взятых на себя обязательств в области нераспространения ядерного оружия.

Таким образом, конструирование Президентом Российской Федерации В. В. Путиным угрозы, исходящей от Ирана в 2003–2006 годах, как умеренной соответствовало социальным позициям двух государств в системе международных отношений, наделяющих Россию и Иран правами и обязательствами в области военных и мирных ядерных технологий. С точки зрения политического руководства нашей страны, пока Иран исполняет взятые на себя обязательства и действует в пределах прав, соответствующих его позиции в сфере нераспространения, угрозы невысоки.

Полученные результаты позволяют подтвердить *гипотезу 1* исследования, в соответствии с которой конструирование Президентом России угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осуществлялось в соответствии с характеристиками нормативного, стратификационного, интеракционного и идеального измерений социального пространства российско-иранских отношений. Перечисленные измерения выступают в качестве пред-конструкций, на которые российский лидер опирался, рассматривая угрозу, исходящую от Ирана, как умеренную.

4.3.2. Механизмы конструирования Президентом России угрозы распространения ядерного оружия

Конструирование Президентом России В. В. Путиным угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осуществляется за счет применения механизмов социального сравнения, эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии.

Представленный ранее обзор результатов теоретических и эмпирических исследований (гл. 2, раздел 2.5) позволяет подчеркнуть значимость механизма *сравнения* в познании угрозы. В связи с этим имеет смысл остановиться на нем в самом начале.

В ситуации угрозы сравнению подвергаются идентификационный, статусный и ролевой компоненты образов взаимодействующих государств, а именно России и Ирана. Поэтому, прежде чем анализировать результаты сравнения, опишем структуру

и содержание образов двух стран, сконструированных в текстах речей Президента РФ В. В. Путина в 2003–2006 годах.

Структура образа России характеризуется преобладанием *ролевых утверждений*, которые составляют 63 % от общего количества анализируемых утверждений. Далее по частоте появления следуют *статусные* (31 %) и *идентификационные* (6 %) утверждения. Иначе говоря, образ России конструируется в соответствии с *ролевым паттерном*, который характеризуется приданием наибольшей значимости выполнению государствами принятых на себя обязательств, функций, признанию за собой определенных сфер ответственности при разрешении ситуации вокруг иранской ядерной программы.

В свою очередь, структура образа Ирана характеризуется доминированием *статусных утверждений* (77 %). Затем по частоте появления следуют ролевые (18 %) и идентификационные (5 %) утверждения. Полученные результаты позволяют утверждать, что, в отличие от образа России, образ Ирана конструируется в соответствии со *статусным паттерном*, т. е. с точки зрения положения этого государства в системе международных отношений.

Важная особенность образов России и Ирана в текстах речей российского лидера состоит в придании низкой значимости идентичности двух государств. Это означает, что политика России по проблеме распространения ядерного оружия в малой степени подвержена влиянию ценностей, составляющих идентичность страны, лишена идеологических оценок. Важно подчеркнуть, что ее решение отделено от необходимости одновременно демонстрировать свою приверженность каким-то определенным ценностям.

Для сравнения можно привести пример внешнеполитической деятельности СССР конца 80-х годов и России начала 90-х годов, когда принятые решения проверялись на соответствие западным демократическим ценностям. Так, выступая в конгрессе США, М. С. Горбачев так сформулировал основной принцип советско-американских отношений: «...то, что не выгодно Соединенным Штатам Америки, должно по большому счету, если мыслить перспективно, быть не выгодно и нам ... Я стараюсь исходить из этой посылки при подходах ко всем проблемам»⁵⁵. Министр иностранных дел РФ А. В. Козырев

⁵⁵ Горбачев М. С. Выступление в конгрессе США // Правда. 1990. 6 июня.

рассматривал США и развитые страны Запада в качестве «естественных союзников России»⁵⁶. Он исходил из того, что долгосрочные национально-государственные интересы демократических держав не только не сталкиваются, но дополняют друг друга. По его мнению, подобные отношения сложились между Россией и США.

Политика России в сфере нераспространения ядерного оружия в начале 2000-х годов строилась на основе других принципов. Принимая решение относительно Ирана и его ядерной программы, В. В. Путин не пытался при этом определить, действует ли он тем самым как лидер демократического государства. Иначе говоря, сотрудничая со странами Запада в области нераспространения ядерного оружия, Россия не стремилась исходить исключительно из совпадения ценностей, солидарности стран демократического мира. Приоритетные национальные интересы в сфере решаемой проблемы имеют больший вес, а проблема идентичности «вынесена за скобки». Это означает, что при конструировании угрозы В. В. Путин *не опирается на сравнение ценностей двух государств*, т. е. подходит к познанию угрозы не с идеологических, а прагматических позиций.

Сделанный вывод подтверждается тем, что содержание идентификационного компонента образов двух государств связано с описанием *общих интересов* России и Ирана. В частности, В. В. Путин подчеркивает существование у иранского народа интересов, отражающих стремление развивать современные высокотехнологичные производства, в том числе и в сфере ядерной энергетики (33 % утверждений об идентичности Ирана). При этом Иран рассматривается как находящийся в сфере интересов России (29 % утверждений об идентичности России).

Вместе с тем существует также и *область возможного расхождения интересов* двух стран. Разделяя приверженность ценности мира (14 % утверждений об идентичности России) и отмечая тот факт, что распространение ядерного оружия не отвечает национальным интересам России (57 %), российский президент подчеркивает нежелательность обретения Ираном подобного оружия с учетом его расположения в конфликтогенном регионе (67 % утверждений

⁵⁶ Козырев А. В. Преображенная Россия в новом мире // Известия. 1992. 2 янв.

об идентичности Ирана). Однако в этом случае речь может идти о возможных вариантах развития событий в будущем. В настоящем, по мнению В. В. Путина, наши страны связывают общие интересы.

Таким образом, полученные результаты позволяют подтвердить *частную гипотезу 1* и продемонстрировать, что *умеренный уровень угрозы сопряжен с отсутствием значимых различий идентичностей* государств.

В реализации внешней политики России в начале 2000-х годов в целом и политики в отношении Ирана в частности бóльшую значимость приобрел *статусный компонент образа*. В этом заключается особенность самовосприятия нашей страны в рассматриваемый период. Статусные утверждения доминируют в образе России в 2000–2006 годах (57 %). Ситуация, связанная с ядерной программой Ирана также воспринимается преимущественно в контексте статусного компонента образа (31 %). 77 % статусных утверждений в текстах речей Президента России описывают образ Ирана.

При этом среди содержательных характеристик образа России заслуживает внимания позиционирование нашей страны, с одной стороны, как авторитетной мировой державы⁵⁷, а с другой – как полноценного и равноправного участника международных отношений, который не стремится к особому статусу на международной арене. Иначе говоря, политическое руководство России определило статусную позицию нашей страны иначе по сравнению с периодом 90-х годов. Если в 90-е годы Россия определялась в качестве великой державы, влиятельного центра мира, то в начале 2000-х годов наша страна позиционирована как европейское государство, полноправный участник международных отношений. Эта статусная позиция отражена в описании России в качестве региональной державы, «без ярко выраженных глобальных амбиций»⁵⁸, уделяющей внимание прежде всего реализации своих внутренних интересов. Высокая значимость подобного самоопределения подтверждается и тем, что оно применяется и для описания Ирана.

⁵⁷ В текстах 2000 г. подобные описания составляют 3 % статусных утверждений о положении России на мировой арене; 2002 г. – 7; 2003 г. – 14; 2004 г. – 13; 2005 – 12; 2006 – 7 %.

⁵⁸ Зевелев И. Россия и США в начале нового века: анархия – мать партнерства // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 76.

Классификация государств на проективные и интроективные⁵⁹ позволяет объяснить подобные изменения стиля внешней политики России. Проективные государства получают ресурсы для своего развития за счет распространения, проецирования на другие государства своего влияния в сфере экономики, культуры, социальной политики. Интроективные государства, напротив, развиваются за счет инвестиций со стороны других стран. СССР принадлежал к числу проективных государств. Россия в начале 90-х годов демонстрировала политику, свойственную интроективному государству. В 2000-е годы внешняя политика России соответствует стилю самодостаточных государств, которые стараются следовать особому пути во внутренней и внешней политике, реализуя свои прагматические интересы и поддерживая сотрудничество с широким кругом государств. Их внешнюю политику можно описать как активную, но непроективную по своему характеру.

В сочетании с низкой значимостью идентификационного компонента образа России статус регионального самодостаточного государства приводит к формированию такой репрезентации актуальных международных проблем, которая отражает в первую очередь интересы страны, нежели региона или мирового сообщества. Стиль мышления лидера «великой державы» предполагает конструирование перспектив развития ситуации не только для своей страны, но и мира в целом.

Отмеченные особенности статусного компонента образа России нашли отражение в формировании политики нашей страны в отношении Ирана в 2003–2006 годах. В частности, необходимо отметить, что российский президент не использует риторику конкуренции для описания отношений с Ираном. Более того, В. В. Путин определяет его в качестве партнера (83 % утверждений об ирано-российских отношениях). По мнению экспертов, Россия рассматривает Иран в качестве «обладающего влиянием регионального гегемона, который играет преимущественно кооперативную роль»⁶⁰. Так, Д. Тренин

⁵⁹ Киселев И. Ю., Скитяева И. М. О проективной стратегии в международных отношениях (о «национальной» идее) // Киселев И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М., 2000. С. 380–381.

⁶⁰ *Sadjadpour K. The Nuclear Players // Journal of International Affairs. 2007. Vol. 60, N 2. P. 128.*

отмечает конструктивную роль Ирана в установлении мира в Таджикистане и создании правительства, дружественного России. Кроме того, наша страна получила поддержку Ирана (в тот период председателя Организации Исламская конференция) в борьбе Москвы с сепаратистским движением в Чечне. Иран также «пресекал любые попытки мусульманских стран публично критиковать Москву за антитеррористическую кампанию 1999–2000 годов»⁶¹.

Вместе с тем умеренный уровень воспринятой угрозы связан с другим аспектом процесса сравнения характеристик статуса, а именно полученные результаты позволяют продемонстрировать существование воспринятого *расхождения предписанного статуса* Ирана и *статуса*, на которое это государство *претендует* в международных отношениях. В частности, Президент Российской Федерации подчеркивает, что Иран имеет право на новейшие технологии, в том числе и в сфере ядерной энергетики (23 % утверждений о месте Ирана в международных отношениях). Вместе с тем он разделяет и убеждение о том, что Иран не должен обладать ядерным оружием (7,6 %). Однако частота появления подобных утверждений невелика.

Таким образом, умеренный уровень воспринятой угрозы обуславливает достаточно противоречивые результаты процесса сравнения по статусному компоненту. С одной стороны, отсутствие отношений конкуренции и признание конструктивной роли Ирана в регионе служат основанием для убежденности в том, что это государство не стремится создать ядерное оружие, а работы в русле ядерной программы носят мирный характер. С другой стороны, российское руководство не отрицает полностью существования опасности и обосновывает ее рассогласованием предписанного и достигнутого статуса Ирана в области военных ядерных технологий. Как следствие, *частная гипотеза 2* получила подтверждение.

Сопоставление характеристик образов России и Ирана по ролевому компоненту позволяет проверить *частную гипотезу 3*. Субъект познания делает вывод о существовании угрозы, если другой совершает действия, которые не соответствуют его социальной позиции, определенной идентичностью и статусом государства на международной арене, и не совершает те, которые предписаны ему.

⁶¹ *Trenin D. Russia and Global Security Norms... P. 67.*

Идентификационный компонент образа Ирана, сконструированный Президентом Российской Федерации, создает основания для формулировки суждения о том, что Иран должен отказаться от обогащения урана (43 % утверждений о ролях Ирана). Однако ключевым фактором выступает расположение Ирана в конфликтном регионе. Как было показано ранее, Россия конструирует ситуацию вокруг Ирана в терминах *возможностей*, а не угроз национальной безопасности. В частности, наша страна пыталась за счет развития сотрудничества с Ираном усилить свои позиции на рынке мирных атомных технологий. Приведенные особенности статуса России и Ирана на международной арене позволяют объяснить присутствие в ролевой концепции России задачи по поиску возможностей обеспечить Ирану законный доступ к современным ядерным технологиям (16 % утверждений о ролях России) посредством создания международных центров по обогащению ядерных материалов (19,35 % утверждений). В свою очередь, от Ирана Россия ожидала поддержки такого предложения (14 % утверждений о ролях Ирана).

Результаты, полученные на примере российской выборки, не позволяют сделать вывод об однозначном подтверждении *частной гипотезы 3*, поскольку изменение зависимой переменной (уровень воспринятой угрозы) нельзя привести в соответствие с изменением независимой переменной (особенности восприятия ролей Ирана). С одной стороны, Президент Российской Федерации воспринимает роли Ирана как соответствующие статусу, подчеркивая, что Иран имеет право на новейшие технологии и ядерную энергетику в мирных целях (23 % утверждений о положении Ирана). С другой стороны, роли расцениваются как противоречащие идентичности государства. В этом случае гипотеза подтверждена только с точки зрения установления связи между воспринятой угрозой и исполнением государством ролей, не соответствующих его идентичности.

Подтверждение частных гипотез 1–2 позволяет сделать вывод о значимости механизма *сравнения* и установления *различий* для конструирования суждений о существовании угрозы.

Полученные результаты также дают основания утверждать, что наряду с осуществлением сравнений познание угрозы основывается и на других механизмах – *эмпатии*, *каузальной атрибуции* и *рефлексии*.

Сравнение частоты встречаемости утверждений, содержащих указания на применение эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии, позволяет сделать вывод, что в процессе познания угрозы, исходящей от Ирана, Президент России задействуют все перечисленные механизмы. Исключение составляет *рефлексия*. Она не используется российским лидером в процессе конструирования угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием. Среди рассмотренных утверждений, принадлежащих В. В. Путину, преобладают те, которые указывают на выражение эмпатии (74 %). Остальные (26 %) представляют собой атрибутивные суждения.

Анализ содержания перечисленных категорий подтверждает *частную гипотезу 4* о том, что восприятие угрозы сопровождается отсутствием эмпатии со стороны субъекта познания по отношению к государству, от которого ожидается причинение вреда.

Для обоснования сделанного вывода необходимо отметить, что утверждения, связанные с выражением эмпатии, подразделяются на два типа. Первый включает суждения о необходимости принимать в расчет интересы Ирана в области развития атомной энергетики в мирных целях. Второй содержит утверждения о том, что приобретение Ираном ядерного оружия не отвечает интересам мирового сообщества и поэтому усилия государства в этой области не заслуживают сочувствия и поддержки. Иначе говоря, суждения первого типа связаны с выражением эмпатии, второго – с сознательным отказом от сопереживания и демонстрацией осуждения.

В текстах речей В. В. Путина доминируют утверждения первого типа (65 % утверждений об эмпатии). В частности, российский лидер на протяжении всего рассматриваемого периода подчеркивал необходимость *учета интересов* Ирана в области развития мирного атома. «Иран – полноценный участник международного сообщества и имеет право развивать свои ядерные программы», – подчеркивал Президент России⁶². Подобная «терпимость» не только отличает политику России по отношению к Ирану, но и отражает базовую установку руководства нашей страны относительно государств, находящихся на пороге освоения ядерных технологий. «Как же мы можем всем странам

⁶² Путин В. В. Вступительное слово на встрече с секретарем высшего совета национальной безопасности Ирана Хасаном Роухани, 10 ноября 2003 г., Москва, Кремль. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22194>

мира, не входящим в ядерный клуб, закрыть путь к ядерным технологиям сегодняшнего и завтрашнего дня, особенно и прежде всего, конечно, в мирных сферах использования? Мы не можем этого сделать. Потому что, кроме Ирана, скоро возникнут другие страны. Мы же все не перекроем», – отметил В. В. Путин⁶³. Сделанному заявлению в полной мере соответствует позиция России и по северокорейской ядерной программе⁶⁴.

Вместе с тем имеют место и высказывания, свидетельствующие об отсутствии эмпатии к Ирану (34 % утверждений об эмпатии). Они, как правило, выражают убежденность политического руководства нашей страны в необходимости предотвратить распространение ядерного оружия. Так, В. В. Путин неоднократно обращал внимание на то, что Россию «не нужно убеждать в том, что оружие массового уничтожения не должно распространяться и разползаться по планете. Это касается не только Ирана, но и других регионов мира»⁶⁵.

Таким образом, умеренный уровень воспринятой угрозы в текстах речей российского президента сочетается с попытками взглянуть на происходящее с точки зрения Ирана, учесть его интересы, даже если его политика не находит поддержки у руководства России.

Следующими по частоте появления выступают *атрибутивные утверждения*, направленные на аргументацию суждений о наличии или отсутствии угрозы со стороны Ирана. Значимость подобных утверждений объясняется тем, что, как было показано ранее, в рассматриваемый период ситуация вокруг иранской ядерной программы еще не приобрела необходимых качеств угрозы. Ядерное оружие не создано, применяемые технологии не позволили получить высокообогащенный уран. Следовательно, Иран не обладал *возможностями* причинить вред. Другой важный компонент угрозы – *намерения* – также характеризовался высокой неопределенностью.

⁶³ Путин В. В. Интервью телеканалу Си-Ти-Ви (Канада), 12 июля 2006 г. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?topicid=3&id=891&ct=G8Summit>

⁶⁴ Смирнова А. Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 1. С. 111–126.

⁶⁵ Путин В. В. Совместная пресс-конференция с Президентом США Джорджем Бушем, Санкт-Петербург 1 июня 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22018>

В подобной ситуации можно было ожидать появления различных по содержанию суждений об уровне опасности, которая исходила от Ирана. В связи с этим особый интерес представляет анализ атрибутивных конструкций.

Президент России опирается преимущественно на три аргумента: 1) достижения Ирана в освоении ядерных технологий; 2) неподчинение требованиям Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); 3) открыто декларируемые намерения причинить вред Израилю.

Приведенные суждения опираются на разные объяснительные модели. Интерпретация намерений на основе аргументации первого типа предполагает конструирование угрозы как следствия расхождения предписанного статуса государства и того статуса, на который оно претендует. Действие подобного механизма было рассмотрено в ходе проверки *частной гипотезы 2*.

Наиболее очевидным источником информации о намерениях причинить вред выступают заявления лидера государства об основных приоритетах внешнеполитической деятельности, зафиксированные в различных документах, таких как стратегия национальной безопасности, концепция внешней политики. Содержание публичных выступлений главы государства также позволяет составить представление о его намерениях.

В связи с этим агрессивные заявления политического руководства Ирана в адрес Израиля расцениваются Президентом России В. В. Путиным в качестве одного из индикаторов враждебных намерений Ирана, которые могут быть реализованы в том числе и посредством ядерного оружия. Сравнивая шаги Ирана по развитию собственной ядерной программы с аналогичными действиями ЮАР и Бразилии, которые были предприняты в прошлом, российский лидер воспринимает их как менее опасные именно по той причине, что эти государства никогда открыто не декларировали намерения причинить вред другим странам. «К сожалению, иранские руководители об этом говорят публично, это не идет на пользу ни мировой безопасности, ни внешней политике самого иранского государства», – подчеркнул В. В. Путин⁶⁶.

⁶⁶ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 9 сентября

Таким образом, приведенные утверждения позволяют заключить, что конструирование суждений о существовании угрозы осуществляется на основе публично высказываемых намерений причинить вред пусть даже и не тому государству, которое президент представляет на международной арене. Однако в силу склонности индивидов экстраполировать тенденции и делать вывод о поведении актора на основе его действий в других ситуациях, враждебные намерения по отношению к Израилю, спонсирование террористов служат основанием для восприятия угрозы как направленной и в отношении других государств, региона, мира в целом.

Атрибутивная конструкция, предполагающая приписывание Ирану враждебных намерений на основе неподчинения им требованиям МАГАТЭ, опирается на другой механизм, который, согласно исследованиям Р. Джервиса⁶⁷ и Р. Коэна⁶⁸, предполагает, что суждение о существовании угрозы строится на основе воспринятого несоответствия предпринимаемых действий сложившимся правилам и нормам. Кроме того, Р. Джервис уделяет внимание затратам, которые государство готово понести в связи с осуществлением своих планов.

В выступлениях российского президента звучит озабоченность непростыми отношениями, которые сложились между руководителем Ирана и МАГАТЭ. Так, В. В. Путин отмечал, что «если, как иранское руководство говорит, у них нет планов на производство оружия массового уничтожения, ядерного оружия, то мы тогда не видим оснований для того, чтобы не допустить МАГАТЭ ко всем программам Ирана в ядерной сфере»⁶⁹.

Существенный вклад в поддержание подобной озабоченности вносит невыполнение Ираном обязательств, взятых на себя в соответствии с Парижскими соглашениями 2004 г., а именно полностью приостановить деятельность, связанную с обогащением и перера-

2006 г., Ново-Огарево. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/09/09/1930_type63376type63381_111114.shtml

⁶⁷ *Jervis R. Perceiving and Coping with Threat // Psychology and Deterrence / eds R. Jervis, R. Ned Lebow, J. G. Stein. Baltimore; London, 1985. P. 13–33.*

⁶⁸ *Cohen R. Threat Perception in International Crisis // Political Science Quarterly. 1978. Vol. 93, N 1. P. 93–107.*

⁶⁹ *Путин В. В. Интервью американской газете «Нью-Йорк Таймс», 4 октября 2003 г., Ново-Огарево. URL: <http://2004.kremlin.ru/text/appears/2003/10/53439.shtml>*

боткой урана. Подобное требование выглядит обоснованным, учитывая, что Иран смог добиться определенных успехов в развитии своей ядерной программы. В. В. Путин также отметил тот факт, что Россия всегда призывала Иран «к определенным самоограничениям, с тем, чтобы снять озабоченность у международной общественности»⁷⁰.

Приведенные суждения позволяют сделать вывод, что нарушение Ираном установленных правил и норм служит достаточным основанием для восприятия угрозы. Рассмотренные атрибутивные конструкции позволяют в целом подтвердить *частную гипотезу 5* о том, что объяснение враждебных намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик, нежели особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания.

Проверка *частной гипотезы 6* на российской выборке связана с определенными трудностями. В изучаемой выборке утверждений российского президента не были выявлены случаи применения рефлексии как инструмента конструирования угрозы. Это обстоятельство не позволяет однозначно определить, как уровень воспринятой угрозы зависит от содержания рефлексивных суждений.

Итак, умеренный уровень воспринятой угрозы основывается на отсутствии значимых различий ценностей и интересов России и Ирана, акцентировании существования партнерских отношений между государствами, а также – признании прав Ирана на развитие мирных атомных технологий и России – на реализацию своих интересов в качестве поставщика подобных технологий при соблюдении обязательств в области нераспространения. Вместе с тем атрибутивные конструкции, которые Президент России применяет при конструировании иранской угрозы, обозначают «зоны рисков» в политике Ирана. Заметные достижения этого государства в освоении атомных технологий и непоследовательная стратегия в отношениях с МАГАТЭ не исключают возможности появления намерений создать ядерное оружие.

⁷⁰ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай».

4.4. Особенности конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия в 2003–2006 годы

На примере процесса конструирования Президентом России угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, показаны особенности структуризации социального пространства российско-иранских отношений в условиях *умеренной* опасности. В этом разделе необходимо обратиться к особенностям конструирования угрозы, оцениваемой как *высокой*. Подобное восприятие угрозы продемонстрировал Президент США Дж. Буш в 2003–2006 годах.

4.4.1. Идеальное, интеракционное, нормативное и стратификационное измерения конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия

С точки зрения *нормативного измерения* убеждения американского политического руководства относительно перспектив распространения ядерного оружия основываются на двух противоречивых посылах, с одной стороны поддерживающих идеи «ядерных оптимистов», с другой – разделяющих некоторые аргументы «пессимистов» о последствиях распространения ядерного оружия⁷¹. Оптимисты полагают, что распространение ядерного оружия оказывает положительное воздействие на поддержание безопасности и позволяет предотвратить вооруженные конфликты между странами за счет своего мощного «сдерживающего» потенциала. В свою очередь, пессимисты доказывают, что распространение ядерного оружия имеет отрицательные последствия, поскольку приводит к международной и региональной нестабильности. Зачастую к приобретению подобного оружия стремятся государства из конфликтогенных регионов. А война может привести к серьезным последствиям, прежде всего к преодолению «табу» на применение ядерного оружия.

Политика США в области нераспространения на первый взгляд соответствует идеям пессимистов. Как было показано ранее, это государство сыграло ключевую роль в международных

⁷¹ Sagan S., Waltz K., Betts R. K. A Nuclear Iran: Promoting Stability or Courting Disaster // Journal of International Affairs. 2007. Vol. 60, N 2. P. 142.

усилиях по контролю над распространением ядерного оружия, в том числе в подготовке Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Вместе с тем сильны позиции и представителей противоположного лагеря, которые черпают оптимизм в идеях об эффективности механизма ядерного сдерживания. Например, К. Уолтц исходит из убеждения о том, что «ядерное оружие заставляет государства, которые обладают им, плыть в одной лодке»⁷². Иначе говоря, независимо от характеристик политических лидеров, принимающих решения, величины территории, опыта исторической враждебности логика ядерного сдерживания ведет к унификации поведения государств и остается действенной и в новую ядерную эру. Фактически в приведенной аргументации воспроизводится логика неореалистов о значимости принципов баланса сил, которые самодостаточны в условиях анархии, характеризующей международную систему.

Таким образом, убеждения американского политического руководства относительно нераспространения основываются на идеях как «оптимистов», так и «пессимистов». С одной стороны, допуская существование ядерного оружия в отдельных странах, США поддерживают убежденность первых в эффективности сдерживания. С другой стороны, подразделяя страны, стремящиеся к приобретению ядерного оружия, на «ответственные» и «безответственные»⁷³, США соглашаются с пессимистами в том, что новым ядерным государствам будет трудно создать эффективные системы контроля. Они столкнутся с непреодолимыми технологическими и организационными препятствиями для достижения стабильного сдерживания, повышая опасность применения ядерного оружия.

На практике подобные убеждения обусловили выработку политики, которая не только направлена на обеспечение нераспространения ядерного оружия, но и нацелена на предотвращение попыток ряда государств по его созданию. Ее основные принципы изложены в «Национальной стратегии борьбы с оружием массового

⁷² *Waltz K. Nuclear Stability in South Asia // The Use of Force. Military Power and International Politics / ed. by R. J. Art, K. N. Waltz. Lanham, 2004. P. 392.*

⁷³ *Carranza M. E. Can the NPT Survive? The Theory and Practice of US Nuclear Non-proliferation Policy after September 11 // Contemporary Security Policy. 2006. Vol. 27, N 3. P. 491.*

уничтожения», принятой в 2002 г.⁷⁴ Согласно этому документу, оружие массового уничтожения (ядерное, биологическое и химическое), находящееся в распоряжении враждебных государств и террористических организаций, представляет один из наиболее серьезных вызовов, с которыми сталкиваются США в области обеспечения безопасности.

В «Стратегии национальной безопасности» 2002 г. проблема распространения оружия массового уничтожения, в том числе и ядерного, поставлена более остро и возведена в статус опасности. Представляя основные положения этого документа, президент Дж. Буш подчеркнул: «Наиболее серьезная опасность, с которой сталкивается наша нация, лежит на пересечении радикализма и технологии. Наши враги открыто утверждают, что они стремятся приобрести оружие массового уничтожения, и доказательства служат признаком того, что они делают это с полной решимостью»⁷⁵. В «Стратегии национальной безопасности» 2006 г. в качестве наиболее серьезной угрозы также назван терроризм с применением оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного⁷⁶.

Таким образом, распространение ядерного оружия рассматривается как представляющее величайшую угрозу безопасности США. В то же время, анализируя приоритеты американской внешней политики в области безопасности, можно заметить, что американское политическое руководство уделяет основное внимание угрозам, исходящим от стран-изгоев, которые стремятся приобрести ядерное оружие. Однако детального освещения не получают возможные угрозы, исходящие от других ядерных держав.

Новые приоритеты в области обеспечения безопасности обусловили выработку мер, которые позволяют противодействовать угрозе распространения ядерного оружия. В частности, стратегия администрации Дж. Буша основывалась на трех составляющих: «контрраспространении, усилении режимов нераспространения, управлении

⁷⁴ National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, December 2002. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf>

⁷⁵ The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. URL: <http://merln.ndu.edu/whitepapers/USnss2002.pdf>

⁷⁶ The National Security Strategy of the United States of America, March 2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>

ликвидацией последствий применения ОМУ»⁷⁷. В частности, в «Национальной стратегии борьбы с оружием массового уничтожения» отмечается, что США готовы применить политику разъяснения и силу оружия с целью убедить потенциальных противников не стремиться к приобретению оружия массового уничтожения. При этом подчеркивается, что США оставляют за собой право ответить на применение оружия массового поражения против Америки, ее сил за рубежом, ее друзей и союзников посредством нанесения сокрушительного удара⁷⁸. Все отмеченные меры распространяются на так называемые пороговые страны. Они, по мнению Дж. Буша, принадлежат к категории государств, которые ни при каких обстоятельствах не должны обладать ядерным оружием. В этот перечень включен и Иран. В «Концепции национальной безопасности» 2006 г. в разделе, описывающем основные вызовы, которые сохраняют свою актуальность, первым упоминается Иран, нарушивший свои обязательства, предусмотренные Договором о нераспространении ядерного оружия и отказавшийся предоставить гарантии мирной направленности своей ядерной программы⁷⁹.

Таким образом, Президент США воспринимал уровень угрозы, исходящей от Ирана, как высокий и требующий принятия мер, которые позволили бы сделать ситуацию более предсказуемой с точки зрения обеспечения безопасности от угроз, связанных с появлением ядерного оружия у недемократического государства, недружественного США.

Вывод сделан на основе как нормативного, так и *идеального измерения угрозы*. Последнее представлено отдельными конструктами и их комплексами, посредством которых происходило восприятие иранской ядерной программы.

В частности, в текстах речей Президента США Дж. Буша 2006 г., поднимающих проблему ядерной программы Ирана, присутствует тема «угрозы». Результаты контент-анализа представлены в табл. 4.

⁷⁷ См.: The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. P. 13–14.

⁷⁸ National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, December 2002.

⁷⁹ The National Security Strategy of the United States, March 2006.

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
существительного «Иран», в текстах речей
Президента США Дж. Буша (2006 г.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Лидер	15	13	22,87**
Предложение	6	6	13,47**
Ядерный	81	35	8,49**
Угрожать	4	4	8,89**
Оружие	77	33	7,37**
Поддерживать	10	7	7,24**
Обязательства	5	4	5,6*
Опасный	5	4	5,6*

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df=1$); ** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df=1$).

Анализ совместного появления ключевых понятий позволяет обнаружить связь таких слов, как «Иран» и «угрожать» ($\chi^2 = 8,897$; $p = 0,01$), «оружие» ($\chi^2 = 7,37$; $p = 0,01$), «опасный» ($\chi^2 = 5,6$; $p = 0,05$) на значимом уровне⁸⁰. При этом ассоциативный ряд прилагательного «иранский» составляют конструкты «оружие» ($\chi^2 = 8,283$; $p = 0,01$) и «ядерный» ($\chi^2 = 6,065$; $p = 0,05$). Результаты контент-анализа представлены в табл. 5.

⁸⁰ Здесь и далее критерий χ^2 применяется для оценки значимости совместного появления двух понятий в анализируемых текстах. Заданные критические значения χ^2 для числа степеней свободы (df) = 1 составляют 3.84 ($df = 1$; $p. 0.05$) и 6.64 ($df = 1$; $p. 0.01$). Расчет критерия эмпирических значений критерия осуществляется компьютерной программой T-lab 5.5.

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
прилагательного «иранский», в текстах речей
Президента США Дж. Буша (2006 г.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Оружие	77	55	8,28**
Ядерный	81	56	6,06*
Режим	20	17	6,36*
Дипломатический	23	18	4,12*
Программа	15	14	8,04**
Амбиции	15	14	8,04**
Поддающийся контролю	10	10	7,47**
Изолировать	10	9	4,27*
Знания	8	8	5,88*
Отказаться	8	8	5,88*
Обогащение	7	7	5,12*
Приостановить	13	12	6,5*

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df = 1$); ** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df = 1$).

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что американский президент воспринимает угрозу со стороны Ирана как непосредственно связанную с работами в сфере ядерной энергетики. Вместе с тем ассоциативные связи слова «угроза» демонстрируют, что она рассматривается как направленная не против США, а Израиля – союзника Америки ($\chi^2 = 12,970$; $p = 0,01$).

Результаты контент-анализа представлены в табл. 6.

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
существительного «угроза», в текстах речей
Президента США Дж. Буша (2006 г.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Разрушать	4	3	39,98**
Израиль	10	3	12,97**
Союзник	18	3	5,18*
Серьезно	2	1	8,15**
Объективный	21	3	3,84*
Террористический	3	1	4,84*

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df=1$); ** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df = 1$).

В 2003–2005 годах тема угрозы в текстах речей Дж. Буша не обнаруживает непосредственных связей с Ираном и его ядерной программой.

Результаты, отражающие особенности конструирования иранской угрозы американским политическим руководством в 2003–2006 годах, подтверждаются значениями индексов операционального кода, которые позволяют установить содержание основных убеждений Президента США о мире. Политический мир воспринимается Дж. Бушем как дружественный лишь до определенной степени. Значение индекса P–1 (природа политического мира) составляет 0,32. Его величина почти в два раза меньше, чем у российского лидера. При этом политические процессы расцениваются как непредсказуемые (P-3: предсказуемость политического будущего = 0,1), характеризующиеся высокой возможностью наступления случайных событий (P-5: роль случая = 0,92).

Представленные результаты позволяют сделать вывод, что американский президент воспринимает уровень угрозы как высокий и требующий принятия мер, которые сделали бы ситуацию более контролируемой, предсказуемой с точки зрения обеспечения безопасности от угроз, связанных с появлением ядерного оружия

у недемократических недружественных США государств. Как следствие, в рассматриваемый период Дж. Буш последовательно доводил до представителей мирового сообщества тезис о том, что Иран не только не должен иметь ядерное оружие, но даже располагать знаниями о том, как его создать⁸¹.

Основанием для подобной стратегии в области нераспространения служат следующие особенности *статуса* США в системе международных отношений, которые раскрываются при помощи *стратификационного изменения*, структурирующего социальное пространство угрозы.

Прежде всего отметим, что после проведения военных операций в Ираке, Боснии, Косово, Афганистане в 90-е и 2000-е годы представителям мирового сообщества стали очевидны успехи США в области развития обычных вооружений. В результате эксперты высказывали опасения, что в подобных обстоятельствах противники США будут склонны предпринять асимметричные действия с целью обеспечить баланс сил. Иначе говоря, не обладая возможностями создать сопоставимые по своей мощи обычные вооружения, они попытаются приобрести ядерное оружие. В связи с этим, осознавая существование подобных рисков, США избрали упреждающую стратегию в области нераспространения. В частности, в «Стратегии национальной безопасности» 2002 г. подчеркивается, что противодействие распространению ядерного оружия требует комплексной стратегии, которая должна включать проактивные меры контрраспространения с целью устранить угрозы, прежде чем они появятся⁸².

Стратегия упреждения – не уникальная для современной политики США. Как демонстрируют результаты исследований, образа США в инаугурационных речах американских президентов (1949–2009 гг.)⁸³, деятельность США во второй половине XX столетия

⁸¹ См., напр.: *Bush G.* Press Conference of the President, James S. Brady Briefing Room, March 21, 2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/03/20060321-4.html>; *Bush G.* Press Conference of the President, The East Room, December 19, 2005. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/12/20051219-2.html>

⁸² The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. URL: <http://merln.ndu.edu/whitepapers/USnss2002.pdf>

⁸³ *Киселев И. Ю., Смирнова А. Г.* Динамика образа государства...; Смирнова А. Г. Образ США в инаугурационной речи Дж. У. Буша 2005 г. // Соци-

и в начале XXI века не ограничивалась собственной территорией или регионом.

Изучение динамики образа США позволяет отметить, что в ролевой концепции США обязательства внешнеполитической направленности традиционно доминируют над внутривнутриполитическими задачами, несмотря на то что инаугурационные выступления – это тексты для «внутреннего использования», которые отражают базовые ценности американцев и призваны сплотить нацию⁸⁴. Исключение составляют периоды президентства Дж. Буша-старшего, Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. (2000 г.) и Б. Обамы. По разным причинам перечисленные политические лидеры уделяли большее внимание решению внутренних задач.

Например, с момента окончания «холодной войны», который совпал с президентством Дж. Буша-старшего, основная цель государства в последующее десятилетие была сформулирована как легитимация статуса США в качестве единственной сверхдержавы. Эта цель довольно четко обозначалась в проекте документа Пентагона, подготовленного в феврале 1992 года. В качестве важнейшей ставится задача по предотвращению появления нового соперника, представляющего угрозу тому порядку, которому ранее противостоял Советский Союз⁸⁵. В свою очередь, Дж. Най-мл. также рассматривает изменение статуса США в мире в качестве одной из причин снижения активности страны на международной арене. По мнению исследователя, несмотря на то что после распада СССР Соединенные Штаты Америки обладали непревзойденным глобальным военным, экономическим и культурным потенциалом, «они демонстрировали заметное безразличие и неопределенность относительно того, как формировать внешнюю политику, чтобы управлять этим

альная психология XXI столетия: материалы международной научной конференции. Т. 2. Ярославль, 2005; *Киселев И. Ю.* Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», Москва 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 205.

⁸⁴ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. М., 2001. С. 22.

⁸⁵ *Klare M.* Endless Military Superiority // *The Nation*. 2002. July 15. P. 13.

потенциалом»⁸⁶. В этих обстоятельствах внешняя политика играла незначительную роль в президентских кампаниях в 1990-е годы. Доминирование внутривнутриполитических ролей отличает и инаугурационную речь Б. Обамы⁸⁷. Ведущей темой выступления президента стал экономический кризис, который обусловил внутривнутриполитическую ориентацию ролевой концепции США.

Вместе с тем, несмотря на преобладание внутривнутриполитических задач даже в отмеченные периоды, важное место в ролевой концепции принадлежит управлению мировыми процессами. Иначе говоря, обязательства США позиционируются как имеющие планетарный характер. Например, Дж. Буш в инаугурационной речи 2005 года поставил перед страной задачу оказывать поддержку демократическим движениям и институтам за рубежом с целью покончить с тиранией по всему миру⁸⁸. Второй президентский срок Б. Обамы проходит под лозунгом обновленного лидерства США.

Таким образом, США фактически приняли на себя роль гегемона, государства, обеспечивающего устойчивость мировой системы. В 2000-е годы возвращение к этой статусно-ролевой позиции объяснялось появлением новых угроз, направленных против США, прежде всего террористической. Террористические атаки 11 сентября 2001 года придали новый импульс американской внешней политике, сделали ее более целенаправленной⁸⁹. Противодействие новой угрозе осуществлялось посредством не только силы оружия, но и силы идей, направленной на достижение демократического транзита в государствах, которые представляют угрозу безопасности. В частности, в «Стратегии национальной безопасности» 2002 г.

⁸⁶ Nye (Jr.) J. The American National Interests and Global Public Goods // International Affairs. 2002. Vol. 78, N 2. P. 233.

⁸⁷ President Barack Obama's Inaugural Address. January 21, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>

⁸⁸ George W. Bush 2nd inaugural address. URL: http://www.msnbc.msn.com/id/6848112/ns/politics-george_w_bush_the_second_inaugural/t/george-w-bush-nd-inaugural-address/). Даже Б. Обама, который включил в ролевую концепцию США преимущественно внутренние задачи, отмечает, что «Америка должна сыграть свою роль в наступлении новой эры мира» (President Barack Obama's Inaugural Address. January 21, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>)

⁸⁹ Nye (Jr.) J. The American National Interests... P. 235.

подчеркивалось, что обеспечение безопасности США достигается в том числе посредством «расширения круга развития за счет открытых обществ и строительства инфраструктуры демократии»⁹⁰. Такой инструмент достижения поставленных целей сохранил свою актуальность в «Стратегии национальной безопасности» 2006 г.⁹¹

Отмеченные особенности внешнеполитической стратегии США в начале 2000-х годов позволяют сделать вывод о том, что она характеризовалась высокой степенью проективности. *Проективная внешнеполитическая стратегия* предполагает решение проблем государства за счет изменения окружения, нежели адаптации к среде. Иначе говоря, подобная стратегия подразумевает «подстройку» мира под себя, под свои ценности, стиль мышления, доминирующие практики. Более того, проективная политическая стратегия может привести к выработке новых правил и игнорированию установленных норм, если они препятствуют достижению желаемой цели. Как подчеркивают некоторые ученые, во многих отношениях США выступают в качестве создателя норм. При этом их решения могут привести к тому, что другие правительства пересматривают свою политику⁹². Возможность устанавливать нормы связана с тем, что США в начале 2000-х годов удерживали статус единственной великой державы, оказывающей существенное влияние на мировые события.

Таким образом, проективная политическая стратегия входит в арсенал государств, которые четко представляют конечную цель своих действий, располагают средствами для ее достижения и опираются на систему идеалов, служащих оправданию их действий и оценки поведения других субъектов. В 2000-е годы можно найти множество примеров применения подобной стратегии в ряде регионов на постсоветском пространстве (цветные революции), в Ираке, Северной Африке.

Проективная, формирующая внешнеполитическая стратегия применяется и в области противодействия распространению ядерного оружия. Например, как подчеркивает К. Поллак, официальные

⁹⁰ The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. P. 2.

⁹¹ The National Security Strategy of the United States of America, March 2006. P. 1.

⁹² *Chyba Ch., Sasikumar K. A World of Risk...* P. 20.

лица США при формировании политики по отношению к Ирану использовали парадигму «двух тикающих часов»: часы смены режима и ядерные часы⁹³. Цель подобной политики заключалась в том, чтобы часы смены режима постепенно ускорялись, а ядерные часы – замедлялись. Поэтому в тот день, когда Иран создаст ядерное оружие, во главе страны будет находиться дружественное демократическое правительство. Ожидается, что смена режима приведет к тому, что ядерное оружие, даже если оно будет создано, окажется в руках миролюбивого и ответственного правительства. Однако наилучший вариант развития событий предполагает отказ от обладания таким оружием.

Теоретическим основанием для подобной политики служит нормативный подход⁹⁴. Согласно ему поведение государств детерминировано не только «холодным расчетом» в области реализации интересов по обеспечению национальной безопасности, но и разделяемыми нормами и убеждениями относительно того, какие действия наиболее уместны в международных отношениях. Формирование норм, связанных с отказом от создания ядерного оружия, было бы невозможно без давления со стороны государств, убежденных, что эти нормы соответствуют их интересам. Вместе с тем, как только нормы были выработаны, они начинают оказывать влияние на формирование идентичности и ожиданий государств. Иначе говоря, государства следуют установленным нормам, поскольку они соответствуют их идентичности. Например, сторонники культурно-нормативного подхода считают, что «с течением времени демократии вырабатывают нормы взаимодоверия и взаимоуважения, которые определяют процессы принятия их решений в отношении друг друга»⁹⁵.

Проективный характер внешнеполитической стратегии США в области нераспространения ядерного оружия находит отражение не только в стремлении изменить политические режимы государств, способных создать ядерное оружие, в соответствии со своими ключевыми ценностями. Можно выделить, по меньшей мере, еще две

⁹³ Pollack K. *The Persian Puzzle: The Conflict between Iran and America*. New York, 2004. P. 388.

⁹⁴ Sagan S. D. *Why do states build nuclear weapons? Three models in search of a bomb* // *International Security*. 1996. Vol. 21, N 3. P. 73.

⁹⁵ Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*. 2009. Т. 7, № 1 (19). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm>

группы норм, которые США стремятся изменить, для того чтобы предотвратить распространение ядерного оружия.

По оценкам экспертов, американские обычные вооружения характеризуются высоким уровнем технологического развития и глобальным радиусом действия⁹⁶. Уже в 90-е годы XX столетия получил признание тот факт, что подобный статус США в сфере обычных вооружений может спровоцировать потенциальных противников на асимметричный ответ. Иначе говоря, если страны не способны противодействовать доминированию США в области обычных вооружений, они будут стремиться к приобретению ядерного оружия. Как следствие, обеспечение национальной безопасности США возможно посредством усиления *норм, лежащих в основе режима нераспространения*, который зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. В частности, в «Стратегии национальной безопасности» 2006 г. отмечается необходимость «закрыть лазейки в договоре, которые позволяют государствам производить расщепляющиеся материалы с целью создания ядерного оружия под прикрытием гражданских ядерных программ»⁹⁷. Кроме того, в соответствии с новыми политическими приоритетами США оставляют за собой возможность заключить новые соглашения, которые будут способствовать достижению целей нераспространения ядерного оружия.

Наряду с усилением существующих норм режима нераспространения США используют стратегию *снижения символической ценности ядерного оружия*. Так, США смогли уменьшить свою зависимость от ядерного оружия как средства обеспечения безопасности⁹⁸. Это обстоятельство позволяет использовать на международной арене стратегию «обесценивания» ядерного оружия, позиционирования его как «оружия бедных», технологически отсталых стран. Ожидается, что подобные меры окажут влияние на государства, которые решили создать ядерное оружие с целью укрепить свой вес на международной арене, войти в сообщество ведущих держав мира.

⁹⁶ Roxborough I. Globalization, Unreason and the Dilemmas of American Military Strategy // International Sociology. 2002. N 17. P. 339–359.

⁹⁷ The National Security Strategy of the United States of America, March 2006. P. 20.

⁹⁸ Chyba Ch., Sasikumar K. A World of Risk... P. 1–33. Как было показано выше, в России наблюдается противоположная тенденция.

Приведенные особенности внешнеполитической стратегии США в области нераспространения, которые во многом обусловлены характеристиками его статуса, позволяют объяснить завышенные оценки угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием.

Конструирование угрозы Президентом США осуществлялось также и в контексте *интеракционного измерения*, представленного типичными паттернами взаимодействия государств. Восприятие угрозы, исходящей от Ирана, осуществляется на фоне прекращенных дипломатических отношений между странами, взаимного недоверия. Дж. Буш конструирует образ Ирана как государства, обладающего не только достаточными ресурсами для причинения ущерба, но и более низким, с точки зрения субъекта познания, уровнем культуры (политической, экономической, гражданской), которое не заслуживает сочувствия и снисхождения. Приведенное описание соответствует одному из типов образов государств, представленных в работе М. Коттам и Р. Коттама – врага-варвара⁹⁹.

Исследователи подчеркивают, что враг-варвар требует применения особой стратегии обеспечения безопасности. В частности, она предполагает создание коалиции союзников на основе убежденности в том, что неудачи в противодействии угрозе губительно отразятся на их национальных интересах. Кроме того, принимая во внимание, что одним из компонентов образа врага-варвара выступает воспринятый низкий уровень культуры, в соответствии с основными положениями теории социальной идентичности можно ожидать, что государства будут склонны к прямой социальной конкуренции, в том числе в форме насилия и стремления полностью уничтожить оппонента¹⁰⁰.

Отмеченные характеристики взаимодействия с врагом-варваром представлены в политической стратегии США по отношению к Ирану. Для урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы США опираются на помощь постоянных членов Совета

⁹⁹ Cottam M. L., Cottam R. W. Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States. Boulder; London, 2001.

¹⁰⁰ Баранова Т. С. Теоретические модели идентичности личности // Психология самосознания: хрестоматия / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара, 2000. С. 602–612.

Безопасности ООН, а также Германии. В текстах выступлений Дж. Буша угроза распространения ядерного оружия расценивается как глобальная и требующая совместных усилий ряда государств: «Государства, такие как наши, обязаны работать вместе с целью направить Ирану сообщение о том, что их поведение <...> неприемлемо»¹⁰¹. Стратегия коллективных действий применялась и в отношении другого государства, стремящегося к созданию ядерного оружия, – Северной Кореи¹⁰².

Такая стратегия предполагает также применение жестких мер в отношении оппонента. На протяжении рассматриваемого периода США ужесточали санкции против Ирана. Кроме того, два государства обменивались акциями устрашения. Подобная стратегия способствовала дальнейшей эскалации напряженности, вызывая со стороны Ирана «вторичные девиации»¹⁰³, которые возникали в ответ на санкции со стороны институтов или отдельных акторов. Вторичные девиации, в свою очередь, укрепляли убежденность США в существовании угрозы. Ситуация в Ормузском проливе, обострившаяся в конце 2011 года, служит примером подобной динамики развития отношений между США и Ираном. Так, 21 ноября 2011 года США, Великобритания и Канада объявили о вводе в отношении Ирана односторонних санкций, направленных против энергетического и финансового секторов иранской экономики. В ответ прозвучала угроза перекрыть Ормузский пролив, по которому транспортируется нефть из Персидского залива. Кроме того, 23 декабря 2011 года в проливе начались крупномасштабные военные учения, в ходе которых иранские военные провели успешные испытания ракет дальнего радиуса действия. В ответ на это США расширили список санкций в отношении Ирана. Таким образом, взаимоотношения США и Ирана служат основанием для конструирования угрозы.

¹⁰¹ *Bush G.* President Welcomes German Chancellor Merkel to the White House, The East Room, January 13, 2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/01/20060113-1.html>

¹⁰² *Schoff J. L., Perry Ch. M., Davis J. K.* Nuclear Matters in North Korea: Building a Multilateral Response for Future Stability in Northeast Asia. Dulles, 2008.

¹⁰³ *Бартнев В. И.* «Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях // Социология и психология международных отношений и геополитики / отв. ред. А. Г. Дугин. Ярославль, 2010. С. 8.

Полученные результаты позволяют подтвердить *гипотезу 1*, в соответствии с которой конструирование Президентом США угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осуществлялось в соответствии с характеристиками нормативного, стратификационного, интеракционного и идеального измерений социального пространства двусторонних отношений, которое обусловлено социальными позициями США и Ирана в международной системе. Перечисленные измерения выступают в качестве пред-конструкций, на которые Дж. Буш опирался, рассматривая угрозу, исходящую от Ирана, как высокую.

4.4.2. Механизмы конструирования Президентом США угрозы распространения ядерного оружия

Конструирование Президентом США Дж. Бушем угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осуществляется посредством механизмов социального сравнения, эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии.

Структура образа Ирана, сформированного Президентом США, отличается приданием высокой значимости идентификационному компоненту. В текстах речей Дж. Буша утверждения, характеризующие идентичность Ирана, составляют 19,7 % в 2006 году и 28 % – в целом по выборке (2003–2006 годы).

Выраженный идентификационный компонент образа Ирана отражает тот факт, что в перечень ключевых проблем, вызывающих озабоченность США, включен и *политический режим* Ирана. В результате эксперты делают предположение о том, что «ядерная загадка Ирана никогда по-настоящему не будет разрешена в США до тех пор, пока к власти в Тегеране не придет другое правительство»¹⁰⁴. Подобные оценки позволяют прийти к заключению, что восприятие американским политическим руководством угрозы создания Ираном ядерного оружия осуществляется сквозь призму *сравнения идентичностей двух стран*, прежде всего ключевых ценностей американской и иранской наций, а также характеристик политических режимов.

Сопоставление содержания идентификационных утверждений, описывающих образ США и образ Ирана, свидетельствует о том, что, с одной стороны, Дж. Буш воспринимает *ценности американцев*

¹⁰⁴ *Sadjadpour K. The Nuclear Players. P. 132.*

и иранцев как отчасти сходные. В частности, среди ценностей иранской нации Президент США называет: человеческое достоинство и права человека (5 % утверждений об идентичности Ирана), справедливость (4 %), толерантность (2 %), взаимное уважение (2 %), стремление бороться с тиранией (2 %). При этом свобода (25 % утверждений об идентичности США), человеческое достоинство (5 %) перечислены также среди ключевых ценностей американцев.

С другой стороны, Дж. Буш подчеркивает существование принципиальных различий политических режимов двух стран. Иран рассматривается как закрытое (7 %), недемократическое (2 %) и несвободное государство (2 %). При этом отмечается, что политические лидеры страны отвергают идеи свободы (2 %) и прав человека (4 %), не способствуют развитию экономики (4 %), угрожают жизни людей (2 %). Таким образом, перечисленные характеристики политического режима Ирана противоречат одной из ключевых составляющих образа США – «демократической республиканской форме правления»¹⁰⁵.

Выявленные различия важны, поскольку именно в иранском политическом режиме США видят угрозу национальной безопасности и безопасности своих союзников. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет подтвердить частную гипотезу 1 – конструирование угрозы сопряжено с выявлением различий идентичностей государств.

Частная гипотеза 2 о том, что конструирование угрозы связано с восприятием отношений конкуренции между субъектами, находит подтверждение в текстах речей президента Дж. Буша. Особое место занимает конкуренция между Ираном и США за лидерство в регионе Ближнего Востока. В частности, Дж. Буш подчеркивает стремление Ирана вытеснить США из региона и занять там доминирующие позиции. Эксперты подтверждают, что стремление Ирана вмешаться в налаживание мирного процесса на Ближнем Востоке вызывает особую озабоченность США¹⁰⁶.

В качестве механизма конструирования угрозы, сопряженного с оценкой статусных позиций государств, выступает восприятие

¹⁰⁵ Wilson I. (III). Rediscovering Containment: the Sources of American-Iranian Conduct // Journal of International Affairs. 2007. Vol. 60, Spring/Summer. P. 99.

¹⁰⁶ Pollack K. The Persian Puzzle... P. 3–26.

несоответствия предписанного и достигнутого статуса государства в качестве индикатора угрозы. Проведенный анализ свидетельствует, что подобное суждение конструируется на основе воспринятого стремления другого государства занять статусную позицию, на которую, по мнению субъекта познания, оно не может претендовать. В частности, конструирование США угрозы со стороны Ирана сопряжено с утверждением о том, что он не должен обладать ядерным оружием и знанием о его производстве (41,5 % утверждений о положении Ирана) (*предписанный статус*). При этом Дж. Буш констатирует, что Иран *преуспел в своем стремлении создать подобное оружие (достигнутый статус)*.

Таким образом, полученные результаты служат доказательством *частной гипотезы 2*. Конструирование суждения об угрозе сопряжено, во-первых, с восприятием отношений конкуренции между государствами. Во-вторых, познание угрозы связано также с восприятием *несоответствия* между статусом, которым субъект познания наделяет другое государство (*предписываемый статус*), и *статусом*, на который государство *претендует* в системе международных отношений.

Сопоставление характеристик образа США и образа Ирана позволяет подтвердить *частную гипотезу 3* исследования, согласно которой субъект познания делает вывод о существовании угрозы, если другое государство исполняет *роли*, которые, с его точки зрения, *не соответствуют идентичности и статусу* данного государства на международной арене.

Президент Дж. Буш подчеркивает необходимость того, чтобы Иран отказался от обогащения урана и от своих амбиций по созданию ядерного оружия (40 % утверждений о ролях Ирана). Основанием для конструирования подобного суждения стала в первую очередь *идентичность* Ирана. Как отмечалось ранее, конструирование американским политическим руководством угрозы, исходящей от Ирана, сопряжено с характеристиками *политического режима* этого государства. Наряду с тем, что иранское правительство рассматривается как недемократическое, подавляющее права и свободы человека, опасность существования в этой стране ядерного оружия связывается также и с неэффективным контролем над подобным оружием.

Подтверждение частных гипотез 1–3 позволяет сделать вывод о значимости механизма *сравнения* и установления *различий* для конструирования угрозы.

Полученные результаты также дают основания утверждать, что наряду с осуществлением сравнения конструирование угрозы основывается и на действии других механизмов – *эмпатии, рефлексии и каузальной атрибуции*.

Сравнение частоты встречаемости утверждений, содержащих указания на применение эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии, позволяет сделать вывод, что в процессе познания угрозы Президент США задействует все перечисленные механизмы. В частности, Дж. Буш чаще всего использует атрибутивные суждения о причинах воспринятой угрозы (51 %), затем по частоте появления следуют выражение эмпатии (42 %) и рефлексивные суждения (7 %).

Анализ содержания перечисленных категорий позволяет сделать вывод о подтверждении *частной гипотезы 4* о том, что восприятие угрозы сопровождается отсутствием эмпатии со стороны субъекта познания по отношению к государству, от которого ожидается причинение вреда.

В текстах выступлений президента США Дж. Буша преобладают утверждения, что действия Ирана, связанные с развитием атомных технологий, неприемлемы независимо от того, имеют они мирный или военный характер (97 % утверждений об эмпатии). В частности, он последовательно доводил до представителей мирового сообщества мысль о том, что Иран не только не должен иметь ядерное оружие, но также не может располагать знаниями о том, как его создать¹⁰⁷.

Иначе говоря, американский политический лидер, в отличие от российского президента, исключает возможность вхождения Ирана в клуб ядерных держав даже в статусе страны, имеющей мирные атомные технологии. Исключение составляет лишь небольшой процент утверждений (3 %) о том, что «Америка поддерживает права иранского народа на развитие атомной энергии в мирных целях

¹⁰⁷ См., напр.: *Bush G. Press Conference of the President, James S. Brady Briefing Room, March 21, 2006*; *Bush G. Press Conference of the President, The East Room, December 19, 2005*.

при соблюдении соответствующих гарантий безопасности»¹⁰⁸. Подобные утверждения показательны, поскольку служат иллюстрацией тому факту, что отсутствие эмпатии к политике руководства государства сочетается с выражением симпатии и поддержки народу Ирана. Схожая риторика применялась и для формулировки позиции США в отношении ядерной программы Северной Кореи¹⁰⁹.

Таким образом, высокий уровень воспринятой угрозы не только не способствует эмпатии, но и приводит к реализации политическим руководством США в отношении Ирана проективной (формирующей поведение) стратегии. Отражением последней служит широкое использование в текстах речей Дж. Буша риторики долженствования. «Иран не должен обладать ядерным оружием», «мы не должны позволить ему приобрести подобное оружие» – вот примеры утверждений, оформляющих политическую стратегию, которая не рассчитана на принятие во внимание интересов другого государства.

Рассмотрим *атрибутивные утверждения*, направленные на аргументацию сформулированных политическими лидерами суждений о наличии или отсутствии угрозы со стороны Ирана.

В выступлениях Дж. Буша присутствуют следующие аргументы в поддержку утверждения о том, что Иран представляет угрозу:

- 1) достижения Ирана в освоении ядерных технологий;
- 2) неподчинение Ирана требованиям международных институтов, прежде всего МАГАТЭ;
- 3) несоблюдение взятых на себя обязательств;
- 4) угроза другим государствам, в том числе ближайшим союзникам США, прежде всего Израилю;
- 5) оказание финансовой помощи террористическим организациям, представляющим угрозу США;
- 6) действия исходя от лидера, который не соблюдает права и свободы своего народа.

¹⁰⁸ *Bush G.* President Delivers Commencement Address at the United States Merchant Marine Academy, Captain Tomb Field at Brooks Stadium, United States Merchant Marine Academy, Kings Point, New York, June 19, 2006. URL: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1652134/posts>

¹⁰⁹ См.: *Смирнова А. Г.* Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы... С. 111–126.

Приведенные атрибутивные суждения опираются на разные объяснительные модели. Та, которая содержится в конструкции 6, предполагает существование угрозы как следствия значимых *различий ключевых ценностей* американской и иранской наций. Они были подробно рассмотрены выше.

По мнению американского лидера, поистине «знаковым» событием для конструирования суждения о намерении Ирана причинить вред США стали агрессивные заявления иранского руководства относительно Израиля. В одном из своих выступлений Дж. Буш подчеркнул: «Я хотел бы напомнить вам, что нынешний президент Ирана заявил, что уничтожение Израиля составляет важное направление их деятельности. Это неприемлемо. И создание ядерного оружия, по моему мнению, стоит расценивать как тот шаг, который позволит им приблизиться к достижению своей цели»¹¹⁰. Приведенные утверждения позволяют заключить, что Дж. Буш конструировал суждения о существовании угрозы США на основе публично высказываемых намерений причинить вред другому государству – Израилю.

Атрибутивные конструкции (1–3) задействуют другой механизм объяснения, который, согласно исследованиям Р. Джервиса¹¹¹ и Р. Коэна¹¹², предполагает, что суждение о существовании угрозы строится на основе воспринятого несоответствия предпринимаемых действий сложившимся правилам и нормам.

Таким образом, приведенные суждения позволяют сделать вывод, что нарушение Ираном установленных правил и норм служит достаточным основанием для восприятия угрозы. В целом рассмотренные атрибутивные конструкции позволяют подтвердить *частную гипотезу 5* о том, что объяснение враждебных намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик, нежели особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания. При этом лидеры задействуют подобный механизм независимо от уровня воспринятой угрозы.

Проверка *частной гипотезы 6* связана с определенными трудностями. В текстах Президента США рефлексивные утверждения

¹¹⁰ *Bush G.* President Welcomes German Chancellor Merkel to the White House, The East Room, January 13, 2006.

¹¹¹ *Jervis R.* Perceiving and Coping with Threat... P. 13–33.

¹¹² *Cohen R.* Threat Perception in International Crisis. P. 93–107.

составляют всего 7 %, в то время как в изучаемой выборке утверждений российского президента не были выявлены случаи применения *рефлексии* как инструмента познания угрозы. Это обстоятельство не объясняет однозначно, как уровень воспринятой угрозы зависит от содержания рефлексивных суждений.

Однако анализ рефлексивных утверждений в текстах речей Дж. Буша дает основания сделать вывод, что их содержание отражает приписывание Ирану враждебных намерений по отношению к США: он стремится уничтожить союзников Америки, пытается вытеснить ее из региона, финансирует деятельность террористов с целью уничтожения американцев. Можно предположить, что подобные суждения служат обоснованием жесткой политики США по отношению к Ирану.

Сказанное не позволяет однозначно подтвердить *частную гипотезу 6* о том, что конструирование суждения о существовании угрозы со стороны познаваемого государства основывается на восприятии его отношения к стране субъекта познания как более враждебного, чем есть в действительности. Можно лишь утверждать, что полученные результаты служат обоснованием для ее выдвижения. В свою очередь, проверка этой гипотезы требует изучения более обширного эмпирического материала.

В целом результаты позволяют сделать вывод, что сравнение, эмпатия, рефлексия и каузальная атрибуция выступают в качестве механизмов конструирования угрозы. Тем самым полученные результаты подтверждают *общую гипотезу 2* исследования.

4.5. Особенности конструирования президентами России и США «иранской угрозы» в 2013–2014 годах

Проверка гипотезы 3 исследования требует рассмотрения процесса конструирования угрозы в динамике посредством сопоставления особенностей восприятия угрозы лидерами двух разных государств, а также сравнения тех оценок иранской угрозы, которые были даны политиками одного и того же государства в разные периоды времени. Как отмечалось в программе исследования, для сравнения был выбран период, отмеченный очевидным «прорывом» в разре-

шении иранской проблемы – 2013–2014 годы. В связи с этим можно было бы ожидать, что изменилось и конструирование угрозы, исходящей от Ирана. В частности, в условиях достигнутого соглашения по иранской ядерной программе предполагалось, что конструирование иранской угрозы осуществлялось на фоне трансформации образов взаимодействующих государств – Ирана, России и США.

Начнем проверку гипотезы с анализа конструирования иранской угрозы политическим руководством России в 2013–2014 годах.

4.5.1. Особенности конструирования иранской угрозы Президентом России В. В. Путиным в 2013–2014 годах

Президент В. В. Путин, оценивая итоги переговоров по иранской ядерной программе в Женеве 24 ноября 2013 года, подчеркнул, что «в основу этих договоренностей в значительной степени положены российские предложения»¹¹³. В связи с этим можно ожидать, что образы России и Ирана, служащие основой для конструирования иранской угрозы, подверглись незначительным изменениям по сравнению с 2003–2006 годами.

Результаты контент-анализа текстов речей Президента России в 2013–2014 годах позволяют сделать вывод, что *структура* образов двух государств осталась неизменной. В сложившейся ситуации В. В. Путин конструирует образ России в контексте *ролевого паттерна*: 74,4 % в текстах речей составили ролевые утверждения; статусные утверждения – 25 %, идентификационные – 0,6 %. Для сравнения: в 2003–2006 годах соотношение компонентов образа было таким же (ролевые утверждения – 63 %, статусные – 31 %, идентификационные – 6%). Иначе говоря, как и в предыдущий период, В. В. Путин позиционирует Россию в качестве государства, которое прилагает существенные усилия для разрешения иранской проблемы. В 2013–2014 годах в свете работы по подготовке Женевского соглашения значимость ролевого компонента образа России увеличилась. Важно подчеркнуть, что конструирование иранской угрозы, так же как и в 2003–2006 годах, не опирается на *идентификационный компонент*. Это обстоятельство означает, что ситуация, связанная с развитием иранской ядерной программы, не рассматривается полити-

¹¹³ Путин В. В. Пресс-конференция по итогам российско-армянских переговоров, 2 декабря 2013 г., Ереван. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19741>

ческим руководством России как имеющая ключевое значение для поиска ответа на вопрос «кто мы?» или затрагивающая сферу онтологической безопасности, что создает благоприятные условия для реализации прагматического подхода к решению проблемы.

Этому способствует и образ Ирана.

Он конструируется в соответствии со *статусным паттерном*: 65 % утверждений, характеризующих образ Ирана, описывают различные аспекты его статусной позиции. Далее по частоте упоминания следуют ролевые (21 %) и идентификационные (14 %) утверждения. Аналогичное соотношение утверждений об Иране в текстах речей Президента России наблюдалось и в 2003–2006 годах (77, 18 и 5 % соответственно). Иначе говоря, Иран воспринимается преимущественно в контексте отношений с другими странами, в первую очередь с Россией, США и Израилем¹¹⁴. Кроме того, осмысливается положение Ирана в мире. Ролевой компонент сконструирован с точки зрения тех обязательств, которые должен выполнить Иран в соответствии с Женевскими соглашениями.

Сказанное позволяет сделать вывод, что с точки зрения структуры ни образ России, ни образ Ирана не подверглись существенным изменениям. При этом структура и содержание образов двух стран создают основания для осмысления угрозы, исходящей от Ирана, как умеренной.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что ситуация вокруг ядерной программы Ирана рассматривается Президентом России преимущественно с учетом *возможностей*. В частности, В. В. Путин убежден, что Женевское соглашение по Ирану представляет «выигрыш для всех»¹¹⁵. По мнению российского лидера, принятое решение благоприятно отразится на безопасности и стабильности на Ближнем Востоке. Однако отмечаются и возможные *опасности*, связанные с тем, что Иран угрожает Израилю. Кроме того упоминается об американской системе противоракетной обороны, поводом для развертывания которой стала иранская ядерная программа. Однако в целом позитивные суждения доминируют над теми, которые отражают существование возможных негативных

¹¹⁴ Страны перечислены в порядке уменьшения частоты их упоминания.

¹¹⁵ Заявление Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе, 24 ноября 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/news/19685>

последствий для национальной безопасности России, стабильности в регионе и мире в целом.

Существование у Президента России положительного образа мира подтверждают и результаты, полученные при помощи методики «Глагол в контексте», которая предназначена для изучения операционального кода политиков, т. е. их убеждений о политическом мире и наиболее эффективных способах взаимодействия с ним. Значения основных индексов операционального кода, рассчитанных на основе контент-анализа текстов речей В. В. Путина по иранской ядерной проблеме в 2003, 2005, 2006 и 2013–2014 годах представлены в табл. 7.

Таблица 7

**Значения индексов операционального кода
Президента РФ В. В. Путина по иранской ядерной программе
(2003–2006 и 2013–2014 гг.)**

Индекс	Годы			
	2003	2005	2006	2013–2014
Философские убеждения				
P-1: природа политического мира	0,4	0,75	0,61	0,61
P-2: реализация политических ценностей	0,1	0,46	0,32	0,42
P-3: предсказуемость политического будущего	0,28	0,21	0,15	0,12
P-4а: контроль над ходом истории (самоконтроль)	0,58	0,53	0,38	0,35
P-4б: контроль над ходом истории (контроль со стороны других субъектов)	0,42	0,47	0,62	0,65
P-5: роль случая	0,83	0,89	0,94	0,96
Инструментальные убеждения				
I-1: направление стратегии	0,57	0,78	0,59	0,73
I-2: тактические приоритеты	0,26	0,67	0,24	0,39
I-3: склонность к риску	0,25	0,2	0,32	0,3
I-4а: склонность к смене конфликтного и кооперативного поведения	0,43	0,2	0,41	0,27
I-4б: склонность к смене слов и поступков	0,43	0,89	0,47	0,33

Индексы, обозначающие философские убеждения, позволяют сделать вывод, что в 2013–2014 годах В. В. Путин воспринимает политический мир как определенно кооперативный ($P-1 = 0,61$) и предоставляющий возможности для реализации политических целей ($P-2 = 0,42$). При этом российский лидер выбирает кооперативную стратегию ($I-1 = 0,73$) и тактику ($I-2 = 0,39$) взаимодействия с внешним миром. Важно подчеркнуть, что на фоне убеждения о высокой неопределенности политического будущего ($P-3 = 0,12$), высокой роли случая ($P-5 = 0,96$) и довольно низкого уровня субъективного контроля над ходом истории ($P-4a = 0,35$) В. В. Путин склонен избегать совершения рискованных действий ($I-3 = 0,3$). Наибольшая субъективная полезность приписывается таким средствам реализации власти, как выражение поддержки и вознаграждение.

Сочетание значений индексов ($P-1$, $P-4$ и $I-1$) позволяет описать систему убеждений В. В. Путина по иранской ядерной проблеме (действия «других») как идентичную той, которая свойственна политическим лидерам типа «С»¹¹⁶. Они рассматривают конфликт в международной системе как временное состояние и убеждены в том, что возможно ее реструктурировать так, чтобы достичь гармонии интересов государств. Источник конфликтов лежит в международной анархии, которая становится причиной войн. Иначе говоря, лидеры типа «С» полагают, что изначально страны стремятся к сотрудничеству друг с другом, но несовершенства существующей

¹¹⁶ Классификация типов лидеров первоначально разработана О. Холсти на основе комбинации следующих показателей: природа конфликта (постоянный или временный) и источники конфликта (индивидуальные особенности лидеров, общество или международная система). Показатели выводились из индексов $P-1$, $I-1$, and $P-4$. В результате ученый описал 6 типов лидеров: А (конфликт – временный, его источник – «человеческий фактор»), В (конфликт – временный, его источник – характеристики государства), С (конфликт – временный, источник – международная система), D (конфликт – постоянный, источник – «человеческий фактор»), E (конфликт – постоянный, источник – характеристики государств), F (конфликт – постоянный, источник – международная система). Впоследствии С. Уокер доказал возможность объединения типов лидеров DEF в одну категорию. В связи с этим в современных исследованиях применяется четырехрядная типология лидеров А, В, С, DEF (см.: *O'Reilly K. P. Leaders' Perceptions and Nuclear Proliferation: A Political Psychology Approach to Proliferation // Political Psychology. 2012. Vol. 33, N 6. P. 772; Walker S. G. The Evolution of Operational Code Analysis // Political Psychology. 1990. Vol. 11, N 2. P. 403–418*).

системы международных отношений препятствуют этому. В связи с этим они уделяют внимание правилам международного взаимодействия. С их точки зрения оппоненты отличаются по своим особенностям, целям и стратегиям реагирования на попытки умиротворения и проявления твердости. Политические лидеры типа «С» выражают пессимизм относительно реализации политических целей, пока не изменится политическая система, поскольку предсказуемость и контроль над ходом истории остается низким в условиях анархии; склонны следовать общим целям, однако контролируют риски, ограничивая средства, а не цели; действуют быстро, когда возникают возможности для примирения, и при этом стремятся как можно дольше не прибегать к действиям по эскалации конфликта; убеждены в важности других ресурсов влияния, кроме военного. Среди стратегических приоритетов в международных делах в порядке убывания значимости следуют: урегулирование конфликта, доминирование, создание тупиковой ситуации, вызванной отказом идти на уступки, подчинение.

Приверженность подобным убеждениям в полной мере реализована российским лидером в процессе поиска решения по иранской ядерной проблеме. В частности, среди основных принципов реализации внешнеполитических ролей России В. В. Путин отмечает: применение политико-дипломатических методов разрешения проблемы, поэтапность, взаимность, терпение, отказ от силовых действий, а также мер, которые могли бы негативно отразиться на текущем положении дел. Иначе говоря, российский лидер воспринимал ситуацию вокруг ядерной программы Ирана с точки зрения выигрышей, открывающихся возможностей, нежели потерь, и призывал избегать совершения рискованных действий, которые могли бы перевести ее в область потерь. При этом с самого начала был взят курс на разрешение проблемной ситуации с учетом интересов всех сторон, в том числе и Ирана, на основе норм международного права.

Сопоставление индексов, характеризующих убеждения В. В. Путина в разные периоды времени, позволяет сделать вывод, что философские убеждения подверглись минимальным изменениям. Сравнение индексов, рассчитанных на основе текстов речей 2006 и 2013–2014 годов, обнаруживает различия в сотые доли. Показатели, относящиеся к другим периодам, также отличаются незначительно. Исключение составляют значения индекса Р-4. В 2003 и 2005 годах В. В. Путин был

убежден в том, что контролировать ход истории было скорее возможно, чем невозможно (индекс Р-4 = 0,58 и 0,53 соответственно), т. е. локус контроля рассматривался как внутренний. Начиная с 2005 года показатель обозначает внешний локус контроля и низкую возможность контролировать исторические процессы. Кроме того, в 2003 году будущее воспринималось как более предсказуемое. Значение индекса Р-3 в 2003 году более чем в 2 раза выше по сравнению с 2013–2014 годами.

Фактически на начальном этапе развития ситуации вокруг ядерной программы Ирана убеждения российского президента соответствовали операциональному коду политического лидера типа «А»¹¹⁷.

Политики, принадлежащие к типу «А», полагают, что конфликт в международной системе – временное состояние, обусловленное несовершенством коммуникации и неправильным пониманием в отношениях субъектов. В частности, основная причина войны – это спираль конфликта, которая базируется на ошибках восприятия и импульсивных реакциях. Будущее воспринимается как относительно предсказуемое. Оптимизм основывается на способности и готовности лидера контролировать историческое развитие. Политики типа «А» ставят цели в русле подчеркнуто разделяемых интересов; стремятся к достижению целей постепенно, опираясь на гибкую стратегию и контролируя риск за счет избегания эскалации конфликтов и реализации возможности по мирному разрешению спорных ситуаций; в ходе переговоров создают условия для поиска компромисса. Кроме того, они избегают применения силы на ранних этапах разрешения конфликта. Среди стратегических приоритетов в международных делах в порядке убывания значимости следуют: урегулирование конфликта, создание тупиковой ситуации, вызванной отказом идти на уступки, доминирование, подчинение.

Убеждения, свойственные политическим лидерам типа «А» и «С», во многом схожи. Различия затрагивают субъективно понимаемые источники конфликтов в международных делах. В то время как лидер типа «А» видит их в несовершенствах взаимоотношений конкретных субъектов, лидер типа «С» – в дисфункциях международной системы. Кроме того, отмечаются различия в стратегических приоритетах. Лидеры обоих типов предпочитают улаживать кон-

¹¹⁷ O'Reilly K. P. Leaders' Perceptions and Nuclear Proliferation: A Political Psychology Approach to Proliferation... P. 772

фликты посредством их разрешения и не склонны к подчинению. При этом лидеры типа «С» второй по значимости стратегией считают доминирование, т. е. в конфликтной ситуации склонны действовать в соответствии со своими интересами. Лидерам типа «А» такая стратегия свойственна в меньшей степени.

Что означает изменение системы убеждений В. В. Путина в рассматриваемые периоды?

Можно предположить, что оно отражает не столько трансформацию видения иранской проблемы самой по себе, сколько эволюцию взглядов Президента РФ на международные политические процессы. В известном выступлении на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г. президент поставил под сомнение эффективность однополярной системы, ее возможности обеспечить международную безопасность и развитие¹¹⁸. В ходе выступления на XI конференции дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. вновь поднимается вопрос о том, что «существующая система глобальной и региональной безопасности не способна уберечь нас от потрясений»¹¹⁹. При этом существование иранской проблемы рассматривается не просто как проблема двусторонних отношений США и Ирана или Ирана и Израиля, а как проявление дисфункции международной системы. В связи с этим поиск решения также должен осуществляться на системном уровне с привлечением международных правовых механизмов. В частности, в ходе Мюнхенской конференции президент подчеркнул существование серьезного международного напряжения, связанного с иранской ядерной программой: «Если международное сообщество не выработает разумного решения этого конфликта интересов, мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы, потому что пороговых стран больше, чем Иран, и мы с вами об этом знаем. Мы будем постоянно сталкиваться с угрозой распространения оружия массового уничтожения»¹²⁰.

¹¹⁸ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г., Мюнхен. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

¹¹⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/news/46860>

¹²⁰ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г.

Динамика развития ситуации вокруг ядерной программы Ирана в 2013–2015 годах позволила приблизиться к поиску такого международного механизма. Иначе говоря, найденный путь решения иранской ядерной проблемы в определенной степени соответствовал системе убеждений политического лидера типа «С», к которому может быть отнесен и Президент РФ В. В. Путин. В связи с этим и уровень существующей угрозы, исходящей от Ирана, не расценивался как высокий. Вместе с тем угроза не воспринимается и как низкая. Российский лидер указывает и на возможные источники опасности.

Анализ других компонентов образов России и Ирана, а также механизмов, лежащих в основе их конструирования, подтверждает сделанный вывод.

Обратим внимание на *идентификационный компонент* образа Ирана. Частота появления идентификационных утверждений в текстах речей В. В. Путина по иранской ядерной программе низкая. Вместе с тем они используются российским лидером для осмысления ситуации и на них важно обратить внимание.

Идентификационный компонент образа государства-оппонента отражает характеристики, которые, по мнению субъекта познания, свойственны ему изначально, представляют собой неотъемлемую часть его Я-концепции. Они сопротивляются изменениям, поскольку отказ от них способен поставить под сомнение сущность государства, его идею. В результате, если субъект познания использует характеристики идентичности оппонента для осмысления его решений и действий, можно предположить, что он пытается найти причины его поведения в присущих ему качествах, нежели своей внешнеполитической деятельности или ситуации на международной арене. Иначе говоря, если бы угроза существовала, то президент связал бы ее с характеристиками Ирана как государства или чертами, свойственными его гражданам.

Идентификационный компонент образа Ирана описан преимущественно посредством *позитивных утверждений* (75 % утверждений об идентичности). В частности, Иран воспринимается как «великая страна, страна с великой культурой, с великой историей и с великим народом»¹²¹.

¹²¹ Путин В. В. Посещение телеканала Russia Today, 11 июня 2013 г., Москва. URL: <http://news.kremlin.ru/news/18319>

Вместе с тем присутствуют и характеристики, имеющие негативную эмоциональную окрашенность. Отмечается в первую очередь местоположение Ирана в «сложном регионе»¹²², который отличается наличием явных и латентных проблем. В подобных обстоятельствах существование у Ирана ядерного оружия может привести к эскалации конфликтов в регионе. Это обстоятельство служит основанием для восприятия угрозы.

Кроме того, обращают на себя внимание *рефлексивные суждения*, которые лежат в основе конструирования образа Ирана. Президент В. В. Путин полагает, что иранским политикам выгодно поддерживать враждебность с США с целью консолидации общества и решения внутривнутриполитических задач. В то же время российский лидер считает, что к такой же стратегии обращаются и США: конструирование враждебного образа Ирана позволяет «объединить западных союзников против какой-то реальной или несуществующей угрозы»¹²³. В частности, существование иранской угрозы использовалось в качестве предлога для развертывания американской ПРО в Европе. Таким образом, рефлексивные суждения российского политического лидера служат основанием для конструирования угрозы, которая поддерживается как самим Ираном, так и США и их союзниками, поскольку служит реализации политических целей.

Содержание отмеченных рефлексивных суждений в целом соответствует *частной гипотезе б*, согласно которой субъект, воспринимающий угрозу, приписывает оппоненту конструирование своего образа как враждебного. В этом случае российский лидер, который не воспринимает Иран как источник угроз, направленных непосредственно против России, связывает существование опасности с образом врага, который, по его мнению, представляет неотъемлемый элемент отношений между США и Ираном.

Рефлексивные суждения выводят существование угрозы из особенностей исполнения Ираном ролей на международной арене, т. е. *ролевого компонента образа* этого государства. Согласно теории позиционирования, ролевой компонент образа Ирана конструируется другими странами, в том числе и Россией, в соответствии с основными положениями рамочного соглашения,

¹²² Путин В. В. Посещение телеканала Russia Today, 11 июня 2013 г....

¹²³ Там же.

которое было достигнуто в Женеве в ноябре 2013 года. По мнению российского лидера, Иран должен соблюдать взятые на себя обязательства (и уже делает это), сотрудничать с МАГАТЭ, минимизировать негативную сторону отношений с Израилем. Вместе с тем президент обращает внимание на один из аспектов ролевой концепции Ирана, вызывающий озабоченность. Иран настаивает на том, что будет проводить обогащение топлива самостоятельно, и отверг предложение России делать это на ее территории. Ожидалось, что, приняв подобное предложение, Иран подтвердит мирную направленность ядерной программы. Однако, как отметил В. В. Путин, «наши иранские партнеры отказались. Не очень понятно почему»¹²⁴.

Приведенное рефлексивное суждение отражает воспринятое *расхождение* ожиданий относительно ролей, которые должен исполнить Иран, и его деятельности в русле ядерной программы. Иначе говоря, Иран, с точки зрения российского лидера, выступающего в качестве субъекта познания угрозы, не совершает действий, которые соответствовали бы его позиции государства, подписавшего соглашение и взявшего обязательства по реализации мирной ядерной программы. Это обстоятельство, в соответствии с частной *гипотезой 3* исследования, создает основания для конструирования угрозы. Вместе с тем В. В. Путин в целом полагает, что Иран выполняет взятые обязательства, а выбор возможности обогащать топливо на своей территории рассматривает как право Ирана. Таким образом, уровень воспринятой угрозы остается умеренным.

Ссылки на реализацию Ираном своих прав обуславливают необходимость анализа *атрибутивных конструкций*, лежащих в основе конструирования суждений о существовании или отсутствии угрозы. Президент В. В. Путин опирается на две атрибутивные конструкции в процессе восприятия угрозы, исходящей от Ирана. Первая служит обоснованием существования опасности, вторая – аргументом в пользу того, что оснований для тревоги нет.

О враждебных намерениях Ирана свидетельствуют угрозы, направленные в отношении Израиля. «Когда мы слышим со стороны Ирана угрозы в отношении соседних стран, в частности Израиля, – мы слышим из Ирана, что Израиль может быть уничтожен, – я считаю,

¹²⁴ Путин В. В. Посещение телеканала Russia Today, 11 июня 2013 г..

что это совершенно неприемлемо», – подчеркивает В. В. Путин¹²⁵. Фактически в этом случае существование угрозы связывается с открыто высказываемыми Ираном намерениями причинить вред. Возможности для реализации этих намерений могут возникнуть вместе с созданием ядерного оружия. Как следствие, возникают две ключевые составляющие угрозы: намерения и возможности нанести ущерб оппоненту. В качестве такового в первую очередь рассматривается Израиль.

Вторая атрибутивная конструкция служит основанием для конструирования суждения об отсутствии опасности. Подчеркивается факт соблюдения Ираном взятых на себя обязательств в сфере нераспространения ядерного оружия, что подтверждается МАГАТЭ. Соблюдение установленных правил воспринимается как условие безопасности, отсутствия враждебных намерений, и наоборот, их нарушение расценивается как индикатор угрозы. В этом случае российский лидер отмечает: «Иран соблюдает правила в этой сфере, у меня сомнений нет, потому что нет никаких доказательств, которые бы говорили об обратном»¹²⁶. Следовательно, нет оснований для восприятия действий Ирана как представляющих угрозу. Однако в сочетании с первой атрибутивной конструкцией сделанный вывод может быть скорректирован. Существуют риски дестабилизации ситуации в регионе, связанные с демонстрацией враждебности к Израилю и сохранением напряженности в ирано-американских отношениях. Таким образом, атрибутивные конструкции служат основанием для восприятия угрозы как умеренной. Сказанное позволяет также подтвердить *частную гипотезу 5* о том, что объяснение враждебных намерений осуществляется на основе атрибутивной конструкции, которая выводится из характеристик, присущих возможному источнику угрозы, нежели из особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания. Кроме того, враждебные намерения связываются с нарушением формальных и/или неформальных правил и норм международного взаимодействия.

Среди когнитивных механизмов, лежащих в основе конструирования образа государства как представляющего угрозу, важная роль принадлежит *сравнению*. Как правило, существование угрозы

¹²⁵ Путин В. В. Посещение телеканала Russia Today, 11 июня 2013 г..

¹²⁶ Там же.

связано с восприятием различий между ключевыми ценностями государств, а также занимаемыми ими статусными позициями.

Президент России в 2013–2014 годах прибегает к сравнению, однако при этом он не обращается к сравнению ценностей, а сопоставляет положение Ирана в мировом сообществе с аналогичной характеристикой других государств. По мнению В. В. Путина, Иран не может быть дискриминирован по сравнению с другими участниками международного сообщества в том, что касается права развивать мирную ядерную программу. Иначе говоря, Иран позиционируется как государство, ничем не отличающееся от других стран. Это обстоятельство создает контекст для конструирования ситуации вокруг ядерной программы Ирана как не связанной с угрозой. Оно также позволяет подтвердить *частную гипотезу 1*: конструирование суждения о существовании умеренной угрозы основывается на отсутствии воспринятых различий между государствами.

В заключение необходимо отметить, что значимая роль в конструировании угрозы, исходящей от Ирана, принадлежит *эмпатии*. Как отмечалось ранее, эмпатия означает не только сочувствие оппоненту и сопереживание на эмоциональном уровне, но и умение прислушиваться к партнеру по взаимодействию, подвергать анализу его интересы, особенно если он выражает беспокойство в связи с теми или иными вопросами¹²⁷. Фактически эмпатия выступает как познавательный процесс. В сфере межгосударственных отношений речь, как правило, идет об эмпатии именно в этом значении.

В текстах выступлений российского лидера по иранской ядерной проблеме подчеркивается необходимость поиска взаимоприемлемого решения, которое устроило бы все заинтересованные стороны, в том числе США и Израиль. При этом особое внимание уделяется интересам Ирана, и в первую очередь необходимости реализации его неотъемлемого права на развитие мирной ядерной программы, ядерной энергетики, а также права самостоятельно обогащать уран¹²⁸.

¹²⁷ Morell M. E. *Empathy and Democracy: Feeling, Thinking and Deliberation*. University Park, 2010.

¹²⁸ Заявление Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе, 24 ноября 2013 г.; Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/19825>

При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от текстов 2003–2006 годов, В. В. Путин в 2013–2014 годы не использует в отношении Ирана утверждения об отсутствии эмпатии. В соответствии с частной гипотезой 4, можно сделать вывод, что российский президент не воспринимает Иран как государство, от которого исходит угроза.

В целом особенности образа мира президента В. В. Путина, характеристики образов России и Ирана, а также механизмы рефлексии, каузальной атрибуции, сравнения и эмпатии, которые лежат в основе формирования образов двух стран, позволяют сделать вывод, что в 2013–2014 годы российский лидер конструирует угрозу как умеренную. При этом опасения вызывают случаи открыто высказываемых Ираном намерений причинить вред Израилю в условиях высокой конфликтности в регионе, а также враждебность политического руководства Ирана по отношению к США и Израилю для достижения внутривосточных целей. Отмеченные обстоятельства могут затруднять конструктивное сотрудничество Ирана с международным сообществом для разрешения ядерной проблемы. Однако ориентация на позитивное восприятие Ирана и перспектив сотрудничества с ним, в том числе и в ядерной сфере, по сравнению с 2003–2006 годами сохранена.

Таким образом, можно сделать вывод, что восприятие угрозы в 2013–2014 годы не претерпело существенных изменений по сравнению с 2003–2006 годами. Вместе с тем подписание соглашения создает базис для организации нового социального пространства угрозы, основанного на закреплении ожиданий России относительно разрешения иранской проблемы. Президент В. В. Путин подчеркивает, что Женевские соглашения, подписанные в ноябре 2013 года, основываются на российских предложениях. В заключении соглашения в Лозанне в апреле 2015 года, по признанию зарубежных партнеров, также велика роль российской стороны. Однако в 2003–2006 годах позиции США и России по иранской ядерной проблеме существенно расходились. Разногласия сохранялись и в отношениях с рядом других зарубежных партнеров. На этом фоне конструирование иранской угрозы российским лидером оставалось, в терминах теории социального конструктивизма, экстернализованным субъективным истолкованием действительности.

В заявлении президента в связи с заключением в Вене 14 июля 2015 г. соглашения по иранской проблеме, которое приветствовал В. В. Путин¹²⁹, отмечается, что в нем реализованы все принципы, которые Россия последовательно отстаивала в ходе переговоров: поэтапность, взаимность, следование нормам международного права, избегание силового варианта разрешения проблемы. Фактически достигнутое соглашение создает фундамент для объективации и институционализации позиции нашей страны по иранской ядерной программе.

Сказанное позволяет сделать вывод о подтверждении *основной гипотезы 3* исследования.

4.5.2. Особенности конструирования иранской угрозы Президентом США Б. Обамой в 2013–2014 годах

Одна из ключевых особенностей восприятия «иранской угрозы» американским президентом в рассматриваемый период связана с тем, что и в США, и в Иране по сравнению с 2003–2006 гг. произошла смена глав государств. В настоящее время конструирование угрозы связано с деятельностью Б. Обамы и избранием нового Президента Ирана Х. Рухани. Значимость этого факта для рассмотрения процесса восприятия угрозы обусловлена двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство связано с тем, что приход к власти новых политиков позволяет избавиться от бескомпромиссной риторики, которая была присуща поколению лидеров, с деятельностью которых связано начало и развитие конфликта между сторонами. Если обращенные к населению высказывания продолжают культивировать образ врага и при этом политики осуществляют поиск компромисса в переговорах с оппонентами, это порождает у последних сомнения в искренности намерений и повышает риск срыва переговорного процесса. В свою очередь, сам факт переговоров приводит к снижению доверия населения к лидеру, который демонстрирует слабость перед оппонентом и предаёт свои принципы. В подобных обстоятельствах поиск взаимоприемлемых решений затруднителен. Приход к власти нового поколения лидеров создает возможности

¹²⁹ Заявление Президента России Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе, 14 июля 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49957>

отказаться от принципов прежней политической стратегии, не «потеряв лицо» и не утратив при этом доверия последователей.

По нашему мнению, подобная возможность была реализована и Б. Обамой. Как подчеркивает В. И. Бартенев, «руководствуясь идеей «обновления американского лидерства», новый президент предпринял попытку осуществить разрыв с унилатералистским, силовым наследием своего предшественника и сделать ставку на вовлечение «изгоев» в диалог»¹³⁰. В кругах политической элиты США новый подход воспринимался как радикальный и непрофессиональный и был в связи с этим скорректирован¹³¹. Однако общая идея возобновления контактов с лидерами государств-изгоев, к числу которых относится и Иран, в конечном итоге была реализована, в том числе благодаря возможностям, которые предоставляет статус «нового лидера».

Второе обстоятельство связано с первым и указывает на то, что приход к власти нового президента и реализация концепции обновленного лидерства США в мире создали основания для другой, по сравнению с периодом президентства Дж. Буша, структуризации социального пространства угрозы. В связи с этим для понимания особенностей конструирования президентом США угрозы, исходящей от Ирана в 2013–2014 годы, важно рассмотреть ее основные измерения.

Реализация новой стратегии, связанной с вовлечением стран-изгоев в диалог, предполагает значимость структуризации социального пространства, построенного на основе угрозы, с учетом прежде всего *интеракционного измерения*. Согласно «Стратегии национальной безопасности США» редакции 2006 г., в период президентства Дж. У. Буша в отношении Ирана была выбрана стратегия блокирования угроз, которые исходят от режима, и одновременного расширения поддержки населения, подавляемого государством¹³². В основе нового подхода, реализованного Б. Обамой, лежит *политика*

¹³⁰ Бартенев В. И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 117.

¹³¹ Там же. С. 129.

¹³² The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. P. 20–21.

вовлечения. Стратегия национальной безопасности США 2010 г. не предполагает отказа от использования мер по усилению изоляции Ирана и оказания на него давления с целью заставить это государство выполнять обязательства в сфере нераспространения ядерного оружия. Однако при этом предлагается и альтернатива – политическая и экономическая интеграция в мировое сообщество, если международные обязательства будут исполнены¹³³. Идея предоставленного Ирану выбора проходит «красной нитью» по выступлению президента в рассматриваемый период. При этом Б. Обама использует метафору «протянутой руки», которую США предлагают Ирану¹³⁴. Фактически в отношениях между странами обозначилась возможность *взаимодействия* при урегулировании ядерной проблемы, нежели одностороннего давления со стороны США, подразумевающего безоговорочное подчинение Ирана.

Таким образом, в американо-иранских отношениях в период президентства Б. Обамы начал складываться новый паттерн интеракции, который предполагает, что с государством, представляющим угрозу, необходимо «работать», а не пытаться изолироваться и отгораживаться от него. Подобная стратегия вовлечения не нова для США и, по мнению экспертов, была реализована, например, в отношении России посредством поддержки членства нашей страны в «Группе восьми»¹³⁵. Тогда ставка была сделана на то, что Россия посредством взаимодействия с ведущими демократическими промышленно развитыми государствами «приобщится к новым стандартам поведения»¹³⁶. Можно предположить, что в ситуации с Ираном ожидания были схожие. Кроме того, стратегия вовлечения

¹³³ National Security Strategy 2010, May. P. 23-24. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

¹³⁴ *Obama B.* Statement by The President on First Step Agreement on Iran's Nuclear Program, November 24, 2013. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/23/statement-president-first-step-agreement-irans-nuclear-program>; *Obama B.* Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U.S. Military Academy-West Point. West Point, New York, May 28, 2014. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony>

¹³⁵ *Луков В. Б.* Россия в клубе лидеров. М., 2002. С. 161–162.

¹³⁶ *Золотова Л. Г.* Внешняя политика США и саммиты G–8: науч. докл. М., 2005. С. 29.

представлялась более рациональной, поскольку через непосредственное взаимодействие с государством – источником угрозы удастся лучше понять его намерения и оценить возможности, создать фундамент для преодоления разногласий прежде всего в области развития ядерной программы.

Отражением реализации новой стратегии взаимодействия двух стран стало использование Б. Обамой *эмпатии* в качестве механизма конструирования образа Ирана. В частности, он акцентирует важность уважения прав Ирана, в том числе и в сфере развития мирных атомных технологий. Однако в 12,5 % утверждений об эмпатии отражена позиция, согласно которой США не допускают существование у Ирана ядерного оружия. В связи с этим 85,7 % утверждений о ролях Ирана связаны с необходимостью прекратить работы по ядерной программе и отказаться от планов по созданию ядерного оружия.

В целом соотношение утверждений об эмпатии в текстах речей Б. Обамы служит, в соответствии с *частной гипотезой 4*, индикатором снижения уровня воспринятой угрозы. Вместе с тем присутствует и круг вопросов, по которому США не готовы принимать точку зрения оппонента и осуществлять поиск компромисса. Можно предположить, что эмпатия в этом случае не выступила в качестве отражения изменений в восприятии угрозы, а используется для создания благоприятных условий для получения информации об оппоненте. Фактически, взаимодействуя с иранским политическим руководством, Б. Обама пытается реализовать стратегию, которую Р. К. Уайт назвал «реалистической эмпатией»¹³⁷. Б. Обама реализовал ее, по меньшей мере, посредством возобновления контактов с политическим руководством Ирана и переговорного процесса, поскольку именно прямое общение позволяет лучше понять партнера по взаимодействию, а также снизить неопределенность, которая рождает подозрительность. В связи с этим, несмотря на то что доминирующей категорией, которая, с точки зрения американского президента, описывает отношения США и Ирана, выступает недоверие (15 % утверждений об ирано-американских отношениях), Б. Обама подчеркивает, что сделан шаг навстречу изменениям (12,8 %).

¹³⁷ White R. K. Empathizing with the Rulers of the USSR // Culture, Communication and Conflict: Readings in Intercultural Relations / ed. G. R. Weaver. Needham Heights (MA), 1998. P. 441.

Готовность следовать новой стратегии взаимодействия в отношениях с Ираном поддерживается также и содержанием конструктов, посредством которых осмысливается ситуация, связанная с развитием иранской ядерной программы. Они образуют идеальное измерение структуризации угрозы.

Контент-анализ текстов речей Президента США Б. Обамы позволяет сделать вывод, что в 2013–2014 гг. Иран рассматривается как источник угроз безопасности в регионе, и в первую очередь для Израиля. Результаты представлены в табл. 8 и 9.

В частности, ассоциативный ряд понятия «угроза» (табл. 8) составляют следующие конструкты: «регион» ($\chi^2 = 12,402$; $p = 0,01$), «военный» ($\chi^2 = 7,654$; $p = 0,01$), «Израиль» ($\chi^2 = 5,994$; $p = 0,05$). Кроме того, понятие «Иран» употребляется в тесной связи с конструктами (табл. 9): «ядерный» ($\chi^2 = 23,152$; $p = 0,01$), «программа» ($\chi^2 = 14,262$; $p = 0,01$), «оружие» ($\chi^2 = 12,684$; $p = 0,01$).

Вместе с тем базовые понятия «Иран» и «угроза» образуют ассоциативные связи с конструктами, обозначающими достижение согласия и разрешения проблемы. Например, величина критерия χ^2 для ассоциативной связи понятий «Иран» и «согласиться» составляет 9,403 ($p = 0,01$). Значимые ассоциативные связи с понятием «Иран» также образуют: «решение» ($\chi^2 = 6,775$; $p = 0,01$), «мир» ($\chi^2 = 6,475$; $p = 0,05$), «достигать» ($\chi^2 = 6,475$; $p = 0,05$), «отношения» ($\chi^2 = 4,575$; $p = 0,05$). Частота их появления в текстах речей президента существенно ниже, чем конструктов, обозначающих сохраняющуюся опасность, однако уровень значимости коэффициента хи-квадрат позволяет сделать вывод о тесной связи рассматриваемых понятий. При этом важно подчеркнуть, что понятия «угроза» и «Иран» в текстах речей Б. Обамы не образуют значимой взаимосвязи ($\chi^2 = 0,028$; $p < 0,05$). Отсутствие отмеченной взаимосвязи отличает тексты Б. Обамы от выступлений Дж. Буша, в которых присутствуют ассоциации таких понятий, как «Иран» и «угрожать» ($\chi^2 = 8,897$; $p = 0,01$), «оружие» ($\chi^2 = 7,37$; $p = 0,01$), «опасный» ($\chi^2 = 5,6$; $p = 0,05$) на статистически значимом уровне.

Таблица 8

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
существительного «угроза», в текстах речей
Президента США Б. Обамы (2013–2014 гг.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Регион	13	3	12,402**
Военный	9	2	7,654**
Израиль	21	3	5,994*
Согласиться	10	2	6,574*
Понять	10	2	6,574*

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df = 1$); ** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df = 1$).

Таблица 9

**Конструкты, составляющие ассоциативный ряд
существительного «Иран», в текстах речей
Президента США Б. Обамы (2013–2014 гг.)**

Конструкты	Частота появления	Частота совместного появления	Значение коэффициента χ^2
Ядерный	77	57	23,152**
Программа	42	33	14,262**
Оружие	43	33	12,684**
Всеобъемлющий	18	16	10,342**
Предотвратить	15	14	10,691**
Согласиться	10	10	9,403**
Решение	11	10	6,775**
Мир	7	7	6,475*
Достигать	7	7	6,475*
Отношения	5	5	4,575*

* χ^2 значим при $p = 0,05$ ($df = 1$); ** χ^2 значим при $p = 0,01$ ($df = 1$).

Анализ образа США, сконструированного в текстах речей Б. Обамы в 2013–2014 гг., в целом подтверждает сделанный вывод. Соотношение утверждений о возможностях и угрозах, характеризующих статусный компонент образа государства, складывается в пользу угроз (55 %). Вместе с тем очевидно, что президент отмечает и перспективы, которые возникают в связи с заключением Женевских соглашений в ноябре 2013 г. Возможности связаны с уменьшением опасности для США и их союзников, стран региона.

Таким образом, анализ ключевых конструкторов и характера ассоциативных связей между ними позволяет сделать вывод, что система значений, в контексте которой Б. Обама конструирует иранскую угрозу, стала другой. Однако она позволяет говорить не столько о снижении уровня воспринятой угрозы по сравнению с выступлениями Дж. У. Буша, сколько о готовности *работать над изменением ситуации*.

Результаты, отражающие особенности конструирования иранской угрозы американским политическим руководством, подтверждаются значениями индексов операционального кода, которые позволяют установить содержание основных убеждений Дж. У. Буша и Б. Обамы о политическом мире. Значения индексов представлены в табл. 10.

Индексы, описывающие *философские убеждения* о природе политики, у двух президентов отличаются незначительно¹³⁸. Оба лидера воспринимают мир как в определенной степени кооперативный (P-1 = 0,31 и 0,32 у Дж. У. Буша и Б. Обамы соответственно). Перспективы реализации политических целей содержат в равной степени оптимистичные и пессимистичные оценки (P-2 = 0,12 и 0,09). Внешний мир характеризуется очень низкой предсказуемостью (P-3 = 0,1 и 0,18).

¹³⁸ Расчет индексов производился при помощи компьютерной программы Profiler Plus 5.8.4. URL: <http://socialscience.net/tech/profilerplus.aspx>

**Значения индексов операционального кода президентов США
Дж. Буша (2003–2006 гг.) и Б. Обамы (2013–2014 гг.)
по иранской ядерной программе**

Индекс	Годы				
	2003	2004	2005	2006	2013–2014
Философские убеждения					
P-1: природа политического мира	1	0,6	0,05	0,31	0,31
P-2: реализация политических ценностей	0,67	0,34	0,01	0,1	0,09
P-3: предсказуемость политического будущего	0,4	0,13	0,09	0,11	0,11
P-4а: контроль над ходом истории (самоконтроль)	0,33	0,81	0,81	0,73	0,33
P-4б: контроль над ходом истории (контроль со стороны других)	0,67	0,19	0,19	0,27	0,67
P-5: роль случая	0,87	0,88	0,93	0,92	0,96
Инструментальные убеждения					
I-1: направление стратегии	0,75	0,54	1	0,72	0,5
I-2: тактические приоритеты	0,29	0,28	0,56	0,41	0,27
I-3: склонность к риску	0,51	0,12	0,47	0,17	0,12
I-4а: склонность к смене конфликтного и кооперативного поведения	0,25	0,46	0	0,67	0,5
I-4б: склонность к смене слов и поступков	0,25	0,92	0,67	0,84	0,79

Вместе с тем наблюдаются различия в *инструментальных убеждениях*, отражающих представления о способах взаимодействия с миром. Установка Дж. У. Буша на кооперативную стратегию более выраженная, чем у Б. Обамы (I-1 = 0,72 и 0,49 соответственно). Тактические приоритеты Дж. У. Буша также в большей степени направлены на сотрудничество (I-2 = 0,4 и 0,27). Иначе говоря, разделяя с Дж. У. Бушем базовые представления о мире, которые не отражают снижения напряженности, Б. Обама реализует другую стратегию действий в отношении Ирана, основанную на использовании не только

кооперативных, но и конфликтных средств реализации власти. Более того, как полагает сам политик, именно в период его президентства и возник тот план, который привел к прогрессу в решении иранской ядерной проблемы¹³⁹. Основным инструментом стали дипломатические усилия, подкрепленные санкциями против Ирана, которые ввели не только США, но и другие страны. Давление, которое удалось оказать посредством беспрецедентного режима санкций, воспринималось Б. Обамой как результативное. Однако о кардинальном переосмотре существующих угроз говорить преждевременно.

Стратификационное измерение структуризации угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, связано с определением статусной позиции США на международной арене. Стратегия национальной безопасности США 2010 г., в рамках которой поставлена задача по предотвращению появления у Ирана ядерного оружия, направлена на обновление американского лидерства таким образом, чтобы наиболее эффективно продвигать интересы США в XXI в.¹⁴⁰ Как связано изменение стратегии взаимодействия США и Ирана по урегулированию иранской ядерной проблемы со стремлением Америки пересмотреть свое положение в мире?

Необходимо отметить, что сама постановка задачи обновления американского лидерства обусловлена серьезными «имиджевыми потерями», которые понесли США в период президентства Дж. У. Буша. М. Макфол, ссылаясь на результаты частных бесед с неназванными должностными лицами разных стран, подчеркивает, что «европейские элиты рассматривали заявления президента (Дж. У. Буша. – *прим. автора*) о демократии и правах человека в качестве доказательства новой опасной формы американского империализма. Иранские политики доказывают, что риторика Дж. Буша о демократии камуфлирует скрытый мотив США захватить иракскую нефть. Китайские политики ссылаются на односторонние действия Америки и ее невнимание к мировому общественному мнению как на доказательство того, что США демонстрируют недостаточную приверженность достижениям демо-

¹³⁹ *Obama B.* Remarks by the President at Second Joint DCCC/DSCC Event. Beverly Hills (CA), 2013, November 26. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/26/remarks-president-second-joint-dcccdsc-event-beverly-hills-ca>

¹⁴⁰ National Security Strategy. May. 2010. P. 1.

кратических практик»¹⁴¹. Как следует из приведенной цитаты, негативный образ сложился не только в тех странах, которые не поддерживают политику Соединенных Штатов, но и у их союзников. По мнению М. Макфола, «в своей истории США, вероятно, еще никогда ранее не испытывали подобного снижения международной репутации»¹⁴².

Одной из причин формирования негативного образа США стала военная кампания против Ирака, а также сформулированная Дж. Бушем основная цель американской внешней политики, которая направлена на распространение демократии. «Мишенями» такой политики стали прежде всего так называемые государства-изгои. В связи с этим можно предположить, что, преследуя цель обновления американского лидерства, Б. Обама избрал другой формат построения отношений с такой категорией государств, в том числе и с Ираном. Как отмечалось ранее, он предполагает прямой диалог с этим государством, а также предоставление возможности вернуться в международное сообщество при отказе от планов по дальнейшему развитию ядерной программы. При этом одновременно применяется и давление посредством санкций. Однако, если рассматривать соотношение традиционных средств реализации власти, связанных с принуждением, убеждением и стимулированием, Б. Обама предпочел опираться не только на принуждение посредством негативных санкций, но и на стимулирование с помощью позитивных мер воздействия. Сделанный вывод подтверждается и результатами опросов американцев по иранской ядерной проблеме. Они выявили расхождения мнений граждан США, обусловленные их политическими предпочтениями. Сторонники республиканцев полагают, что заставить Иран отказаться от ядерной программы можно прежде всего под давлением угрозы применения силы и усиления санкций. Респонденты, поддерживающие демократов и, вероятнее всего, Б. Обаму, делают выбор в пользу мер стимулирования (снятие санкций, гарантии неприменения силы, возобновление дипломатических отношений)¹⁴³.

¹⁴¹ *McFaul M.* Democracy Promotion as a World Value // *The Washington Quarterly*. 2004. Vol. 28, № 1. P. 147.

¹⁴² *Ibid.*

¹⁴³ *Frankovic K.* Few trust Iran but support for negotiations persists, April 8, 2015. URL: <https://today.yougov.com/news/2015/04/08/few-trust-iran-support-negotiations-persist/>

Таким образом, новое лидерство основывается не только на непревзойденном военном и экономическом потенциале США, но и на «гибкости»¹⁴⁴, которая находит отражение в стремлении «устанавливать контакты с враждебными нациями с целью проверки их намерений, предоставления их правительствам возможность изменить курс, обратить внимание на свой народ»¹⁴⁵. Фактически Б. Обама в отношениях со «странами-изгоями» пытался следовать известной формуле: «держи своих друзей близко, а врагов – еще ближе». При этом в качестве успешного примера ее реализации президент рассматривает внешнюю политику Р. Рейгана по отношению к СССР. Как подчеркивает Б. Обама, «Рейган вел переговоры с Советским Союзом, продолжая противостояние с ним по всему миру»¹⁴⁶. Начав переговоры с СССР о сокращении ядерного оружия, Р. Рейган избавил США и мир от глобальной угрозы. Б. Обама полагает, что подобная стратегия может оказаться эффективной в отношении Ирана и его ядерной программы.

Важно подчеркнуть, что новый принцип построения отношений реализуется не только в случае с Ираном, но и с другими оппонентами США, например с Кубой¹⁴⁷, отражая общую направленность американской политики для формирования новых оснований лидерства в мире.

Статификационное измерение структуризации социального пространства угрозы, так же как интеракционное и идеальное измерения, служит основанием для изменения восприятия угрозы. В 2013–2014 годы угроза, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, конструируется так, чтобы подчеркнуть новые основания американского лидерства в мире. Угроза по-прежнему существует, однако США способны справиться с ней, приближая «врага» и возвращая его силой своего авторитета в международное сообщество. При этом подчеркивается неоспоримое лидерство

¹⁴⁴ National Security Strategy 2010, May. P. 1.

¹⁴⁵ Ibid. P. 3.

¹⁴⁶ *Obama B.* Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum. Willard Hotel, Washington (D.C.), 2013, December 07. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/07/remarks-president-conversation-saban-forum>

¹⁴⁷ *Obama B.* Charting a New Course on Cuba. President Obama Delivered a Statement on Cuba. URL: <https://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy/cuba>

США в решении иранской проблемы. «Мир объединился в поддержке нашей решимости предотвратить создание Ираном ядерного оружия», – отмечает Б. Обама¹⁴⁸.

Приведенное утверждение примечательно еще и тем, что оно иллюстрирует применение стратегии вовлечения не только к оппонентам, но и союзникам. В отношении последних она находит отражение в развитии сотрудничества с ними, которое основывается на разделяемых интересах и ценностях¹⁴⁹. В частности, для решения иранской проблемы США активно привлекали широкий круг стран, которые присоединились к режиму санкций. При этом удалось задействовать государства, которые ранее выступали против санкционного давления на Иран (Россия, Китай, Южная Корея, Япония). 48 % ролевых утверждений, характеризующих принципы исполнения США ролей на международной арене, подчеркивают значимость совместных усилий стран в решении иранской проблемы. Однако при этом США не утратили своей лидерской позиции и даже упрочили ее, формируя международную «повестку дня» и направляя действия широкого круга стран по урегулированию проблем, актуальных для мирового сообщества и отвечающих национальным интересам США.

Нормативное измерение находит отражение в ролях, исполняемых взаимодействующими субъектами – США и Ираном – в ситуации угрозы. В связи с этим необходимо рассмотреть содержание ожидаемого поведения, которое определяется обязанностями государства и соответствующими этим обязанностям правами. При этом конструирование угрозы основывается на невыполнении сторонами взятых на себя обязательств, а также поведении, не отвечающем ожиданиям.

В соответствии с соглашениями, заключенными в ноябре 2013 года, США ожидали от Ирана действий, связанных с ограничениями в развитии ядерной программы и отказом от намерений создать ядерное оружие (84 % ролевых утверждений, характеризующих образ Ирана). Однако оценка перспектив реализации этих ожиданий, с точки зрения президента, остается двойственной. Несмотря на то что Иран согласился ограничить свою деятельность по основным на-

¹⁴⁸ Statement by The President on First Step Agreement on Iran's Nuclear Program. November 24, 2013.

¹⁴⁹ National Security Strategy 2010. P. 3.

правлениям ядерной программы (12 % утверждений о ролях Ирана), высказываются опасения, что эти обязательства не будут выполнены. Основанием для этого становится прошлый опыт. В частности, отмечается тот факт, что в прошлом Иран не выполнял обязательства перед мировым сообществом (45 % утверждений о принципах исполнения Ираном ролей). Отмечаются сомнения, что подобная ситуация повторится и в настоящем. Как следствие, основная задача иранской стороны – убедить мировое сообщество в том, что она не стремится к созданию ядерного оружия (10 % утверждений о ролях Ирана). В свою очередь, содержание ролевой концепции США связано с исполнением преимущественно двух категорий ролей, направленных на создание условий, во-первых, по разрешению иранской ядерной проблемы (66 % утверждений о ролях США) и, во-вторых, по контролю над исполнением Ираном взятых на себя обязательств (15 %).

В целом анализ нормативного измерения позволяет сделать вывод, что, несмотря на достигнутый прогресс в решении иранской ядерной проблемы, в отношениях между Ираном и США сохраняется *недоверие*. В частности, утверждения о доверии составляют 11 % утверждений об ирано-американских отношениях (статусный компонент образа США). Такое же количество утверждений указывает на то, что страны начали уходить от недоверия друг к другу. При этом, характеризуя статусный компонент образа Ирана, Б. Обама отмечает, что США не должны доверять Х. Рухани или кому бы то ни было в Иране¹⁵⁰. Недоверие отмечается в 15 % утверждений, характеризующих отношения между двумя странами.

Важно отметить, что проблема доверия представлена не только в текстах речей Президента США. На нее указывает также и общественное мнение. В ноябре 2013 года 41 % американцев совсем не доверяли Ирану в его стремлении следовать соглашению по ограничению ядерной программы, 34 % – не слишком доверяли¹⁵¹. Несмотря на то что политические лидеры не следуют напрямую за общественным мнением, они учитывают его реакцию, особенно

¹⁵⁰ *Obama B.* Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum.

¹⁵¹ *Frankovic K.* Little trust in Iran, more support for an aggressive negotiating strategy, November 20, 2013. URL: <https://today.yougov.com/news/2013/11/20/little-trust-iran-more-support-aggressive-negotiat/>

если речь идет об иранской угрозе, которая конструируется как экзистенциальная, направленная не только на физическую безопасность США, но и на ее идентичность. В связи с этим можно предположить, что проблема доверия сохранит свою актуальность в американо-иранских отношениях и в будущем.

Значимость недоверия заключается в том, что оно служит своеобразным индикатором возможного невыполнения Ираном взятых на себя обязательств, а значит, индикатором существования угрозы.

Таким образом, содержание интеракционного, идеального, стратификационного и нормативного измерений структуризации социального пространства отношений США и Ирана позволяет сделать вывод о конструировании угрозы, исходящей от Ирана. Несмотря на наметившиеся изменения паттернов построения отношений между странами, а также введение Б. Обамой в оборот конструктов, которые создают условия для конструирования снижения опасности, уровень воспринятой угрозы остается высоким. Вместе с тем, в отличие от 2003–2006 годов, в текущий период конструирование угрозы осуществляется в контексте возможности ее снижения и даже устранения.

Полученные результаты позволяют подтвердить *гипотезу 1* исследования. Конструирование Президентом США Б. Обамой угрозы, которую может представлять Иран, обладающий ядерным оружием, осуществлялось в соответствии с характеристиками нормативного, стратификационного, интеракционного и идеального измерений пространства двусторонних отношений, которые обусловлены социальными позициями США и Ирана в международной системе.

Конструирование угрозы Б. Обама проводит посредством основных социально-когнитивных механизмов: сравнения, каузальной атрибуции, эмпатии и рефлексии. Использование эмпатии обсуждалось ранее при рассмотрении интеракционного измерения структуризации угрозы. В связи с этим рассмотрим остальные механизмы.

Анализ утверждений, содержащих *сравнения* США и Ирана, позволяет сделать вывод, что Б. Обама, наряду с восприятием различий между государствами по ряду значимых оснований, видит возможность благоприятных изменений в Иране (9 % утверждений о сравнениях). В частности, президент настаивает на необходимости избавиться от установки, что «Иран не может измениться

со временем, как и любая другая страна»¹⁵². При этом ожидаемые перемены связаны главным образом с избранием нового Президента Ирана Х. Рухани (22,7 % утверждений о сравнениях).

Однако, несмотря на признаваемые положительные тенденции в общественной и политической жизни Ирана, возникшие со сменой лидера, Президент США подчеркивает принадлежность Х. Рухани к правящей элите, которая представляет оппозицию США и Израилю, а также тем ценностям, которые «дороги» США. Утверждения, отражающие различия двух государств, составляют 18 %. В целом, несмотря на то что Б. Обама, как и Дж. У. Буш, избегает конструировать образы двух стран в терминах сходств, он реже акцентирует различия ценностей двух стран.

Вместе с тем сохраняют актуальность различия, связанные со статусными позициями Ирана (45 % утверждений о сравнении). В частности, так же как и Дж. У. Буш, Б. Обама обращает внимание на прогресс, достигнутый в развитии ядерной программы Ирана. Таким образом, восприятие угрозы, исходящей от этого государства, как и в 2003–2006 годах, обусловлено расхождением предписанного и достигнутого статуса. В связи с этим Женевские соглашения 2013 г. направлены преимущественно на то, чтобы остановить развитие программы и устранить разрыв статусных позиций. По состоянию на июль 2014 года, по мнению Б. Обамы, Иран выполнил свои обязательства по прекращению работ в контексте программы и позволил провести дополнительные инспекции на своих ядерных объектах¹⁵³. Однако, как отмечалось ранее, сохраняющееся недоверие в отношении Ирана создает основания для рассмотрения отмеченного аспекта сравнения в качестве индикатора угрозы.

Анализируя сравнения, характеризующие статусный компонент образа США, отметим утверждение Б. Обамы о том, что США победили Иран¹⁵⁴. Подобная убежденность строится на том, что подписание Женевских соглашений позволило «разрушить их намерения

¹⁵² Obama B. Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum.

¹⁵³ Obama B. Remarks by the President on Foreign Policy. James S. Brady Press Briefing Room, 2014. July 16. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/07/16/remarks-president-foreign-policy>

¹⁵⁴ Obama B. Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum.

в регионе, не опасаясь, что произойдет эскалация или распространение ядерного оружия в наиболее нестабильной части мира»¹⁵⁵. Фактически президент поднимает актуальную проблему регионального лидерства, за право на которое США и Иран вели негласную конкуренцию. По мнению В. И. Бартенева, «на Ближнем Востоке в конце правления администрации Дж. Буша-мл. позиции Соединенных Штатов были наиболее уязвимыми»¹⁵⁶. Согласно концепции внешнеполитического национализма, отставание, утрата лидерских позиций рассматривается в качестве основания для восприятия угрозы. Как следствие, Иран, стремящийся к усилению лидерства в регионе, в том числе посредством развития ядерной программы, на фоне ослабления позиции США расценивался Дж. У. Бушем в качестве угрозы. С учетом этого заявление Б. Обамы выглядит как утверждение изменения расстановки сил в регионе в пользу США, а лидерство государства служит основанием для конструирования умеренной угрозы.

О снижении уровня воспринятой угрозы свидетельствует и тот факт, что сравнения содержат также небольшой процент утверждений о *сходстве* Ирана с другими государствами (4,5 %). Отмеченные утверждения важны, учитывая, что в отношении этого государства долгое время применялся термин «государство-изгой», который отражал тот факт, что Иран изолировал себя от мирового сообщества по причине проводимой политики. В субъективной интерпретации сложившейся ситуации Б. Обама обозначает перспективы *реинтеграции* Ирана в сообщество государств при условии выполнения международных обязательств.

В целом использование Б. Обамой механизма сравнения для конструирования иранской угрозы служит подтверждением *частных гипотез 1–3*.

Используемые президентом *атрибутивные суждения* конструируют враждебные намерения Ирана. В частности, Б. Обама опирается на три атрибутивные конструкции. Первая указывает на то, что Иран вовлечен в террористическую деятельность, которая

¹⁵⁵ *Obama B.* Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum.

¹⁵⁶ *Бартнев В. И.* Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы (Окончание) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 126.

представляет угрозу безопасности США и их союзников. Вторая объясняет враждебность Ирана характеристиками политического режима. Так же как и Дж. У. Буш, нынешний Президент США связывает существование угрозы с действием антидемократического политического режима. Третья учитывает его могущество. «Иран – большая и относительно состоятельная страна, поэтому мы должны серьезно относиться к возможности того, что он собирается попытаться приобрести ядерное оружие», – подчеркивает президент¹⁵⁷.

Сходство с позицией Дж. У. Буша проявляется и в том, что Б. Обама связывает намерения причинить вред с характеристиками, присущими Ирану. Сделанный вывод подтверждается также тем, что образ Ирана в контексте рассматриваемой ситуации конструируется Президентом США в соответствии со *статусно-идентификационным паттерном*¹⁵⁸, т. е. с учетом положения государства в международной системе, отношений с другими странами, а также разделяемых ценностей, истории и потенциала государства. Вместе с тем в отличие от Дж. У. Буша Б. Обама частично признает *ответственность США* за возникновение тех угроз, которые определяют отношения между странами. На это указывает содержание *рефлексивных суждений*. В частности, президент отмечает, что в период «холодной войны» США вмешивались во внутренние дела Ирана и принимали участие в свержении режима¹⁵⁹. Однако в целом вина за возникшую ситуацию, в том числе и санкции, перекладывается на Иран¹⁶⁰. Полученные результаты подтверждают *частную гипотезу 5* исследования о том, что объяснение враждебных намерений осуществляется на основе атрибутивной конструкции, согласно которой угроза выводится из характеристик, присущих возможному источнику угрозы, а не из особенностей сложившейся ситуации или черт субъекта познания.

¹⁵⁷ *Obama B.* Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum.

¹⁵⁸ Статусные утверждения составляют 43,7 %, идентификационные – 33 %.

¹⁵⁹ *Obama B.* Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. United Nations. New York, 2013, September 24. URL: <http://www.whitehouse.gov/photos-and-video/video/2013/09/24/president-obama-addresses-united-nations-general-assembly#transcript>

¹⁶⁰ *Obama B.* Statement by President Obama on Nowruz, 2014, March 20. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/20/statement-president-obama-nowruz>

Анализ *рефлексивных суждений* позволяет сделать вывод, что, по мнению Б. Обамы, образ США, сложившийся в Иране, содержит как положительные, так и отрицательные черты. С одной стороны, президент полагает, что иранцы ждут от американцев ослабления санкций, т. е. приписывает им готовность сотрудничать с США в рамках Женевских соглашений. С другой стороны, присутствует и убежденность в том, что Иран воспринимает США в качестве врага. Однако Б. Обама полагает, что решение проблемы, связанной с развитием Ираном ядерной программы, создаст основания для построения отношений на основе взаимных интересов и уважения¹⁶¹. Полученные результаты подтверждают *частную гипотезу б* о том, что субъект, воспринимающий угрозу, приписывает оппоненту конструирование своего образа как враждебного. Однако при этом на фоне высокой угрозы присутствуют и рефлексивные суждения, отражающие существование положительного образа США в сознании иранцев, что служит основанием для конструирования умеренной угрозы.

Обобщая полученные результаты, необходимо ответить на два важных вопроса: наблюдается ли динамика в конструировании угрозы Дж. У. Бушем и Б. Обамой в разные периоды развития иранской проблемы – в 2003–2006 и 2013–2014 годах – и можно ли говорить о снижении уровня воспринятой угрозы во второй период?

Отвечая на *первый вопрос*, можно сделать следующие выводы. Сопоставление механизмов, лежащих в основе конструирования президентами Дж. У. Бушем и Б. Обамой образов США и Ирана в ситуации угрозы, позволяет зафиксировать *динамику в восприятии угроз*, связанных с иранской ядерной программой. В то время как в интерпретации международной ситуации Дж. У. Буша в 2003–2006 гг. все механизмы (сравнение, эмпатия, каузальная атрибуция и рефлексия) способствуют конструированию угрозы, исходящей от Ирана, «картина мира» Б. Обамы более сложная.

Несмотря на использование атрибутивных конструкций и рефлексивных суждений, которые подтверждают существование у Ирана враждебных намерений, действующий Президент США избегает прямых противопоставлений ценностей двух стран. Кроме того, взаимодействуя с иранским политическим руководством, Б. Обама

¹⁶¹ *Obama B.* Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly...

пытается реализовать стратегию «реалистической эмпатии». В связи с этим, несмотря на то что доминирующей категорией, которая, с точки зрения американского президента, описывает отношения США и Ирана, выступает недоверие, Б. Обама подчеркивает, что сделан шаг навстречу изменениям. Кроме того, основные измерения структуризации пространства угрозы (интеракционное, идеальное, стратификационное и нормативное) позволили сконструировать угрозу так, чтобы создать условия по ее устранению на основе разнообразных средств реализации власти. Они подразумевают не только сдерживание оппонента посредством применения средств принуждения, но и стимулирование за счет отмены санкций и предоставления Ирану возможности восстановить отношения с США и другими ведущими странами мира, избавиться от статуса «изгоя».

Вместе с тем, отвечая на *второй вопрос* об изменении уровня воспринятой угрозы Б. Обамой по сравнению с Дж. У. Бушем, правильным было бы дать *отрицательный ответ*. Уровень воспринятой угрозы остается высоким.

В целом задействованные социально-когнитивные механизмы указывают на снижение остроты опасности (сравнение, эмпатия, отчасти рефлексия). Однако при этом констатируется необходимость остановить слишком быстро развивающуюся ядерную программу и предотвратить появление у Ирана ядерного оружия, которое способно изменить баланс сил в регионе. Фактически Б. Обама продолжает признавать существование угрозы, исходящей от Ирана, и реализует в отношении последнего стратегию сдерживания. Но, в отличие от Дж. У. Буша, для решения этой задачи Б. Обама применяет более широкий набор *средств*, в том числе стратегию «вовлечения», которая, по мнению В. И. Бартенева, призвана повысить эффективность сдерживания, нежели принципиально изменить формат отношений США и Ирана¹⁶².

Расширение использованных средств реализации власти привело к подписанию соглашений в Женеве в ноябре 2013 г. и Лозанне в апреле 2015 г. В Вене 14 июля 2015 г. подписано итоговое соглашение между Ираном и «шестеркой» международных посредников с участием США, которое создает новый институциональный

¹⁶² Бартенев В. И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»... С. 71.

контекст, позволяющий иначе структурировать «иранскую угрозу». С точки зрения интеракционного измерения достигнутые соглашения позволяют постепенно выйти на новый уровень отношений между Ираном и США, другими странами мира, развития сотрудничества в разных областях. Как подчеркивает А. Коэн, США рассчитывают путем снятия санкций втянуть Тегеран в стратегическое партнерство с Вашингтоном для борьбы с угрозами на Ближнем Востоке¹⁶³. Стратификационное измерение отражает новый статус Ирана в международной системе, который, как ожидается, усилит позиции государства в регионе, изменив баланс сил на Ближнем Востоке. Нормативное измерение фиксирует новые обязательства сторон в ядерной сфере. Иран взял на себя обязательства по ограничению своей ядерной программы и обеспечению возможности контроля этих действий со стороны МАГАТЭ. В свою очередь, США и другие участники мирового сообщества берут на себя обязательства снять с Ирана санкции. Можно ожидать также, что вслед за изменением объективированных измерений социальной структуры должна последовать и трансформация идеального измерения, представляющего новую систему значений, в том числе и идентификационные категории, которые применяются для описания Ирана.

Таким образом, в период президентства Б. Обамы заложен фундамент для новой версии конструирования иранской угрозы. Это обстоятельство позволяет подтвердить *основную гипотезу 3 исследования*.

Вместе с тем важно принять во внимание тот факт, что система значений трансформируется медленнее, чем объективированные измерения (интеракционное, стратификационное и нормативное). Более того, она подчас сопротивляется изменениям. Учитывая критику инициатив Б. Обамы представителями республиканской партии, а также лидерами ряда государств региона, прежде всего Израиля и Саудовской Аравии, можно ожидать, что конструирование угрозы продолжится в период правления новой администрации, отражая динамичный характер процесса восприятия внешней опасности.

¹⁶³ Коэн А. Иранская сделка: геополитическая революция на Ближнем Востоке. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/294123-iranskaya-sdelka-geopoliticheskaya-revoljutsiya-na-blizhnem-vostoke>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение механизмов конструирования угрозы с точки зрения определения взаимосвязей когнитивных и социальных аспектов этого процесса, можно подвести итоги и сформулировать основные положения авторской концепции конструирования политическими лидерами угрозы в межгосударственных отношениях.

Познание в сфере межгосударственных отношений определяется как имеющее социальную природу. В качестве субъекта познания в международных отношениях выступают государства как коллективные субъекты, осуществляющие познание посредством представляющих их на международной арене индивидов (как правило, государственных деятелей), разделяющих политическую идентичность страны.

В результате процесса познания формируется образ государства. Он отражает особенности социальной позиции государства в международной системе. Ее содержание составляют: 1) социальные роли, исполняемые государствами на арене мировой политики в соответствии с установленными нормами, правилами и ценностями в русле действующих институтов; 2) социальный статус, отражающий положение государства в международной иерархии; 3) паттерны построения отношений с разными категориями государств; 4) ментальные модели социальных феноменов и процессов в сфере международных отношений.

Угроза представляет собой социальный конструкт, который возникает в контексте отношений между государствами. Процесс конструирования угрозы предполагает структуризацию социального пространства межгосударственных отношений, построенных на основе угрозы, с точки зрения интеракционного, стратификационного, нормативного и идеального измерений социальной позиции государства в международной системе. В частности, отношения между государствами, как содержащие угрозу, осмысливаются с точки зрения 1) развития двусторонних отношений (*интеракционное измерение*), 2) неравенства статусных позиций в международной иерархии

(*стратификационное измерение*), 3) формальных и неформальных правил и норм, которые определяют приемлемые паттерны поведения в межгосударственных отношениях (*нормативное измерение*). В процессе осмысления угрозы субъекты опираются на принятую в обществе систему значений, которые отражены в понятиях, концепциях, документах, раскрывающих проблемы безопасности (*идеальное измерение*). Опираясь на представления о социальной позиции государства, создающего угрозу, в международной системе, а также принимая во внимание существующие нормативные и интеракционные паттерны, субъект познания преодолевает неопределенность, в условиях которой происходит оценка намерений и возможностей причинить вред. Кроме того, дифференциация положения государств в системе международных отношений по нормативному, идеальному, интеракционному и стратификационному измерениям обуславливает появление различий в восприятии угрозы. Таким образом, перечисленные измерения социальной структуры составляют ключевые факторы познания угрозы.

Конструирование угрозы осуществляется посредством механизмов социального сравнения, рефлексии, эмпатии и каузальной атрибуции. В частности, результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы о механизмах конструирования угрозы:

- конструирование суждения об угрозе осуществляется с учетом восприятия различий идентичностей двух государств. Основанием для восприятия различий выступают: ключевые ценности, особенности политического режима, принципы построения экономических отношений и другие; отсутствие акцентируемых различий или констатация сходств служит *индикатором снижения уровня воспринятой угрозы*;

- формулировка суждения о наличии угрозы сопряжена с различиями социальных статусов государств. В частности, конструирование угрозы основывается на восприятии несоответствия между статусом, которым субъект познания наделяет другое государство (*предписываемый статус*), и статусом, на который это государство претендует в системе международных отношений (*достигнутый статус*); познание угрозы связано с восприятием отношений конкуренции между государствами;

- субъект познания делает вывод о существовании угрозы, если другое государство исполняет роли, которые, с точки зрения субъекта познания, не соответствуют его идентичности и/или статусу на международной арене. Угроза ассоциируется с действиями государства, которое исполняет социальные роли, не соответствующие его позиции в международной системе, или не исполняет предписанные ею обязанности;
- конструирование угрозы сопровождается отсутствием эмпатии со стороны субъекта познания по отношению к государству, от которого ожидается причинение вреда; выражение эмпатии можно рассматривать в качестве индикатора снижения уровня воспринятой угрозы;
- объяснение враждебных намерений государства осуществляется на основе атрибутивной конструкции, которая выводит их из характеристик, присущих возможному источнику угрозы, нежели из особенностей сложившейся ситуации; атрибутивные конструкции связывают намерения государства причинить вред с нарушением установленных правил и норм;
- субъект, воспринимающий угрозу, приписывает оппоненту конструирование своего образа как враждебного; ожидание положительного образа служит индикатором снижения угрозы.

Конструирование угрозы предполагает не только восприятие угрозы на основе пред-конструкций, образованных интеракционным, идеальным, нормативным и стратификационным измерениями социальной структуры, но и ее осмысление посредством создания нового социального пространства на основе пересмотра всех или некоторых его измерений.

Приведенные положения концепции конструирования внешней угрозы важно оценить с точки зрения ее возможностей решить следующие задачи: 1) более корректно описать феномен угрозы и ее восприятие государствами; 2) объяснить различия в оценках одних и тех же угроз.

Обращаясь к первой части поставленной задачи, необходимо прежде всего отметить, что концепция позволила по-новому описать содержание феномена угрозы, а также процесса ее познания. В частности, в ней подчеркивается их социальная природа и тем самым обозначаются существенные преимущества перед традиционными подходами к изучению проблемы восприятия и оценки угрозы.

Представители политических, военных и психологических наук рассматривали угрозы как составляющую среды, внешней по отношению к субъекту познания. Как следствие, восприятие и оценка угрозы осуществляется посредством использования количественных и качественных шкал¹. Основная задача подобных методов оценки заключается в том, чтобы ранжировать угрозы по ряду важных оснований и определить уровень их значимости, актуальности для субъекта в конкретный момент времени, а также на ближайшую и более отдаленную перспективу. В контексте такого теоретического подхода различия в восприятии угрозы объясняются ошибками, которые обозначают случаи неправильного распознавания сложившихся образцов сочетания сенсорных данных.

Однако в проведенном исследовании удалось доказать, что восприятие угрозы вряд ли можно рассматривать как мгновенный акт распознавания, поскольку субъект далеко не всегда имеет дело с неизменной и однозначной информацией, образующей устойчивый паттерн, который мгновенно будет категоризован в качестве угрозы. Исключение составляют традиционные угрозы, в отношении которых у субъекта уже сложился определенный опыт. В подобных случаях познание угрозы может осуществляться по принципу «распознавания паттерна». Однако чаще всего содержание этого процесса может определяться как «создание паттерна», т. е. выявление образца сочетания элементов реальности, которые изначально не предполагали однозначной интерпретации и могут стать основанием как для вывода о наличии угрозы, так и ее отсутствии.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что познание внешней угрозы может рассматриваться как процесс ее конструирования. Этот процесс предполагает осмысление субъектом фактов реальности о намерениях и возможностях оппонента причинить вред, а также о своей уязвимости и ожидаемом ущербе с точки зрения основных измерений социальной структуры на национальном и международном уровнях. В основе этого процесса лежат социально-когнитивные механизмы социального сравнения, каузальной атрибуции, рефлексии и эмпатии. При этом в качестве

¹ Бояринцев А., Редькин В. Определение и ранжирование угроз объектам // Безопасность. Достоверность. Информация. 2007. № 2 (71), март–апрель. С. 14–19; Vellani K. H. Strategic Security Management. Burlington, 2006.

пред-конструкций выступают правила и нормы, образы и представления, устойчивые паттерны взаимодействия и сложившаяся система неравенства, определяющие позицию государства в международной системе. В результате угроза осмысливается как связанная с нарушением сложившихся норм, разрушением ключевых ценностей, девиациями в поведении. Она также находит отражение и закрепляется в социальной иерархии.

Таким образом, познание угрозы детерминировано социальными и политическими факторами, изучению которых уделялось незначительное внимание. Интегративный подход компенсирует подобное упущение.

Понимание угрозы как социального конструкта позволяет по-новому взглянуть на проблему ошибочности суждений о наличии или отсутствии угрозы.

Познание угрозы связано с конструированием образов государств. Образ представляет собой не просто отражение действительности, но ее воссоздание с учетом эмоционально-личностного смысла, который субъект придает воспринимаемой действительности. Образ – это репрезентация действительности с точки зрения того, что она означает для *субъекта*. В этом отношении образ всегда не тождествен действительности. Принимая во внимание сказанное, рассмотрение образов как ложных, ошибочных или «правильных» не обладает большой объяснительной силой и не способствует пониманию сущности процесса познания угрозы.

Представленная авторская концепция конструирования политическими лидерами угрозы в межгосударственных отношениях призвана не столько подчеркнуть субъективный характер суждений об угрозах, сколько продемонстрировать социальную и политическую обусловленность этого процесса. Знания субъекта, система категорий, которую он применяет для обозначения явлений и процессов жизни общества, должны соответствовать и отражать основные измерения социальной структуры. При этом речь идет не о том, что объективная социальная структура определяет содержание знаний, или о том, что облик общества зависит от образов, стереотипов, представлений его членов. Идеальное, стратификационное, нормативное и интеракционное измерения находят отражение в тех когнитивных механизмах, которые лежат в основе познания угрозы.

Таким образом, субъект познания связывает существование угрозы с функционированием основных измерений политической системы на национальном и международном уровнях. Результаты эмпирического исследования позволяют также утверждать, что угрозы ассоциируются с нарушением сложившихся норм, разрушением ключевых ценностей, девиациями. Кроме того, они находят отражение и закрепляются в социальной иерархии (государства-изгои, реакционные государства, государства, вызывающие озабоченность, несостоявшиеся государства).

Тезис о социальной обусловленности познания позволяет также объяснить различия в восприятии одной и той же угрозы, которую демонстрируют участники международных отношений. Принимая во внимание неодинаковое положение государств в международной системе, различное отношение к установленным нормам (готовность следовать им, нарушать или устанавливать новые), дифференциацию приемлемых паттернов построения отношений, можно ожидать, что политические лидеры будут расходиться в оценках угрозы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Абельс, Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. языка под общ. ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. — СПб. : Алетейя, 1999. — 272 с.

Александр, Дж. С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры / Дж. С. Александр // Социологическое обозрение. — 2007. — Т. 6, № 1. — С. 17–37.

Александр, Дж. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 г. / Дж. С. Александр // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 1. — С. 62–72.

Аллисон, Г. Т. Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис / Г. Т. Аллисон // Теория международных отношений / под ред. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарики, 2002. — С. 271–295.

Андреева, Г. М. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания / Г. М. Андреева // Социальная психология : хрестоматия / сост.: Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М. : Аспект Пресс, 2000. — С. 146–152.

Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 288 с.

Аронсон, Э. Общественное животное / Э. Аронсон. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 517 с.

Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. — М. : Наука ; Смысл, 1999. — 350 с.

Баранова, Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности / Т. С. Баранова // Психология самосознания / под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара : Бахрах-М, 2000. — С. 602–612.

Барановский, В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Ч. 3: Функционирование международной системы / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. — 2012. — № 5. — С. 148–158.

Бартенев, В. И. «Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях / В. И. Бартенев // Социология и психология международных

отношений и геополитики / отв. ред. А. Г. Дугин. — Ярославль : ЯрГУ, 2010. — С. 5–15.

Бартенев, В. И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы / В. И. Бартенев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 3. — С. 117–144.

Бартенев, В. И. Диалог с «государствами-изгоями» как компонент стратегии «обновления американского лидерства»: риторика и практика администрации Б. Обамы (Окончание) / В. И. Бартенев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 4. — С. 70–104.

Бартенев, В. Концепция государств-изгоев во внешней политике США / В. Бартенев // Международные процессы. — 2009. — Т. 7, № 19. — С. 84–92.

Бек, У. Инсценировка глобальных рисков / У. Бек // Union Magazine. — 2009. — N 1. — P. 14–29.

Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

Белоконева, А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) : дис. ... канд. социол. наук / А. С. Белоконева. — М., 2004. — 175 с.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

Биго, Д. Проблема безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст / Д. Биго // Международные отношения: социологические подходы / под ред. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарика, 1998. — С. 266–306.

Блумер, Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида / Г. Блумер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология : Реферативный журнал / РАН.ИНИОН. — М., 2008. — № 1. — С. 114–133.

Бокова, Н. Б. Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Н. Б. Бокова. — М., 2011. — 26 с.

Бояринцев, А. Определение и ранжирование угроз объектам / А. Бояринцев, В. Редькин // Безопасность. Достоверность. Информация. — 2007. — № 2 (71), март–апрель. — С. 14–19.

Браун, К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества / К. Браун // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита. — М. : Гардарики, 2002. — С. 102–119.

Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. — М. : Прогресс, 1977. — 413 с.

Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; отв. ред., перевод и послесл. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя, 2001. — 562 с.

Бурдые, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2005. — Т. 6, № 3. — С. 25–48.

Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. — М. : Socio-Logos, 1993. — С. 55–56.

Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1, № 1. — С. 17–33.

Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // Начала. — М. : Socio-Logos, 1994. — С. 181–182.

Бызов, Л. Г. Внешнеполитические приоритеты новой России / Л. Г. Бызов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnepoliticheskije_prioritety_novoj_rossii_2010-02-02.htm

В. Путин: итоги президентства, 3.04.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin_/itog_putin/d081721

Ваньков, В. «Барак — Двенадцать Процентов». Президент США продлил санкции против РФ, на которых уже заработал стране миллиарды долларов, 5 марта 2015 г. / В. Ваньков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/economy/article/114651/>

Василенко, И. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И. Василенко // Власть. — 2013. — № 7. — С. 24–28.

Василенко, И. Образ России в информационном обществе: новые грани виртуального диалога культур / И. Василенко // Государственная служба. — 2008. — Т. 4. — С. 87–99.

Василенко, И. А. Роль культурной политики в процессе формирования и продвижения позитивного имиджа России / И. А. Василенко // *Власть*. — 2014. — № 6. — С. 40–43.

Василенко, И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны / И. А. Василенко // *Власть*. — 2014. — № 10. — С. 204–208.

Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер ; пер. с нем. М. И. Левиной // *Избранные произведения*. — М. : Прогресс, 1990. — С. 602–643.

Виноградова, Н. С. Некоторые теоретические подходы к анализу образа России в зарубежных СМИ / Н. С. Виноградова // *Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменение в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы»*, 20–22 ноября 2009. — М. : Российская академия политической науки. — 2009. — С. 86.

Владимир Путин провёл в Кремле заседание Совета Безопасности, посвящённое вопросам совершенствования военной организации России на период до 2020 года, 5 июля 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/18529>

Внешняя политика России. Опрос населения, 05.10.2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dd063924>

Военная доктрина Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации № 706 от 21 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2000/04/30844.shtml>

Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/461>

Волкан, В. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политологическим комментарием / В. Волкан, А. Оболенский // *Общественные науки и современность*. — 1992. — № 6. — С. 31–48.

Волков, Ю. Г. Социология: лекции и задачи / Ю. Г. Волков. — М. : Гардарики, 2003. — 316 с.

Всероссийский молодёжный форум «Селигер–2014», 29 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46507>

Габдрахманова, Л. А. Образ России в сознании рядовых граждан и элиты Татарстана / Л. А. Габдрахманова // Тезисы междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы политического восприятия России». — М. : Хит Медиа, 2009. — С. 126–127.

Габдрахманова, Л. А. Особенности восприятия республики Татарстан в России и за рубежом: (на материалах исследования респондентов 18–35 лет) : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Л. А. Габдрахманова. — М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. — 28 с.

Гавра, Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия / Д. П. Гавра // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, № 4. — С. 53–77.

Гаврилов, К. А. Социологический подход к анализу риска / К. А. Гаврилов // Социологический журнал. — 2007. — № 3. — С. 40–58.

Галтунг, Й. Теории малых групп и теория международных отношений (исследование проблемы соответствия) / Й. Галтунг // Теория международных отношений : хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарики, 2002. — С. 135–146.

Галумов, Э. Имидж против имиджа / Э. Галумов. — М. : Известия, 2005. — 552 с.

Гацко, М. Ф. О сущности понятий «военная угроза» и «военная опасность», их соотношение в системе военной безопасности России / М. Ф. Гацко // Военная мысль. — 2006. — № 4. — С. 8–16.

Гидденс, Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации / Э. Гидденс. — М. : Академический проект, 2005. — 528 с.

Гиззатов, Э. К. Сравнительный анализ влияния кризисов на личность Дж. Буша-мл. и В. В. Путина / Э. К. Гиззатов // Политическая психология, культура и коммуникация / отв. ред. Е. Б. Шестопал. — М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — С. 133–148.

Горбачев, М. С. Выступление в конгрессе США / М. С. Горбачев // Правда. — 1990. — 6 июня.

Д. Медведев: два года на посту президента [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d10medvedev10.pdf>

Декларация и Программа действий в области культуры мира: принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml

Джексон, Р. Политическая теория международного общества / Р. Джексон // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита. — М. : Гардарики, 2002. — С. 120–137.

Донзло, Ж. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире / Ж. Донзло, К. Гордон // ЛОГОС. — 2008. — № 2 (65). — С. 3–20.

Друзья и враги России, 10.06.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2009061001.html>

Евгеньев, В. А. Образы США и СССР в Концепции моровой политики Збигнева Бжезинского / В. А. Евгеньев // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 1. — С. 79–87.

Евгеньева, Т. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи / Т. В. Евгеньева, В. В. Титов // Полис. Политические исследования. — 2010. — № 4. — С. 122–134.

Егорова-Гантман, Е. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях / Е. Егорова-Гантман, К. Плешаков // Мировая экономика и международные отношения. — 1988. — № 12. — С. 19–33.

Ежегодный доклад МАГАТЭ за 2014 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/gc59-7_rus.pdf

Журавлев, А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта / А. Л. Журавлев // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. — М. : «Академический проект», 2000. — С. 133–150.

Задорин, И. В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет / И. В. Задорин, Л. В. Шубина // Полития. — 2006. — № 3. — С. 29–38.

Замятин, Д. Н. Образ страны: структура и динамика / Д. Н. Замятин // Общественные науки и современность. — 2000. — № 1. — С. 107–112.

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46860>

Заявление Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе, 24 ноября 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/19685>

Заявление Президента России Владимира Путина в связи с завершением переговоров по иранской ядерной программе, 14 июля

2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49957>

Зевелев, И. Россия и США в начале нового века: анархия — мать партнерства / И. Зевелев // Pro et Contra. — 2002. — № 4. — С. 72–85.

Знаков, В. В. Понимание и переживание террористической угрозы / В. В. Знаков, Е. М. Турок // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. — 2010. № 1. — С. 58–69.

Золотова, Л. Г. Внешняя политика США и саммиты G–8: науч. доклад / Л. Г. Золотова. — М. : ИСКРАН, 2005. — 44 с.

Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. — М. : Экономика, 2014. — 246 с.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. — М. : Издательский дом «Стратегия», 2001. — 528 с.

Ионин, Л. Культура и социальная структура / Л. Ионин // Социологические исследования. — 1996. — № 2. — С. 3–12.

Ионин, Л. Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии / Л. Г. Ионин // Социологический журнал. — 2006. — № 1/2. — С. 74–90.

Иран подтвердил свой отказ от ядерного оружия, 5 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iran.ru/news/analytics/92777/Iran_podtverdil_svoy_otkaz_ot_yadernogo_oruzhiya

Казанцев, А. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений / А. Казанцев // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 1. — С. 74–81.

Качанов, Ю. Л. Социологические различия и социологический текст / Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 14–21.

Келли, Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов / Дж. Келли. — СПб. : Речь, 2000. — 249 с.

Киреев, Т. В. Восприятие России прессой США: во власти стереотипов «Холодной войны» / Т. В. Киреев // США—Канада: Экономика, политика, культура. — 2007. — № 6. — С. 72–87.

Киселев, И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И. Ю. Киселев. — СПб. : СПбГУ, 2003. — 43 с.

Киселев, И. Ю. Образ США в инаугурационной речи Б. Обамы: перемены, в которые мы можем поверить? / И. Ю. Киселев // V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», Москва 20–22 ноября 2009 г. — М. : Российская ассоциация политической науки, 2009. — С. 205.

Киселев, И. Ю. Политическая коммуникация на рубеже столетий / И. Ю. Киселев. — М. ; Ярославль : ИП РАН, 2002. — 324 с.

Киселев, И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования / И. Ю. Киселев. — М. : ИП РАН, 2000. — 410 с.

Киселев, И. Ю. Формирование образа государства и процесс социального познания / И. Ю. Киселев // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 3–13.

Киселев, И. Ю. О проективной стратегии в международных отношениях (о «национальной» идее) / И. Ю. Киселев, И. М. Скитяева // Киселев, И. Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования / И. Ю. Киселев. — М. : ИП РАН, 2000. — С. 380–381.

Киселев, И. Ю. Динамика образа государства в международных отношениях: 2-е изд., перераб. и доп. / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. — 376 с.

Киселев, И. Ю. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 4. — С. 116–125.

Киселев, И. Ю. Социализация России в «Группе восьми»: процесс и результат / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова // Социологические исследования. — 2011. — № 4. — С. 58–66.

Киселев, И. Ю. Формирование идентичности в российской провинции / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова. — М. ; Ярославль : ИП РАН, 2001. — 152 с.

Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. — М. : Идея-Пресс, 2000. — 295 с.

Козырев, А. В. Преображенная Россия в новом мире / А. В. Козырев // Известия. — 1992. — 2 янв.

Козырев, Г. И. «Враг и «образ врага» в общественных и политических отношениях / Г. И. Козырев // Социологические исследования. — 2008. — № 1. — С. 31–39.

Козырев, Г. И. Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации / Г. И. Козырев // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 63–73.

Кокошин, А. А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности / А. А. Кокошин // Внешняя политика и безопасность России, 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина. — Т. 1 : Исследования. — М. : МГИМО ; РАМИ ; ИНО-Центр, 2002. — С. 38–57.

Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. — М. : Территория будущего, 2009. — 317 с.

Колосов, В. А. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации / В. А. Колосов [и др.] // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 33–49.

Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>

Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mid.ru/bgr_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

Концепция внешней политики Российской Федерации // Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — С. 210–232.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stra.teg.ru/library/national/34/2/0>

Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm>

Коркюф, Ф. Новые социологии / Ф. Коркюф ; науч. ред. Н. А. Шматко. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2002. — 172 с.

Корнилова, Т. В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособие для вузов / Т. В. Корнилова. — М. : Аспект-Пресс, 2003. — 286 с.

Коэн, А. Иранская сделка: геополитическая революция на Ближнем Востоке / А. Коэн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/294123-iranskaya-sdelka-geopoliticheskaya-revolyutsiya-na-blizhnem-vostoke>

Кравченко, С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2010. — 397 с.

Кравченко, С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире / С. А. Кравченко. — М. : МГИМО-Университет, 2007. — 264 с.

Крамник, В. В. Власть и мь: ментальность российской власти — традиции и новации / В. В. Крамник // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 90–142.

Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1985. — 431 с.

Крым. Путь на Родину : Фильм А. Кондрашова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russia.tv/brand/show/brand_id/59195

Крымчанинова, М. В. Образы России, США, Китая в сознании россиян / М. В. Крымчанинова // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопа. — М. : Аспект-Пресс, 2008. — С. 174–188.

Кузнецов, В. Социология безопасности / В. Кузнецов. — М. : Книга и бизнес, 2003. — 880 с.

Кузнецов, В. Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе: социологический аспект: дис. ... д-ра социол. наук / В. Н. Кузнецов. — М. : Институт социально-политических исследований РАН, 2002. — 388 с.

Кузнецов, Д. В. Фактор общественного мнения во внешней политике России / Д. В. Кузнецов // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы», Москва 20–22 ноября 2009 г. — М. : Российская ассоциация политической науки, 2009. — С. 238–239.

Лапин, Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н. И. Лапин // Социологические исследования. — 1997. — № 3. — С. 14–24.

Линклейтер, Э. К. Постсуверенному политическому пространству? / Э. К. Линклейтер // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Международный опыт разрешения конфликтов / общ. ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. — М. : Весь Мир, 1997. — Кн. 3. — С. 54–74.

Луков, В. Б. Россия в клубе лидеров / В. Б. Луков. — М. : Научная книга, 2002. — 278 с.

Малинова, О. Ю. Методологические проблемы изучения идеологических представлений элитных групп / О. Ю. Малинова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. — 2008. — № 6. — С. 92–93.

Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени / пер. М. И. Левиной [и др.] ; ред.-сост. Я. М. Бергер [и др.]. — М. : Юрист, 1994. — С. 7–260.

Медведев: Отзыв посла РФ из Киева означает, что нам непонятна ситуация в Украине, есть угроза нашим интересам, жизни и здоровью граждан РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://interfax.com.ua/news/political/192409.html>

Медведев, Д. А. Встреча с президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом, 18 ноября 2010 г., Баку [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/9542>

Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. — М. : Общественное мнение, 2003. — 304 с.

Московиси, С. Социальные меньшинства в роли жертвы: социально-психологический анализ / С. Московиси, Х. Перес // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология : РЖ/РАН. ИНИОН — М., 2008. — № 3. — С. 107–116.

Никсон, Р. Инаугурационная речь 1973 г. / Р. Никсон // Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001) с историческим комментарием / общ. ред. и коммент. Э. А. Иваняна. — М. : Издательский дом «Стратегия», 2001. — С. 451–455.

Обама объявил об отказе от ПРО в Восточной Европе. Русская служба BBC. 17 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/09/090917_us_missile_defence_plan.shtml

Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А. А. Прохожева. — М. : РАГС, 2002. — 320 с.

Образ России: дефицит «мягкой силы». Круглый стол журнала «ПОЛИС» И РАПН / З. Г. Медоева [и др.] // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 4. — С. 88–99.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : А ТЕМП, 2004. — 944 с.

Опыт классификации стран / А. Ю. Мельвиль [и др.] // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 5. — С. 15–38.

Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран : доклад Генерального директора, 8 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2011/Russian/gov2011-65_rus.pdf

Осуществление Соглашения о гарантиях в связи с ДНЯО и соответствующих положений резолюций Совета Безопасности в Исламской Республике Иран : доклад Генерального директора, 15 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2014/Russian/gov2014-28_rus.pdf

Отношения общественные // Новая философская энциклопедия. Институт философии Российской академии наук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2227.html>

Отношения Россия — США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России : доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений Дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/US-Russia%20relations_rus.pdf

Паутова, Л. А. Стабилизационное сознание: интегративная модель / Л. А. Паутова. — Омск : ОмГТУ, 2006. — 368 с.

Переосмысляя современность: материалы международной конференции (II) // Полис. Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 14–32.

Петрова, А. Враги и друзья России / А. Петрова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/of043901

Петрова, А. С. Достижения В. Путина — социальная и внешняя политика, 21.03.2002 / А. С. Петрова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin_/putin_plus/of021101

Пикаев, А. Нераспространение и ядерный терроризм / А. Пикаев, Е. Степанова // *Ядерное оружие после «холодной войны»* / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. — М. : РОССПЭН, 2006. — С. 310–357.

Пищева, Т. Н. Образ России под углом зрения политических коммуникаций / Т. Н. Пищева, Н. С. Виноградова, А. Д. Недова // *Полис. Политические исследования*. — 2010. — № 4. — С. 107–121.

Плаус, С. Психология оценки и принятия решений / С. Плаус. — М. : Филинь, 1998. — 364 с.

Познавательные процессы: ощущения, восприятие / под ред. А. В. Запорожец, Б. Ф. Ломов, В. П. Зинченко. — М. : Педагогика, 1982. — 336 с.

Политическая имиджелогия / под ред. А. А. Деркача [и др.]. — М. : Аспект-Пресс, 2006. — 400 с.

Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М. : Наука, 1979. — 232 с.

Постмодернизм: энциклопедия / сост. и ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск : Интерпрессервис ; Книжный дом, 2001. — 1040 с.

Поттер, У. Политика нераспространения: в поисках адекватности / У. Поттер, С. Пэрриш // *Индекс безопасности*. — 2007. — № 2 (28). — С. 93–112.

Почепцов, Г. Имидж: от фараонов до президентов / Г. Почепцов. — Киев : АДЕФ-Украина, 1997. — 328 с.

Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Почепцов. — М. : «Рефл-бук»; Киев : «Ваклер», 2000. — 528 с.

Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопал. — М. : РОССПЭН, 2012. — 423 с.

Путин В. В. Вступительное слово на встрече с секретарем высшего совета национальной безопасности Ирана Хасаном Роухани, 10 ноября 2003 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22194>

Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 года, Мюнхен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377tyre63381type82634_118097.shtml

Путин В. В. Интервью американской газете «Нью-Йорк Таймс», 4 октября 2003 года, Ново-Огарево [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://2004.kremlin.ru/text/appears/2003/10/53439.shtml>

Путин В. В. Интервью британской телерадиокорпорации «Би-би-си», 22 июня 2003 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d80022638743256d4e002fa784?OpenDocument>

Путин В. В. Интервью египетской газете «Аль-Ахрам», 25 апреля 2005 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22930>

Путин В. В. Интервью «Радио Словенско» и словацкой телекомпании СТВ, 22 февраля 2005 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22837>

Путин В. В. Интервью телеканалу Си-Ти-Ви (Канада), 12 июля 2006 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?topicid=3&id=891&ct=G8Summit>

Путин В. В. Интервью японской газете «Иомуири» и японскому информационному агентству Киодо цусин, 17 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24182>

Путин В. В. Ответы на вопросы российских журналистов по завершении официальных визитов в Южно-Африканскую Республику и Королевство Марокко, 7 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23783>

Путин В. В. Посещение телеканала Russia Today, 11 июня 2013 года, Москва [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/18319>

Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19825>

Путин В. В. Пресс-конференция по итогам российско-армянских переговоров, 2 декабря 2013 года, Ереван [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19741>

Путин В. В. Совместная пресс-конференция с Президентом США Джорджем Бушем, Санкт-Петербург, 1 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22018>

Путин В. В. Стенограмма интернет-конференции Президента России, 6 июля 2006 года, Москва, Кремль [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23691>

Путин В. В. Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 9 сентября 2006 года, Ново-Огарево [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/09/09/1930_type63376type63381_111114.shtml

РЕЗОЛЮЦИЯ 1172 (1998) : принята Советом Безопасности на его 3890-м заседании, 6 июня 1998 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1998/res1172.htm>

Рейтинги достижений и неудач президента, 8.04.2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin_/putin_plus/dd041424

Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. — 5-е изд. — СПб. : Питер, 2002. — 688 с.

Ромашкина, Н. П. Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений / Н. П. Ромашкина. — М. : Научная книга, 2008. — 288 с.

Россия в «Большой восьмерке»: путь к Кананаскису и далее : цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». — М. : Никитский клуб, 2002. — Вып. 11. — 64 с.

Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. — М. : КомКнига, 2008. — 208 с.

Россия и Запад: Друзья? Враги? Пресс-выпуск № 2761 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130>

Селезнева, А. В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России / А. В. Селезнева // Вестник Перм. ун-та. Сер. «Политология». — 2007. — Вып. 1. — С. 128–134.

Семененко, И. С. Образ и имидж в дискурсе национальной идентичности / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. — 2008. — № 5. — С. 7–18.

Семененко, И. Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы / И. Семененко // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 1. — С. 78–88.

Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учеб. пособие для вузов / В. П. Серкин. — М. : Пчела, 2008. — 382 с.

Словик, П. Факты против страха: понимание воспринимаемого риска / П. Словик, Б. Фишхофф, С. Лихтенштейн // Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. — Харьков : Гуманитарный центр, 2005. — С. 527–562.

Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. — М. : МГУ, 1985. — 232 с.

Смирнова, А. Г. Идентичность России как участницы «Группы восьми»: гипотезы и их обоснование / А. Г. Смирнова // Россия в «Группе восьми» / под ред. И. Ю. Киселева. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. — С. 65–98.

Смирнова, А. Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях / А. Г. Смирнова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2010. — № 1. — С. 111–126.

Смирнова, А. Г. Образ государства как инструмент познания угрозы в международных отношениях / А. Г. Смирнова // Полис. Политические исследования. — 2008. — № 5. — С. 34–44.

Смирнова, А. Г. Образ США в инаугурационной речи Дж. У. Буша 2005 г. / А. Г. Смирнова // Социальная психология XXI столетия: материалы международной научной конференции. — Ярославль : МАПН, 2005. — Т. 2. — С. 230–234.

Смирнова, А. Г. Угрозы в «обществе риска»: определение, познание, противодействие / А. Г. Смирнова // Вестник Яросл. гос. ун-та. им П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — № 5. — С. 94–103.

Смирнова, А. Г. Конструирование имиджа и образа России в «Группе восьми» при обсуждении проблемы распространения ядерного оружия / А. Г. Смирнова, М. В. Афонин // Россия в «Группе восьми» / под ред. И. Ю. Киселева. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. — С. 185–211.

Современная психология / под ред. В. Н. Дружинина. — М. : ИНФРА-М, 1999. — 688 с.

Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии: материалы дискуссии // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 4. — С. 28–51.

Соловьев, А. И. Политология: политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьев. — М. : Аспект-Пресс, 2000. — 559 с.

Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран G8
Международное агентство «Евразийский монитор» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-123.html>

Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на «Мюрдальских чтениях», 12 февраля 2008 года, Женева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.norway.mid.ru/news_fp/news_fp_68_rus.html

Сушков, И. Психология взаимоотношений / И. Сушков. — М. : Академический проект, ИПРАН ; Екатеринбург : Деловая книга, 1999. — 448 с.

Тикнер, Э. Переосмысливая проблемы безопасности / Э. Тикнер // Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита ; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарики, 2002. — С. 185–207.

Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны / В. А. Тишков. — М. : Наука, 2001. — 552 с.

Третий срок В. Путина. О работе главы государства, его успехах и неудачах, 25.06.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/11568>

Трумэн, Г. Инаугурационная речь / Г. Трумэн // Инаугурационные речи президентов США / общ. ред. Э. А. Иваняна. — М. : Стратегия, 2001. — С. 404–411.

Уолц, К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ / К. Н. Уолц // Теория международных отношений / сост. науч. ред. и коммент. П. А. Цыганков. — М. : Гардарики, 2002. — С. 93–110.

Урнов, М. Ю. Эмоции в политическом поведении / М. Ю. Урнов. — М. : Аспект-Пресс, 2008. — 240 с.

Федоров, В. В. Общественное мнение о внешней политике России / В. В. Федоров, Д. В. Поликанов // Политика. — 2005. — № 1. — С. 22–39.

Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. — СПб. : Ювента, 1999. — 318 с.

Харт, Э. Как укрепляются растущие державы? / Э. Харт, Б. Джонс // Вестник международных организаций. — 2011. — № 2 (33). — С. 11–25.

«Холодная война»: прошлое, настоящее, будущее, 11.09.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/fre_an/d083621

Хорнби, А. С. Толковый словарь современного английского языка (для СССР) / А. С. Хорнби. — М. : Русский язык, 1982. — Т. 1 : A–L. — 544 с.

Хорнби, А. С. Толковый словарь современного английского языка (для СССР) / А. С. Хорнби. — М. : Русский язык, 1982. — Т. 2 : M–Z. — 528 с.

Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — СПб. : Питер, 1997. — 608 с.

Цыганков, А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса / А. П. Цыганков. — М.: Научная книга, 2008. — 272 с.

Цыганков, А. Кризис идеи «демократического мира» / А. Цыганков, П. Цыганков // Международные процессы. — 2005. — № 3(9) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm>

Цыганков, П. А. Джон В. Бертон о конфликтах и сотрудничестве в мировом обществе / П. А. Цыганков // Теория международных отношений / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. — М. : Гардарики, 2002. — С. 349–352.

Чего опасаются россияне? — М. : Институт социологии РАН, 2008. — 72 с.

Шафер, М. Операциональный код Билла Клинтона / М. Шафер, С. Крихлоу // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е. Б. Шестопап. — М. : Аспект-Пресс, 2007. — С. 343–357.

Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Т. Шеллинг. — М. : ИРИ-СЭН, 2007. — 366 с.

Шестопап, Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования / Е. Б. Шестопап // Образы государств, наций, лидеров / под ред. Е. Б. Шестопап. — М. : Аспект-Пресс, 2008. — С. 8–24.

Штомпка, П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 9. — С. 3–13.

Элитология / под общ. ред. И. Ю. Киселева. — Ярославль : ЯрГУ, 2006. — 96 с.

XXI век — вызовы и угрозы / под ред. В. А. Владимирова. — М. : Ин-октаво, 2005. — 304 с.

XXI век: Перекресток мировой политики / отв. ред. М. А. Неймарк. — М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. — 424 с.

Alcock, N. Z. The Perception of National Power / N. Z. Alcock, A. G. Newcombe // *The Journal of Conflict Resolution*. — 1970. — Vol. 14, N 3. — P. 335–343.

Alexander, J. C. Action and Its Environments: Towards a New Synthesis / J. C. Alexander. — New York : Columbia University Press, 1988. — 342 p.

Alexander, J. Performance and Power [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ccs.research.yale.edu/documents/public/alex_perfrmPower.pdf

Alexander, J. C. The Social Construction of Moral Universals / J. C. Alexander // *Remembering the Holocaust: A Debate*. — New York : Oxford University Press, 2009. — P. 3–103.

Alexander, J. C. Why Cultural Sociology Is Not ‘Idealist’: A Reply to McLennan / J. C. Alexander // *Theory, Culture and Society*. — 2005. — Vol. 22, N 6. — P. 19–29.

Alexander, M. G. Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images / M. G. Alexander, Sh. Levin, P. J. Henry // *Political Psychology*. — 2005. — Vol. 26, N 1. — P. 27–45.

Americans who don’t know where Ukraine is are more likely to support military intervention-poll. Published time: April 08, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rt.com/usa/ukraine-location-intervention-poll-025/>

Arndt, J. Suppression, Accessibility of Death-related Thoughts and Cultural World-view Defense: Exploring the Psychodynamics of terror management / J. Arndt [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1997. — N 73. — P. 5–18.

Atran, S. Trends in Suicide Terrorism: Sense and Nonsense. Paper presented to World Federation of Scientists Permanent Monitoring Panel on terrorism, Erice (Sicily), August 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sitemaker.umich.edu/satran/files/atran-trends.pdf>

Baldwin, D. A. Power and International Relations / D. A. Baldwin // *Handbook of International Relations* / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse,

B. A. Simmons. — London; Thousand Oaks; New Delhi : SAGE Publications Ltd, 2002. — P. 177–191.

Barnett, M. Power in International Politics / M. Barnett, R. Duvall // International Organization, 2005. — Vol. 59, N 1. — P. 39–75.

Barnett, M. From International Relations to Global Society / M. Barnett, K. Sikkink // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. — Oxford; New York : Oxford University Press, 2008. — P. 62–83.

Barnett, R. W. Asymmetrical Warfare: Today's Challenge to US Military Power / R. W. Barnett. — Washington (DC) : Brassey's Inc., 2003. — 193 p.

Bermudez, J. L. Philosophy of Psychology: A Contemporary Introduction / J. L. Bermudez. — New York : Routledge, 2005. — 377 p.

Bernstein, R. J. Social Theory as Critique / R. J. Bernstein // Social Theory of Modern Societies: Antony Giddens and His Critics / ed. by D. Held, J. B. Thompson. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. — P. 19–33.

Bilali, R. Assessing the Internal Validity of Image Theory in the Context of Turkey-U.S. Relations / R. Bilali // Political Psychology. — 2010. — Vol. 31, N 2. — P. 275–303.

Blaney, D. Equal Sovereignty and an African Statehood: Tragic Elements in the African Agenda in World Affairs / D. Blaney // Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organizations / ed. by M. Cottam, Chih-yu Shih. New York : Praeger, 1992. — P. 211–226.

Blechman, B. M. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy / B. M. Blechman, T. C. Wittes // Political Science Quarterly. — 1999. — Vol. 114, N 1. — P. 1–30.

Bobrow, D. B. Simple Labels and Complex Realities: National Security for the Third World / D. B. Bobrow, S. Chan // National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats / ed. by E. E. Azar and Chung-in Moon. — Aldershot : Edward Elgar, 1988. — P. 56–57.

Boulding, K. National Images and International Systems / K. Boulding // The Journal of Conflict Resolution. — 1959. — Vol. 3, N 2. — P. 120–131.

Boulding, K. E. Towards a Pure Theory of Threat Systems / K. E. Boulding // American Economic Review. — 1963. — Vol. 53, N 2. — P. 424–434.

Breakwell, G. M. The Psychology of Risk / G. M. Breakwell. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 335 p.

Bronfenbrenner, U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report / U. Bronfenbrenner // Journal of Social Issues. — 1961. — N 17 (3). — P. 45–56.

Bush, G. President Delivers Commencement Address at the United States Merchant Marine Academy, Captain Tomb Field at Brooks Stadium, United States Merchant Marine Academy, Kings Point, New York, June 19, 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1652134/posts>

Bush, G. President Welcomes German Chancellor Merkel to the White House, The East Room, January 13, 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/01/20060113-1.html>

Bush, G. Press Conference of the President, James S. Brady Briefing Room, March 21, 2006 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/03/20060321-4.html>

Bush, G. Press Conference of the President, The East Room, December 19, 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/12/20051219-2.html>

Buzan, B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School / B. Buzan // International Organization. — 1993. — Vol. 47, N 3. — P. 327–352.

Buzan, B. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / B. Buzan. — Boulder (Colorado) : Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991. — 393 p.

Buzan, B. Differentiation: a Sociological Approach to International Relations Theory / B. Buzan, M. Albert // European Journal of International Relations. — 2010. — Vol. 16, N 3. — P. 315–337.

Buzan, B. Security: a New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Weaver, de J. Wilde. — Boulder; London : Lynne Rienner Publishers, 1998. — 237 p.

Carranza, M. E. Can the NPT Survive? The Theory and Practice of US Nuclear Non-proliferation Policy after September 11 / M. E. Carranza // Contemporary Security Policy. — 2006. — Vol. 27, N 3. — P. 489–525.

Chafetz, G. The Political Psychology of Nuclear Nonproliferation Regime / G. Chafetz // The Journal of Politics. — 1995. — Vol. 57, N 3. — P. 743–775.

Chestnut, Sh. Illicit Activity and Proliferation: North Korean Smuggling Networks / Sh. Chestnut // International Security. — 2007. — Vol. 32, N 1. — P. 80–111.

Chyba, Ch. A World of Risk: The Current Environment for US Nuclear Weapons Policy / Ch. Chyba, K. Sasikumar // US Nuclear Weapons Policy: Confronting Today's Threats / ed. by G. Bunn, Ch. F. Chyba. — Washington : Brookings Institution Press, 2006. — P. 1–33.

Clarke, L. Worst Cases: Terror and Catastrophe in the Popular Imagination / L. Clarke. — Chicago ; London : University of Chicago, 2006. — 213 p.

Cohen, B. C. The Public's Impact on Foreign Policy / B. C. Cohen. — Boston : Little, Brown, 1973. — 240 p.

Cohen, R. Threat Perception in International Crisis / R. Cohen. — Madison : The University of Wisconsin Press, 1979. — 231 p.

Cohen, R. Threat Perception in International Crisis / R. Cohen // Political Science Quarterly. — 1978. — Vol. 93, N 1. — P. 93–107.

Connolly, W. E. The Terms of Political Discourse / W. E. Connolly. — Oxford : Martin Robertson, 1983. — 257 p.

Cordesman, A. H. Strategic Threats and National Missile Defense: Defending the US Homeland / A. H. Cordesman. — Westport : Praeger, 2002. — 398 p.

Corneille, O. Threat and the Group Attribution Error: When Threat Elicits Judgments of Extremity and Homogeneity / O. Corneille, V. Y. Yzerbyt, A. Rogier // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2001. — Vol. 27, N 4. — P. 437–446.

Cottam, M. Foreign Policy Decision-Making: The Influence of Cognition / M. Cottam. — Boulder : Westview, 1986. — 262 p.

Cottam, M. L. Nationalism and Politics: the Political Behavior of Nation States / M. L. Cottam, R. W. Cottam. — Boulder ; London : Lynne Rienner Publishers, 2001. — 305 p.

Cottam, M. Introduction to Political Psychology / M. Cottam [et al.]. — Mahwah; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004. — 343 p.

Cottam, R. Foreign Policy Motivation. A General Theory and a Case Study / R. Cottam. — Pittsburgh (PA): University of Pittsburgh Press, 1977. — 384 p.

Cox, R. W. The Point is not Just to Explain the World but to Change It / R. W. Cox // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. — P. 84–93.

CPAC speakers embrace Israel symbolically as 51st state [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/mar/1/cpac-speakers-embrace-israel-symbolically-state-51/?page=all>

Crawford, N. C. The Institutionalization of Fear in US Foreign Policy. Paper presented at the International Studies Association Annual Meeting, Montreal, Canada. March, 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/7/4/5/9/pages74593/p74593-1.php

Deibel, T. L. Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft / T. L. Deibel. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 435 p.

Denzau, A. T. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions / A. T. Denzau, D. C. North // *Kyklos*. — 1994. — Vol. 47. — P. 3–30.

Der Derian, J. War as Game / J. Der Derian // *The Brown Journal of World Affairs*. — 2003. — Vol. X, Issue 1. — P. 37–48.

Desch, M. C. Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies / M. C. Desch // *International Security*. — 1998. — Vol. 23, N 1. — P. 141–170.

Deutsch, M. The Malignant (Spiral) Process of Hostile Interaction / M. Deutsch // *Psychology and the Prevention of Nuclear War* / ed. by R. K. White. — New York: New York University Press, 1986. — P. 131–154.

Dille, B. The Prepared and Spontaneous Remarks of presidents Reagan and Bush: a Validity Comparison for At-a-Distance Measurements / B. Dille // *Political Psychology*. — 2000. — Vol. 21, N 3. — P. 573–585.

Dunn, M. The International CIIP Handbook 2004: An Inventory and Analysis of Protection Policies in Fourteen Countries / M. Dunn,

I. Wigert ; Center for Security Studies, ETH Zurich. — Zürich 2004. — Vol. 2. — 403 p.

Durch, W. J. Searching for National Security: Threat and Response in the Age of Vulnerability / W. J. Durch ; The Henry L. Stimson Center. — Report No 30, May 1999. — 102 p.

Eicher, V. Value Differentiation Between Enemies and Allies: Value Projection in National Images / V. Eicher, F. Pratto, P. Wilhelm // Political Psychology. — 2013. — Vol. 34, N 1. — P. 127–144.

Ellis, J. D. Combating Proliferation: Strategic Intelligence and Security Policy / J. D. Ellis, G. D. Kiefer. — Baltimore ; London : The John Hopkins University Press, 2007. — 287 p.

Epstein, S. Integration of the Cognitive and the Psychodynamic Unconscious / S. Epstein // American Psychologist. — 1994. — Vol. 49, N 8. — P. 709–724.

Erisen, E. An Introduction to Political Psychology for International Relations Scholars / E. Erisen // PERCEPTIONS. — 2012. — Vol. XVII, N 3. — P. 9–28.

Faizullaev, A. Diplomacy and Self / A. Faizullaev // Diplomacy and Statecraft. — 2006. — N 3. — P. 497–522.

Faizullaev, A. Individual Experiencing of States / A. Faizullaev // Review of International Studies. — 2007. — N 33. — P. 531–554.

Farnham, B. Perceiving the End of Threat: Ronald Reagan and Gorbachev Revolution / B. Farnham // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / ed. by S. A. Renshon and D. W. Larson. — New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2003. — P. 153–190.

Farnham, B. Roosevelt and the Munich Crisis: A Study of Political Decision Making / B. Farnham. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1997. — 313 p.

Fearon, J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes / J. D. Fearon // American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88, N 3. — P. 577–592.

Fedorov, Yu. Russia's Doctrine on the Use of Nuclear Weapons. Pugwash Meeting 279, November 2002. Pugwash Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pugwash.org/reports/nw/fedorov.htm>

Fisher, R. J. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution / R. J. Fisher. — New York : Springer-Verlag, 1990. — 277 p.

Fiske, S. Social Cognition / S. Fiske, S. E. Taylor. — New York : McGraw-Hill, 1991. — 717 p.

Fitzsimons, G. M. How Goal Instrumentality Shape Relationship Evaluations / G. M. Fitzsimons, J. Y. Shah // Journal of Personality and Social Psychology. — 2008. — Vol. 95, N 2. — P. 319–337.

Flockhart, T. ‘Masters and Novices’: Socialization and Social Learning through the NATO Parliamentary Assembly / T. Flockhart // International Relations. — 2004. — Vol. 18, N 3. — P. 361–380.

Foucault, M. Governmentality / M. Foucault // The Foucault Effect: Studies in Governmentality / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. — Chicago : The University of Chicago Press, 1991. — P. 87–104.

Frank, J. D. The Image of the Enemy and the Process of Change / J. D. Frank, A. Y. Melville [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www-ee.stanford.edu/~hellman/Breakthrough/book/chapters/frank.html#Intro>

Frankovic, K. Few trust Iran but support for negotiations persists, April 8, 2015 / K. Frankovic [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://today.yougov.com/news/2015/04/08/few-trust-iran-support-negotiations-persist/>

Frankovic K. Little trust in Iran, more support for an aggressive negotiating strategy, November 20, 2013 / K. Frankovic [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://today.yougov.com/news/2013/11/20/little-trust-iran-more-support-aggressive-negotiat/>

Friedberg, A. The Assessment of Military Power / A. Friedberg // International Security. — 1987/88. — Vol. 12, N 3. — P. 190–202.

Friedberg, A. L. The Future of US-China Relations: is Conflict Inevitable? / A. L. Friedberg // International Security. — 2005. — Vol. 30, N 2. — P. 7–45.

Garcia-Retamero, R., Müller S. M., Rousseau D. L. The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat / R. Garcia-Retamero, S. M. Müller, D. L. Rousseau // Political Psychology. — 2012. — Vol. 33, N 2. — P. 179–193.

George, A. L. The “Operational Code”: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making / A. L. George // American Foreign Policy. Theoretical Essays / ed. by G. J. Ikenberry. Glenview (Ill.) ; Boston ; London : Scott, Foresman and Company, 1989. — P. 483–506.

George, W. Bush 2nd inaugural address / W. George [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.msnbc.msn.com/id/6848112/ns/politics-george_w_bush_the_second_inaugural/t/george-w-bush-nd-inaugural-address/

German public opinion hardens against Putin but business community still reluctant, August 8, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://openeuropeblog.blogspot.ru/2014/08/german-public-opinion-hardens-against.html>

Global Threat Perception: Elite Survey results from Canada, China, the European Union, France, Germany, Italy, Japan, Russia, the United Kingdom and the United States / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling // Garnet Working Paper, 2007. — № 18/07. — 352 p.

Goldgeier, J. Psychological Approaches / J. Goldgeier, Ph. Tetlock // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. — Oxford; New York : Oxford University Press, 2008. — P. 462–480.

Gordon, C. Threat and Decision-Making / C. Gordon, A. Arian // The Journal of Conflict Resolution. — 2001. — Vol. 45, N 2. — P. 196–215.

Gray, J. G. The Warriors: Reflections on Men in Battle / J. G. Gray. — New York : Harper & Row, 1959. — 242 p.

Grossman, M. Role Theory and Foreign Policy Change: The Transformation of Russian Foreign Policy in 1990s / M. Grossman // International Politics. — 2005. — N 42. — P. 334–351.

Haas, E. When Knowledge is Power. Three Models of Change in International Organizations / E. Haas. — Berkeley : University of California Press, 1990. — 266 p.

Habegger, B. Risk Analysis and Management in a Dynamic Risk Landscape / B. Habegger // International Handbook on Risk Analysis and Management. Professional Experiences / ed. by B. Habegger [et al.]. — Zurich : Center for Security Studies, ETH, 2008. — P. 13–32.

Harre, R. Introduction: The Self and Others in Traditional Psychology and in Positioning Theory / R. Harre, F. Moghaddam // The Self and Others: Positioning Individuals and Groups in Personal, Political and Cultural Contexts / ed. by R. Harre, F. Moghaddam. — Westport : Praeger, 2003. — P. 1–12.

Harrison, E. State Socialization, International Norm Dynamics and the Liberal Peace / E. Harrison // *International Politics*. — 2004. — N 41. — P. 521–542.

Hasenclever, A. Theories of International Regimes / A. Hasenclever, P. Mayer, V. Rittberger. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 248 p.

Heider, F. The Psychology of Interpersonal Relations / F. Heider. — New York : Wiley, 1958. — 322 p.

Heritage, J. Garfinkel and Ethnometodology / J. Heritage. — Cambridge : Polity Press, 1984. — 336 p.

Herman, M., Herman R. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Research / M. Herman, R. Herman // *International Studies Quarterly*. — 1989. — Vol. 33, N 4. — P. 361–387.

Herrmann, R. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations / R. Herrmann // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 285–314.

Herrmann, R. K. Perceptions and Image Theory in International Relations / R. K. Herrmann // *The Oxford Handbook of Political Psychology. Second Edition* / eds. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — P. 334–363.

Herrmann, R. K., Fischerkeller M. P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research After the Cold War / R. K. Herrmann, M. P. Fischerkeller // *International Organization*. — 1995. — Vol. 49, N 3. — P. 415–450.

Heuer, R. J., Jr. Psychology of Intelligence Analysis / R. J. Heuer, Jr. ; Center for Study of Intelligence, the Central Intelligence Agency, 1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/psychology-of-intelligence-analysis/PsychofIntelNew.pdf>

Hewstone, M. Social Dimensions of Attribution / M. Hewstone, J. Jaspars // *The Social Dimension* / ed. by H. Tajfel. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — Vol. 2. — P. 379–404.

Hildebrand, K. A. The Effects of Audience Costs on the Efficacy of United States Threats toward the Democratic People's Republic of Korea from 1992–2003 : a paper presented at the ISA Conference in Montreal

Quebec, March 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/5/0/2/4/6/p502468_index.html?phpsessid=701bdef5c23df45c6392e0bbcf7acc60

Hilsman, R. To Move a Nation: the Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy / R. Hilsman. — Garden City, New York : Doubleday, 1967. — 602 p.

Holsti, K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy / K. J. Holsti // International Studies Quarterly. — 1970. — N 14. — P. 233–309.

Holsti, O. R. Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus [1992] / O. R. Holsti // Making American Foreign Policy. — New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2006. — P. 55–88.

Holzscheiter, A. The Sociology of International Relations : paper to be presented at the panel “The Sociology of Organizations”, International Studies Association Annual Convention, New York, 15–18 February 2009 / A. Holzscheiter, S. Stetter [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://convention2.allacademic.com/one/isa/isa09/index.php?click_key=2

Hopf, T. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Politics Moscow, 1955 and 1999 / T. Hopf. — New York : Cornell University Press, 2002. — 299 p.

Horowitz, D. L. The Deadly Ethnic Riot / D. L. Horowitz. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2001. — 588 p.

Hovi, J. Games, Threats and Treaties: Understanding Commitments in International Relations / J. Hovi. — London : Pinter, 1998. — 152 p.

Hurd, I. Constructivism / I. Hurd // The Oxford Handbook of International Relations / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford; New York : Oxford University Press, 2008. — P. 298–316.

Hymans, J. E. C. Pride, Prejudice and Plutonium: Explaining Decisions to Acquire Nuclear Weapons : a Thesis presented to the Department of Government. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in the Subject of Political Science / J. E. C. Hymans. — Harvard University. Cambridge (Mass.), 2001, September, 5. — 574 p.

International Institutions and Socialization in Europe / ed. by J. T. Chekel. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 280 p.

Janis, I. L. Effects of Fear-arousing Communications / I. L. Janis, S. Feshbach // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. — 1953. — N 48. — P. 78–92.

Jervis, R. Drankard's Search / R. Jervis // *Explorations in Political Psychology* / ed. by Sh. Iyengar, W. J. McGuire. — Durham ; London : Duke University Press, 1993. — P. 338–360.

Jervis, R. Perceiving and Coping with Threat / R. Jervis // *Psychology and Deterrence* / ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. Gross Stein. — Baltimore ; London : The John Hopkins University Press, 1985. — P. 13–33.

Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics / R. Jervis. — Princeton : Princeton University Press, 1976. — 445 p.

Jervis, R. Signaling and Perception: Drawing Inferences and Projecting Images / R. Jervis // *Political Psychology* / ed. by K. R. Monroe. Mahwah ; London : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2002. — P. 293–214.

Jones, G. S. Languages of Class. Studies in English Working Class History, 1832–1982 / G. S. Jones. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — 272 p.

Kahneman, D. Thinking, Fast and Slow / D. Kahneman. — New York : Farrar, Strauss and Giroux, 2011. — 512 p.

Kahneman, D. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. — 1979. — N 47. — P. 263–291.

Kaldor, M. New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. — Stanford (Cal.) : Stanford University Press, 1999. — 192 p.

Kaplowitz, N. National Self-Images, Perception of Enemies, and Conflict Strategies: Psychopolitical Dimensions of International Relations / N. Kaplowitz // *Political Psychology*. — 1990. — Vol. 11, N 1. — P. 39–82.

Kasperson, R. E. The Social Amplification of Risk: Progress in Developing an Integrative Framework of analysis / R. E. Kasperson // *Social Theories of Risk* / ed. by S. Krimsky, D. Golding. — Westport (CT) : Praeger, 1992. — P. 153–178.

Kasperson, R. E. Stigma and Social Amplification of Risk: Toward a Framework of Analysis / R. E. Kasperson, N. Jhaveri, J. X. Kasperson //

Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology / ed. by J. Flynn, P. Slovic, H. Kunreuther. — London : Earthscan, 2001. — P. 9–30.

Kemmelmeier, M. Putting Threat Into Perspective: Experimental Studies on Perceptual Distortion in International Conflict / M. Kemmelmeier, D. G. Winter // Personal and Social Psychology Bulletin. — 2000. — Vol. 26, N 7. — P. 795–809.

Kile, S. N. Iran and Nuclear Proliferation Concern / S. N. Kile // SIPRI Yearbook 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sipri.org/yearbook/2012/files/SIPRIYBc08sIII.pdf>

Kile, S. N. Nuclear Arms Control and Non-Proliferation / S. N. Kile // SIPRI Yearbook 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sipri.org/yearbook/2008/files/SIPRIYB0808.pdf>

Kingsley, D. The Demographic Foundations of National Power / D. Kingsley // Freedom and Control in Modern Societies / ed. by M. Berger, T. Abel, Ch. H. Page. — New York : Farrar, Strauss & Giroux, 1954. — P. 206–241.

Kirchner, E. J. Regional and Global Security: Changing Threats and International Responses / E. J. Kirchner // Global Security Governance: Competing Perceptions of Security in the 21st Century / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. — London ; New York : Routledge, 2007. — P. 3–22.

Kiselev, I. Yu. About Socialization of Russia in the “Big Eight”: Russia’s Self-perception / I. Yu. Kiselev, A. Smirnova // Politics, Culture & Socialization. — 2011. — Vol. 2, N 1. — P. 29–38.

Klare, M. Endless Military Superiority / M. Klare // The Nation. — 2002. — July 15. — P. 12–16.

Klotz, A. Strategies for Research in Constructivist International Relations / A. Klotz, C. Lynch. — Armonk ; New York : M. E. Sharpe, 2007. — 135 p.

Knight, J. Explaining the complexity of institutional change // The political economy of property rights / J. Knight, D. C. North / ed. by D. Weimer. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — P. 349–354.

Knowledge, Power, and International Policy Coordination / ed. by P. Haas. — Columbia : University of South Carolina Press, 1997. — 390 p.

Konrath, S. The Positive (and Negative) Psychology of Empathy // The Neurobiology and Psychology of Empathy / S. Konrath,

D. Grynberg / ed. by D. Watt, J. Panksepp. Nova Science Publishers (Inc.), 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ipearlab.org/media/publications/Konrath_Grynberg_2013.pdf

Krahmann, E. Beck and Beyond: Selling Security in the World Risk Society / E. Krahmann // *Review of International Studies*. — 2010. — Vol. 36. — P. 1–20.

Krahmann, E. From State to Non-State Actors: the Emergence of Security Governance / E. Krahmann // *New Threats and New Actors in International Security* / ed. by E. Krahmann. — New York : Palgrave Macmillan, 2005. — P. 3–22.

Krasner, S. Defending the National Interest / S. Krasner. — Princeton : Princeton University Press, 1978. — 404 p.

Krauthammer, C. The Unipolar Moment / C. Krauthammer // *Foreign Affairs*. 1990/1991. — Vol. 70, N 1. — P. 23–33.

Lake, A. Confronting Backlash States / A. Lake // *Foreign Affairs*. — 1994. — Vol. 73, N 2. — P. 45–55.

Larson, D. W. Status Seekers Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy / D. W. Larson, A. Shevchenko // *International Security*. — 2010. — Vol. 34, N 4. — P. 63–95.

Lau, R. R. Models of Decision-Making / R. R. Lau // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 19–59.

Legro, J. Rethinking the World: Great Powers Strategies and International Order / J. Legro. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 2005. — 255 p.

Leites, N. A Study of Bolshevism: Operational Code of Politburo / N. Leites. — New York : McGraw-Hill, 1953. — 639 p.

Levin, Sh. Ethnic Identity, Legitimizing Ideologies, and Social Status: A Matter of Ideological Asymmetry / Sh. Levin [et al.] // *Political Psychology*. — 1998. — Vol. 19, N 2. — P. 373–404.

Levy, J. S. Political Psychology and Foreign Policy / J. S. Levy // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 253–284.

Levy, J. S. The Causes of War and the Conditions of Peace / J. S. Levy // *Annual Review of Political Science*. — 1998. — N 1. — P. 139–165.

Linklater, A. The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment / A. Linklater, H. Suganami. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 302 p.

Little, R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models / R. Little. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 317 p.

Lord, C. G. Schemas and Images as Memory Aids: Two Models of Processing Social Information / C. G. Lord // Journal of Personality and Social Psychology. — 1980. — N 38. — P. 257–269.

MacDonald, K. Effortful Control, Explicit Processing, and the Regulation of Human Evolved Predispositions / K. MacDonald // Psychological Review. — 2008. — Vol. 115. — P. 1012–1031.

Mack, J. E. Nationalism and the Self / J. E. Mack // Psychohistory Review. — 1983. — N 2. — P. 47–69.

Mack, J. E. The Enemy System / J. E. Mack // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. — Lexington; Toronto: Lexington Book, 1991. — P. 57–69.

Mackie, D. M. Intergroup emotions: Explaining offensive action tendencies in an intergroup context / D. M. Mackie, T. Devos, E. R. Smith // Journal of Personality and Social Psychology. — 2000. — Vol. 79, N 4. — P. 602–616.

Mackie, D. M. Intergroup emotions: Emotion as an intergroup phenomenon / D. M. Mackie, L. A. Silver, E. R. Smith // The social life of emotions / ed. by L. Z. Tiedens, C. W. Leach. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 227–245.

Mandel, R. Recognizing Foreign Threat: Paper Prepared for Presentation at the Annual National Meeting of the International Studies Association Chicago (Ill.), 2007. February 28 – March 3 / R. Mandel [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/8/0/1/6/pages180167/p180167-1.php

Mannheim, K. Ideology and Utopia / K. Mannheim // Collected Works of Karl Mannheim. — London; New York: Routledge, 1997. — Vol. 1. — 318 p.

Mansfield, E. Democratization and the Danger of War / E. Mansfield, J. Snyder // International Security. — 1995. — Vol. 20, N 1. — P. 5–38.

March, J. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics / J. March, J. Olsen. — New York : Free Press, 1989. — 227 p.

Martin, J. Social Structures / J. Martin. — Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2009. — 390 p.

McCann, St. Threatening Times, “Strong” Presidential Popular Vote Winners, and the Victory Margin, 1824–1964 / St. McCann // Journal of Personality and Social Psychology. — 1997. — N 73. — P. 160–170.

McDermott, R. Risk-taking in International Politics: Prospect Theory in postwar American foreign policy: A Dissertation Submitted to the Department of Political Science and the Committee on Graduate Studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirement for the Degree of Philosophy. — 1991. — 379 p.

McFaul, M. Democracy Promotion as a World Value / M. McFaul // The Washington Quarterly. — 2004. — Vol. 28, N 1. — P. 147–163.

McGinnis, M. Rational Choice and Foreign Policy Change: The Arms and Alignments of Regional Powers / M. McGinnis // Foreign Policy Restructuring: How Governments Respond to Global Change / ed. by J. A. Rosati, J. D. Hagan, M. W. Sampson III. — Columbia : University of South Carolina Press, 1994. — P. 65–87.

McSweeney, B. Security, Identity and Interests: A Sociology of International Relation / B. McSweeney. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — P. 81–100.

Mearsheimer, J. The Israel Lobby / J. Mearsheimer, S. Walt // The Domestic Sources of American Foreign Policy: Insights and Evidence / ed. by J. M. McCormick. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, INC, 2012. — P. 89–103.

Mercer, J. Reputation and International Politics / J. Mercer. — Ithaca; New York : Cornell University Press, 1996. — 248 p.

Merrit, R. L. Validity of Power Indices / R. L. Merrit, D. A. Zinnes // International Interactions. — 1988. — Vol. 14, N 2. — P. 5–49.

Milburn, T. W. On the Nature of Threat: A Social Psychological Analysis / T. W. Milburn, K. H. Watman. — New York : Praeger, 1981. — 148 p.

Mintz, A. Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making: A Poliheuristic Perspective / A. Mintz // Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision

Making / ed. by A. Mintz. — New York : Palgrave Macmillan, 2003. — P. 1–9.

Mitzen, J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security / J. Mitzen // European Journal of International Relations. — 2006. — Vol. 12, N 3. — P. 341–370.

Moghaddam, F. M. Nuclear Positioning and Supererogatory Duties: The Illustrative Case of Positioning by Iran, the United States, and the European Union / F. M. Moghaddam, K. A. Kavulich // Global Conflict Resolution Through Positioning Analysis / ed. by F. Moghaddam. — New York : Springer New York, 2008. — P. 247–263.

Mongomery, A. H. Social Action, Rogue Reaction: US Post-Cold War Nuclear Counterproliferation Strategies: A Dissertation Submitted to the Department of Political Sciences and the Committee on Graduate Studies of Stanford University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 2005. — 300 p.

Morell, M. E. Empathy and Democracy: Feeling, Thinking and Deliberation / M. E. Morell. — University Park : Pennsylvania State University Press, 2010. — 221 p.

Morgan, D. L. Mind and Self in Society: Linking Social Structure and Social Cognition / D. L. Morgan, M. L. Schwalbe // Social Psychology Quarterly. — 1990. — Vol. 53, Issue 2. Special Issue: Social Structure and Individual. — P. 148–164.

Muller, H. Security Cooperation / H. Muller // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B. A. Simmons. — London : Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publications Ltd, 2002. — P. 369–391.

National Security Cultures: Patterns of Global Governance / ed. by E. J. Kirchner, J. Sperling. — London ; New York : Routledge, 2010. — 308 p.

National Security Strategy. May. 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December. 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf>

Neack, L. The New Foreign Policy: U.S. and Comparative Foreign Policy in the 21st Century / L. Neack. — Lanham ; Boulder ; New York ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2003. — 243 p.

North, D. C. Institutional Change: a Framework of Analysis / D. C. North [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eccsocman.hse.ru/data/853/760/1216/9412001.pdf>

North, D. C. Institutions / D. C. North // The Journal of Economic Perspectives. — 1991. — Vol. 5, N 1. — P. 97–112.

North, D. C. Understanding the Process of Economic Change / D. C. North. — Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2005. — 208 p.

Nye, J. S. Bound to Lead: Changing Nature of American Power / J. S. Nye. — New York : Basic Books, 1990. — 336 p.

Nye, J. S., Jr. Redefining NATO's Mission in the Information Age / J. S. Nye jr. // NATO Review. — 1999. — Winter [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/review/1999/9904-03.htm>

Nye J., Jr. The American National Interests and Global Public Goods / J. Nye jr. // International Affairs. — 2002. — Vol. 78, N 2. — P. 233–244.

Nuclear weapons are the weapons of the previous century — Ahmadinejad to RT. 14 August, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rt.com/politics/ahmadinejad-exclusive-interview-rt>

Obama, B. Charting a New Course on Cuba. President Obama Delivered a Statement on Cuba [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy/cuba>

Obama, B. Remarks by the President at Second Joint DCCC/DSCC Event. Beverly Hills, CA. 2013, November 26 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/26/remarks-president-second-joint-dcccdsc-event-beverly-hills-ca>

Obama, B. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. United Nations. New York. September 24, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/photos-and-video/video/2013/09/24/president-obama-addresses-united-nations-general-assembly#transcript>

Obama, B. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U. S. Military Academy-West Point. West Point, New York. May 28, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony>

Obama, B. Remarks by the President in a Conversation with the Saban Forum. Willard Hotel, Washington (D.C.). December 07, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/07/remarks-president-conversation-saban-forum>

Obama, B. Remarks by the President on Foreign Policy. James S. Brady Press Briefing Room. 2014, July 16 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/07/16/remarks-president-foreign-policy>

Obama, B. Statement by the President. James S. Brady Press Briefing Room. September 27, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/27/statement-president>

Obama, B. Statement By The President On First Step Agreement On Iran's Nuclear Program. November 24, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/23/statement-president-first-step-agreement-irans-nuclear-program>

Obama, B. Statement by President Obama on Nowruz. 2014, March 20 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/20/statement-president-obama-nowruz>

O'Malley, P. Governmentality and Risk / P. O'Malley // Social Theories of Risk and Uncertainty / ed. by J. O. Zinn. — Malden (MA) : Blackwell Publishing, 2008. — P. 52–75.

O'Reilly, K. P. Leaders' Perceptions and Nuclear Proliferation: A Political Psychology Approach to Proliferation / K. P. O'Reilly // Political Psychology. — 2012. — Vol. 33, N 6. — P. 767–789.

Organski, A. F. K. World Politics / A. F. K. Organski. — New York : Alfred A. Knopf., 1958. — 461 p.

Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — 822 p.

Paris, R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. — 2002. — Vol. 117, N 3. — P. 423–450.

Peterson, B. National Self-Images and Regional Identities in Russia / B. Peterson. — Aldershot : Ashgate, 2001. — 220 p.

Pollack, K. The Persian Puzzle: The Conflict between Iran and America / K. Pollack. — New York : Random House, 2004. — 576 p.

Potter, P. B. Looking for Audience Costs in all the Wrong Places: Electoral Institutions, Media Access, and Democratic Constraint / P. B. Potter, M. A. Baum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.hks.harvard.edu/fs/mbaum/documents/JOP_AudienceCosts.pdf

President Barack Obama's Inaugural Address. Wednesday, January 21st, 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>

Press, D. G. Calculating Credibility. How Leaders Assess Military Threat / D. G. Press. — Ithaca (NY) : Cornell University Press, 2005. — 218 p.

Prizel, I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine / I. Prizel. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 464 p.

Pruitt, D. G. Threat Perception, Trust and Responsiveness in International Behavior: Technical report, N 11/Office of Naval Research. — Washington (DC), 1964.

Renshon, S. A. Psychological Sources of Good Judgment in Political Leaders / S. A. Renshon // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / ed. by S. A. Renshon, D. W. Larson. — Lanham, Md. : Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2003. — P. 25–57.

Resolution 1929 (2010) Adopted by the Security Council at its 6335th meeting, on 9 June 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929\(2010\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1929(2010))

Roland, G. Fast-Moving and Slow-Moving Institutions / G. Roland // CESifo DICE Report. — 2004. — N 2. — P. 16–21.

Role Quest in the Post-Cold War Era: Foreign Policies in Transition / ed. by Ph. G. Le Prestre. — Montreal ; Kingston ; London ; Buffalo : McGill-Queen's University Press, 1997. — 305 p.

Rosa, E. A. The Logical Structure of Social Amplification of Risk Framework: Metatheoretical Foundations and Policy Implications / E. A. Rosa // The Social Amplification of Risk / ed. by N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — P. 47–79.

Rosenau, J. N. The Scientific Study of Foreign Policy / J. N. Rosenau. — New York : Nicholas Publishing Company, 1980. — 550 p.

Rosenblatt, A. Evidence for Terror Management Theory: I. The effect of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values / A. Rosenblatt [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1989. — N 57. — P. 681–690.

Rousseau, D. L. Identifying Threats and Threatening Identities: The Social Construction of Realism and Liberalism / D. L. Rousseau. — Stanford : Stanford University Press, 2006. — 265 p.

Roxborough, I. Globalization, Unreason and the Dilemmas of American Military Strategy / I. Roxborough // *International Sociology*. — 2002. — N 17. — P. 339–359.

Rydberg, J. Friend or Foe? / J. Rydberg [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://today.yougov.com/news/2012/12/11/friend-or-foe/>

Sadjadpour, K. The Nuclear Players / K. Sadjadpour // *Journal of International Affairs*. — 2007. — Vol. 60, N 2. — P. 125–134.

Sagan, S. Nuclear Instability in South Asia / S. Sagan // *The Use of Force. Military Power and International Politics* / ed. by R. J. Art, K. N. Waltz. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2004. — P. 370–381.

Sagan, S. D. Why do states build nuclear weapons? Three models in search of a bomb / S. D. Sagan // *International Security*. — 1996. — Vol. 21, N 3. — P. 54–86.

Sagan, S. A Nuclear Iran: Promoting Stability or Courting Disaster / S. Sagan, K. Waltz, R. K. Betts // *Journal of International Affairs*. — 2007, Spring/Summer. — Vol. 60, N 2. — P. 135–150.

Sartori, A. E. Deterrence by Diplomacy / A. E. Sartori. — Princeton : Princeton University Press, 2005. — 176 p.

Sathasivam, K. “No other Choice”: Pakistan’s Decision to Test the Bomb / K. Sathasivam // *Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making* / ed. by A. Mintz. — New York : Palgrave Macmillan, 2003. — P. 55–76.

Schafer, M. Issues in Assessing Psychological Characteristics at Distance: an Introduction to Symposium / M. Schafer // *Political Psychology*. — 2000. — Vol. 21, N 3. — P. 511–527.

Schelling, T. C. Arms and Influence / T. C. Schelling. — New Haven ; London : Yale University Press, 1966. — 293 p.

Schoff, J. L. Nuclear Matters in North Korea: Building a Multilateral Response for Future Stability in Northeast Asia / J. L. Schoff, Ch. M. Perry, J. K. Davis. — Dulles : Potomac Book, Inc, 2008. — 132 p.

Schweller, R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power / R. L. Schweller. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2006. — 182 p.

Sechser, T. S. Are Solders Less War-Prone than Statesman? / T. S. Sechser // Journal of Conflict Resolution. — 2004. — Vol. 48, № 5. — P. 746–774.

Sechser, T. S. Militarized Compellent Threats, 1918–2001 / T. S. Sechser // Conflict Management and Peace Science. — 2011. — Vol. 28, N 4. — P. 377–401.

Sechser, T. Winning without Fight: Power, Reputation, and Compellent Threats in International Crises : Dissertation Submitted to the Department of Political Sciences and the Committee of Graduate Studies of Stanford University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. 2007. — 212 p.

Shannon, V. P. Interpreting Interventions: Identity, Images and the Perception of Normative Behavior: Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of The Ohio State University. The Ohio State University. 2001. — 318 p.

Shestopal, H. Political Perception: Psychological Mechanisms and Political Implications in Russia / H. Shestopal // Politics, Culture and Socialization. — 2012. — N 1–2. — P. 115–130.

Shih, Chih-Yu. Seeking Common Causal Maps: A Cognitive Approach to International Organization / Chih-Yu. Shih // Contending Dramas: A Cognitive Approach to International Organization / ed. by M. L. Cottam, Chih-Yu Shih. — New York : Praeger, 1992. — P. 39–56.

Shubik, M. Games of Status / M. Shubik // Behavioral Science. — 1971. — N 16. — P. 117–129.

Silverstein, B. Enemy Images: The Psychology of US. Attitudes and Cognitions Regarding the Soviet Union / B. Silverstein // American Psychologist. — 1989. — Vol. 44, N 6. — P. 903–913.

Singer, J. D. Threat-Perception and Armament-Tension Dilemma / J. D. Singer // Conflict Resolution. — 1958. — N 2. — P. 90–105.

Slovic, P. The Perception of Risk / P. Slovic. — London ; Sterling : Earthscan, 2000. — 473 p.

Slovic, P. Facts versus Fear: Understanding Perceived Risk / P. Slovic, B. Fischhoff, S. Lichtenstein // Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — P. 463–492.

Smirnova, A. The Image of a State as an Instrument for Comprehending a Threat in International Relations (Iran's nuclear program used as an example) / A. Smirnova // *Social Sciences : A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences.* — 2009. — Vol. 40, N 2. — P. 79–90.

Smirnova, A. G. Representation as a Factor of Propensity for Cooperation in International Relations / A. G. Smirnova // *Psicología Política.* — 2006. — N 33. — P. 43–61.

Smith, E. R. Can Emotions be truly group level? Evidence regarding four conceptual criteria / E. R. Smith, C. R. Seger, D. M. Mackie // *Journal of Personality and Social Psychology.* — 2007. — Vol. 93, N 3. — P. 431–446.

Snyder, J. One World, Rival Theories / J. Snyder // *Foreign Policy.* — 2004. — November/December. — P. 53–62.

Social Amplification of Risk / ed. by N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 448 p.

Staub, E. Genocide, Mass Killing and Intractable Conflict: Roots, Evolution, Prevention, and Reconciliation / E. Staub, D. Bar-Tal // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D. O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — P. 410–754.

Stears, J. Gender and International Relations: an Introduction / J. Stears. — Cambridge : Polity Press, 1998. — 224 p.

Steel, C. M. Contending with Group Image: the Psychology of Stereotype and Social Identity Threat / C. M. Steel, S. J. Spencer, J. Aronson // *Advances in Experimental Social Psychology.* — 2002. — Vol. 34. — P. 379–440.

Stein, H. F. The Indispensable Enemy and American-Soviet Relations / H. F. Stein // *The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories* / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. — Lexington ; Toronto : Lexington Book, 1991. — P. 71–89.

Stein J. G. Calculation, Miscalculation, and Conventional Deterrence, II: the View from Jerusalem / J. G. Stein // *Psychology and Deterrence* / ed. by R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. — Baltimore, MD : The John Hopkins University Press, 1985. — P. 60–88.

Stein, J. G. The Misperception of Threat / J. G. Stein // *International Conflict and Conflict Management: Readings in World Politics* / ed. by

R. O. Matthews, A.G. Rubinoff, J.G. Stein. — Scarborough : Prentice-Hall of Canada, 1989. — P. 30–44.

Stein, J. G. Threat Perception in International Relations / J. G. Stein // The Oxford Handbook of Political Psychology: 2nd ed. / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — P. 364–394.

Suchman, M. C. Military Procurement as Rational Myth: Notes on the Social Construction of Weapons Proliferation / M. C. Suchman, D. P. Eyre // *Sociological Forum*. — 1992. — Vol. 7, № 1. — P. 137–161.

Suedfeld, P. Assessing Integrative Complexity at Distance: Archival Analyses of Thinking and Decision-Making / P. Suedfeld, K. Guttieri, P. Tetlock // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. by J. Post. — Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2005. — P. 246–270.

Sullivan, D. An Existential Function of Enemyship / D. Sullivan, M. J. Landau, Z. K. Rothschild // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2010. — Vol. 98, N 3. — P. 434–449.

Swift, A. For First Time, Americans' Views of Russia Turn Negative. Despite approval of Russian plan for Syria, Americans sour on Putin. September 18, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/164438/first-time-americans-views-russia-turn-negative.aspx>

Tannenwald, N. The Nuclear Taboo. The United States and the Non-Use of Nuclear Weapons Since 1945 / N. Tannenwald. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 472 p.

Tannenwald, N. The Nuclear Taboo: the United States and Normative Basis of Nuclear Non-Use / N. Tannenwald // *International Organization*. — 1999. — Vol. 53, N 3. — P. 433–468.

Tanter, R. Rogue Regimes: Terrorism and Proliferation / R. Tanter. — New York : St. Martin's Griffin, 1999. — 338 p.

Taylor, S. E. The Inference of Cognitive and Social Psychology / S. E. Taylor // *Cognition, Social Behavior and the Environment* / ed. by J. Harvey. — Hillsdale (NJ) : Lawrence Erlbaum, 1981. — P. 189–211.

Tetlock, P. E. Expert Political Judgment: How good is it? How can we know? / P. E. Tetlock. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2005. — 321 p.

The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P. J. Katzenstein. — New York : Columbia University Press, 1996. — 562 p.

The Expansion of International Society / ed. by H. Bull, A. Watson. — Oxford : Oxford University Press, 1984. — 479 p.

The National Security Strategy of the United States of America. September, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://merln.ndu.edu/whitepapers/USnss2002.pdf>

The National Security Strategy of the United States of America. March, 2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>

The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by L. Brown. Vol. 1: A–M. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 3840 p.

The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / ed. by L. Brown. Vol. 2: N–Z. — Oxford : Clarendon Press, 1993. — 3801 p.

The Oxford Handbook of Political Psychology / ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — 986 p.

The Power of Persuasion: Dual Components of US Leadership. The Conversation with J. Nye // Harvard International Review. — 2003. — Vol. 24, N 4. — P. 46–48.

Trenin, D. Russia and Global Security Norms / D. Trenin // The Washington Quarterly. — 2004. — Vol. 27, N 2. — P. 63–77.

U.S.-Russia relations hit new low [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://today.yougov.com/news/2014/03/21/us-russia-relations/>

Vellani, K. H. Strategic Security Management / K. H. Vellani. — Burlington : Butterworth-Heinemann, 2006. — 416 p.

Vertzberger, Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision Making / Y. Vertzberger. — Stanford : Stanford University Press, 1990. — 447 p.

Volkan, V. An Overview of Psychological Concepts / V. Volkan // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. 1: Concepts and Theories / ed. by V. D. Volkan, D. A. Julius, J. V. Montville. — Lexington ; Toronto : Lexington Book, 1991. — P. 31–46.

Vonofarou, Ch. The Impact of Direct and Extended Cross-Group Friendship on Improving Intergroup Relations / Ch. Vonofarou [et al.] //

Improving Intergroup Relations: Building on the Legacy of Thomas F. Pettigrew / ed. by U. Wagner [et al.]. — Malden ; Oxford ; Carlton ; Victoria : Blackwell Publishing, 2008. — P. 107–124.

Walker, S. G. The Evolution of Operational Code Analysis / S. G. Walker // Political Psychology. — 1990. — Vol. 11, N 2. — P. 403–418.

Walker, S. G. Profiling Operational Codes of Political Leaders / S. G. Walker, M. Schafer, M. D. Young // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. by J. Post. — Ann Arbor : The University of Michigan Press, 2005. — P. 215–245.

Walt, S. M. The Origins of Alliances / S. M. Walt. — Itaca (NY) ; London : Cornell University Press, 1994. — 321 p.

Waltz, K. Nuclear Stability in South Asia / K. Waltz // The Use of Force. Military Power and International Politics / ed. by R. J. Art, K. N. Waltz. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2004. — P. 382–393.

Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. — New York : Mass Addison-Wesley Pub. Co, 1979. — 250 p.

Weeks, J. L. Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict / J. L. Weeks // American Political Science Review. — 2012. — Vol. 106, N 2. — P. 326–347.

Wendt, A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt // International Organization. — 1992. — N 46. — P. 391–425.

Wendt, A. Collective Identity Formation and the International State / A. Wendt // American Political Science Review. — 1994. — N 88. — P. 384–396.

Wendt, A. Constructing international politics / A. Wendt // International Security. — 1995. — № 20. — P. 71–81.

Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — 429 p.

White, R. K. Empathizing with the Rulers of the USSR. Readings in Intercultural Relations / R. K. White // Culture, Communication and Conflict: Readings in Intercultural Relations / ed. by G. R. Weaver. — Needham Heights (MA) : Simon & Shuster Publishing, 1998. — P. 435–445.

Wight, C. Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology / C. Wight. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 340 p.

Wilson, I. (III) Rediscovering Containment: the Sources of American-Iranian Conduct / I. Wilson (III) // Journal of International Affairs. — 2007. — Vol. 60, Spring/Summer. — P. 95–112.

Winter, D. G. Power, Affiliation and War: Three Tests of a Motivational Model / D. G. Winter // Journal of Personality and Social Psychology. — 1993. — Vol. 65, N 3. — P. 532–545.

Wodak, R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak [et al.]. — Edinburg : Edinburg University Press, 1999. — 224 p.

Wohl, M. J. A. Group Threat, Collective Angst, and Ingroup Forgiveness for War in Iraq / M. J. A. Wohl, N. R. Branscomb // Political Psychology. — 2009. — Vol. 30, N 2. — P. 193–217.

Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War / W. C. Wohlforth // World Politics. — 2009. — Vol. 61, N 1. — P. 28–57.

Yeliv, S. A. Explaining Foreign Policy: US Decision-Making and the Persian Gulf War / S. A. Yeliv. — Baltimor ; London : The John Hopkins University Press, 2004. — 288 p.

Zakaria, F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role / F. Zakaria. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1998. — 216 p.

Zerubavel, E. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past / E. Zerubavel // Qualitative Sociology. — 1996. — Vol. 19, N 3. — P. 287–289.

Zerubavel, E. Social Mindsapes: an Introduction to Cognitive Sociology / E. Zerubavel. — Cambridge ; London : Harvard University Press, 1999. — 164 p.

Ziller, R. Self-other Orientations and Political Behaviour / R. Ziller [et al.] // A Psychological Examination of Political Leaders/ ed. by M. Hermann, T. Milburn. — New York : Free Press, 1977. — P. 176–204.

Научное издание

Смирнова Анна Геннадьевна

**МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ ВНЕШНЕЙ УГРОЗЫ
В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

Редактор, корректор Л. Н. Селиванова
Верстка М. В. Бакаева

Подписано в печать 25.01.2016. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 26,25. Уч. изд. л. 22,5.
Тираж 500 экз. Заказ №16013.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91
pechataet@bk.ru